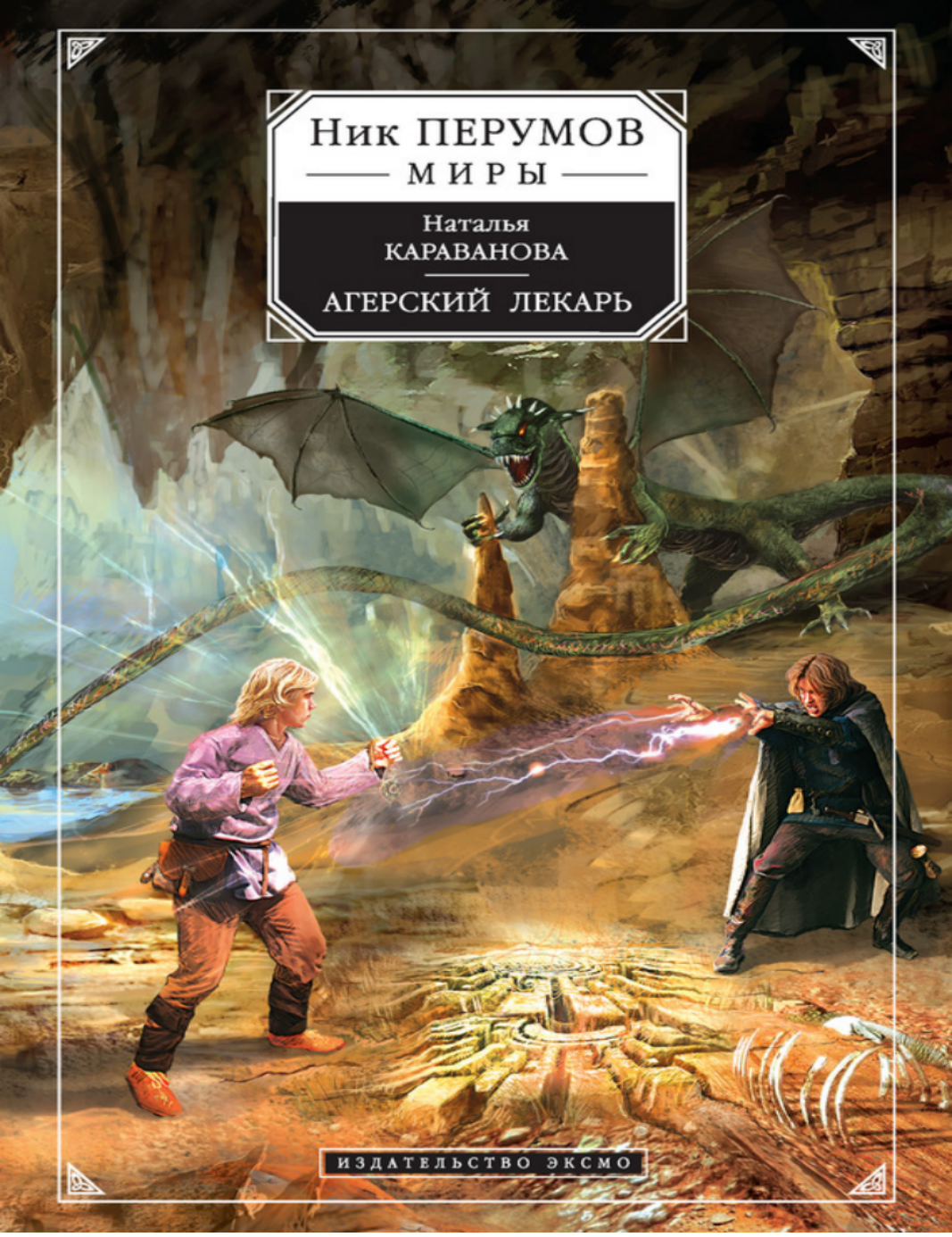

Ник ПЕРУМОВ
МИРЫ
Наталья
КАРАВАНОВА
АГЕРСКИЙ ЛЕКАРЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Много лет прошло со времен Великой войны. Храмы богов Хаоса разрушены, но рано принимать затишье за победу. Древняя сила дремлет, ожидая часа, когда на черный алтарь прольется кровь новых жертв. Неведомая болезнь угрожает городу, пал магический щит с древнего лабиринта в Моравских пещерах. Знак возвращения легендарного Князя Мертвецов? Нет. Грядущий враг стократ опаснее.

В чьих руках ключ к спасению тысяч жизней? Кому откроются тайны Хаоса? Красавице-иностранке Белале Вораш? Или же доктору Фергу, лекарю и путешественнику между мирами? Хаос вновь вступает в битву с силами Равновесия на страницах проекта «Ник Перумов. Миры».

- Наталья Караванова
  - ○
  - ○ Часть I
    - ■ Пролог
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9
    - ■ Глава 10
  - ○ Часть II
    - ■ Глава 11
    - ■ Глава 12
    - ■ Глава 13
    - ■ Глава 14
    - ■ Глава 15
    - ■ Глава 16
    - ■ Глава 17
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5

Наталья Караванова
Агерский лекарь

© Караванова Н., 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Часть I
Лабиринт

Пролог

Воздух наполняла ночная свежесть. Может быть, по ту сторону хребта ветер с моря сбивает в стада седые тучи и тащит их на безнадежный приступ, но здесь, по другую сторону, тихо и спокойно. Безмятежно.

Ладжус Чордаш улыбнулся, сравнив свой боевой отряд с теми гипотетическими тучами – тучи через перевалы не перейдут. А отборный отряд Чордаша еще засветло возьмет Боруш. Иначе быть не может.

– Лагерь не ставить, костры не зажигать!

Приказ побежал по колонне, стихая в отдалении. Ординарец по прозвищу Сыч облизнул губы.

Вероятно, парень хотел спросить об отдыхе или привале, но, помня о крутом нраве командира, не решился. И правильно сделал. Субординацию должно соблюдать. Особенно следует чтить того, кто каждый день, уединившись, говорит с твоими богами. Молитва, конечно, дело нехитрое. Но кто еще может похвастать тем, что получает ответ на молитву? Прямой и однозначный ответ. Таких людей и среди магов немного, а уж среди простых смертных – можно по пальцам пересчитать…

Мастер Чордаш не был простым смертным. Маги Муреша готовили его специально – и к тому, что он будет говорить с богами, и к тому, что он станет выполнять все их приказы.

– Давай, Сыч, Хагра ко мне. Быстро!

Ординарец сорвался с места, как будто сдунули. «Расторопный, исполнительный, – подумал о нем Чордаш. – Правда, любит совать нос, куда не следует». И неожиданно добавил: «А небольшой привал устроить все равно придется. Надо дождаться разведчиков».

Сухощавый темноглазый полуорк появился раньше, чем Ладжус начал нетерпеливо бить себя по бедру свернутым хлыстом. Хагр чуть прихрамывал. Седеющие волосы разведчика были собраны на затылке в жидкий хвост. Он раздражал мастера Чордаша манерой забывать о положенных по уставу обращениях и еще тем, что пренебрежительно относился к собственному внешнему виду. Черно-серый мурешский мундир не носил, всем другим одеждам предпочитая просторные шелковые рубашки цыганских цветов и узкие черные штаны из грубой кожи.

Но Хагр был лучшим разведчиком Муреша, и с этим приходилось считаться. Кроме того, он тоже владел магией. Не очень понятной орксой магией, наверняка темной и требующей каких-нибудь заунывных обрядов.

– Здесь я, сотник. – Хагр махнул рукой. – Чего хотел?

– Твои люди опаздывают.

– Нет. Мои люди точно знают, когда и что нужно делать. Или ты предпочитаешь, чтобы остались неснятые дозоры?

Чордаш поморщился. Его клыкастый собеседник был прав… но как же мастер не любил ждать! Полжизни проходит в ожидании.

– Ладно, где Сыч? Десятникам приказ – короткий привал. Но чтобы тихо! Без болтовни.

Полуорк осклабился, показав луне ровный ряд острых крепких зубов. До крепости Боруш оставалось меньше часового перехода. В июне ночи коротки. Нужно экономить темные часы, нужно, чтобы нападение было для защитников Боруша полной неожиданностью.

Сыч убежал передавать приказ. Бойцы ломали строй. Кто-то отошел к обочине оправиться. Кто-то нашел упавшее бревно – присесть, дать отдых ногам. Десятники не препятствовали. Переход был недолгий, их бойцы не успели устать всерьез.

Чордаш неторопливо зашагал вперед по дороге. Авангард провожал его заинтересованными взглядами – что еще прикажет? Дальше идти? Или уже все, отдых?

Дорога, по которой двигался отряд Чордаша, сильно заросла. До войны тракт был широким, наезженным, это сейчас по нему, может, раз в день прокатится крестьянская телега. А тогда, почти сорок лет назад, именно этой дорогой купцы везли товары в Ольвию и на Старый Гипанис, а может, и в самый Пантикапей.

Когда Ладжус Чордаш родился, об этой торговле уже почти никто не помнил. Старые горные заставы обветшали, и люд, живший в предгорьях, постепенно начал перебираться поближе к крупным городам. Отряду по пути встретилось несколько опустевших поселков. Казалось бы, вот они, свободные земли, так необходимые маленькому горному княжеству! Только бери! Так, да не так. Здесь скалистая земля, которую трудно возделывать, и хотя в горах много маленьких речек и ручьев, доставить эту воду к полям было бы слишком тяжело. Но самая главная проблема – это люди. Те самые, которые будут пахать, сеять, собирать урожай и доставлять его в горную часть будущего Мурешского государства. А в долине Тисы земли намного богаче. И крестьян полно.

Наконец впереди в облачке пыли показались всадники. Трое. Значит, часть разведчиков осталась у крепости. Откуда ни возьмись, рядом появился Хагр. Кивнул своим.

Разведчики спешились, передали лошадей подбежавшему Сычу. Парень повел их к телеге.

– Ну что? Докладывайте!

Чордашу не терпелось узнать результаты разведки.

– Моргаш и Сухмет в крепости, – отрапортовал старший из разведчиков. – Все прошло, как и задумывали. Дозоров на стенах они не держат, только в башнях по два человека да арбалетчик над воротами. Кстати, войти в замок можно тремя разными способами. Есть еще подземный ход к ручью и калитка возле треугольной башни. Могу показать на плане. А ворота они на ночь не запирают. Так, прикроют только, и все. Разленились совсем от мирной жизни!

– Что разленились, это нам на руку. Отряд, в строй! Сыч, где тебя носит?

– Мы там лощинку удобную нашли. От крепости ее не видно. Можно оставить лошадей и обоз.

Чордаш его уже не слушал. Дело! Наконец-то впереди было настоящее дело, а не бесконечное позиционное разжевывание одного и того же: «Еще не время, Ладжус! Потерпи, будет тебе битва!» Чордаш улыбнулся – его улыбка защитникам крепости не предвещала ничего хорошего.

* * *

Крепость Боруш появилась силуэтом темнее ночного неба. Глубокой ночью не горел ни один факел, не мерцала ни одна свеча. Казалось, крепость давно пуста. Чордаш движением руки отдал команду десятникам вести людей к замку.

Лощина, в верхней части которой и расположился Боруш, сплошь поросла лесом, и подобраться чуть не к самым стенам отряду не составило труда. Теперь его «армия» разделится. Самый маленький отряд опытных бойцов и магов проникнет в крепость подземным ходом. Моргаш и Сухмет по сигналу Хагра отворят главные ворота, и через них войдут остальные бойцы.

По данным разведки, гарнизон в Боруше небольшой, основу его составляют отпрыски крестьян и ремесленников, возжелавшие легких денег и поддавшиеся на посулы вербовщиков. Чордаш не сомневался, что в крепости им жилось совсем не плохо. И досадовал, что по-настоящему честной битвы, скорей всего, не будет…

Три раза проухал филин – сигнал полуорка. Значит, все готово. Мастер Чордаш, проговорив в уме несложную формулу огненного заклятия, быстрым шагом направился к воротам. Он войдет в крепость одним из первых. И он получит свою битву. Даже если битва эта будет короткой!

Что-то с металлическим лязгом упало – шум далеко разнесся по лощине. В крепости наверняка начали просыпаться люди. На ближней, Привратной, башне вспыхнули сразу два факела, кто-то закричал коротко и бессвязно. Распахнулись настежь мощные дубовые ворота.

– Ну, именем Заточенных… – прошептал Чордаш. Путь был свободен.

Внутри крепости захрипел рог, призывая солдат к бою. Отлично! Значит, не придется резать их спящими… Ну же, где ты, враг? Где ты?!

Похоже, для этого боя не требовалось вести с собой шесть десятков бойцов. Да и маги не нужны были. Хватило бы разведчиков. Про Хагра рассказывали, что он в прошлую войну творил чудеса на территории противника. Сильный, опасный боец.

Уже со стен отрапортовали – три из четырех башен взяты. Осталась одна, Круглая. Самое старое строение в крепости – когда-то именно она и называлась замком Боруш. «Боруш» значит морщина, складка. Лет сто назад к ней пристроили стену и еще две башни – треугольную и Привратную.

Чордаш отмел ненужные сейчас сведения. Да, перед тем как идти сюда, он основательно изучил историю этих земель. Его люди путешествовали по долине Тисы все прошлое лето и часть осени. Исходя из их данных, захват и планировался. И пока что выводы разведчиков оказались точными…

Круглая башня выше остальных, ее стены толще. И войти в нее со двора невозможно, только подземным ходом из замка. На башне засели арбалетчики. Им даже удалось убить одного и ранить двоих людей Чордаша. Оставлять это безнаказанным маг не собирался, но, чтобы добраться до верхней боевой площадки, нужно войти в жилой корпус замка.

У парадных ворот они впервые встретили противника.

Солдаты Боруша выглядели растерянными. Вероятно, они все еще не верили, что на крепость кто-то решился напасть.

– Дорогу, – улыбнулся Чордаш. – И тогда, может быть, я не стану вас убивать.

И добавил про себя: «Сразу. Сразу убивать не стану. А что будет потом – посмотрим».

А вот и офицер. Прикрикнул на своих. Это хорошо. Это правильно.

И тут в шею стоящего рядом мечника впилась длинная, вовсе не арбалетная стрела. Воин осел, хрипя. Но его тело еще не успело коснуться земли, а воины Чордаша уже рванули вперед – с криком «Мурешl» и «Ладар!» убивать врага и прорываться в

замок.

Чордаш шел одним из первых. В первую же минуту ему удалось скрестить меч с защитником Боруша. Солдатик был юн и совсем неопытен. Ладжус прикончил его играючи.

Обернулся – его бойцы уже поднимались по широкой лестнице в парадный зал. Шли, прикрывшись легкими щитами, потому что на верхней ступеньке успел выстроиться ряд арбалетчиков. Щиты эти до начала атаки ехали в телеге. Поначалу солдаты их и вовсе не хотели брать – больше верили в силу магии, чем в защиту хорошо подогнанных и обитых железом, но притом все-таки слишком тяжелых досок.

…арбалеты у солдат Боруша, конечно, дрянь, изделия времен Великой войны. Но от одновременного залпа мало воинам Муреша не покажется. И Чордаш ударил первым. Ударил через головы своих бойцов, простым и мощным, как все элементарное, заклятием огня. Взметнулся его короткий черный жезл, направляя огненный поток, вспыхнули, как осенние листья в костре, одежды стрелков.

Стройного залпа у них не получилось. Часть стрел ушла в потолок, часть – в стены. Лишь два болта достигли цели. Большинство же просто не успело выстрелить.

– Вперед! За Муреш!

Бойцы словно ждали этого крика. Выжившие арбалетчики освободили дорогу мечникам. Похоже, не весь разум просидел по кабакам здешний князек. Но слишком поздно спохватился! Крепость ему не удержать.

А Хагр уже получил приказ бдительно следить, чтобы из замка никто не ушел живым. Не нужно соседям знать, что здесь случилось этой ночью. Пусть еще какое-то время поживут в неведении.

– Нашли ворота в башню, – доложил один из десятников.

Чордаш не помнил его имени и порадовался, что новые мундиры без труда позволяют распознать ранг собеседника и не ошибиться с обращением.

– И?

– Забаррикадирована изнутри. Наш колдун спрашивает: жечь или, может, вы сами захотите?

– Сам!

Бой продолжался. Звенели, встречаясь, мечи, тренькали тетивы арбалетов. Кричали, подбадривая себя, воины. Но это были последние минуты боя, самый его финал, когда надежда уже покинула одних, а боевой азарт других только распалился в предвкушении скорой победы.

Идти оказалось недалеко. К башне вел низкий сводчатый

коридор, заканчивающийся еще более низкой дверью. В таком маленьком помещении игры с огнем были бы опасны. Ладжус поступил иначе. Послал на свой широкий, работы трансильванских гномов, клинок мгновенное заклятие силы и в два удара попросту разрубил прочную дубовую дверь. Только щепы в стороны! Кто-то из мечников у него за спиной даже присвистнул. Но проход с той стороны оказался заложен туго набитыми чем-то мешками. Ладжус ткнул в один из них острием клинка – на пол потекло золотистое зерно.

Что ж, легче всего будет поджечь эти мешки и выкурить засевших на Круглой башне лучников, как лису из норы. Он даже собрался это сделать, как вдруг услышал из-за спины насмешливый голос полуорка:

– Остынь, командир! Зерно нам еще пригодится. Тем более тут немного.

Зерно действительно пригодится. Совет магов в этом году решил увеличить армию. А новых солдат нужно кормить уже сейчас, а не через год, когда новые земли наконец начнут приносить прибыль.

Чордаш поморщился, но все-таки приказал своим людям оттащить с дороги мешки. Их действительно оказалось всего семь.

Видимо, возня с мешками все-таки привлекла внимание защитников башни, потому что первый же мечник, поднявшийся на полпролета по винтовой лестнице, получил стрелу в глаз. Стрела опять не была арбалетной, и древко ее слабо мерцало синим.

– Маг, – прошептал Чордаш. – Отлично! Без команды за мной не соваться, контролировать вход!

Чордаш ударил пепельным ветром. Это не смертельное, но очень неприятное боевое заклинание, которое под руководством Заточенных он создал сам. Черный пепел, подстегнутый обжигающим потоком, по мановению его жезла полетел по узкому витому коридору вверх, навстречу незнакомому магу. Пепел залепит ему глаза, пусть на какие-то секунды, но отложит следующий выстрел.

Он не стал мешкать. Пролет, другой… мага нет. Зато сидит на ступеньках, трет обожженные глаза подросток в дорогих, специально под его рост сделанных латах.

С кончика жезла слетает маленькая синяя молния – и подросток, вздрогнув, роняет голову на грудь. Из-под лат поднимается тонкий дымок вместе с запахом паленой ткани.

Чордаш не смотрит, он бежит дальше по ступеням. Вперед, вперед, пока маг не передумал. Пока он не остановился, чтобы

встретить врага лицом к лицу здесь, на узкой лестнице.

Почему-то ему хотелось, чтобы последняя битва со здешним магом состоялась наверху, на открытой луне и звездам площадке. Заточенные боги чтят суд Луны. Ночь – это их время.

Три витка крутых ступенек. Крупные звезды прямо над головой… И покачивался на их фоне кусочек плаща мага. И виден, хорошо был виден силуэт…

Чордаш отпрянул – его противник мог пользоваться магическим зрением.

Прикрыться щитом от огня – огненные заклятия проще творить, значит, если у здешнего колдуна кончились стрелы, первый удар будет именно огненный.

А вот от заговоренных стрел магический щит не поможет.

И вновь Чордаш ударил первым.

Ударил именно огнем, зная, что не промахнется.

Но враг тоже знаком с арифметикой и тоже прикрыт, и тут же грянул его ответный удар. Волна жара, сродни драконьему дыханию, прокатилась по коридору. Если бы не щит, плохо бы пришлось Ладжусу Чордашу… Но обошлось. Только ресницы опалило, да чуть онемела рука, держащая жезл.

Следом заговоренная стрела высекла искры из стены неподалеку – все-таки не видел его противник! Значит, хватит обмениваться комплиментами, пора вступить в нормальный поединок.

Чордаш, не высовываясь из-за угла, вновь ударил пламенем и, не мешкая, выскочил на площадку. Вот она, пустая, открытая всем ветрам. Только зубцы по краям стеной.

Мага он увидел сразу. Опять мальчишка! Даже младше убитого. В руке – лук. Стрелы у него кончились. Ни жезла, ни посоха нет… ученик или подмастерье какого-нибудь местного чародея. «Так вот каков ты, мой сегодняшний враг. Слишком незначителен, слишком испуган…

Я не буду тебя убивать. Пока не буду. Боги решат твою судьбу, юный маг. А князь Ладар выполнит их решение».

Чордаш ударил обездвиживающим заклинанием. Мальчишка ловко уклонился от него и даже попытался парировать… но что он мог против опытного боевого мага, прошедшего три круга посвящения, выученика одного из сильнейших мастеров тьмы в Трансильвании?

Незримые путы – заклинание высокого уровня. Чтобы его распознать, нужен опыт посерьезней, чем у деревенского мальчишки. Будь он хоть пять раз благородных дворянских кровей.

Юный маг мгновенно почувствовал действие заклинания.

Почувствовал, но сделать уже ничего не мог.

Глава 1

Дождь как начался с обеда, так и не собирался прекращаться. Бернат даже запрягать не стал – если погода будет, то с утра съездит на мельницу. По такой слякоти ждать, что с Агера приедет кто-то за солью, не приходилось. Деревенскую дорогу развезло, у дверей запертой домины Заточенных богов собралась огромная грязная лужа. Небо повисло над Салеком низкое и тяжелое.

Жена затеяла мясной пирог к ужину и все неодобрительно посматривала на Берната. Вроде мужик у нее баклуши бьет. Бернат почесал бороду: дел было много, но все необязательные, несрочные. Например, поправить гнутые гвозди или заточить ножи. Про ножи Ката за завтраком напоминала, но Бернат ушел косить. Утром ничто не предвещало ухудшения погоды. Теперь скошенная трава мокла ровно так, как мокло все вокруг…

На улице вроде бы заржала лошадь. Потом кто-то мощно ударил в ворота – откройте, хозяева! Гости к вам незваные! Ката нахмурилась еще больше, но промолчала. Женщина она была спокойная и неразговорчивая. Зато уж если скажет, то как отрежет.

Бернат отложил гвозди и молоток и пошел отпирать стальной засов. Эти кованые засовы он поставил прошлой осенью, когда по Салеку пронесся слух о пришлых, что по чуланам и сараям воруют инструмент. Вора, правда, потом поймали, он оказался местным дурачком и украденное не продавал, а прятал в лесу – запасал на плохой год. Бернат даже припомнил день, когда его поймали. Сидел, бедный, мокрый от дождя, и все повторял: «Придет плохой год, люди звереть будут, умрем все. Придет плохой год…»

Дурачка было не жалко, но пожалели матушку его. Уж она мужиков благодарила… А спрашивается, за что? Бестолковый же человек, ни к какой работе не приученный.

Бернат потянул воротину и обнаружил на деревенской улице черную дорожную карету, запряженную парой лошадей.

Извозчик подул теплом в красные ладони, спросил:

– Хозяин, не пустишь ли седока моего на ночь? Ступица вон треснула, боюсь, до города не доедем, поломаемся…

Одно из передних колес действительно сидело на оси неровно.

– А что за седок-то? За постой-то заплатит?

Извозчик отворил дверцу, окликнул:

– Эй, сударь! Не спите ли?

– Что случилось?

– Дык все, сударь. Поломалась карета, дальше везти не могу. Вот хозяин здешний на постой предлагает… Будет у вас чем заплатить?

– Заплатить-то будет чем. Далеко ли до города? Смогу сам добраться?

– Да мили четыре, не больше. Сможете, но не по такой дороге. Вон как развезло. Да и стемнеет скоро. Я за вами завтра с утра приеду. Вы уж не серчайте, но куда мы без колеса…

Извозчик замялся. Понятное дело – если его седок торопится, деньги придется вернуть.

– Значит, завтра. Ну что же. Я не спешу.

Из кареты вышел высокий, плотно закутанный в серый дорожный плащ человек. Лицо его скрывала шляпа с широкими обвислыми полями, в каких обычно ходит рабочий люд. Вещей у него, можно сказать, не было. Одна небольшая кожаная сумка.

Извозчик вынул из-под сиденья ящичек с инструментом и принялся колдовать над пострадавшим колесом.

Бернат поежился – холодный дождь забрался ему за ворот.

– Следуйте за мной, сударь. Здесь недалеко.

«Сударь» не выглядел богатеем, так что границы его платежеспособности следовало узнать как можно раньше. Может, он и не из тех приличных людей, которых стоит пускать в дом? Может, его устроит ночь на сеновале, над стойлами?

Гость окинул дом внимательным взглядом, и Бернат представил, каким его жилье должно казаться проезжему человеку. А что? Хороший, добротный дом, беленые стены. Пусть крыша покрыта не черепицей, а соломой, зато подновляли ее лишь в прошлом году.

И на дворе чисто. Трава окошена, забор аккуратный, только этой весной поправил. Зимние сугробы старый заборчик совсем на грядки уложили, так Ката, еще весенние ручьи не просохли, начала увещевать: поправь, муж! Люди засмеют.

Под навесом-гатаром будущий постоялец снял успевшую вымокнуть шляпу и плащ.

– Вот здесь одежду оставьте, сударь, Ката потом просушит и почистит.

У входа в дом были устроены крючки для верхней одежды и стойки для рабочего инструмента и сумок.

Бернат отворил дверь, впуская гостя внутрь.

Ката в мучном облаке обернулась к ним, поправила прядку. Бернат точно знал, что цепкий глаз супруги не упустит ни одной детали и точно определит, какую цену взять за ночлег.

Сапоги гость тоже снял у входа. Огляделся, поставил на лавку

у двери саквояж. Чуть поклонился хозяйке:

– Благодарю за приют, добрые люди. Меня зовут Ферг. Я лекарь.

Хозяева переглянулись, но ничего не сказали.

Шляпа гостя скрывала темные, до плеч, волосы, уже чуть тронутые сединой. Подбородок и щеки покрывала короткая борода, которую, пожалуй, еще пару дней назад можно было бы назвать щетиной. Лекарь смотрел внимательно и цепко, словно хотел надолго запомнить все увиденное.

– Идемте, сударь. Покажу, где будете спать. Сейчас принесу воды умыться с дороги. А там и ужинать сядем. Ката пирог поставила…

Лекарь кивнул, вновь подхватил сумку, прошел за Бернатом в дальнюю комнату. Бернат посмотрел, как тот устраивается на новом месте. Шагнул к окну, посмотрел на мокрый окошенный холм. Вынул из сумки свежую льняную рубаху и полотенце.

– Вам поесть-то в комнату подать или с нами отужинаете?

Гость легко улыбнулся:

– Я предпочел бы ужинать в компании. Если вы, конечно, не против.

Бернат уверил его, что будет рад оказанной чести, и поспешил за медным тазом и кувшином с водой.

Ката поймала мужа за рукав:

– Бернат, он лекарь.

– Я понял.

– Ты денег-то не бери… ты поговори с ним…

Бернат только усмехнулся. Жена думала ровно так, как думал он сам. Был у Каты племянник, хороший мальчуган, добрый. Да только, как тут говорят, поцеловал его Князь Мертвецов…

И можно было бы заранее гроб сколачивать, если бы не одно обстоятельство. Каждому в окрестностях столицы известно, что Лига лекарей и целителей Агера давно с этой напастью справилась. Ходили слухи, что есть даже особые обереги, что не дают душе раньше времени покинуть тело, возвращают и память, и здоровье. Если, правда, успеть с лечением…

Тэдора, сестра Каты, два дня проплакала, на третий послала мужика своего в город, но тот еще не вернулся. Может, агерские лекари и не захотели его слушать, а может, не смог он им сколько нужно заплатить. Семья-то небогатая…

Ката поставила в печь разогреваться тушенного с яблоками и тыквой зайца. Тыква была прошлогодняя, но в погребе прекрасно сохранилась. Там ждали своего часа еще три или четыре такие же. Кстати, о погребе… Ради такого дела можно и вина кувшин нацедить…

Когда собрались к столу, на улице стало совсем темно. В первую очередь из-за туч, которые нависли еще ниже и, казалось, брюхом уже задевали верхушки дальних сосен.

– Этой дорогой в наше время мало ездят, – начал осторожные расспросы хозяин. – Неужто заблудились?

– Ну что вы! Я хорошо знаю окрестности Агера. Дорога эта хоть и не самая наезженная, зато телег мало и экипажей. Не люблю глотать пыль. Впрочем, на тракте, возможно, или колесо не сломалось бы, или извозчик нашел бы кузницу по пути. Дождь нас сильно подвел.

– Да и не только вас… Издалека к нам?

– Издалека. Сейчас – от Буды, до того – из самой Лютеции… давно меня в этих местах не было.

Хозяин с уважением покивал.

– Сколько же вы это уже в пути? Чудные места, наверное, видели.

– Долго. И места видел разные. Удивительные места. А что же здесь, в Агере? Все такая же спокойная жизнь?

– Ну, у нас новостей мало. Разве проезжие чего расскажут, или кто из наших на рынок съездит. А давно никого не было…

– Неужели совсем никаких новостей?

Ката чуть поджала губы, надеясь, что муж не упустит момента, скажет про мальчика. Но Бернат молчал, и она тогда не выдержала:

– Есть, есть новость, сударь. Но никто не назовет ее приятной…

– Ну что ты, жена… не отужинали еще… а от этих разговоров аппетит у кого угодно пропадет!

Гость нахмурился:

– Не волнуйтесь, мой аппетит останется со мной при любых обстоятельствах. К тому же, Бернат, ваша супруга превосходно готовит.

– Да, это она умеет…

– Так что случилось?

Ката виновато вздохнула и ответила:

– А то, что Князь Мертвецов снова вернулся.

Лекарь чуть приподнял брови:

– Да ну?

Кажется, тема перестала его интересовать, потому что все внимание он вновь уделил заячьей ножке.

– Так и я бы не поверила, сударь, кабы своими глазами не видела. Судите сами. Есть у меня сестра. Они с мужем держат солеварню тут, у самой Горки. Ну и скотина у них, понятно. Два ослика, козы. Вот этих коз на лужок водит ее сын, мой

племянник. Раньше водил. Да далеко ходить-то не надо было. Вон он, холм, за окошечком. Так за ним частные владения заканчиваются. Вот там у них козы и паслись. Умные они животные, эти козы, зря на них молва наговаривает. Вот Тэдора как-то заходит в свой огород… а там коза с козленком топчутся, знай, значит, ботву объедают… сами, выходит, пришли домой-то, дорогу не перепутали. Она их в сарай. Сын вроде недоглядел. Ну и пошла за холм-то. А он там и лежит. Ни живой, ни мертвый. Только в небо смотрит. А глаза пустые… Сначала еще бормотал что-то. А потом все… только вроде кашляет… Мы сначала думали, может, его ударил кто. Да я сама смотрела – нет ни синяков, ни ссадин. По всему и выходит, что Князь это. Князь Мертвецов. Вы сударь… – она чуть замялась, – как отужинаете, может, взглянете на мальчика? Мы с вас и денег за постой не возьмем, а то и сами доплатим, сколько скажете.

– Щедрое предложение. Я обязательно посмотрю на вашего племянника, хозяюшка. Давно ли с ним это случилось?

– Да вот уж четвертый день пошел. Муж-то Тэдорин в город поехал, за лекарем. А вот как получилось. Судьба-то к нам вас сама привела.

Лекарь кивнул. Отставил опустевшую тарелку. Сходил за своей кожаной сумкой:

– Идемте!

Идти было недалеко. Сестрица Каты жила через двор.

Высокая худощавая женщина в годах, на вид постарше жены Берната, гостям удивилась, но расспрашивать не стала – горе притупляет любое любопытство.

– Я лекарь, меня зовут Ферг. Разрешите осмотреть мальчика?

– Конечно!

Женщина сцепила руки и поспешила показать дорогу, освещая путь масляной лампой.

– Вот, сударь, это здесь.

Мальчика, на вид лет четырнадцати, скорее, следовало называть юношей. Он лежал, укрытый одеялом, которое не морщила ни единая складка. Взгляд его был устремлен в потолок.

Лекарь, поморщившись, достал из кармана какую-то магическую вещь, на конце которой через мгновение вспыхнул яркий желтоватый луч. Лучом лекарь поводил по лицу больного. Ресницы сомкнулись, чуть приподнялась верхняя губа: свет ему не понравился.

– Стихийная деменция магической природы, – непонятно сказал лекарь. – Только этого не хватало.

Затем он достал из дорожной сумки еще один предмет – гладко отшлифованный деревянный шарик. Вложил его в руку

юноши. Правой своей рукой накрыл его пальцы вместе с шаром, кистью левой руки коснулся лба. Долго хмурился, прислушиваясь к чему-то. Затем покачал головой:

– Это не Князь. Внешне похоже, но природа магии другая. Амулет на нее не реагирует.

– Так, может, этот ваш амулет…

– Надежный. Я сам его делал. Да и использовать пришлось не так давно. Нет, тут другое. Нужно разобраться…

– Так что же?

– Завтра, как до города доберусь, пришлю сюда ученика и телегу. Придется вам недельку в городе пожить. Попробуем найти решение.

Назвавшийся Фергом вздохнул и добавил:

– Излечения не обещаю. Обещаю сделать все, что в наших силах.

Он погасил свой магический луч, и в комнате сразу стало полутемно.

«Боюсь, этот случай – не единственный», – пророчески подумал он.

Назад в дом Берната возвращались в молчании, но только закрылась дверь, хозяин спросил:

– Скажите, сударь, вы маг?

Ферг кивнул:

– Немного.

– Воевали, наверное?

– Было дело. Но я лекарь, а не солдат. Мне чаще приходится возвращать жизнь, чем…

– Понимаю. У нас сын в рекруты пошел. Содержание ему хорошее дали. Многие князя Бертока ругают, но, по мне, прав он, поддерживая армию. Без армии любая страна пропадет. Даже если время кажется спокойным и тихим.

– Сейчас разве спокойное время? – удивился Ферг.

– А как же! Разве вон вольные за Тисой меж собой воевать начнут. Но это не считается, это вроде не наши земли. Они все-таки моравские данники…

Лекарь усмехнулся в усы и не стал спорить с хозяином. Но новости про загорских князей запомнил. Раньше он не слыхивал, чтобы они решали разногласия силой.

Хозяйка послушала их немного, да и достала загодя подготовленный кувшинчик молодого белого вина.

Перед тем как лечь в постель, лекарь вынул из сумки бумагу и чернильный прибор и долго писал что-то при свете свечи. Бернат, засыпая, все еще видел косой луч на половице.

* * *

– Не так! Бела, демон твою душу!

Белала Вораш пожала плечами. Подняла со стола матово-белый камень, сообщила:

– Я быстрей взглядом в нем дырку просверлю, чем магией.

Жрец нахмурил тонкие брови:

– Бела, боги тебя не слышат! Повтори призыв.

– Да нету их тут, я не ощущаю. Вашу магию, Тольбе, чувствую. А больше нет никого.

Черные, с бежевыми вставками, ниспадающие одежды жреца колыхнулись, когда он протянул руку и, шепнув короткое слово призыва, коснулся камня. В центре матовой сферы, как раз под указательным пальцем, образовалось аккуратное отверстие.

Белала послушно повторила те же самые действия, и они опять не принесли результата. Она разозлилась, взяла камень в руку и заставила светиться изнутри. Без всякого призыва, одним усилием воли.

– Напрасно тратишь собственные силы, – вздохнул жрец. – Ладно, ступай. Я напишу мастеру Гархашу, может, он снисходительно отнесется к твоему нраву. Но я не завидую тому, кто займется твоим обучением.

Белала небрежно поклонилась и вышла. Вредный старик в последний месяц перед отъездом допекал ее больше обычного. Правда, результат их занятий по-прежнему оставлял желать лучшего. Дело не двигалось с мертвой точки, даже если Бела искренне и честно выполняла все требования Тольбе. Но жрец сдаваться не собирался. И в результате Бела досконально знала все три тайных обряда, все ключевые порядки на служении Великим Заточенным богам и даже Доктрину жертвы вольной и невольной, хотя и говорила много раз, что храму себя посвящать не собирается.

Особенно если открываются другие, куда более интересные перспективы.

Белала хотела стать, ни много ни мало, боевым магом. Трансильвании нужны сильные маги, и совет мастеров иногда набирает новых учеников. Правда, обычно это мальчики от десяти до двенадцати лет. Но бывали и уникальные случаи. Даже Тольбе признаёт, что у нее способности к магии сильно выше среднего.

Впрочем, даже если и не удастся, в столице у нее наверняка будет больше возможностей для успешной карьеры, чем в родном захолустье. Что бы об этом ни думал отец.

До отъезда в столичный Сибу оставалась одна ночь. Вещи собраны, няньки уже проплакали глаза, заранее прощаясь с

непутевой воспитанницей. Даже приятели Лас и Гет успели вручить ей прощальный подарок. Белала тепло улыбнулась воспоминанию. Парни сами выковали специально для нее пару отличных метательных ножей с рукоятками в форме головы демона. Лезвия их были остро заточены. К ножам полагались кожаные ножны. Предполагалось, что один из ножей нужно носить пристегнутым к левому предплечью, а второй – к бедру. К ножнам даже были прикреплены специальные ремешки с пряжками. Бела, конечно же, сразу прицепила ножны куда следует и обнаружила, что они совершенно не мешают двигаться. Надо только одежду подобрать такую, чтобы и скрывала их, и не мешала быстро достать.

Хороший подарок. Куда лучше, чем отцовские. Бела даже удивилась его выбору. Серебряное колье с крупными красными камнями, зеркальце, какие обычно возят в багаже, веер. Кружевной, с пушистыми перьями и глазами черного опала.

Это были красивые вещи, может, и необходимые знатной даме для столичной жизни, но какие-то непонятно далекие и ненужные.

– Госпожа Вораш! Отец ждет вас в библиотеке! – издали окликнул слуга.

– Иду!

Библиотека в замке маленькая – всего три небольших стеллажа с книгами. Все они достались Белферану Ворашу в наследство от дяди, который и был первым хозяином имения, а также мебель, бóльшая часть здешней прислуги и даже Тольбе, жрец Заточенных богов. В замке был маленький домашний храм с жертвенником и молельней. По большим праздникам жертвенник омывала кровь специально выращенных куриц и гусей. По мнению Белалы, курицы и гуси страдали зря – весь мир знает, Заточенные уже тридцать лет как мертвы.

…Граф Вораш сидел за дубовым столом и перекладывал какие-то старые, уже желтые от времени бумаги. У него за плечом стоял высокий молодой человек в приметной военной одежде – долгополом сером доломане, украшенном шнурами и черными лентами. Короткий черный плащ его был накинут на одно плечо. Такую одежду с недавних пор стали носить конные воины и военные маги горного Муреша. Муреш – княжество маленькое, но оно считается главным союзником Трансильвании в военных делах, к тому же их маги самые могущественные по эту сторону Карпатских гор.

– Бела, познакомься. Этого молодого господина зовут Галат. Он только что прибыл из Сибу. Князь просит нас поторопиться, так что выезжаем на рассвете. Я надеюсь, ты готова?

Галат чуть поклонился. Бела подумала, что самой заметной его чертой является мундир. Стоит отвернуться, и ни лица не вспомнишь, ни даже цвета глаз.

– Магистрат и совет магов Трансильвании в особом порядке рассмотрели мое послание. Нас уже завтра примет сам князь Орель. И возможно…

– Не нужно торопить события, – предостерег офицер Галат. – Господин Вораш, ваши успехи на дипломатическом поприще были высоко оценены. Однако с вашей дочерью двор пока мало знаком.

– Я должна произвести впечатление, – улыбнулась Белала. – Я готова. Для этого ведь мы и собирались в Сибу?

Галат снова склонил голову, соглашаясь.

Белферан заметил:

– Возможно, не только для этого. Однако не будем торопить события, как правильно заметил господин капитан. Ступай. До рассвета осталось не так много времени.

Белала, вежливо попрощавшись с отцом и его гостем, покинула библиотеку. Но отправилась она не в ту маленькую комнатку, которая служила ей обычно и учебным кабинетом, и спальней. Она быстрым шагом пересекла двор и поднялась на донжон. В этот час замок казался маленьким и пустым. Даже заброшенным. И два чадящих факела у ворот лишь подчеркивали это впечатление. Сверху, с открытой всем ветрам наблюдательной площадки, факелы выглядели светлячками…

Над лесистыми склонами медленно таял закат. Небо вылиняло, и на белесом его фоне редкие облака казались перьями фламинго – такие же легкие и насыщенно-розовые.

А на западе небо уже наливалось синевой. И там, низко над горизонтом, висела стареющая луна. Огромная, словно нарисованная. На ее боку легко было различить линии, точки и пятна. Говорят, луна потворствует Заточенным богам. При ее свете боги сильнее.

Но Белала пришла сюда не для того, чтобы продолжить эксперименты с призыванием божественной помощи. Просто захотелось побыть одной, подальше от суеты, от взволнованной прислуги, от настойчивых наставников. К слову, их у Белалы было аж четверо. Правда, в последний месяц чаще всего Бела занималась именно с Тольбе. Так решил отец. Она спорить не стала: подумала, что это одно из условий ее будущей жизни в столице.

Под крышей о чем-то перед сном судачили голуби. В поле за замковой стеной одиноко горел костер.

Тихо, спокойно и безмятежно. Сейчас даже жалко уезжать –

как там еще сложится на новом месте?

Но поездку уже не отменить.

«В конце концов, мне не шестнадцать лет, и я не дебютантка, впервые едущая в столицу. Я уже была в княжеском дворце Сибу. Я даже помню покои, в которых мы жили. И еще я представлена самым знатным домам Трансильвании. Я еду не просительницей. Я возвращаюсь домой! Вот так!»

Четыре года назад Бела действительно впервые посетила столицу. Отец не скрывал тогда, что желает выдать дочь замуж. Он даже сговорился о ее свадьбе с юношей из знатной столичной семьи. Однако свадьбе этой не суждено было случиться. Жених погиб, Белалу срочно отправили в фамильный замок, а Белферан уехал в соседнюю Северную Паннонию, получив официальный чин посла Трансильвании при Паннонском дворе. Белала позже пыталась выспросить у отца обстоятельства ее неудачного замужества, но тот молчал, отговариваясь незнанием.

Возвращение домой ее расстроило, но не сильно. Столица успела надоесть, корсеты она терпеть не могла, и среди прелестных юных особ не обнаружилось ни одной, с которой бы она сошлась. А дома ждали привычные приятели – молочный брат Ласло и его друг Гет. Все детство они были неразлучны.

Даже теперь, когда у Ласа уже своя кузня и он всерьез занялся оружейным делом, а Гет не так давно привел в дом молодую жену, они остаются для Белы все теми же мальчишками-приятелями, с которыми вместе рыбачили и ночью забирались на старое кладбище – «кто первый пискнет». И к кому всегда можно обратиться за помощью. К ним сама первая побежишь на подмогу, «если вдруг что».

Может, больше ей не суждено будет с ними увидеться. Но память о приятелях она сохранит…

Небо окончательно погасло, загорелись яркие звезды. Все-таки нужно спуститься к себе и попробовать заснуть. Потому что в карете кроме них с отцом будет еще этот Галат. А дремать при нем Белале совершенно не хотелось.

* * *

Сибу – шумный город. Построенный почти двенадцать веков назад, он не раз бывал разрушен во времена войн и смут.

Князья Трансильванские перебрались сюда не так давно, примерно когда на главной городской площади – местные жители называют ее Старой – был сооружен великолепный храм Заточенных богов. Случилось это сто лет тому назад. Строили

храм, не жалея средств, специально пригласили мастеров и архитекторов из Лютеции, и равных ему не было. Именно в тот момент жреческий капитул перенес престол Заточенных в Сибу, а тогдашний князь провозгласил, что его дворец окнами будет выходить на ту же площадь, на которую взирают скульптуры Сибушского храма. Только обряды в храме Заточенных богов велись недолго. Многие и сейчас рассказывают о всадниках, что приходят с неба, и о кровавой битве, которая разыгралась в его стенах. Храм закрыли на многие годы. Но внешне он за минувший век почти не изменился…

Перед войной город разросся так, что поглотил несколько окрестных селений. Однако война все вернула на круги своя. Храм Заточенных больше десяти лет после окончания боев стоял пустым, и только недавно в нем снова начали свершаться обряды и таинства.

Лошади устало цокали по брусчатке, Бела сквозь маленькое окошко изучала дома и одежды горожан. Стоял хмурый полдень. До приема у князя оставалось всего несколько часов. За это время нужно было успеть отдохнуть, привести в порядок прическу и одежду. За свое платье, самое лучшее из трех, Белала почти не волновалась. Платье сшили весной, как только отец принял окончательное решение вернуть ее в столицу.

Белферан знал о желании дочери посвятить себя магическому искусству и не делал ничего, чтобы воспрепятствовать этому стремлению. О возможном браке речи он не заводил, и Бела решила, что вопрос этот будет поставлен позже, когда она пообвыкнет на новом месте и заведет самостоятельные знакомства.

Наконец добрались до большой гостиницы, претенциозной, почти в самом центре. Бела, правда, не успела рассмотреть лепнину на фасаде и даже название не прочла – карета, не останавливаясь, въехала в ворота. А дальше – словно пресловутый ритм столичной жизни подхватил Белалу и понес легко, но уверенно и неотвратимо.

Вот Бела примеряет платье. Темное, но не черное, с кружевным воротником, красиво подчеркивающим линию шеи. Корсет стягивает талию.

Вот подходит к зеркалу. В зеркале она не похожа на себя. Вроде то же лицо – высокие скулы, карие глаза, пушистые ресницы. Прямые брови. Но волосы собраны в высокую прическу, а поверх еще и украшены серебряным венчиком-диадемой с рубином. На шее у нее то самое привезенное отцом колье. Рубины в нем огранены точно так же, как тот, что встроен в диадему, лишь узор металла немного отличается.

Вот стучит в дверь гостиничная служанка – пора, госпожа, карета ждет! И отец выходит из отведенных ему апартаментов. Ради визита к князю он переоделся в дорогой костюм. Бархатный кафтан вишневого цвета с атласными лентами, черный короткий плащ до середины бедра, расшитый строгим серебром. Черные кюлоты. Белферан считает, что в его возрасте уже не стоит натягивать на себя одежды кричаще-ярких цветов. Такая мода свойственна Лютеции, но патриархальному мрачноватому Сибу куда более подходят благородные фиолетовые и вишневые оттенки. Отец много путешествует и всегда знает, в каких странах какую одежду предпочитают.

Вот они снова в карете, но ехать на этот раз недалеко. Гостиница одна из самых дорогих в городе, от нее до княжеского дворца всего квартал.

Слуга придерживает дверцу, и отец с дочерью поднимаются по широким ступеням…

Княжеский дворец в Сибу по праву можно считать самым красивым зданием города. Он, безусловно, уступает в размерах и убранстве знаменитому храму Заточенных и все же смотрится почти так же величественно. Стрельчатые окна, высокие башенки по углам, вход, украшенный порталами, и лестницы. Искусная резьба по камню.

Бела ожидала, что их проводят в парадную часть дворца, ту, в которой проходит большинство приемов и торжеств. Именно там живут придворные, именно там располагаются все галереи и особая гордость князя – фонтанный дворик…

Однако от главной лестницы слуга свернул направо. В ту часть здания, в которой Белале бывать не приходилось.

Поднялись по нескольким узким лестницам, миновали уютный каминный зал, в него, оказалось, можно заглянуть: маленькая «потайная» дверь была приоткрыта.

Слуга остановился у следующей двери, дернул красивый черный шнурок. Внутри явственно звякнул колокольчик. Дверь тут же отворилась, и на пороге их встретил смутно знакомый Беле дворянин средних лет. Одет он был строго и даже немного мрачно, словно и внешним видом подчеркивал: «Я здесь не просто так. Я работаю!»

Дворянин вежливо поклонился, пропуская гостей. Слуга притворил дверь.

Белала с любопытством оглядела хорошо освещенный коридор, в который выходили три двери. Одна, через которую они вошли, была маленькой, едва приметной. Две другие – высокие, красного дерева, украшены тонкой резьбой и позолотой. Дворянин проводил их к той, что слева.

– Кабинет князя Ореля. Прошу вас!

Князя Белала узнала сразу. Светловолосый, невысокий, кряжистый. Выглядел он несколько моложе, чем запомнился. Видимо, четыре года назад сорокалетний мужчина показался ей почти стариком. Бела поклонилась, стараясь, чтобы каждое движение строго соответствовало этикету.

Кабинет его светлости был уютным. И вместе с тем возникло чувство, что хозяин сюда заходит редко. А самый частый гость здесь – служанка с тряпочкой и метелочкой, что раз в неделю со всем старанием протирает и вычищает здесь все, от резного кресла до посуды в высоком шкафу.

– Проходите, графиня, граф. Прошу вас сюда, к окну. Вы, наверное, удивлены, что мы встречаемся вот так, почти тайно? Что ж. К несчастью, таковы обстоятельства. Граф, я надеюсь, вы ознакомились с содержанием моего вам предложения?

– Безусловно, ваша светлость.

– В таком случае мне остается добавить, что время вашего отъезда изменилось. Вы отправляетесь в путь завтра же. Графиня, как это ни печально… я был бы рад видеть вас на ближайшем приеме, и я уверен, вы бы пользовались там большим успехом. Но такой прием – лишь через два дня. К сожалению. В это время вы будете уже в пути.

Белала лишь поклонилась. Похоже, князь уверен, что отец ознакомил ее с содержанием письма. Однако Белферан, очевидно, предвидел, что она будет против…

То-то он пропускал мимо ушей вопросы, касавшиеся их планов в столице! Он просто знал, что в столице они пробудут недолго…

– Белала, я знаю, что вы не лишены магического дара. И еще я знаю, что вы, хоть и достигли двадцати лет, так и не прошли посвящения Заточенным богам. Там, куда вы отправляетесь, посвящение вам пригодится. Среди жителей Паннонии много тех, кто тайно продолжает чтить наших истинных богов. И это далеко не крестьяне.

Ага, – записала Бела в памяти, – Паннония. Вот куда мы едем! На запад. Страна невысоких гор, быстрых рек, пастухов и древних развалин…

Ах, если бы отец рассказал ей заранее, она бы успела расспросить людей и почитать книги. Может, знала бы сейчас больше.

– Я предлагаю вам пройти этот несложный обряд сегодня. Вам выпадает редкий шанс – попасть внутрь самого прекрасного из храмов современности! Выгляните в окно!

Казалось, храм Заточенных совсем рядом. Его тонкие шпили,

скульптуры, контрфорсы и аркбутаны…

Воздушный и одновременно – огромный. Мрачный и ажурно-легкий…

– Красиво.

– Я так понимаю, вы согласны. В таком случае, – князь сделал нетерпеливый жест, – следуйте за мной!

Изнутри храм выглядел едва ли не величественней, чем снаружи. Стройные колонны тянулись вверх, к каменным сводам, по ним скользили разноцветные блики – это солнечные лучи дробились и играли в витражных стеклах…

У входа в главный зал Белу поразили две симметричные фигуры взлетающих птиц. Девушка без колебаний определила – соколы! Вот только каменные глаза скульптур оказались закрыты искусно выполненными из золота повязками.

– Зачем это?

– Хотите, расскажу одну поучительную и печальную историю?

– Конечно.

– Мне нравится, как вы держитесь, Белала! Вы достойная дочь вашего отца. Он ведь не сказал вам о цели вашего визита во дворец?

– Не сказал. Благодарю, ваша светлость.

– Так о чем я? Ах да! Птицы. В конце прошлого века, во времена, когда Трансильвания достигла своего расцвета и купцы со всего света стремились сюда, чтобы выгодней продать свой товар, в те времена к моему предку, князю Сорину Первому, пришли адепты новой, неведомой религии. Они перебрались в Трансильванию из менее благополучных земель. А мой предок был ревностным почитателем Заточенных. Сейчас таких преданных последователей уже вряд ли найдешь… он, однако же, разрешил им основать общину здесь, в торговом Сибу. Люди эти рассказывали о силах Равновесия, которые якобы управляют миром. О своем боге… кажется, его звали Хедин… я точно не помню. Знаете, это одна из тех историй, которые я был вынужден учить в детстве. Конечно, она записана, и списки хранятся в дворцовой библиотеке. Я могу что-то забыть. Ну что же. Община прижилась. Люди это были богатые, многие из них позже вошли в городской совет… И вот решили они построить здесь храм. Этого своего бога. Их поддержали. Сибу тогда не был столицей, хотя успел разрастись до очень крупного торгового города, и здешние купцы, дворяне, градоначальники – все поддались этой идее. Кажется, потом уже поговаривали, что дело не обошлось без магии. Но этого нельзя сказать наверняка. Так или иначе, они выписали из Лютеции архитектора, наняли целую артель гномов – а это во все времена было недешево… и началась самая

грандиозная стройка, какую только видел Сибу. Строили храм лет двадцать. Это очень быстро для сооружения такой величины и красоты. И вот, когда дело почти завершили, по приглашению здешнего магистрата в Сибу приехал мой предок. К тому времени он был уже стар. Красота храма его поразила. Но куда больше – возмутила. Возмутила тем, что в честь какого-то малоизвестного божка возвели это величественное здание. Одним указом он повелел сделать Сибу столицей Трансильвании. Другим – распорядился на той же площади построить княжеский дворец. Для этой работы, кстати, наняли тех же гномов и того же архитектора. А на следующий день подписал третий приказ. По нему всех последователей нового бога или арестовали, или убили, а храм посвятили Заточенным… Только предок мой распорядился всем скульптурам, будь то люди, демоны или птицы, завязать глаза. Видите ли, ему казалось, что эти вот соколы на него смотрят…

– И в чем же мораль этой истории?

– Это не конец. Князь посвятил храм Заточенным богам. Он решил, что хватит скрывать свою преданность! Что теперь каждый житель страны может прийти сюда, чтобы им поклониться. Он пригласил жрецов. Он распорядился проводить древние обряды так, как их проводят в тайных общинах и теперь… Вы ведь догадались, о чем речь?

– Человеческие жертвы?

– Так и есть. Только праздник длился недолго. В одну из ночей случился страшный шторм. В храме в тот день шел обряд, но никто не стал его прерывать из-за какой-то там непогоды. Доподлинно неизвестно, что именно произошло в ту роковую ночь, но утром в храме обнаружили изувеченные тела почти всех жрецов. Очевидцы говорили, что их словно порубили мечами. Пол был красным от крови. Ни моего предка, ни старшего жреца тогда так и не нашли. А храм… Мой дед, сын князя Сорина, распорядился его закрыть. Он был мудрее своего отца. Мораль этой истории в том, что не нужно выставлять напоказ свои истинные цели. Это не принесло счастья ни тем, кто строил храм, ни тем, кто его потом… отнял. Вот мы и пришли.

В огромном светлом зале в пересечении лучей света стоял круглый камень-жертвенник. Возле него, в черных с легким бежевым узором одеждах, ждал высокий жрец. В руках его были лишь четки из черного камня.

Белала вдохнула глубже и сделала шаг вперед. Она успокоилась. У этого огромного прекрасного храма с их домашним святилищем имелась одна общая, но очень важная черта. В нем тоже не чувствовалось присутствия богов – храм был

пуст.

Белала точно знала, что бывает иначе. В детстве ей пришлось посетить одну из молелен, посвященных Всеблагому Спасителю. В том храме Присутствие ощущалось в полной мере. Нельзя сказать, что бог-спаситель ей понравился. В молельне было неуютно и многолюдно. Но само понимание, каким должен быть храм богов, она вынесла именно оттуда. В огромном Сибушском храме, кроме маленькой магии людей, ничего не ощущалось…

Обряд был ей знаком по рассказам Тольбе. Белала даже знала, в какой последовательности какие слова будет произносить жрец. Нечего бояться. И зря князь рассказывал ей свои истории. Наверное, хотел настроить на мистический, торжественный лад. А вышло иначе.

Жрец закончил обращение, потребовал, чтобы Белала протянула руку. Ритуальный обсидиановый нож чиркнул по ладони, оставив неглубокий след. Губы Белалы зашевелились, вторя заклинанию…

Жрец вынудил ее коснуться жертвенника так, чтобы на поверхности камня остался след ее крови. Затем кончиком своего пальца, испачканного в ее крови, чуть выше запястья левой руки начертал грубые линии великой Звезды. Восемь стрел, восемь сторон света… нечеткий след крови быстро исчез. Руку обожгло чужой магией. Бела вытерпела. Ей было интересно, что дальше. Даже в этом заклинании не ощущалось следа магии Заточенных богов. Только то, что вложил сам жрец…

Там, где руки касался палец жреца, тонкими линиями выступил четкий рисунок Звезды. Вот и все. Действительно, простой обряд. Непонятно только, почему Тольбе сам не провел его?..

Жрец отпустил руку Белалы, поклонился и молча покинул зал.

Бела оглянулась на своих спутников – здесь ли? Ждут ее?

Ждали.

Отец было протянул ей руку, но князь остановил его:

– Граф, мне нужно сказать несколько слов вашей дочери с глазу на глаз. Оставьте нас ненадолго!

Белферан с поклоном отошел на расстояние, которое наверняка не позволило бы ему подслушать разговор.

– Белала… есть одно дело, которое я могу поручить только магу, и только тому, кто прошел посвящение. Вы едете в Паннонию. У вас найдется достаточно времени в пути, чтобы поближе познакомиться с этой страной. Все бумаги есть у вашего отца. Сам он будет занят налаживанием дружеских отношений с паннонским князем… Это не просто, уверяю вас. Князь Берток

умен, подозрителен и не доверяет нам, хотя, боги видят, его недоверие не подкреплено ничем, кроме гнусных сплетен, домыслов и догадок. У вас же будет другая цель. Слышали ли вы когда-нибудь о Князе Мертвецов?

Белала нахмурилась. Когда-то она что-то такое слышала. Но, кажется, это была всего лишь сказка тех времен, когда ей еще рассказывали сказки на ночь.

– Кроме самого словосочетания, ничего не помню.

– Ну что ж… я расскажу. Лет тридцать назад правил Паннонией князь Эрно. Эрно Шорош. Говорят, он был сильным магом и очень недобрым человеком. Однажды он наградил собственный народ таким проклятием, что кое-где его последствия встречаются и сейчас. Никто не знает, что с ним случилось дальше, но, вероятно, он погиб, иначе хоть что-то да стало бы известно. Так вот. Мне нужно, чтобы вы собрали всю информацию об этом человеке. Все слухи, сплетни, легенды… все, что сможете найти. Можете считать это моим личным для вас поручением. Ах да. Если сумеете добраться до каких-нибудь его записей… мало ли, может, что-то сохранилось. Так вот, было бы неплохо заполучить сами эти бумаги или их магические копии. Однако рисковать не нужно. Если вы что-то узнаете, но добраться до бумаг окажется трудно, лучше сообщите мне письмом. Я найду человека, который выполнит всю сложную работу за вас. Будьте осторожны, Белала. Княжеский двор Паннонии Заточенных не чтит. Однако есть люди, которые вам, безусловно, помогут. Отец вас с ними обязательно познакомит. Надеюсь, все понятно?

– Да!

Белала в душе радовалась. Кажется, вопрос ее карьеры на магическом поприще почти решен! Главное – справиться с поставленной задачей. Ну и, конечно, дальнее путешествие, новые места, новые знакомые – это куда лучше, чем жизнь при блистательном и шумном, но все-таки однообразном сибушском княжеском дворе.

– В таком случае идемте! Ваш отец волнуется.

Белферан не волновался. Он очень внимательно изучал основание каменной тумбы, на которой застыл один из ослепленных соколов.

Глава 2

Сквозь открытое окно в палату залетали разные звуки. Едва различимые голоса прачек, развешивающих постиранное белье, скрежет точильного круга. Лай собак с соседней улицы. Еще в палату тугим потоком вливались солнечные лучи, и в них плясали пылинки. Имре с удовольствием бы вообще никогда не закрывал окна и не завешивал шторы, но открытые окна грозили сквозняками, а сквозняки – обострением болезней у некоторых пациентов госпиталя.

Мастер распорядился открывать окна по расписанию, так что Имре ловил свой законный момент отдыха и одновременно любовался пылинками, танцующими в лучах света.

В этой палате, правда, простуда вряд ли кому могла грозить. Она принадлежит хоспису, а значит, у тех, кто здесь находится, и так не было шансов выжить. Все они пациенты мастера Ферга, знаменитого основателя Агерской Лиги лекарей и целителей. В родном доме они уже отдали бы души своим богам.

Сам Имре числился учеником мастера ди Годера, и его мастер был одним из лучших хирургов города. Но, к сожалению, он терпеть не мог, когда его ученики бездельничают, так что бóльшую часть своего времени Имре работал санитаром у Ферга и других лекарей, чьи пациенты находились в госпитале постоянно.

Имре потянулся и собрался уже вернуться к тряпке и швабре, когда услышал от одной из кроватей странный звук. Словно больной тихо и часто закашлял.

Парень настолько привык к тишине, что от неожиданности выпустил швабру, и она шумно упала на пол. Никакого такого звука просто не могло быть: в этой палате лежат «стертые». В Агере говорят – их поцеловал Князь Мертвецов. Те, кому не посчастливилось попасть под проклятье и у кого в самый ответственный момент не оказалось в руках защитного амулета.

Имре даже дотронулся до своего «защитника» – маленький деревянный амулет-шарик он носил под рубашкой и никогда не снимал.

Звук повторился. Его источником оказался больной, которого привезли всего неделю назад. Из всех пациентов мастера Ферга он более всего, на взгляд Имре, заслуживал жалости. Хотя бы потому, что был почти его ровесником. Лежал целыми днями, глядя в одну точку, и ничего не видел. Только иногда моргал. Если бы не это и не ровное, глубокое дыхание, Имре решил бы, что парень умер…

Сейчас его зрачки бешено вращались, а из горла то и дело

вылетал этот странный, похожий на кашель звук. И руки… суставы побелели от напряжения, пальцы дрожали, но не двигались.

Имре бросил швабру, выглянул в коридор. Там обнаружилась лишь одна ученица – товарищ Имре по несчастью. Она протирала рамы украшавших стены картин.

Нет, она тут не поможет… Кабинет Ферга этажом ниже. Надо туда!

Они встретились на лестнице.

– Мастер, в хосписе…

Ферг, не дав ему договорить, кивнул и через ступеньку поспешил на верхний этаж.

Там ничего не поменялось.

– Вот, – зачем-то сказал Имре.

Руки пациента выполняли странные, короткие движения, пальцы шевелились.

– Давно началось?

– Да нет, я сразу. То есть… самое большее две минуты. Может, я не сразу заметил.

– Понятно.

Ферг склонился над больным, нахмурился:

– Понадобятся ремни. И позови санитаров, эта кровать не выглядит надежной, попробуем переложить.

– Да он же тихий.

– Ну-ну. Давай-ка, сходи к Элайзе. Скажи ей, пусть она капли подготовит. Успокоительные.

Имре облизнул губы и отправился исполнять, но у выхода все же обернулся:

– А что с ним? Он тихо лежал, а потом вот так стал… Я его не трогал.

– Не знаю пока. Очень похоже на кататонию, но почему на пустом месте? – Ферг дернул себя за нижнюю губу и философски добавил: – Посмотрим, как будет развиваться.

Больной снова издал несколько кашляющих, захлебывающихся звуков.

– Вот я это и услышал. Сначала тихо было, а потом началось. Я думал, кашляет.

– Не похоже. Ну-ка, скажи что-нибудь на вдохе!

Имре попробовал. Получилось со второго раза. Но первая попытка напугала его самого – он в точности повторил звук, вылетающий из горла больного.

– Он пытается говорить?

– Не знаю. Будем наблюдать, это первый случай.

Имре, видя, что Ферг не настаивает на немедленном

исполнении распоряжения, сделал шаг назад, в комнату. Ему было интересно. Он никогда не думал, что старший мастер госпиталя может чего-то не знать.

Больной меж тем немного успокоился, только пальцы продолжали беспорядочно шевелиться.

– Может, ему мешает свет? – предположил ученик.

Ферг опустил штору. Яркий ромб солнечного света на полу у кровати погас, стало полутемно, но на изменение освещения больной не среагировал.

– Как видишь, нет. Только… Ну-ка, подойди ближе…

Больной сфокусировал взгляд на лекаре и внезапно резко, громко зашипел. Даже слюна полетела. Лицо при этом исказилось так, словно его скривило судорогой.

– Будем наблюдать, – повторил Ферг.

– Княжья болезнь…

– Глупости. На начальных стадиях похоже, и не более того. Но должен сказать, у этой болезни, как и у княжьей, сходное происхождение. Здесь первопричиной, насколько я вижу, тоже стала магия. И в связи с этим… будем надеяться, что обойдется без магической эпидемии.

Имре поморщился, потому что не очень верил в подобное. Магоэпидемии раньше случались, да. На юге – или в Галлии, или у греков… и это было много веков назад. А с другой стороны, проклятье Князя Мертвецов вполне подпадает под эту категорию. Просто никто так не называет.

Пока парень рассуждал, Ферг закончил мысль:

– Чтобы устроить серьезное проклятие, нужно быть магом очень высокого ранга или же иметь доступ к чужой магической силе, что, собственно, и произошло в случае с Эрно Шорошем. Сейчас нет никого в Паннонии, кто подошел бы на роль проклинающего. Можно заподозрить также действие амулета или иного магического накопителя, но у нас пока мало сведений, чтобы опровергнуть эту версию или ее подтвердить. А значит, нужно больше данных. Да нет, заговоренные предметы оставляют характерный след в конфигурации постоянного магического поля, мы бы не пропустили. Нет, здесь что-то другое.

Объект их разговора вновь завращал глазами и вдруг весь напрягся, выгибаясь в постели дугой, затем начал хаотично двигать руками и ногами.

– Может покалечиться, – сказал Ферг. – Вот затем и ремни. Придется тебе поторопиться. Не забудь про санитаров и капли!

Имре вернулся очень быстро. В руках он держал надежные кожаные ремни, которыми здесь, в госпитале княжеской руки, пользовались исключительно редко: опытный маг может на время

успокоить любого больного, не прибегая к насилию. За Имре топали по лестнице санитары.

– Мастер, там к вам… Элайза сказала, сам князь Берток хочет вас видеть.

Ферг обернулся к Имре:

– Сам с ремнями справишься? Нехорошо заставлять ждать его светлость.

* * *

Князь был молод, может, чуть старше тридцати, высок ростом и хорошо сложен. В ожидании он мерил шагами приемный покой, и выражение его лица не сулило лекарю ничего хорошего.

– Доброе утро, ваша светлость, – поздоровался Ферг, скидывая через голову белую медицинскую хламиду.

– Мне доложили, что ты вернулся неделю назад. Это так?

– Совершенно точно.

– Очень хорошо. В таком случае почему я должен узнавать о твоем возвращении у придворных сплетников и слуг? Почему ты сам не сообщил мне о своем приезде?

– Я отправил письмо с посыльным. Полагаю, этого было достаточно. Насколько мне известно, в Китшоэ никто не болен, и потом, неужели вас больше не устраивает господин Лештон? Насколько мне известно, он компетентный врач.

Князь Берток лишь в нетерпении дернул рукой:

– Лештон – хороший врач. Однако ты меня интересуешь куда больше. Ты маг, Ферг. И ты долгое время был моим личным лекарем. Ты просил у меня год… Но тебя не было почти два. И вместо того чтобы явиться ко мне лично, ты запираешься у себя в хосписе, как будто твои эти… не подождут еще пару дней, когда они ждали два года.

– Рассказывайте.

– Это ты рассказывай. Где ты был все это время? Я князь. Ты – всего лишь один из моих подданных.

– Я учился. И путешествовал. Присядьте, ваша светлость. Если вам действительно нужны мои медицинские знания и навыки в деле врачевания, вы вполне можете на них рассчитывать. Если вы по мне заскучали…

– Знаешь, Ферг, – почти спокойно сказал князь, – а ведь я действительно почти забыл, какой ты невежа.

Ферг чуть поклонился, ожидая продолжения. Но продолжения не последовало. Князь внезапно перешел к делу:

– Зимой в окрестностях Агера нашли одного знатного

молодого дворянина. Ваши лекари, из Лиги, единогласно сказали, что это – поцелуй Князя Мертвецов. Вот только на шее у юноши было это…

На стол перед Фергом лег простой амулет – деревянный шарик на серебряной цепочке.

Ферг провел ладонью над амулетом – тот отозвался ровным током знакомой магии.

– Он умер на руках у безутешной вдовы оттого, что твои амулеты перестали защищать от Князя!

– Амулет в порядке.

– Тогда как ты объяснишь то, что произошло? Это ведь не единственный случай.

– Я знаю, ваша светлость. И еще раз готов повторить – с амулетами все в порядке. Непорядок – с самой болезнью. Могу вам сейчас совершенно точно сказать, что наследие князя Эрно к этой новой беде не имеет отношения. Сейчас я занят исключительно тем, что пытаюсь выяснить, что это за магия и где ее источник.

– И, разумеется, безуспешно.

– Прошла всего неделя, князь. В прошлый раз нам понадобилось три с половиной года. Могу точно сказать, что причина болезни – не амулет и, скорей всего, не проклятие. Вероятность последнего, впрочем, до конца еще не отметена.

– Что же я должен сказать людям? Ах да. Я пришел, чтобы официально предложить тебе должность моего личного лекаря. Моего и моей супруги. Лештон уезжает к себе в Моравию, у него там кто-то умер… или родился… не знаю. Возвращайся. Твои комнаты никто не занял.

Ферг помедлил. Потом с нажимом уточнил:

– Все мои комнаты?

Князь поморщился и кивнул. По его мнению, Ферг был той еще занозой, но считаться с ним приходилось. Что ни говори, а он все еще оставался сильнейшим магом Северной Паннонии… а может, и всех окрестных государств. Кроме того, Ферг считался его дальним родственником. По отцовской линии.

* * *

После пышного и яркого Сибу Агер показался Белале аскетичным и отсталым, каким-то слишком уж провинциальным. Слишком узкие улицы, маленькие площади, на которых теснились казенные дома, лавочки и салоны. И центром города являлся не нарядный княжеский дворец, а большая рыночная

площадь. Шумный рынок, правда, был обнесен каменной стеной со складами и магазинами приезжих купцов. Самые богатые дома города располагались в стороне от этого людского муравейника и примыкали к княжескому замку, расположенному на вершине холма. Про замок Белала успела узнать, что он называется Китшоэ. Таким было прозвище его первого владельца.

Дом, который князь Берток выделил для семейства трансильванского посла, располагался так, что из окон второго этажа были хорошо видны кованые ворота замка. Это оказался очень хороший каменный дом в восемь комнат, в нем даже нашлось место маленькому танцевальному залу. Восточную стену дома оплетал зеленый плющ, а на башенке, украшавшей высокую крышу, когда-то разводили цветы. От цветника остались кадки, горшочки и лотки с землей. Кое-где из кадок торчали сухие стебли.

Бела первым делом обошла все помещения от кухни до этой самой башенки и осталась довольна. В родовом замке у нее была всего одна маленькая комната, а тут две, и обе с большими окнами, выходящими в сад. Одна комната оказалась спальней. А вот другая…

Эту комнату обставляли и украшали, точно зная, что в ней будет жить молодая незамужняя женщина.

В голове вертелось только одно не очень понятное слово, которым иногда называл ее апартаменты отец: «будуар».

Стены обиты кремовым шелком с розами и чудесными птицами. Огромное зеркало в дубовой раме и столик под ним – очевидно, предназначенный для разных мазей, притирок и румян. Удобное кресло, гардероб из мореного дуба… Шелковые же, собранные декоративными складками занавески.

«Хорошо, – подумала Бела. – Но мне нужна еще одна комната. В этом будуаре магией заниматься будет нельзя».

Возле зеркала обнаружился витой шнурок. Такие в богатых домах Сибу устраивают специально для вызова прислуги. Из любопытства Белала дернула, и через минуту в ее комнату вошла миловидная горничная. Бела решила, что девушка вряд ли сильно ее старше.

– Здравствуйте, госпожа графиня. Меня зовут Зарина, и я в полном вашем расположении. Я уже три года работаю горничной в этом доме и все здесь знаю.

Бела, хихикая про себя, сделала строгое лицо и спросила:

– Вероятно, твою работу оплачивает казна?

Зарина поклонилась.

– В таком случае я добавлю к твоему жалованию еще десять серебряных монет местной чеканки. Но уговор – ты будешь

докладывать обо мне своему нанимателю только то, что мы с тобой обговорим заранее. Согласна?

Девушка широко улыбнулась и спросила:

– А что, если я никому ничего не докладываю?

– Ну, в таком случае это будет твой чистый доход. Но если обманешь, я все равно узнаю правду.

– Я отчитываюсь перед начальником замковой охраны. Обычно он мои новости слушает вполуха и тут же забывает.

Белала пригласила служанку войти в комнату. Спросила:

– Когда ты здесь обычно прибираешь?

– При прошлых господах прибирала днем, когда они уезжали в замок или развлекаться. Я буду вам очень благодарна, госпожа графиня, если вы сами скажете, в какой час мне лучше приходить.

– Вечером, – не задумываясь, ответила Бела. – Обычно всякие важные встречи в замке и других местах бывают по вечерам. Комната будет пустовать. А скажи, Зарина, ты родилась здесь, в Агере?

– О да, госпожа. Я очень хорошо знаю город! Вам нужно куда-то съездить? Я провожу.

Бела лишь улыбнулась: как же ярко светятся любопытством глаза служанки! Как же ей хочется поучаствовать в чем-нибудь тайном и, может быть, немного опасном, чтобы потом рассказывать о приключении таинственным шепотом при свечах. Бела ее понимала. Было в этой улыбчивой русоволосой горожанке что-то, что напомнило Белале ее саму.

– Пока нет. Мы только приехали, и я еще не успела обзавестись знакомыми. Но мне хочется поближе узнать город, в котором предстоит жить. Я в Агере впервые…

– Понимаю! Хотите, расскажу, какие здесь есть модные салоны и…

Бела качнула головой:

– Про салоны мне и так расскажут. А вот я слышала, что Агер стоит на древних развалинах… Это правда?

– Правда. Только от них мало что осталось. Камни еще в старые времена использовали для строительства. Но у нас есть музеум. Он недалеко от рынка, и туда пускают за деньги посмотреть разные редкости. Только туда никто не ходит – скучно.

Бела подумала, что, пожалуй, уже можно заняться поручением, полученным в Сибушском храме.

– Вот что, Зарина, присядь-ка. И расскажи мне обо всех местах, которые в городе можно посетить знатной чужестранке, чтобы получше узнать Агер и его жителей.

Служанка с наигранной робостью присела на мягкий пуфик и

глубоко задумалась.

Белала сочла возможным подсказать:

– Музеум – это хорошо… но есть же какие-то особые места… овеянные легендами и тайнами. Что-то такое, о чем обычно не рассказывают иноземцам.

Лицо Зарины просветлело:

– Конечно, есть. Например, заброшенный храм Заточенных богов… В городе ведь ни одного храма не осталось. Князь Джерго повелел разрушить их сразу, как его брат Эрно наслал проклятие… и Арену разрушили. Там, где была Арена, сейчас городской парк. Он к улице Мага примыкает. Рассказывают, что в том парке ночью в полнолуние можно встретить призраков тех, кого убивали во время представлений…

– Проклятие? – нахмурилась Белала.

– А вы что же, никогда не слышали о проклятии Князя Мертвецов?

– Я почти ничего не знаю об Агере.

Зарина села удобней и начала рассказывать с интонацией бывалой сказочницы:

– Это случилось здесь, на Агерской земле. Старики говорят, правил тогда страной молодой князь Эрно. И была у него жена, княгиня, и маленький сын. Но был он человек недобрый и мстительный. Тогда как раз закончилась война…

– Погоди, Зарина, война закончилась всего лет тридцать назад!

– Тридцать семь. Тогда это и случилось! Слушайте дальше! Война закончилась, но не всех завоевателей и черных магов уничтожили. И князь Эрно втайне был одним из них. И совсем не из последних. Но он долго скрывал свои цели. Старики говорят, что это он убил родного отца, чтобы быстрей начать править Паннонией и учинить здесь свои порядки. Он приказал построить Арену – специальное место, где должны были сражаться люди и животные. Тигры, львы… Мне дед рассказывал, что там был даже дракон! Правда, я не очень верю. И почти сразу закрылась Паннонская Академия, а ведь она считается одной из самых старых в мире.

– А сейчас?

– Сейчас ее, конечно, восстановили. И театр. В городе тогда закрыли и театр тоже. Даже запретили устраивать представления на рыночной площади – это чтобы как можно больше народу ходило смотреть на бои, которые проводились каждую неделю. Каждый день оглашались новые запреты. А всякие… – Зарина перешла на шепот, – всякие жрецы Заточенных почти перестали скрываться. И людей тогда казнили за малейшую провинность. А

кого не казнили, высылали из страны. Князь Мертвецов выслал даже собственного брата. Боялся, что тому надоест терпеть и он устроит переворот. И тогда его жена тайно бежала из дворца, прихватив с собой маленького сына. Они хотели спрятаться в Моравии, но погоня шла по пятам. Княгиня и ее спутники укрылись в пещере, которая расположена к северу отсюда. Это очень большая пещера, в ней легко заблудиться. Но там, в одном из залов, древние люди сложили каменный лабиринт…

– Вот бы на что посмотреть…

– Не получится. Я недорассказала. Князь Эрно несколько дней преследовал беглецов и настиг их в той пещере. Конечно же, спутники княгини решили защитить ее, даже если придется отдать свою жизнь. Но Эрно посчитал, что княгиня его предала, и призвал силу всех присягнувших ему магов. Может, вы не знаете, графиня, но у нас есть такой обычай – маги Паннонии присягают своему князю и клянутся отдать свою магическую силу, если нужно будет для защиты страны. А Эрно ударил этой магией по своей бедной жене и ее спутникам. И теперь в пещере… она называется Агдоле, если не боитесь, мы можем туда съездить… Так вот, теперь в той пещере над каменным лабиринтом магический купол, под которым вечно умирают враги князя. А магия его была такой силы, что ударила по всем жителям страны. Потому что присягали ему все самые сильные маги Паннонии, а такая сила просто так не дается. В одночасье десятки людей забыли, кто они, откуда родом. Забыли всё, даже как ходить и говорить. И если сначала они еще как-то реагировали на то, что происходит вокруг, то со временем все больше уходили в себя, пока просто не умирали в своих постелях. А самое главное – это продолжалось долго, больше десяти лет. Но первый год был все-таки самым страшным. А потом князь Джерго, отец князя Бертока, учредил лигу Целителей. И тамошние маги изобрели защиту… Теперь все в Паннонии носят вот это…

Зарина показала Беле браслет, сплетенный из цветных ниток. Браслет украшала всего одна деревянная бусина.

– Это амулет. Если его не снимать, то поцелуй Князя Мертвецов тебе не грозит…

– А сам Князь Мертвецов? Что с ним стало?

Зарина пожала плечами:

– Вообще-то считается, что он раскаялся и отрекся от власти в пользу брата. Но в это никто не верит. Может, он сбежал.

– А может, погиб?

– Не думаю. – Горничная нахмурилась: – Иначе его похороны пышно праздновались бы каждый год. Я думаю, все-таки сбежал.

Белала поежилась. И вот об этом человеке ей нужно собрать

информацию? Но о нем и так все знают. Наверняка что-то подобное за монету ей расскажет любой мальчишка на улице.

– Значит, пещера Агдоле… городской парк… музей…

– И храм Заточенных. Помните, я говорила? Заброшенный храм. Очень старый, и недалеко от города.

– Ну, вот с него и начнем. Раз ты считаешь, что там есть на что посмотреть.

Зарина прикусила губу, но кивнула. Словно уже пожалела о сказанном.

Завтра как раз граф Вораш отправится в Китшоэ официально представляться княжеской семье, и у Белалы будет целый день, чтобы начать осваиваться в городе.

Горничная уверила ее, что ехать недалеко и вполне можно отправиться верхом, но если Белала боится, то и в карете тоже можно. Конечно, после всего сказанного о карете речи быть не могло.

* * *

Правда, тому, кто изобрел женские седла, самому бы на них всю жизнь ездить!

В родовом замке Белале принадлежали две лошади. И ни одного дамского седла. Впрочем, освоилась она довольно легко – если не учитывать, что юбки оказались слишком пышными, а стремя неудобным. Необходимость воспользоваться помощью Зарины, просто чтоб забраться в седло, и вовсе настроила Белалу на мрачный лад.

Служанка же держалась в таком же дамском седле с видом опытной всадницы. В который уже раз Бела подумала, что та не так проста, как хочет казаться. И забралась она в седло сама – с небольшого деревянного приступка. Лошадка у нее была низенькая и лохматая, она смотрела из-под челки с терпеливым вниманием. Девушка весело пояснила:

– У меня отец – бывший солдат. Он успел даже в Великой войне поучаствовать. Вернулся домой без ноги. Бывший командир устроил его на службу – старшим конюшим в Китшоэ. Так что я все детство при лошадях.

Белала слушала ее веселую болтовню и невольно сравнивала собственную жизнь с жизнью горничной.

Отец Белы никогда не воевал, но войну видел. Двенадцатилетним мальчишкой он убежал из дому, чтобы присоединиться к одной из армий Зафира. Потому что Зафир сражался, чтобы освободить Заточенных, и тогда казалось, что до

заветной цели остается совсем чуть-чуть, один маленький шаг…

Война его напугала: он никогда не рассказывал о тех своих приключениях и, когда ветераны начинали вспоминать события тех лет, всегда находил предлог, чтобы уйти.

Всадницы миновали ворота княжеского замка и чуть задержались у большого, но мрачноватого и давно не ремонтированного здания.

– В этом доме княжеский госпиталь и хоспис, – рассказала служанка, – здесь работают лучшие доктора и лучшие маги, сведущие в целительстве. На первом этаже госпиталь для богатых, а в хоспис попадают те, кому обычные врачи помочь не могут. И там может оказаться даже самый последний из бедняков.

Высокие каменные дома агерской знати сменились зеленым парком, через который тянулись выложенные булыжником аллеи. Ветер трепал молодую июньскую листву, солнце просвечивало сквозь нее, и по земле струились ажурные тени. Парк не был пуст. Прогуливались красивые пары, гувернантки отдыхали в тени высоких деревьев, а дети играли, прячась друг от друга за стволами. Парк казался уютным и старым.

– Арена была где-то там, за фонтаном, – пояснила Зарина.

Они не стали въезжать на аллеи, свернули левей, к стене рыночной площади. Здесь было людно, по брусчатке непрерывно катились телеги и крытые повозки, спешили горожане и горожанки, сновали мальчишки-разносчики…

Зарина поспешила свернуть с этой улицы. По пути она рассказывала о местах, по которым они проезжали. Вот старый купеческий дом – сейчас в нем приют. А вот в том деревянном здании раньше жила знаменитая актриса, и в дни премьеры около него было не протолкнуться от поклонников. А вон в том дворе обитают цыгане. У них весело и шумно…

Городские окраины оказались не менее чистыми и аккуратными, чем центр. Разве что булыжная мостовая сменилась пыльной грунтовой дорогой, и дома здесь были попроще, а окна поменьше и в частых переплетах. Зато больше деревьев и вообще как-то просторней, не то что в каменном, густо застроенном центре.

– Нам сюда, – скомандовала Зарина, показав на наезженный проселок. – Вообще-то эта дорога ведет на Салек. Это такая деревня у соленой горки. Там неподалеку летний домик князя. Но он только так называется «домик», а на самом деле это большой дом, в котором постоянно живет прислуга, и даже конюшня есть. Но храм, который мы ищем, тут совсем рядом, за выселками…

Белала почему-то ждала, что увидит развалины сооружения, похожего на Сибушский храм, может, поменьше и попроще

убранством. Однако реальность приготовила сюрприз, который ее скорей обрадовал. Под храм, видимо, перестроили большую каменную усадьбу или маленький замок – с башней и просторным холлом. Но когда-то, может быть, и тридцать лет назад, а может, и меньше, здание сгорело – обрушилась кровля, обвалилась одна из стен. Частично осыпалась внутрь и башня.

– Вот, – сказала Зарина. – По-моему, жуткое место.

Бела спешилась, стараясь не запутаться в юбках. Вылезать из дамского седла оказалось еще более неудобно, чем садиться в него. У Зарины таких проблем с платьем не было. Она-то могла себе позволить надеть укороченную юбку без пышных фижм. Графиня Вораш, однако, должна выглядеть элегантно и привлекательно даже в час загородной прогулки в сопровождении одной-единственной служанки.

– Идемте, – позвала Зарина. – Сначала князь хотел разместить здесь дополнительные казармы, и даже начали расчищать фундамент, но потом нашли для солдат более удобное место. Пойдемте, там интересно. На полу узор сохранился. И решетки на окнах.

Бела застыла у входа. Ей всегда нравились старые заброшенные дома. В них хранилась память о прошлых владельцах, их тайны и печали. Этот дом давно стал излюбленным местом игр для мальчишек с выселок. У входа обнаружилось даже старое кострище и запас дров.

И еще: именно в этот момент на какое-то мгновение Белала ощутила то самое присутствие, которым не пахло ни в их домашней молельне, ни в величественном храме в Сибу.

Всего на миг.

Оно показалось ей странным. Незнакомым и чуждым. Словно прикосновение слабо светящегося болотного тумана. И почти тут же оборвалось, как будто его спугнул голос служанки:

– Графиня! Скорее! Тут человек… Ему плохо!

Бела перешагнула порог разрушенного храма, уже предчувствуя недоброе.

Зал тонул в сумраке. На пыльном полу сквозь грязь проступали контуры Звезды богов. Кое-где из стыков плит пробивалась трава. В центре, застывший в нелепой, неудобной какой-то позе, лежал человек. Над ним склонилась встревоженная Зарина.

Бела поспешила туда, предположив отчего-то, что человек лежит тут не просто так, что он жертва и что кто-то проводил здесь второе таинство по полному обряду: так, как это описано в жреческих свитках.

Но нет. Человек дышал. Взгляд его был пустым и тусклым.

Может, он попросту пьян?

Но пьяного легко определить по запаху. Запах от него действительно шел не самый приятный, но уж алкогольный-то перегар Белала узнала бы. И Зарина наверняка тоже. Нет, он не был пьян.

– Это похоже на княжью болезнь… – сказала Зарина. Она уже расшнуровала ворот его куртки.

Бела отметила, что куртка у него дорогая, украшена шитьем. Прочая одежда тоже светлая, красивая, сидит точно по фигуре. Плаща и перевязи нет, сорочка из батиста…

Но все это рваное и грязное. Обувь… Он где-то потерял левый сапог и, видимо, даже не заметил. Босая нога сбита в кровь. Ссадины есть и на обоих коленях.

– Надо на помощь позвать, – сказала Зарина. – Хотя ему теперь никто не поможет. У него нет амулета…

– Почему ты думаешь, что нет?

– А иначе Князь бы до него не добрался.

– Это может быть какая-то другая болезнь… Надо его, наверное, в город… Только мы его не дотащим. И на лошадь не посадим.

– Графиня, позвольте, я съезжу в предместье, попрошу телегу.

– Я сама съезжу. Меня, наверное, быстрей послушают. И велю, чтобы послали человека в город за лекарем.

– Тогда давайте я помогу вам забраться в седло. Совершенно неудобная вещь…

* * *

Белала время не считала. Сколько-то минут заняло выяснение, у кого можно взять телегу. Потом пришлось долго уговаривать хозяина, объясняя, что это быстро, что в старом храме человек лежит, которого поцеловал Князь Мертвецов. Наконец его удалось убедить. Потом она еще столько же уговаривала его отправить посыльного в госпиталь, за лекарем.

Хозяин телеги, важный седой дед, сказал, что съездит к сгоревшему храму. И что благородной госпоже не о чем беспокоиться. А если она хочет, то пусть сама до госпиталя отправляется – верхами-то оно быстрей будет. Белала, выругавшись, неуклюже влезла в седло. Если бы не кстати обнаруженная на хозяйском дворе колода, пожалуй, не справилась бы.

Дед отправился запрягать, а Бела – искать лекаря, который согласился бы ехать с ней за город. Дело осложнялось тем, что

единственным местом, где, как она точно знала, можно найти человека, сведущего в медицине, был госпиталь княжеской руки. То самое мрачноватое здание неподалеку от ее собственного дома.

* * *

В просторном помещении с чистыми белыми стенами ее встретил юноша лет восемнадцати, с едва заметными усиками над верхней губой и хохолком русых волос на макушке. Юноша был облачен в белую хламиду и занят наведением порядка в красивом деревянном шкафу-конторке.

Обернулся на звук открываемой двери:

– Здравствуйте! У вас что-то случилось? Проходите в дом…

– Нет. Я спешу. – Бела испугалась, что юноша потратит драгоценное время, расспрашивая о никому не нужных вещах. – Мне нужен врач.

– Здесь много врачей. Расскажите, что случилось, и…

– Я прогуливалась за городом. Со мной была моя служанка. В развалинах старого храма на окраине мы обнаружили человека. Он был без сознания, и мне кажется, в таком состоянии он уже давно. Я могу судить по одежде и еще по… В общем, там запах. Моя служанка говорит, здесь, в Паннонии, это случается. Она сказала, его поцеловал Князь Мертвецов.

Юноша нахмурился:

– Мастер Ферг сейчас в Китшоэ… Это может быть надолго. Давайте я с вами поеду.

– А вы умеете?..

– Если то, что вы сказали, правда и если ваша служанка не ошиблась, то торопиться нам некуда.

У Белалы было противоположное ощущение. Но она промолчала. Старик с телегой уже должен добраться до храма, а значит, беспокоиться почти не о чем. Сейчас Зарина поможет ему погрузить больного и покажет, куда ехать. «И мы наверняка встретимся по дороге».

Нет, беспокойство никуда не делось. Даже немного возросло.

– Амулет мастера Ферга, – продолжал рассказывать юноша, – эффективен в первые минуты после начала болезни. Потом его применять поздно. Вы покажете дорогу?

– Разумеется. Но я верхом.

– Лошадь оставим у нас в конюшне. Это во дворе. У нас тут есть специальная карета для перевозки больных. Возьмем ее, если не занята…

Кучер покосился на Белалу неодобрительно. Ну еще бы – ее юбки казались слишком пышными для узкой каретной дверцы. Бела дала себе зарок завтра же расспросить кого-нибудь о хорошем портном и заказать платье, которое не мешало бы ездить верхом и не вызывало бы сложностей, когда надо просто забраться в карету.

Один из местных работников увел лошадь Белы к стойлам. На караковую кобылку благородных кровей местные низкорослые коняшки смотрели с любопытством.

Юноша-лекарь открыл для нее дверцу. Бела вспомнила, что так и не узнала его имени.

– Я – графиня Белала Вораш, – представилась она и протиснулась в карету. Внутри оказалось довольно просторно. Карета имела непривычную вытянутую форму, и лавки у нее внутри располагались вдоль бортов. Между ними лежали носилки, а к высокой крыше был приделан подвесной «безопасный» фонарь.

– А я Имре, – ответил из-за ее спины веселый голос. – Я тут ученик. Но сейчас лето, занятий нет. И у меня практика. Поехали, Баго, в северные выселки. Это там есть разрушенный храм, а других я не помню. Давно бы его на камни разобрать…

Белала промолчала. Она уже знала, что в Агере Заточенные не в чести. Наверное, потому что им поклонялся Князь Мертвецов.

Однако карета едва успела выехать на булыжник главной городской улицы, как снова остановилась.

Приоткрылась дверца, в проеме показался чей-то темный силуэт.

Имре сказал с явным облегчением:

– Мастер, хорошо, что вы вернулись! За городом нашли еще одного стертого.

Названный мастером хмыкнул и легко забрался в карету:

– Едем, Баго!

Свет из большого остекленного окошка скользнул по его лицу. Это был высокий поджарый темноволосый человек, чей возраст Бела не смогла определить с ходу. Крупные костистые пальцы он сразу сцепил в тугой замок. Прическа его не свидетельствовала об аристократизме: и хотя знатные дворяне Сибу тоже носят длинные локоны, горожане стригутся все ж покороче. И шляпы у него на голове не было. А щеки и подбородок скрывала темная аккуратная борода. Одет он был как-то вроде и просто, и сразу понятно, что на костюм пошла дорогая ткань и хорошо выделанная темная кожа…

Белала внезапно заметила, что попутчик разглядывает ее с

тем же внимательным любопытством.

– Графиня Белала Вораш, – снова представилась она, – это мы с моей служанкой нашли заболевшего человека.

– Доктор Ферг. Для учеников – мастер Ферг.

Он чуть улыбнулся, одними глазами, и Белала догадалась, почему Имре так обрадовался, что его встретил: этот человек был совершенно уверен в себе и своих силах. Такие, как он, никогда не бывают одинокими, и любой, кто оказывается с ними рядом, сразу начинает чувствовать себя защищенным.

Это ощущение может быть ложным.

Нет, доверять доктору не следует. Во всяком случае пока.

Имре в двух словах рассказал, куда они едут.

Ферг вновь пристально взглянул на Белалу, и на этот раз без всякой улыбки. Оказывается, его взгляд мог быть и ледяным.

– Что же вам понадобилось в заброшенном храме Заточенных?

Девушка поежилась: ей нужно теперь так подобрать слова, чтобы они оба поверили в совпадение. Ведь это действительно случайное совпадение. А значит, надо рассказать все как было. Как бы дико оно ни звучало. Искренность – лучшее оружие, ведь только она вызывает встречное доверие…

– Виной всему мое любопытство. Мы только вчера приехали в Агер. Мой отец – граф Белферан Вораш – новый посол Трансильвании в Северной Паннонии. Я не стала дожидаться, пока мне кто-то покажет город. Насколько я помню по Сибу, знатные господа мало интересуются теми местами, в которых живут. Обычно такие выезды получаются скучными и бессмысленными. Я решила отправиться на прогулку сама.

– Неужели в Агере, – изумился Имре, – нет ничего поинтересней старых развалин?

– Меня во всех случаях интересуют старые развалины. И я слышала, что Агер сам стоит на древних камнях. А моя новая горничная оказалась настоящим кладезем знаний о городе. Это она, кажется, предложила сначала съездить в этот храм.

Булыжная мостовая закончилась, карета пошла мягче. Это заметил и Имре:

– Уже почти прибыли!

Через минуту кучер резко остановил лошадь. Доктор Ферг первым покинул карету и протянул Беле руку, чтобы помочь спуститься.

Рука у него оказалась твердой и теплой. Ступив на землю, она подняла глаза и встретила неожиданно ледяной подозрительный взгляд доктора. Он зачем-то сказал:

– В Агере культ Заточенных под запретом.

– Заточенные давно мертвы, – ровно ответила Белала, отнимая руку. Ту самую, на которой с недавних пор лежит отпечаток Звезды богов.

– Не все так считают.

В этот момент из кареты выбрался Имре, и их странный разговор прервался.

Карета остановилась у развилки – выселки остались позади. Совсем рядом, в полусотне шагов, виднелся храм.

И не только он. Возле храма толпились люди, десятка два, а может, и больше. Там же стояла телега. Люди в основном молчали, вглядываясь во что-то внутри, лишь изредка обменивались короткими репликами.

– Что-то случилось, – пробормотала Белала.

– Баго, ближе подъехать сможем? – спросил Ферг.

До храма и так было недалеко. Но если забирать больного, то лучше действительно подобраться ближе.

– Если они разойдутся, то сможем…

– Уж ты постарайся. Имре, идем.

Бела решила, что это приглашение касается и ее, и поспешила вслед за мужчинами. Предчувствие чего-то нехорошего вновь подкатило к горлу, но она не позволила воображению слишком уж разыграться. Летний полдень… Пыльная дорога. Крестьяне в простых одеждах, сплошь мужики. Вот это и странно.

Сколько Бела помнила родной замок, если где-то что-то случалось, то там сначала оказывались бабы, а уж потом, на визг, сбегались мужики.

Длинноногий доктор первым врезался в толпу и начал пробираться к входу. Имре едва за ним поспевал.

У бывшей двери люди стояли столь плотно, что Фергу пришлось повысить голос:

– Пропустите, я врач.

В голосе звучала досада.

– Благородная госпожа, – негромко окликнул ее один из крестьян, – вам бы не надо туда…

– А что случилось?

– Плохо там. Девушку убили.

Зарина? Что же там случилось? Кто? Последний вопрос она произнесла вслух. Но крестьянин пожал плечами и поспешил скрыться в толпе.

«А ведь тут могла остаться я, – подумала Белала. – Ведь это Зарина хотела бежать за помощью. Но, может, если бы осталась я, то никто бы не умер?»

Бела непроизвольно проверила ножны на левой руке. Если бы

враг был один, она бы справилась. А если много? Ничего не понятно.

Она все-таки пробралась к входу в храм. Там было прохладно, и глаза не сразу привыкли к полумраку после яркого солнца. Никто не посмел больше препятствовать ей…

Бела увидела Зарину. Служанка лежала внутри контура Звезды богов, но чуть в стороне от центра изображения. Правильно, там, в центре, они оставили «больного». А где он?

В бывшем ритуальном зале были еще трое крестьян. Вооружены баграми и вилами. А это…

«Больной» обнаружился в углу, и назвать его больным сейчас ни у кого не повернулся бы язык. Он лежал навзничь, а из груди и живота его торчали вилы. В крови была его одежда и низ лица. Как и пол.

Если бы Заточенные отзывались на жреческие призывы по-прежнему, они бы обрадовались, наверное, такой щедрой жертве.

В стороне, неподалеку от входа, стоял, зажмурившись, бледно-зеленый Имре. Доктор Ферг склонился над девушкой. Но не дотрагивался до нее.

Увидев такое, кто-то другой, может, запаниковал бы или как минимум растерялся. У Белы словно выключилась та часть мозга, что отвечает за эмоции. Память начала работать ясно и четко, выхватывая пускай незначительные, но яркие эпизоды из общей картины…

Подходить к доктору Фергу сейчас она бы не решилась. А вот Имре явно ему сегодня не помощник. Бела сжала мигом побледневшие губы и подошла к юноше:

– Имре, идемте на воздух.

– Сейчас, мне надо…

– Идемте, тут справятся без вас.

– Но надо забрать…

– Тут полно народу. Помогут.

Надо сказать, Бела и сама с немалым облегчением вышла на улицу. И была-то в сгоревшем храме всего минуту, а как целый век прошел. Темный и страшный. Снаружи ничего не поменялось. Все так же светило солнце, все так же под легким ветром раскачивались деревья.

Парень открыл глаза и тихо сказал:

– Никогда такого не видел. На операциях сколько раз присутствовал… и ничего.

– Наверное, понадобятся носилки. Из кареты. Возьмете?

Он благодарно кивнул и побрел к Баго, который подъехал настолько близко, насколько это вообще было возможно.

Бела оглянулась на зевак. Что бы еще такого сделать

полезного, чтобы только не стоять, не пялиться в пустоту, вспоминая кровавые детали увиденного в храме?

Память упорно подкидывала выхваченные образы. Лиф дорожного платья Зарины, буро-коричневый от крови. Рука с обломанными ногтями – на запястье бесполезный оберег от Князя. Алая кровь убитого «больного», следы на полу, в пыли. Какие-то еще кровавые тряпки…

Вернуться туда? Зачем? Велик риск помешать лекарю. Хотя чему там можно помешать? Все уже случилось. Надо будет найти лошадь Зарины и отвести на княжескую конюшню. Самой отвести. И самой поговорить с ее отцом. Зарина говорила, он старший конюший. Белале еще никогда не приходилось сообщать кому-то о смерти родственника или близкого человека. Но перекладывать эту задачу на посторонних было бы нечестно.

Может, виной тому, что все ее детство прошло в компании мальчишек, но трусость Бела считала одним из самых главных человеческих пороков, иногда принимая за нее даже обычную осторожность. Воспоминание о друзьях детства вывело Белу из задумчивости. А тут и Имре вернулся. С носилками и нормальным цветом лица: тоже успел договориться с собой за эти минуты.

Люди начали потихоньку расходиться. Посудачить можно будет вечером, в таверне, а сейчас середина дня, работать надо. Да и неинтересно глазеть на развалины, которые ты и так каждый день видишь. Бела обратила внимание, что старик, хозяин телеги, тоже собрался восвояси. Девушка, недолго думая, достала из кошеля серебряную монету и поспешила к старику, договариваться, чтобы не уезжал. Два тела в карету из госпиталя не поместятся. Старик заворчал, мол, загадите дно кровищей, и лошадь испугается. Но монету взял.

Белала осторожно обогнула стену храма – именно там, в тени, они с Зариной утром оставили лошадей. Как давно это было!

Лошадка обиженно покосилась на Белалу: где хозяйка? Почему ушла, бросила, оставила под седлом в этом неуютном месте?

– Ничего, – сказала ей Бела. – Скоро домой вернешься, там о тебе позаботятся…

Вернулась ко входу. Оттуда как раз с покрытым грубой тканью телом «больного» на носилках появились мужики.

– В телегу, – распорядилась Белала.

Она решила, что места в карете более достойна Зарина. Мужики пожали плечами и выполнили распоряжение. Лошадь не испугалась, но старик еще немного поворчал, выражая

недовольство.

Бела заглянула в храм, хотела спросить, не может ли она чем-то еще помочь. И первое, что увидела, – Зарину. Ферг зачем-то уложил ее ровно, отмыл из фляги лицо и шею. И вся шея была изорвана, искромсана чьими-то острыми зубами. И, кажется, не только шея…

– Какое-то животное?

Ферг, вытиравший руки чистой салфеткой, резко обернулся на голос:

– Нет.

– Тогда…

– Я смотрю, графиня, вы совсем не боитесь крови. Да и покойники вас не смущают…

Бела честно прислушалась к себе. Покойники ее смущали. Даже очень. А крови она действительно не боялась – первый обряд, посвященный Заточенным, она провела в двенадцатилетнем возрасте. Под руководством жреца Тольбе. И потом еще не раз его повторяла, оттачивая умение. Ритуальных куриц после закапывали на дворе. Если жертва принадлежит богам, то ее мясо не следует употреблять в пищу…

– Я почти не успела ее узнать. Зарину. Мы познакомились только вчера, долго разговаривали об Агере и его тайнах. И дело не в крови и не в покойниках. Если бы я здесь была одна, я бы точно заверещала и залезла на дерево. Несмотря на юбки.

Ферг отвел взгляд. Кажется, ответ ему не понравился.

– Идемте. Больше здесь делать нечего. Мне нужно вас расспросить о том, что вы видели сами.

– Но все-таки кто ее убил? Я должна буду рассказать о том, что случилось, и не только мажордому.

Доктор нехотя ответил:

– Следы зубов – человеческие. Да что там, крестьяне все видели своими глазами. Вероятно, завтра весь город будет знать. Этот пострадавший от Князя Мертвецов оказался чем-то иным, это он напал на девушку. Присланный вами старик, хозяин телеги, застал его… за трапезой. И он был прав, когда не стал подходить близко, а сразу позвал людей. Ваша служанка ошиблась и поплатилась за свою ошибку жизнью.

Вернулись мужики. Белала поспешила выйти из храма. Ей не хотелось смотреть, как тело Зарины укладывают на носилки, на которых только что вынесли ее убийцу.

– Графиня, – окликнул доктор из-за спины.

– Да?

– Извините меня. Кажется, я был бестактен.

– Немного. Так что у вас за вопросы? Это как-то поможет

понять…

– Возможно. Хотя в общих чертах я представляю, что произошло. Но ваши слова могут подтвердить или опровергнуть мою догадку.

Солнце ушло с зенита. Должно быть, отец уже вернулся из Китшоэ. Надо поторопиться…

– Здесь лошадь Зарины. Нельзя ее так оставлять. Я догадываюсь, о чем вы спросите.

Белала шла вдоль стены храма, не оборачиваясь, но точно зная, что Ферг идет за ней.

– Мы приехали, когда солнце только-только поднялось из-за деревьев. Зарина первая вошла в храм. Я еще привязывала лошадь. Она тут же увидела этого человека и позвала меня. Я присоединилась к ней, и она сказала, что это похоже на поцелуй Князя. Предложила съездить за телегой. А я подумала, что ее в деревне вряд ли послушают. А у меня кошелек. За деньги телегу добыть легче. Да мне просто не захотелось сидеть возле этого больного, которому все равно ничем не поможешь, и ждать. И я поехала сама. Одежда его… ну вы сами видели. Мы решили, что это кто-то из местной знати. Вот… так.

– А что-то необычное? Может, видели кого-то неподалеку. Или, может, что-то почувствовали?

Почувствовала. Ведь было… едва заметное присутствие. Чье-то мимолетное любопытство. Рассказать? Сейчас, пока рядом нет ни Имре, ни кого-то другого, а доктор все равно уже догадался о том, что она чтит Заточенных? А может, не догадался, просто заподозрил… но все равно надо сказать. Хотя бы намекнуть.

– Словно след магии. Но всего на мгновение, я в тот момент еще не вошла в храм. Оно сразу исчезло. Я не придала значения и только сейчас вспомнила.

– Можете описать?

– Не знаю. Попробую… это как… чье-то ищущее заклинание, но не направленное, а просто существующее…

– Вы – маг?

– Могла бы быть магом. Но женщин магии в наших местах не учат. Отец считал, что меня надо побыстрей отдать замуж, чтобы всякие глупые мысли из головы вылетели. Но я все равно понемногу училась. И сейчас, я думаю, он поменял мнение.

– А с чем-то подобным раньше сталкивались?

– Нет, никогда. Мне удалось подтвердить вашу догадку?

– Возможно.

– И вы не расскажете?

– Нет.

Бела взяла лошадь Зарины за повод и повела к карете. Ну и

не надо. Подумаешь, тайна! Однажды она сама все узнает.

Скорей всего, обратно ей придется ехать верхом: вряд ли в карете теперь найдется место для нее и ее юбок. Но все равно сначала нужно завернуть в госпиталь, забрать свою лошадь. А потом уж… Или попросить Имре?

Ферг ловко подсадил ее в дамское седло, затем перекинулся парой слов с хозяином телеги, махнул ему рукой и исчез в недрах кареты. Баго первым выехал на дорогу – ему показывать путь. Белала на низкорослой лошадке Зарины замкнула процессию…

Глава 3

Доктор что-то быстро записывал в тетради, изредка хмурился, когда слишком крупные булыжники заставляли сбиться с мысли. Писал он при помощи какого-то невероятного приспособления очень светлыми, несмазывающимися чернилами. Имре завороженно следил за его рукой. Потом не выдержал, нарушил тишину:

– Хорошая девушка, правда?

– Кто?

– Графиня. Разговаривает так… ну, не как знатная дама.

– Да. Графиня. Последовательница Заточенных, по некоторым признакам, обученный маг, дочка трансильванского посла. Кстати, к дамскому седлу не привыкла, но верхом ездит уверенно. И на левом предплечье – ножны. Не пустые.

– Она? Последовательница Заточенных?

– Посвящение приняла не более месяца назад – магический почерк жреца хорошо читается. Впрочем, есть маленькая вероятность ошибки.

– И вы ничего не сделаете? Чтобы ее остановить?

– Зачем?

– Ну, как…

– Она пока не совершила ничего плохого. Более того, не успела приехать, как попала в переплет, связанный с нашим национальным проклятием. Могла бы возмутиться и заставить князя Бертока приносить извинения на дипломатическом уровне. Впрочем, может, еще и заставит.

– Все равно не верю.

Ферг только усмехнулся в усы. Один его недавний знакомый, молодой маг из сопредельного мира, мог бы много рассказать Имре по этому поводу…

И про веру, кстати, тоже мог бы рассказать.

Когда прибыли в госпиталь, стало не до разговоров. Ферг, направляясь к зданию, только распорядился:

– Имре, трупы ко мне наверх!

Парень, забыв о Белале, тут же побежал кого-то звать и что-то устраивать. Крестьянин с телегой уехал. Так что Беле помогал решать лошадиный вопрос невозмутимый Баго…

* * *

Белферан, услышав новости, долго расхаживал по комнате,

пытаясь унять волнение. Бела терпеливо ждала. Она знала, бури не последует. Отец понимает, что ее вина в случившемся минимальна, и наверняка сейчас пытается понять, чем им обоим грозит это приключение. Только он не придумает – он ведь ничего не знает о Зарине. Белала и сама-то о ней почти ничего не успела узнать.

– Надо вернуть лошадь, – наконец сказала она. – Ее отец – старший конюший в замке.

– Не сама же ты туда пойдешь?

Белала, которая так и хотела сделать, промолчала. А действительно, разве следует графине и дочке посла заниматься такими глупостями?

– Я напишу письмо, – решила она. – И пошлю кого-нибудь из прислуги. Если ее отец захочет узнать подробности, я его приму.

Белферан коротко кивнул. Потом добавил:

– Сегодня мы успели только отобедать. Завтра вечером состоится официальный прием в Китшоэ, на котором тебя представят князю Бертоку и его семье. Прием приурочен к празднику середины лета, так что будет бал, танцы и торжественный ужин. А уже послезавтра я планирую начать переговоры.

– Я еще кое о чем хочу посоветоваться.

– Да?

– Отец, там был один человек, маг. Его имя – доктор Ферг. Мне показалось, он сразу понял, что я посвященная. И ему это не понравилось.

– Хорошо, я о нем постараюсь разузнать. Значит, говоришь, доктор?

– Да, из госпиталя.

– Ладно. Ступай, отдохни. День был тяжелый…

Белала кивнула. Но вместо этого пошла сочинять письмо конюшему.

Она чувствовала, что стоит на минуту остановиться, и ярчайшие видения сегодняшнего дня вернутся. Снова удивительно четко представится кровь на камнях и одежде. Изможденный мужчина с вилами в груди. Зарина с разорванным горлом…

И теперь уже не будет между ней и бедой надежного щита из срочных и важных дел, которые отвлекают, заставляют сосредоточиться на чем-то другом, пусть менее важном, но необходимом.

Отправила слугу.

Зачем-то распорядилась принести в будуар ее дорожный сундук.

В сундуке, она точно знала, лежат еще платья. В одном из них она завтра отправится на прием. Второе пригодится в пасмурную погоду – сшитое из тонкой шерстяной ткани, оно не даст замерзнуть, даже если за окном пойдет снег. Но помимо этих двух нарядов там, в глубине сундука, лежит любимое «эльфийское» платье из черного шелка. У него узкая, в пол, юбка с разрезами на боках. Под нее не наденешь никакие фижмы. Под эту юбку нужны узкие штаны из черной замши. И корсет у платья мягкий, с потайной шнуровкой.

Конечно, на прием к князю в таком наряде не пойдешь… но Зарина бы оценила.

Бела провела ладонью по тонкому шелку… и неожиданно для себя расплакалась.

* * *

Аутопсия ничего нового не добавила к общей картине. Разве только Ферг усомнился, что горничная и в самом деле всю жизнь проработала прислугой. Скорей наоборот, хорошо питалась, активно двигалась, нет ни мозолей, ни старых шрамов, ни загара, который свидетельствовал бы, что она много времени проводила на улице. Зато на пальцах – следы чернил, что может значить, что девушка была обучена грамоте. Это и среди аристократических семей редкость, а чтобы учили прислугу, да еще и девочку…

Ферг распрощался с коллегами, выгнал немногих учеников и сам медленно и вдумчиво навел в помещении порядок. Тела Имре сопроводил на ледник, оборудованный в подвале. Завтра, если этого еще не сделала трансильванская графиня, нужно будет послать человека в замок, чтобы нашел отца девушки. Пусть займется похоронами.

В окно светила ополовиненная луна, пахло какими-то цветами, не то розами, не то жасмином. Аромат казался слишком ярким, выпуклым, привлекающим внимание.

Прошел месяц после возвращения, а он все никак не может привыкнуть к здешним ярким цветам, нарядам из дорогой ткани, публично демонстрируемому достатку. Все-таки прав был тот разведчик: Аррет меняет людей. Исподволь, по кусочку, по крупинке, вынимает прежнюю душу и вкладывает свое. Горький от привкуса полыни ветер пустырей. Разогретое солнцем, ржавое, тяжелое железо давно остановившихся механизмов. Серые развалины. Дожди, полосующие пустые дороги, по которым никто больше никуда не пойдет и не поедет. Людей, осторожных и занятых скорей вопросами выживания, чем наживы. Странную,

недоделанную магию. Магию, которая не может работать сама, без материального скелета, подпорки…

Ферг вернулся. И при этом непостижимым образом все еще оставался там. Там было проще. Там он мог оставаться честным и с собой, и с теми, кто оказался рядом. Там…

Трудно прожить в монастыре Спасителя без малого полтора месяца и не узнать все маленькие тайны послушников. И о том, что брат Рузан частенько грешит чревоугодием, и о том, что отец Евстатиан лупит семинаристов почем зря, а у брата Арама в городе есть подружка.

Тогда тоже было лето, непривычно жаркое для маленького северного городка. Почти так же светила луна, и старый священник, самый страшный человек, по отзывам как горожан, так и младших чинов клира, смотрел на него пронзительным, все подмечающим взглядом:

– Значит, вам нужен лабиринт. Верите ли вы в Спасителя, Бога нашего?

– Верю. Однако не собираюсь посвятить жизнь служению. Я ученый, и меня больше интересуют земные вещи… хотя вопросы веры, конечно, намного важней.

– Не всякое учение богоугодно. Что вы собираетесь делать? Зачем вам это? – скучно спросил старик.

– Сдвиг разрушил поселок, в котором я родился, – беззастенчиво соврал Ферг. – А здесь, в Спасенном Городе, сдвигов не бывает. Хочу понять, что сделать, чтобы в других местах было так же.

– В этом желании много гордыни. Для того чтобы Бог вам помог, нужно молиться, а не копаться в старых камнях. Скажите честно, вы маг?

Ферг усмехнулся и покачал головой. Он ничем не рисковал: все, что могут предложить монахи для проверки магических способностей, – поделки, выполненные на ученическом уровне. Их обмануть ничего не стоит. Старик ухмыльнулся и, вынув из кармана хрустальный шарик, кинул его через дощатый стол.

Шарик в руке Ферга остался совершенно прозрачным.

– Хорошо. Верните сферу. Итак, я пущу вас к лабиринту. Но рядом с вами всегда будет находиться мой человек. Он узнает, если вдруг вы начнете применять богомерзкое колдовство. И еще одно условие. Вы пойдете к приору и попроситесь в послушники. И будете работать наравне с другими остиариями и честно выполнять свой урок. Если только мой человек заметит что-то… Эниарская Инквизиция шутить не любит. Помните об этом. А теперь ступайте…

Всего через несколько дней после этого по монастырю

поползли слухи о железной птице, пойманной в городе. А потом настоятель и сам объявил о возможной войне с врагами-идолопоклонниками.

Человека, приставленного к Фергу, звали брат Евхарт. Диагноз его Ферг определил еще в самый первый день знакомства, и с того момента роли поменялись. Теперь уже Ферг присматривал за Евхартом, стараясь, чтобы все его внимание было сосредоточено на его персоне и не отвлекалось на мальчиков нежного возраста. Ферга Евхарт научился бояться после короткой беседы ясным днем у ворот продовольственного склада. Он и рад был бы отомстить, но углядеть хоть какой-то криминал в действиях новоявленного остиария Евхарт не смог.

Евхарт не был магом. Это значительно упрощало дело. Ферг несколько раз при нем проходил лабиринт, и тот не видел в его действиях ничего особенного. И вправду, семинаристы, играя, часто делали то же самое.

А лабиринт в Спасенном Городе был сильным. Из четырех лабиринтов, которые знал Ферг, этот, пожалуй, самый стабильный и надежный. Вот только пробиться по нему к лабиринту Агдоле, альтеррианской его проекции, не получилось ровно так, как не получалось из двух других.

Каждая новая неудача убеждала – надо бросать затею и возвращаться домой. Искать другой способ. Но Ферг медлил. А меж тем монахи готовились к вторжению, горожане заколачивали окна и перекрывали улицы. Что ни день, отец Леон собирал священников в своей келье, чтобы что-то планировать. В эти часы Ферг отдыхал от внимания брата Евхарта.

Надо было уходить. И самый простой из доступных способов – лабиринт. Если смотреть правильно, то увидишь, как сплетаются магические каналы, почувствуешь многомерность пространства, расцвеченную силами тех, кто когда-то выкладывал магические скрепы – печати… Синим будет светить дорога в Иберию, серебристо-белым – в италийский город Гасту, ярко-зеленым – на остров гейзеров и вулканов, где нет жилья, кроме нескольких старых факторий морских разбойников…

И только след лабиринта в Агдоле едва заметен. Он есть, он рядом, но к нему не пробиться, как ни старайся. Так же было и с лабиринтом Гасты. Даже хуже – оттуда казалось, что путь в Агдоле – это обман зрения, едва заметный морок…

Ферг наверняка знал, что на следующий день город будет взят. Может быть, монастырь продержится чуть дольше, но потом падет и он. И если с отцом Леоном еще как-то можно договориться, то с армией Схарма – вряд ли. Значит, уходить следовало нынче же ночью. И нельзя даже мысли допустить,

чтобы остаться и вступить в эту войну. На чьей бы то ни было стороне.

Вопреки собственным рассуждениям, он все-таки пошел в «Воронье гнездо» и половину ночи помогал ополченцам хотя бы словом. Собирался напиться в хлам, а вместо этого сидел вместе с людьми Тарна над планом города и всерьез думал, как остановить врага. Лишь к рассвету вышел на крыльцо. Утро было холодным.

Через минуту на то же крыльцо присел послушник в белой рясе. Ферг его узнал – парень имел несчастье насолить Евхарту, и тот регулярно развлекал своего «подопечного» планами будущей мести. Послушник был местный, от коней Тарна. Брат Дальгерт. [1]

– Не спится, святой отец? – спросил Ферг. – Горло промочить не хочешь?

По всему было видно, Евхарт все-таки нашел способ прижать парня. Нереализованное желание помочь в этом городе хоть кому-то хоть в чем-то заставило продолжить беседу.

Сейчас оставалось только жалеть, что так и не поговорил тогда с Дальгертом по-человечески.

«Напустил туману, джедай хренов… почему-то даже имя свое не пожелал назвать. Да нет, не почему-то. Если заняться самоанализом, то, пожалуй, все просто. Не хотелось налаживать связи, сживаться с городом, откуда собирался уйти навсегда. С людьми, которым предстоит битва и у которых слишком много шансов эту битву не пережить. И зря тогда метался. Все равно же никуда не ушел…»

Половинка луны ползла по небу, а Ферг вспоминал события давние и недавние. И надо было идти спать, потому что завтра начнется тяжелый день. Завтра ко двору прибывает еще несколько важных гостей, на этот раз из Моравии. А потом будет праздник середины лета. Гости, кареты, дамы в пышных платьях. Военные в парадных мундирах…

Танцы, пиры, салоны…

Князю зачем-то понадобилось, чтобы Ферг был рядом.

* * *

Мастер Ладжус Чордаш выглянул из окна самой высокой башни Боруша и решил, что то, что он видит, ему нравится. Солдаты согнали из окрестных деревень крестьян, и те пестрой толпой стояли за наскоро сколоченными деревянными загородками, заполняя бывший двор крепости.

Над башнями развевались новые флаги – черные с

серебряной восьмиконечной звездой.

Гарнизон крепости увеличился до трех сотен человек, и сейчас стрелки как раз занимали места на стенах. Пехотинцы в черных длинных доломанах и коротких плащах, украшенных все той же звездой, стояли шеренгой напротив главных ворот. Кавалеристы, которых пришлось поставить пешим строем, занимали почетные места вдоль левой стены, напротив высокой, сколоченной из досок площадки, куда подняли княжеский престол.

Ладжус разглядел полуорка с его разведчиками, которым тоже нашлось место в общем строю. Возмущенно поджал губы. Хагр даже в этот торжественный день был одет не по форме. То есть цвета его плаща соответствовали мурешскому флагу, но просторную шелковую сорочку насыщенного алого цвета никто не назвал бы форменной. Ничего. После сегодняшних торжеств орк покинет Боруш. Ему еще найдется работа.

За неполный месяц к первой взятой крепости Чордашу удалось добавить еще две победы. Одна ему ничего не стоила. Хозяин тех земель несколько лет как умер, не оставив наследников. В замке поселились какие-то его дальние родственники, за короткий срок успевшие окончательно разориться. Сдались они без боя, другой вопрос, что и взять там особо было нечего. Ладжус поставил в имении своего управляющего и отрядил солдат, чтобы приглядывали за крестьянами – разбегутся, чего доброго, а кто пахать будет? С другими соседями, земли которых были богаче и располагались ближе к Тисе, так легко справиться не удалось. Однако двухнедельная осада и диверсия магов-разведчиков принесла свои плоды, хотя и пришлось потратить куда больше драгоценного времени, чем планировали…

Мастер Чордаш взглянул на собственное отражение и остался доволен. Черная с серебром форма была ему к лицу. Тонкие усы идеальной формы, уверенный взгляд, четкий овал лица – никто не должен усомниться в его праве решать судьбы здешнего народа. Он холодно улыбнулся – именно так. Сегодня местные воочию убедятся, кто здесь главный. С этого дня порядки на новых землях Муреша изменятся…

В дверь постучал ординарец – пора.

Чордаш разгладил несуществующую складку на рукаве и отправился вниз. Сегодня значимый, может, самый важный день в его жизни…

Внизу уже построились солдаты его личного караула.

Не хватает музыкантов, с досадой подумал маг. Но ничего. Не зря же его солдаты неделю тренировались на плацу! Все будет

четко и точно. Все будет так, как он сам и распланировал…

И вот ворота распахнуты. Солдаты, чеканя шаг, выходят вперед. Ветер подхватывает полотнище знамени и разворачивает его. Маги, приветствуя своего командира, выпускают в небо восемь ослепительно ярких лучей.

Чордаш идет вперед под взглядами толпы. Гул голосов стихает. И вот уже перед ним ступеньки, ведущие к престолу. Ступеньки устланы старыми знаменами Боруша. Чордаш с удовольствием идет по этим тряпкам.

Оборачивается. Все взгляды сосредоточены на нем. Крестьяне, замерев, вглядываются в его лицо, замирают солдаты и маги. Тишина разливается над крепостным двором, тишина, пронизанная ясными солнечными лучами.

«Каждый из вас, – подумал Чордаш, – каждый, и ты орк, и самый последний пастух из деревни, все вы запомните этот день на всю жизнь!»

– Люди! Возрадуйтесь! – прокатился над головами его мощный голос. – Я, маг Великого Муреша, мастер Ладжус Чордаш, нарекаю себя наместником Мурешского престола в этих землях. Отныне они принадлежат Мурешу. Отныне вы все находитесь под покровительством мудрых и справедливых Заточенных богов. Отныне вы подчиняетесь закону Муреша, и горе тому, кто попытается воспротивиться этому закону!..

Речь, давно составленная и отрепетированная, лилась легко. Можно было выкрикивать слова бездумно, потому что они все тысячу раз уже произносились во время тысячи воображаемых выступлений.

Его слушали.

Так же как сейчас слушают, они станут выполнять все законы. Они будут отчислять положенную десятину в пользу армии. Их сыновья пойдут в солдаты к наместнику Муреша – потому что у них не останется выбора. Они начнут жертвовать богам Муреша ровно то, что им причитается, и тогда никому не будет чиниться никакого зла…

А потом пришло время суда. На площадь, прямо к выстроенному недавно из свежих досок эшафоту, вывели пятерых пленных: одну старуху, ведьму, и четверых мужчин. Все они были родственниками того побережного князька, что продержался против сил Чордаша возмутительно долго.

Все они участвовали в обороне. И каждый был виновен перед наместником. В смерти его солдат. В бунте. В том, что помогли части укрывшихся в замке крестьян перебраться на другой берег реки подземным ходом. Но самое главное – в том, что были уничтожены продовольственные склады. Хозяева беспощадно

предали огню все остатки прошлогоднего урожая. Чордаш, планировавший использовать эти запасы для нужд армии, пришел в бешенство и хозяина, пожилого седовласого князя, казнил прямо там, в замке. Приказал пороть на дворе вожжами, а потом повесить.

Сегодня он с удовольствием вынес его родственникам и слугам тот же приговор, который и был приведен в исполнение немедленно…

Немного подпортило впечатление то, что никто из них, даже старуха, не стал просить пощады.

Но население впечатлилось. Все время экзекуции над двором слышались лишь удары и стоны приговоренных…

Чордаш был уверен, что дальше будет легче.

Боруш он назначил временной столицей. Временной, потому что место неудобное. Потом он найдет надежную большую крепость в центре страны или даже маленький городок. Немного севернее, разведчики докладывали, есть город Севле, который славится прекрасными винами. Правда, там-то как раз придется повозиться…

Тела оставили висеть. Первым площадь покинул сам Ладжус с гвардейцами и знаменосцем. Уходя, он вновь пожалел, что нет оркестра. Потом отворили главные ворота. Сначала сквозь них вышли солдаты Муреша (последними шагали разведчики, об этом Чордаш позаботился лично), затем замковая прислуга убрала деревянные загородки, и крестьяне тоже смогли уйти.

Чордаш, глядя из окна, как они расходятся, подумал, не маленькую ли он назначил десятину?

И сам себе ответил: время покажет. А если что, потом и переиграть можно. Боги, правда, велят без нужды пока никого не казнить и не свирепствовать. Но Чордаш сам знает, как обращаться с людьми, чтобы получить от них максимальную выгоду. Боги далеко. К тому же им, как и всем в этом мире, важно не средство, а результат. И результат им будет!

* * *

С утра Белала чувствовала себя странно. Словно весь вчерашний день был сном или ошибкой. Словно ночь его отменила и можно все начинать с чистого листа.

Так было до момента, когда в комнату постучала горничная.

Невысокая пожилая опрятная дама строгого вида, с тонкими губами с опущенными книзу уголками принесла воду для умывания и полотенце. Бела ее поблагодарила и с облегчением

поняла, что эта новая прислуга не стремится к общению. И сразу все вспомнилось. Все, до мелочей. Даже собственные стыдные слезы, хоть и пролитые в подушку. Каждое слово и каждый жест.

Бела умылась. Посмотрела на разворошенный сундук и вынутые оттуда платья. Наряд, привезенный специально для первого бала в замке паннонского князя, показался ей неправильным. Много кружев, светлая ткань в складочку, жесткий корсет. Розовый шелк.

Словно ничего не случилось…

Она распорядилась его подготовить к выходу. Другого-то официального наряда все равно нет.

Завтрак прошел в молчании. Отец вновь о чем-то напряженно думал и, только когда подали десерт, спросил:

– Бела, скажи, тебе там, в храме, ничего не показалось странным?

Белала улыбнулась:

– Доктор тоже об этом спрашивал. Было какое-то ощущение присутствия, но всего мгновение, мы даже не успели войти в храм. А потом оно исчезло и больше не появлялось.

– Ему ты тоже об этом сказала?

– Сказала. Он хотел разобраться в случившемся. Я же говорила, что он маг, при этом маг, которому я, скажем так, не понравилась. Обманывать его мне показалось рискованно.

– Хорошо, что ты помнишь об осторожности. И все же… вчера я не стал тебя расспрашивать. Но перед тем как задавать вопросы моим знакомым в городе, я бы хотел услышать твои собственные мысли о нем.

Белала пожала плечами.

Доктор… Что о нем она могла бы рассказать, кроме того что он маг?

Ему хочется верить. Наверное, коллеги его уважают, ученики так точно, даже чужие…

Он может быть жестким и, наверное, мог бы быть хорошим военным. Стоит только вспомнить, что и как он делал в храме. Да нет, не это важно. Важно, что он опасен для врагов, и ей самой не хотелось бы числиться среди его неприятелей. Но он не любит тех, кто чтит Заточенных. А это значит, среди друзей доктора Ферга ей числиться тоже не придется.

– Он серьезный враг. Но не думаю, что нам грозит с его стороны какая-то опасность прямо сейчас. Он мог бы, если бы захотел, еще вчера заставить меня рассказать все, что знаю. Но он не стал. И еще… я познакомилась с одним юношей, который служит в госпитале. Собираюсь его осторожно расспросить.

– Хорошо. Пока мы еще не знаем, кто наши враги, а кто

друзья, надо жить с оглядкой. Тем более нам предстоит провести в замке несколько дней.

– Несколько дней?

Белферан нахмурился:

– Союз Моравских князей прислал князю Бертоку послов. Вероятно, они тоже будут предлагать ему военный союз… если не что-то большее. Предстоят долгие и тяжелые переговоры. В свете этого возможность хотя бы во время праздника жить прямо в замке, общаться с членами княжеской семьи в неофициальной обстановке – это для нас сейчас очень важно. Белала, прошу тебя, постарайся понравиться княгине. Если она возьмет тебя в свою свиту, мы сможем получать больше сведений из первых рук…

– Разумеется. Ведь именно для этого ты меня с собой и взял?

Отец серьезно кивнул:

– Не будь тебя, у меня не было бы повода напроситься к князю в гости.

До самого обеда Белала ждала, что придет отец Зарины, но этого так и не случилось, а после обеда слуги подготовили карету. До Китшоэ было меньше пяти минут пешком, но званым гостям князя пешком ходить не пристало…

* * *

Представлявшая жилище владетеля государства по прекрасному дворцу Сибу, Белала поначалу удивилась. Паннонский замок отличался от него, как солдатский кафтан от наряда королевы. Карета въехала во двор под низким сводом арки. Там, внутри невысокой крепостной стены, расположилось сразу несколько мрачных по архитектуре зданий. Правда, в центре просторного двора хватило места маленькому парку с кленами и подстриженными акациями, и это немного примирило ее с жилищем князя Бертока.

Карета сделала круг по дорожке, остановилась. Лакей открыл дверцу. Белферан вышел первым, протянул руку дочери. Белала ступила на камни мостовой, огляделась. Солнце гладило стену, по ней скользили легкие тени. Пахло пылью и влагой. А еще во дворе замка пели соловьи. В городе она таких звонких птичьих голосов не слышала.

– Идем, – шепнул отец.

И правда, к крыльцу подъезжала уже следующая карета.

Потолки замка казались ей слишком низкими. Старинные гобелены были кое-где закопчены дымом факелов, кое-где выцвели на солнце. И только ковер на полу лежал новый,

вероятно, его разостлали специально для праздника…

Должно быть, местные обитатели привыкли и не обращают внимания на эти очевидные признаки застарелого непорядка.

Зато какой открывался вид с галереи! Окна ее по случаю лета и хорошей погоды были открыты настежь, ветер трогал легкие муаровые занавески. А за ними лежал весь город, и поля за городом, и буковые рощи. А совсем далеко виднелась линия гор.

Комнаты, выделенные трансильванским гостям, располагались рядом и имели общую гостиную. Комната Белалы оказалась меньше, но была богато обставлена и украшена картинами, на которых благородные паннонские дворяне охотились на оленей, зайцев и лис.

Самое главное место в комнате занимала высокая кровать под балдахином. А вот зеркало здесь было небольшое, в старинной темной раме.

Бела улыбнулась своему отражению и тут же покинула комнату. Отец распорядится, чтобы сюда из городского дома доставили все самое необходимое, а пока нужно лишь поправить прическу и поспешить в зал, где вот-вот начнется официальное представление посольства…

Знать бы еще, где этот зал.

Однако искать ничего не пришлось. В гостиной их с Белфераном уже ждал распорядитель, который коротко пересказал протокол представлений и искренне посоветовал поторопиться.

А в главном зале замка все оказалось иначе. Много света – высокие окна, украшенные витражными ромбами, магические светильники под потолком и у стен; много золота, зеркал, светлых драпировок.

Дорожка красной ткани вела к трону князей Паннонских, рядом с этими высокими креслами, чуть ниже, на специальном помосте, расположились другие знатные обитатели замка. Белала решила, что это родственники и ближайшие друзья князя. Возможно, среди них были и телохранители… если этому высокому, с военной выправкой мужчине вообще нужны телохранители.

Белала шла по красной дорожке. Играл небольшой оркестр. Дорожку пересекали полосы солнечного света, падающего из окон. Она считала полосы. Всего их пять. Вот они миновали первую – розовое платье празднично вспыхнуло в луче. Вот вторая, третья…

На четвертой глашатай объявил:

– Граф Белферан Вораш, посол трансильванский! Графиня Белала Вораш!

Бела присела в изящном поклоне. Встретилась взглядом с княгиней. Та благожелательно улыбнулась. Но улыбка показалась Беле натянутой, усталой и ненастоящей.

Зато юная княжна улыбалась во весь щербатый рот. Это была худенькая девочка лет двенадцати, которой совершенно не подходили ни пышное, от груди, платье, ни прическа, сооруженная на голове из накладных локонов и лент.

Четыре года назад, когда Бела появилась дебютанткой при дворе Сибу, у нее на голове была подобная прическа. Оставалось только пожалеть девочку. Но, кажется, та не испытывала никакого неудобства…

За княжескими креслами Белала внезапно разглядела знакомую фигуру. Доктор Ферг! Он-то что здесь делает? Бела на всякий случай чуть склонила голову в его сторону, давая понять: я вас увидела и узнала! Ферг ответил невозмутимым поклоном. Он казался единственным человеком, который не принарядился по случаю праздника. Правда, светлую льняную рубаху поменял на шелковую черную.

Белферан повел дочь вдоль стены, туда, где уже собрались придворные. Дамы обмахивались веерами и о чем-то оживленно разговаривали. Их речь казалась немного странной, но трудностей с пониманием не было. Бела даже поймала себя на том, что подхватила некоторые особенности здешнего произношения у Зарины.

Она присмотрелась к их одеждам. В Паннонии одевались в целом проще, чем в прекрасном Сибу, но старались следить за модой. И юбки тут принято носить не такие пышные, с облегчением заметила она. Были даже две особы, наряженные «под эльфиек». Бела подумала, что, может быть, черное шелковое платье ей еще пригодится…

Меж тем были представлены все прибывшие в Паннонию иностранные гости, и лакеи распахнули двери в танцевальный зал. Вот и первая возможность пообщаться со здешними обитателями…

Бела была уверена, что забыла все танцевальные движения напрочь, тем паче что здешние бассадансы могли отличаться от принятых при трансильванском дворе. Поэтому, когда объявили первый менуэт, постаралась отступить подальше и скрыться в тени. Это не очень помогло – молодой человек в кремово-белом наряде протянул ей руку, приглашая. И началось…

Танцы сменялись один другим. Сменялись и партнеры. Белале стоило большого труда копировать их движения и не сбиваться с ритма. Сама себе она казалась неопытной и неуклюжей, но, кроме нее самой, этого, к счастью, никто не

замечал. Князь Берток танцевал с супругой. Княжна тоже танцевала. Кажется, со своим учителем хореографии. Ферга видно не было.

Торжественный ужин, поданный после танцев, запомнился Белале тартессийским вином и невероятным количеством самых разных закусок. В Сибу такие пиры давно вышли из моды. Часто гостям подавали лишь фрукты и легкие блюда. Но, похоже, в Паннонии, как в древние времена, считали, что первый долг хозяина – как следует накормить гостя. А после ужина благородные господа отправились в парк, где маги и специально приглашенные артисты уже готовили представление.

Белферан подхватил дочь под руку и подвел к стайке молодых людей и барышень примерно ее возраста.

– Графиня, – сказал он с поклоном, – разрешите представить вам мою дочь Белалу. Бела, знакомься, это графиня Тиана Теранен, хороший друг трансильванского двора и наш, я надеюсь, будущий деловой партнер.

Бела присела в поклоне. Графиню она запомнила еще во время танцев. Красивая, элегантная и грациозная, она весь вечер была в центре внимания кавалеров.

– Тиа, – улыбнулась графиня, – для друзей только так.

– Бела.

– Ну, оставлю вас, – улыбнулся Белферан и тут же куда-то заторопился.

– Вы только что из Сибу. Расскажите же нам, чем живет сибушский дворец! Я была там всего единожды, но поверьте, господа, он прекрасен! Теперь есть кому это подтвердить!

Бела нехотя принялась рассказывать, но по мере разговора увлеклась, стала припоминать подробности своей жизни при дворе четыре года назад. Присутствующие мечтательно вздыхали, кто-то задавал вопросы, кто-то просто слушал. Так, за приятной беседой, они подошли к подмосткам, на которых жонглеры и акробаты показывали удивительные трюки. Они подкидывали и ловили горящие факелы, выстраивали пирамиды, ходили по высоко натянутому канату… а потом дело дошло и до магического представления.

Маги расцветили небо и парк яркими огнями. По очереди они демонстрировали свои умения в создании иллюзий невиданных животных и птиц…

Когда представление закончилось, Тиа предложила Белале погулять по Китшоэ.

– Я хочу отблагодарить тебя, Бела, за сегодняшний рассказ и приглашаю на прогулку по замку. Обещаю, будет интересно. Китшоэ – самое древнее здание в Агере.

Отказываться Бела не стала. Она успела составить представление о молодой паннонской аристократке. Но выводы стоило проверить. И обижать ее тоже не хотелось. Как-никак Тиа сама предложила дружбу и помощь.

Тиа оказалась отличной рассказчицей, и благодаря этой прогулке Бела действительно много узнала о замке и его истории. Пожалуй, она даже поменяла свое мнение о нем. Да, древний, да, не блистает изысканной воздушной красотой праздничного Сибу, но он не лишен собственного очарования. Очарования, овеянного столетиями истории агерского правящего дома…

…А гобелены в военном зале такие древние, что их нельзя снимать, даже чтобы почистить, – расползутся на ниточки…

Запомнились пустующие казематы под землей. Сейчас часть из них превращена в винные подвалы, а когда-то это была тюрьма.

Картинный зал тоже произвел впечатление – зал, где висят портреты всех властителей Китшоэ за последние пять веков.

С темных полотен глядели на Белу суровые бородатые мужчины, юноши в доспехах, строгие дамы, старухи, девочки и мальчики…

– А Князь Мертвецов тоже здесь?

– Его звали Эрно. – Тиа пожала плечами: – Нет, его портрета здесь нет. Говорят, его попросту не успели закончить. Но зато есть маленький портрет в Запертых комнатах.

– Интересно!

– Ничего особенного. Сто раз видела. Обыкновенное лицо. Вот его брат Джерго, отец князя Бертока, был красавчик. Идем, покажу…

У молодого князя Джерго были светлые волосы и очень приятная улыбка. Пожалуй, сын внешне походил на него. А вот характер, скорей всего, унаследовал от матери…

– А что за Запертые комнаты?

– Бывшие личные апартаменты твоего Князя Мертвецов с семейством. Они до сих пор пустуют, а ведь больше тридцати лет прошло. Там даже мебель вся осталась. Ну, и картины. Все ценное, конечно, давно перенесли в другие комнаты. Считается, что это князь Джерго распорядился там ничего не трогать. Дескать, хозяин может вернуться. А Запертыми они только называются. Туда и прислуга ходит прибираться. А один раз одна знатная дама… я не буду называть ее имени… заперлась там с любовником. Она клянется, что слышала завывания призрака…

Графиня сделала страшное лицо и завыла, подражая призракам. Обе девушки засмеялись.

– А любовник?

– Что – любовник?

– Тоже слышал завывания?

– Не знаю… а может, это он сам и завывал!

В приподнятом настроении они вернулись в жилую часть замка и там распрощались, уговорившись встретиться на следующий день и продолжить прогулки по старому Китшоэ.

А Бела решила, что, кажется, добраться до Князя Мертвецов будет не так и сложно. И значит, скоро она выполнит обещанное.

Глава 4

Белала оказалась недалека от истины, когда решила, что Ферг оказался на балу не случайно и, скорей всего, по делу. Дело это было напрямую связано со вчерашними событиями.

В час, когда музыканты заиграли вступление к менуэту, а старший караульный отправился разводить по замку посты, доктор ждал встречи с капитаном личной княжеской гвардии кавалером Лусом. Капитан был одним из тех, кто балы считает лишней помехой в строгом дворцовом распорядке и часто в такие дни лично проверяет, как его люди выполняют свои обязанности. Сегодняшний день не должен был стать исключением.

Нет, Ферг мог бы поступить иначе. Мог, например, прийти к Лусу на прием, как рядовой горожанин или соискатель. Или мог сообщить о предстоящем визите его дворецкому.

Но у этих способов имелись существенные минусы. Во-первых, Ферг не желал, чтобы их встреча выглядела официальной, а во-вторых, время. Неизвестно, сколько бы пришлось ждать.

И потому, прикинув все «за» и «против», Ферг неторопливо прогуливался по верхней галерее. Ее капитан княжеской гвардии миновать не должен был никак.

Действительно, не успела за стеной стихнуть музыка первого менуэта, как капитан Лус появился в поле зрения. Доктор, развлекавшийся разглядыванием родового древа князей Шорош, повернулся ему навстречу и учтиво поклонился:

– Капитан, прошу простить, но мне нужно поговорить с вами немедленно.

– А, это вы, Ферг. Признаться, я уже забыл, когда видел вас в последний раз.

– Это было примерно два года назад, если мне не изменяет память. Встречались мы с вами здесь, в замке, на именинах княжны Лисии. Вы подарили ей игрушечную лошадку, и девочка долго возмущалась, что это подарок для маленьких мальчиков, а она, во-первых, девочка, а во-вторых, большая.

– Да, точно. Так я вас слушаю.

– В последнее время в окрестностях города вновь появились случаи княжьей болезни. Понимаете, о чем я?

– Княжья болезнь? Но уже лет пять как ни одного случая…

– Вот именно. Новая болезнь только похожа на княжью в первичных проявлениях. Позже для нее становятся характерны признаки кататонии. Но у меня есть и другие версии. Дело в том, что все три известных сейчас случая заболевания сильно

отличаются друг от друга. Сознание больного помрачается, он начинает выдавать самые непредсказуемые реакции, в том числе агрессию. Понимаете? Это может быть опасно не только для самого больного. Для любого, кто окажется рядом.

– И что же вы от меня хотите? Я не лекарь.

– Дослушайте, капитан. Вчера в окрестностях Агера погибла девушка. Ее жестоко убил такой вот больной. Другого такого же по моему распоряжению чуть больше недели назад доставили из Салека. Да что там, сам князь Берток рассказал мне на днях похожую историю. Эта болезнь – если это действительно болезнь – опасна. И по тем тенденциям, которые я вижу, она распространяется.

– Послушайте, Ферг. Я всего лишь военный, отвечающий за порядок в замке…

– В таком случае готовьтесь к тому, что новая болезнь доберется и сюда. Мы не знаем ее природы. Не знаем, как она передается. Пока не знаем. Но я вам точно скажу, что будет, если о новых случаях узнают в городе. Поверьте, вчерашняя история уже стала любимой темой для обсуждения в кабаках и на кухнях.

– Считаете, начнется паника?

– Я не сказал? Больной эту девочку попросту загрыз. Зубами. И крестьяне это видели. Да, думаю, будет паника.

– Значит, вы предлагаете подготовить солдат…

– О нет. Я не собираюсь лезть в дела военных. Просто предупредил. А нужно мне… Мне нужна помощь. Необходимо собрать сведения о подобных случаях в городе и окрестностях. Собрать тихо, чтобы никого раньше времени не потревожить. Мне требуется узнать число заболевших, время, когда они заболели. Время смерти, если кто-то успел умереть. И еще география. Где это случилось. Пока мне известны три случая, и все – неподалеку от Салека. А в Салеке, напомню, княжеские купальни, в которые все семейство обязательно направится ближе к августу.

Лус нахмурился:

– То есть вы готовы поклясться, что это на самом деле может быть настолько опасно.

– Разумеется. Князь, кстати, считает так же. Но вы же знаете его светлость. Он готов раструбить о новой напасти направо и налево. А если это случится, тихо узнать нужное уже не получится.

– Я поговорю с капитаном городской стражи… а совет Семи Мудрецов предупредить не следует?

– Совет предупрежден.

Только эти так называемые мудрецы, ставленники городских цехов и купеческих гильдий, заботящиеся сначала о прибыли и

только потом уже обо всем остальном, так ему и не поверили.

– В таком случае я сообщу вам, как что-то узнаю.

– Можно оставить весточку в госпитале.

– Буду иметь это в виду. До встречи, сударь!

– До встречи.

Ферг проводил капитана задумчивым взглядом.

* * *

Белала снова не могла заснуть – мешали впечатления минувшего дня. Повалявшись около получаса и убедившись, что сон призывать бесполезно, она затеплила свечу, надела заботливо разложенное служанкой на кресле домашнее платье и выскользнула в гостиную. От свечи на мебель и стены падали причудливые густые тени, и казалось, что в их чернильной глубине кто-то прячется. Это были нестрашные существа. Страшные – не прячутся. Страшные нападают.

В нишах над гобеленами светили магические фонарики. Свет от них был не таким ярким, как от свечи, и холодным. Как будто маги запихнули под стекло кусочки пасмурного дня. Свет этот едва заметно мерцал.

Бела не стала задувать свечу – наверняка же в Запертых комнатах магические огоньки не предусмотрены. А постороннее колдовство легко заметит дежурный маг.

Нет, с магией в столице Паннонии нужно быть предельно осторожной.

Да, может, еще ничего и не получится. Конечно, когда они вечером проходили мимо искомых комнат, ни замков, ни засовов не увидели, но мало ли.

Так, успокаивая себя, Бела свернула из гостевой в парадную часть замка. Здесь тоже было мало света, да он и не нужен, в этот час не спят только гвардейцы, охраняющие Китшоэ. Но бóльшая их часть должна быть этажом выше, там, где живут князь Берток и его семья. Еще она помнила посты возле парадной залы, на лестнице и на галерее. Туда ей не нужно. Князь Эрно Шорош жил в том же крыле, в котором сейчас принято размещать гостей.

Короткий этот путь она преодолела быстро и без приключений.

Дверь в старые княжеские покои оказалась не заперта. Огонек свечи выхватывал по очереди зачехленную мебель, сложенные стопками старые вещи и книги. Как во всем этом можно найти нужные бумаги? Как вообще понять, какие записи нужны трансильванским магам?

Белала увидела подсвечник на пять свечей, им, вероятно, пользуются, когда прибирают здесь. А сейчас он будет как нельзя кстати. Она тщательно затворила входную дверь, даже засов не забыла задвинуть, и сразу почувствовала себя намного спокойней.

Когда загорелись все пять свечей, тени стали прозрачней. Бела на пробу откинула ткань с одного из столов. Стол оказался резным секретером. Может быть, стоит изучить его внимательней… но не сейчас.

Пока надо получше осмотреться здесь. Эта комната, вероятно, служила Эрно гостиной. А должна быть и спальня, и детская, ведь у него сын. И у княгини отдельная комната. И, наверное, кабинет тоже…

Она медленно шла, поднося свечи к картинам на стенах. Некоторые из них тоже покрывала ткань, с некоторых льняные полотнища убрали.

Это были пейзажи, кажется, выполненные одним и тем же художником. Буря в каком-то южном городе, и одинокий солнечный луч, пробившийся сквозь грозу, выхватывает белую башню на скале. Древние развалины, заросшие густой травой. Над ними яркий летний день, а на переднем плане – потрескавшаяся и оплетенная растениями голова античной статуи. Осенний лес…

А вот женский ростовой портрет. Наверное, это беглая княгиня, жена князя Эрно. Та самая, которую он собирался убить. А может, и убил, ведь Зарина так и не рассказала, что там случилось, в той пещере, как ее… Агдоле. На портрете княгиня мягко улыбалась, длинные волосы прядками ложились на плечи, их не могло скрыть тонкое полотно накидки, спускающейся из-под венца.

У нее был красивый овал лица и большие серые глаза, в которых, казалось, отражалось пламя свечей. Кружевной ворот платья оставлял открытой шею, украшенную геммой на кожаном шнурке. Художнику отлично удалось передать свойства материалов. Казалось, стоит протянуть руку, и почувствуешь и мягкость меха, и легкость шелка, и шершавость кожи…

Рядом, тоже незадрапированный, висел мужской портрет. Белала без колебаний определила на нем князя Эрно – он попросту был похож на брата. Только волосы темные. Да нет, не только. Видно, что этот портрет писался раньше, на нем князь выглядит моложе Джерго. И, глядя на него, не веришь, что всего через год или два вот этот молодой дворянин с открытым взглядом и едва заметной улыбкой на губах чуть не погубит собственную страну, станет причиной смерти жены и сына.

С улыбкой что-то было сильно не так, но Бела не успела

разобраться что, потому что из-за ее спины внезапно донеслось:

– Не спится, графиня? Не ожидал встретить вас здесь. Но почему-то совершенно не удивлен.

– Доктор…

– Полагаю, бессмысленно спрашивать, что вы забыли в этих комнатах. Вы мне сейчас со свойственной вам честностью расскажете, что ни в чем не виноваты, и даже добавите о какой-нибудь баронессе или графине, которая вам посоветовала непременно ночью сюда забраться…

Бела поставила подсвечник на ближайшую гладкую поверхность.

– Нет, доктор. Мне просто не спалось.

– И вместо того чтобы прогуляться по парку или выйти на балкон…

Бела пожала плечами. Врать она не собиралась, говорить правду – тем более.

И тут вспомнила, что перед тем, как начать осматриваться, заперла комнату на задвижку.

– А вы сами-то как сюда попали?

– Работал допоздна. У меня кабинет по соседству.

– Я заперла вход.

– Неужели вы думаете, что он тут один? Я услышал шаги, увидел свет и решил проверить, кто это гуляет здесь посреди ночи. Графиня, будьте осторожны…

– Это угроза?

– Что вы! Это предупреждение. Я разговариваю с вами второй раз, и второй раз мы беседуем в таком месте, где вам совершенно не нужно находиться. Идемте, я провожу вас.

Бела сделала шаг к двери, но и только. Остановилась. Повернулась лицом к Фергу:

– Он не похож на убийцу. Князь Эрно.

– Ни один убийца не похож на убийцу. Иначе незачем было бы их бояться. Отлавливали бы их прямо в детстве и…

– Что?

– И не давали пугать людей. Но если это вас утешит, он действительно не был убийцей. Вот так не повезло парню в жизни. Был бы убийцей, может, до старости дожил бы…

– Вы меня заинтриговали.

– Графиня, завтра расспросите придворных. Они вам с удовольствием все расскажут, а если захотите, то и покажут. А сейчас ступайте спать.

Он действительно проводил ее до дверей спальни и убедился, чтобы она задвинула за собой засов.

Бела только сейчас сообразила, что шла по замку с

подсвечником из Запертых комнат, которые оказались не то что отпертыми. Они оказались незапираемыми в принципе…

* * *

Ферг только у открытой настежь двери вспомнил, что подсвечник унесла трансильванская графиня. Нашарил в кармане электрический фонарик и в его луче аккуратно задвинул засов. Потом поправил белые полотнища, скрывающие мебель. Остановился перед портретом Эрно. Усмехнулся в бороду, перевел взгляд на княгиню. В электрическом луче портрет стал просто портретом. Холст, на котором художник изобразил фигуру, лицо, глаза. Образ рассыпался на детали. Так же он рассыпался и в памяти.

– Знаешь, Эдит, мне кажется, наша трансильванская гостья бродила здесь не просто так…

Ответа, конечно, не последовало. Ферг с суетливой поспешностью, как вор, быстро опустил драпировки на оба портрета. Затем сдернул чехол с одного из стульев, сел, выключил фонарик. Темнота завладела помещением, темнота и тишина, в центре которой с закрытыми глазами сидел князь Эрно Шорош, не тот, с портрета, другой, почти на сорок лет старше. У этого за плечами была война. И отречение. И ученичество у десятка магов и целителей, и почти безнадежные попытки спасти хоть что-то… А потом, совсем в другом мире, – Будапештский медицинский университет. И десять лет жизни в чужой, далекой и холодной стране. И там тоже мединститут… и еще, наверное, год – на юге, где он пытался объединить магию и накопленные знания по медицине и психологии.

И возвращение. И откладываемое до бесконечности посещение Агдоле…

* * *

В тот год осень выдалась теплой, и они почти весь сентябрь провели в летнем домике в Салеке. Эрно хорошо помнил, как они туда уехали – в начале мая, сразу после похорон отца и присяги магов. Конечно, сам он почти ежедневно мотался между деревней и Китшоэ и, кажется, меньше всего был озабочен тем, что подумают об этом придворные. Тяжелое послевоенное время наложило свой отпечаток и на Паннонию, которую боевые действия зацепили лишь краем. Страна многое отдала ради

победы. Много ушло на войну и дворян, и простых солдат-ополченцев. Слишком уж близко был враг, слишком яростные велись бои…

И теперь зарастали поля. Обветшавшие дома требовали ремонта. Не хватало лошадей… не хватало людей.

Эрно разрывался между государственными делами и семьей – его первенцу только-только исполнилось два года. Но он знал, что обязательно со всем справится. Иначе и быть не могло. Тогда он думал, что магия – это такой инструмент, владея которым просто нельзя проиграть. Это была наивная мысль.

Вот и в тот день. Совет Мудрых – в состав его входили тогда, как и сейчас, четыре представителя купеческих гильдий и три старших цеховых мастера – затянулся до глубокой ночи. Спорили о понижении налогов в свете неплохого урожая. Спорили до хрипоты о дорожных налогах, без чего не получится даже начать ремонт столичных улиц…

Молодой князь понимал, что гильдии не желают поддерживать политику, от которой страдает их собственный кошелек, только-только начавший снова пополняться. Но собирался настаивать, что налог нужно снизить. Иначе сельская беднота станет городской нищетой, как это случилось уже в некоторых менее благополучных городах. Но, чтобы убедить в этом купцов, требовалось время и поддержка хотя бы кого-то в Совете. А чтобы получить такую поддержку, нужно было больше времени тратить на разговоры. Именно поэтому Эрно и оставался в Китшоэ уже третью ночь, хотя больше всего на свете желал бы оказаться в Салеке.

Он шел по парку, усталый и злой.

Он никого не желал видеть. Хотел умыться и упасть в постель.

Но до своих комнат дойти ему так и не удалось. Из тени кленов вышел смутно знакомый, хорошо одетый дворянин. По случаю теплой погоды на нем не было плаща, зато бросалась в глаза перевязь и узкий италийский меч на боку.

Эрно еще подумал: наверное, он воевал на юге. Сейчас много появляется иноземного оружия. Если и вправду пришли мирные времена, то вот будет радость для ценителей…

Незнакомец учтиво поклонился, приподняв шляпу:

– Доброй ночи, ваша светлость.

– И вам доброй ночи, – нахмурился Эрно. Он все пытался припомнить имя гостя или обстоятельства, при которых они могли встречаться.

– Рад видеть вас в добром здравии. Я ждал вас.

– Может, перенесем нашу встречу на утро?

– К сожалению, нет. Извините, ваша светлость, но это вынужденная мера…

Молодой князь не успел даже подумать о том, что незнакомец мог прятаться в парке не один, как кто-то подошел со спины и ловко, в одно движение, защелкнул у него на шее что-то, больше всего похожее на свободный кожаный ошейник. Эрно извернулся и ударил нападавшего, но тот ловко уклонился, а новоявленное украшение осталось у князя на шее.

– Прошу простить, – весело сказал дворянин, – но мне дорога моя жизнь, и я предпочитаю по пустякам не рисковать. И не пытайтесь снять – он магический. Кстати, колдовать тоже не пробуйте – не добьетесь ничего, кроме сильнейшей головной боли. Проверено многократно.

Эрно все же ощупал кожу ошейника. В нее были вделаны гладкие металлические кругляши, но в остальном это действительно оказался просто ошейник.

– Что вы от меня хотите?

– Видите ли, князь… нам нужны вы. Не просто какое-то дело, не деньги и не что-либо еще. Нам нужны вы, ваша помощь и поддержка.

– Кому это вам? Кого вы представляете, кто вы?

– Столько вопросов, – поморщился его собеседник. – Ну, хорошо, я попробую ответить на некоторые. Всему, однако, свое время. Если мы договоримся, то скоро вы будете знать несоизмеримо больше, а ваша сила и власть поднимутся на недосягаемые высоты. Но действовать нужно постепенно.

– О чем вы?

– О маленьких, едва заметных изменениях. Для начала. Вы же сами видите, вы молоды, неопытны. А управление страной – это серьезное, тяжелое дело, которое невозможно тянуть в одиночку.

– И вместо нормальных переговоров вы надеваете на меня ошейник. Вы представляете, чем это кончится?

– Вашей немедленной смертью, если вы попытаетесь поднять шум или как-то еще привлечь к себе внимание. Ваша смерть, поверьте, нас тоже устраивает – с вдовой будет договориться намного проще. Да и с вашим юным братом, если власть перейдет к нему, тоже. Вы, конечно, можете сейчас меня выслушать, а завтра попытаться поменять решение… но об этом речи пока не зашло. Ну так будьте благоразумны.

– Смерти я не боюсь… – Тогда ему действительно так казалось.

– Вы не поняли. Это не переговоры. Мне не нужны переговоры. Мне нужно только ваше согласие. Желательно подтвержденное клятвой.

– Вы даже не сказали, кто вы. В чем я должен перед вами клясться?

– Кто я – узнаете в свое время. Что мне нужно, вы слышали.

– Конкретней! Вы сказали – вам нужна моя помощь. Это несерьезно. В слово «помощь» можно втиснуть дюжину значений.

– О, для начала… вот список фамилий. Это все родовитые дворяне, знатнейшие представители нашего общества. Но ваш отец почему-то отдалил их от двора, кому-то даже запретил появляться в столице. Нужно всего-то восстановить их в правах. Подписать один короткий документ, и дело сделано. Мы даже подготовили его для вас…

– Достаточно. Я догадался, кто вы и кого представляете… Ничего не подпишу.

– Напрасно. Напрасно вы считаете, что если война закончилась, то закончилась и борьба. Этого не было и не будет. Но мы отвлеклись. Значит, не желаете сотрудничать…

Эрно покачал головой. Он почти не сомневался, что прямо сейчас его убивать не будут. Иначе покинуть Китшоэ убийцам станет проблематично.

– Печально. Не жаль своей жизни… вспомните, ведь у вас есть молодая супруга и сын… Как зовут мальчика? Лорант?

– Они под надежной охраной…

– Под надежной ли? Вы уже третий день здесь. Они там. Я вам шаг за шагом могу описать, чем сегодня занималась ваша жена и во что играл ваш сын.

Эрно промолчал.

– Мы не звери, – продолжил адепт Заточенных богов. – Я не хочу ни вашей смерти, ни смерти вашей жены. Вы мне даже симпатичны. Но вы должны поверить, что наши намерения серьезны. Завтра езжайте в Салек. Все увидите своими глазами. Если передумаете, поднимитесь на горку. Я увижу. И найду способ назначить вам новое место встречи. Но боги видят, лучше бы вы согласились…

– Снимите ошейник.

– Нет уж. Пусть пока побудет на вас. Мне моя жизнь, знаете ли, еще пока дорога. Ну, до скорой встречи, князь Эрно Шорош. До скорой встречи.

Надо было убить его еще тогда.

Но тогда Эрно ничего не умел. Не мог он выйти с голыми руками против человека, вооруженного мечом. Не справился бы.

Попытка снять ошейник привела к сильной головной боли, как и обещал незнакомец. Кроме того, Эрно стало трудно дышать. Он ограничился тем, что намотал на шею шелковый платок и помчался в Салек. Так было надо. Убедиться, что с Эдит и

Лорантом все в порядке.

И все было действительно в порядке… до завтрака. За столом Эдит внезапно вскрикнула и упала на пол. Ее била крупная дрожь. На лбу выступил пот, а когда Эрно поднял ее на руки, оказалось, что у нее ледяные ладони. Он уложил ее в постель, послал за лекарем и потом долго пытался привести в чувство и выяснить, что именно болит. Плачущего Лоранта унесли в его комнату. Эрно даже не обратил внимания. Он почему-то был уверен, что лекарь ничем не сможет помочь…

Болезнь началась утром, а в обед князь Эрно уже поднимался на соляную горку, что располагалась совсем рядом с княжеским домом.

Ненадолго его хватило… но кого бы хватило на дольше?

…Ферг с силой потер лицо ладонями. Нашарил на полу упавший фонарик и побрел в свой кабинет. Во времена Эрно там, кажется, была кладовка.

* * *

Следующий день начался с конной прогулки, учиненной для иностранных гостей его светлостью князем Бертоком. Кроме собственно иностранцев – трансильванского посла с дочерью и посольства моравских князей – в выезде приняли участие некоторые местные дворяне. Была здесь и Тиа – ее сопровождала целая кавалькада поклонников. Был и сам князь, и его супруга. Был и Ферг. Ну, правильно, вдруг кто-то с лошади свалится? Не хватало разве что княжны Лисии. Белферан о чем-то вполне по-дружески разговаривал с моравцами. Белала сначала прислушивалась к разговору, потом поняла, что это бессмысленное занятие. О важном они на прогулке говорить не будут, а неважные дела сводятся к обычному обсуждению погоды и сравнению пород лошадей.

Разговоры Тианы и ее спутников тоже сводились к лошадям и еще к разным рискованным авантюрам. А потом внезапно принялись обсуждать, бывают ли вампиры. И тут всплыло в разговоре имя самой Белалы и то, как погибла ее служанка.

– …а вот мы сейчас узнаем! Бела! Езжай к нам!

Тиа приветливо взмахнула рукой в белой тонкой перчатке.

Бела, про себя в который раз уже обругав дамские седла, принудила лошадь догнать графиню и ее спутников.

– Бела, мы слышали, в день приезда с вами случилась неприятность. Пострадала ваша служанка?

– Горничная. Так и есть. Она погибла.

– Какой ужас! Говорят, на нее напал некий молодой дворянин… и он пил ее кровь!

«Следы зубов – человеческие…» – припомнила Бела.

А перед глазами – пыльный пол, на котором какие-то ветки, прошлогодние листья и доски. И доктор Ферг, отстраненно и неспешно изучающий разорванное горло Зарины.

– Я не знаю, пил ли. Горло разорвал, крови много было. Мне неприятно об этом вспоминать.

Тиа приподняла бровки:

– Надо же. Я думала… – Она на секунду отвела взгляд и прикусила губу. – Впрочем, мало ли. Всякое бывает. И что же случилось дальше?

– Крестьяне подняли его на вилы, но спасать девушку было уже поздно.

– На вилы? А говорят, вампиры невероятно живучи, и остановить их можно только серебром.

– Вилы были большие и ржавые, – усмехнулась Белала. – Они торчали у него из груди. А изо рта текла темная кровь.

Бела вдруг увидела себя глазами графини.

Дочь трансильванского посла. А в Трансильвании, как известно, даже Заточенные боги не под запретом и просто так, гуляя по улице, можно встретить жреца в черно-бежевой развевающейся мантии. Как всем известно, в отдаленных замках Трансильвании есть домашние молельни, и каждый ребенок умеет проводить первые три обряда на крови. И убийства не караются законом.

А здесь мирная, спокойная жизнь. Всех приключений – охота, да, может, появление нового, незнакомого лица среди придворных. Но любая охота может надоесть. И любое новое лицо со временем становится привычным.

А им хочется погони, им хочется жить так, как жили родители и деды, – чтобы кровь стучала в висках, чтобы магия была повсюду, чтобы страшно и интересно.

Бела даже почувствовала себя старшей в этой компании. Хотя старшей отнюдь не была. Она-то знала, что никакая жертва не приносится ради внешнего эффекта. Если бы могли избежать кровопролития, Заточенные нашли бы способ обойтись без него.

– Это был молодой человек лет двадцати, но перед тем как погибнуть, он долго голодал и, возможно, долго шел пешком. Кстати, вон едет доктор Ферг, он тоже там был.

Тиа сощурилась:

– Был? Он? Вечно этот княжеский лекарь сует свой длинный нос, куда не следует. Однажды это ему выйдет боком!

– Вы его не любите.

– Он зануда, – сообщил один из молодых придворных. – Но что самое мерзкое, князь к нему прислушивается. И ведь пропадал где-то больше двух лет. Все уже считали, что не вернется.

– Так он недавно появился?

Тиа удивленно спросила:

– Белала, неужели он тебе интересен?

– Так же, как все остальные, с кем я уже говорила. Я еще очень мало с кем успела познакомиться.

Графиня улыбнулась:

– Тогда ладно! Надеюсь, ты уже поняла, что наше общество намного интересней?

– Конечно!

Это в некоторой степени была ложь. Общество графини и ее почитателей нравилось Беле лишь чуть больше, чем общество обозленного на нее доктора.

Дорога вела на север, и вскоре уклон стал ощутим.

– Куда мы едем?

– Это Буковая гора. Мы скоро окажемся на поляне, с которой открывается потрясающий вид на город и окрестности. И там будут музыканты, и вино… – Она наполовину в шутку закатила глаза. Лицо Тиа, кукольно красивое, было словно специально приспособлено для такой вот пантомимы. Кавалеры зааплодировали, Белала тоже не смогла сдержать улыбки…

Добрались до места совсем скоро. Солнце еще не успело подняться в зенит, и под деревьями лежали синие тени. Там уже, оказывается, были сколочены деревянные столики для гостей, на столиках лежали скатерти, украшенные понизу искусной вышивкой. На столах ждало угощение, а чуть в стороне в котлах бурлило, поспевая, горячее.

Бела решила прогуляться по поляне – пока еще не все подъехали и не начались традиционные застольные речи.

Черный шелк любимого «эльфийского» платья зашелестел по траве. Нет, на самом деле оно никакое не эльфийское. Просто так сказал о нем купец в Сибу, торговавший в одной из самых претенциозных лавок магического квартала. Торговец перепродавал дорогие иностранные ткани и совсем немного выставлял готового платья. А это было создано как будто специально для Белы. Стоило платье на удивление недорого, и Белферан купил его дочери, не раздумывая. За минувшие четыре года у Белы было всего несколько поводов его примерить.

Она дошла до опушки леса. Подлесок здесь был тщательно вычищен, под деревьями куда-то дальше вела хорошо видимая неширокая тропа. Пели птицы.

Легко было представить, что ты здесь одна, что все беды и заботы остались далеко, внизу, в Агере, где угодно.

Оттуда, из тени, вышли двое. Они поначалу не заметили Белу, и до нее долетело несколько фраз:

– Ферг, это переходит всякие границы!

– Вы словно не слышали, что я вам столько времени объяснял. Это опасно, в конце концов.

– Не верю. Сам говоришь, что вопрос не до конца изучен! Вот и изучай!

– Князь Берток! Я не хотел напоминать, но у вас семья.

– Демон тебя побери, я знаю. И именно поэтому…

Только тут Бела поняла, что навстречу ей идут из-за стволов сам его светлость князь и доктор Ферг. И они не просто ссорятся. Доктор смеет отчитывать князя, как будто тот – мальчишка.

Но и князь увидел Белалу и вполне мирно закончил фразу:

– Я просто подожду, что донесет стража. Графиня, здравствуйте! Как вам прогулка?

– Благодарю, ваша светлость, прекрасно. – Бела поклонилась.

– О, а вот и моя супруга. Ферг, графиня, я вынужден вас покинуть!

Князь учтиво поклонился Беле, Фергу едва кивнул и помчался навстречу жене, которая его успела потерять.

– Я снова нахожусь там, где мне не следует находиться? – спросила она у Ферга.

Тот не стал отвечать прямо, но зачем-то сказал:

– Здесь начинается самая короткая дорога в Моравию.

– Она не выглядит наезженной.

– Это потому, что карете по ней не пройти. Да и путешествие верхом тоже будет сопряжено с некоторыми трудностями. Этой дорогой стоит воспользоваться, если у вас небольшая поклажа и если вы очень торопитесь.

Они, оказывается, возвращались к накрытым столам. Было слышно, как музыканты настраивают инструменты.

Чтобы не молчать, Бела спросила:

– Вы что-то узнали о том, что случилось? В храме?

– Магия. Хуже всего, что я не могу понять ее природу или первопричину. И очень боюсь, что это был не последний случай.

– Так вы об этом предупредили князя?

– Об этом.

– И он разозлился?

– Каждое лето семья князя перебирается на соленые озера Салека. А все известные случаи новой болезни – или в самом Салеке, или по дороге к нему. Такие дела. О, на нас с вами уже смотрят ваши друзья… Пожалуй, нам пора попрощаться.

Ферг изобразил легкий, но элегантный поклон и сразу растворился в толпе придворных. Бела, делать нечего, подошла к Тиане.

– Все-таки он вам интересен, – улыбнулась графиня.

– Он сказал, что моя служанка погибла из-за магии; я не ожидала, что в лесу может кто-то быть.

– Идем! Музыканты уже настроились!

За шумом заздравных речей и танцев отбытие доктора не заметила даже Белала.

Когда праздник закончился и гости стали собираться в обратный путь, Белферан сам подсадил дочь в дамское седло и предупредил: «Вернемся в Китшоэ, дождись меня в своей комнате. Никуда не уходи! Есть новости!»

* * *

Приглашение было написано на тисненой бумаге с золотым кантом. Автор обладал каллиграфическим почерком.

– Да славятся Заточенные! Во имя их и по их праву… – прочитала она вслух, – через два дня… в известном вам месте…

– Они имеют в виду заброшенный храм. Это официальное приглашение здешней общины на второе великое таинство, – подтвердил Белферан.

Второе из великих таинств, описанных в доктрине, – это посвящение в жрецы. По канону оно обязательно должно сопровождаться жертвой. А в случае, если жрец повышает свой ранг, жертв может быть и несколько.

Белала кивнула. Жертва – это всегда благо для богов. Только вот что бывает, если боги, которым посвящена жертва, мертвы? Кому достанется? Чью силу подпитает?

– Это отличный повод познакомиться со здешними последователями Заточенных, среди которых немало аристократов. Убедившись, что мы – союзники, они охотней будут с нами сотрудничать. Опять же, это откроет для тебя многие двери.

– Звучит так, будто ты меня уговариваешь. Я готова.

– Я знаю, дочь. Но должен предупредить: в Паннонии все происходит немного иначе. Здешняя жреческая традиция не разменивается на куриц и овец.

– Иными словами, жертвой будет человек? Понятно.

– Что?

– Сегодня Тиа весь день делала многозначительные намеки. А я все думала, к чему бы. Скорей всего, она там будет.

– Конечно. Ты удивишься, сколько знатных дворян здесь втайне следуют Заточенным.

«Может, и не удивлюсь», – почему-то с раздражением подумала Белала.

Значит, через два дня… через два дня праздник в Китшоэ закончится, и все гости разъедутся по домам. Вероятно, к тому времени завершатся и переговоры Белферана, а значит, он подготовит первый отчет для магов Трансильвании. К тому времени и ей нужно написать что-то. А узнала она пока немного. Только место расположения комнат Эрно Шороша в замке, да еще о странной болезни, которая с недавних пор стала поражать местных жителей. Если бы хоть доктор Ферг поделился своими догадками о природе этой болезни. Но он молчит.

Кстати, о Ферге…

– Отец, помнишь, я спрашивала о докторе? Удалось что-то о нем выяснить?

– Не то чтобы очень много, но человек он довольно известный. По некоторым данным, лечил еще отца князя Бертока. Он формально руководит госпиталем, там его хорошо знают, но почему-то сведениями делиться не хотят. Имеет привычку надолго куда-то пропадать, а потом объявляться как ни в чем не бывало. Во время отсутствия в госпитале его заменяет доктор Над. Вроде больше ничего интересного. Говорят, он один из тех, кто создал амулет от княжьей болезни. А, еще Берток недавно вернул его в Китшоэ, чтобы он занял место предыдущего придворного лекаря.

– Он маг и близко знаком с князем.

– Значит, в наших планах нам нужно будет учитывать и его.

– Мне кажется, он наблюдает за мной.

– Вряд ли… но все-таки будь осторожна, дочь. Мы здесь пока люди чужие…

Глава 5

– Здравствуйте, Ферг!

Сегодня день встреч со старыми знакомыми…

Ферг настолько углубился в собственные записи, что не заметил, как в его кабинет на втором этаже княжеского хосписа зашел этот человек. Сутулый, но представительный старик, обладатель короткой курчавой бороды и пронзительного взгляда. Фабрис, купец и путешественник, а для особо посвященных – представитель одного из самых могущественных тайных орденов в мире.

Постарел, стал ниже ростом…

Тридцать лет назад он был еще крепок и носил бороду черную как смоль.

– Фабиан! Чем обязан? Проходите, присаживайтесь. Хотите, попрошу, чтобы вам принесли воды или вина?

– Мне сообщили, что вы забрали тело девушки, погибшей в храме Заточенных. Прикажите, чтобы его передали мне.

Ферг приподнял брови, ожидая, что Фабиан Фабрис, один из руководителей Ордена Равновесия, объяснит свое желание. Фабрис и объяснил:

– Она была моим агентом. Мы узнали, что из Трансильвании сюда, в Агер, едет новый посол и что его сопровождает дочь, и решили, что ненавязчивое наблюдение пойдет всем на пользу. Это было первым заданием девушки.

– Так она должна была наблюдать за трансильванской графиней?

– За обоими. Но, видимо, где-то ошиблась. Девочка она была подготовленная и просто так убить себя не дала бы.

Вот как! Значит, Орден Равновесия… Что ж, наивно было бы думать, что они пропустят появление нового трансильванского посла. Вслух Ферг сказал:

– Идемте.

Они спустились на первый этаж, в приемный зал. Туда как раз вошел ученик ди Годера Имре. Парень побывал где-то за городом – его сапоги казались рыжими из-за налипшей пыли. Элайза заметила пыль тоже и теперь выговаривала юноше, что не привел обувь в порядок.

Они миновали зал и еще несколько закрытых дверей и вышли на деревянную лестницу, ведущую в подвал.

– Осторожно, Фабиан. Ступеньки крутые.

На всякий случай Ферг засветил магический шар. Его хватило, чтобы стали видны ступеньки.

– А вы по-прежнему молоды и шустры, – проворчал старик. – Как вам это удается?

– С трудом, – искренне ответил доктор. – Теперь идите налево…

Короткое заклинание активировало магические фонарики, устроенные так, чтобы осветить все небольшое помещение. Стены кое-где покрывал иней.

– Это самое глубокое из четырех подвальных помещений, – пояснил доктор. – Именно здесь хранятся тела. Нам нужен вон тот ящик…

Ящик ничем не был похож на гроб. Таких в подвале стояло пять, но остальные пустовали.

Ферг откинул замки и снял крышку. Изнутри ящик тоже был весь в инее, а тело прикрывала темная ткань.

– Здесь холодно. Зачем вы меня сюда привели? Неужели нельзя было просто отдать тело?

Ферг не ответил, и Фабрис осторожно потянул ткань за краешек.

Открылись волосы, лицо. Оно было расслабленным и чистым. Но раны, покрывавшие шею и грудь девушки, заставили Фабриса отшатнуться.

– Превеликий дух… – пробормотал старик. – Я не думал, что это так…

– Скорей всего, трансильванская графиня к этой смерти непричастна. Она оставила служанку в храме, присмотреть за найденным там «стертым», а сама поспешила за помощью. Поскольку прибыла она недавно, то и отправилась туда, куда знала дорогу, – ко мне в хоспис. Обратно мы ехали уже вместе. И опоздали.

– Значит, и здесь не обошлось без вашего участия.

– Весьма незначительного, Фабиан. Весьма незначительного. По словам графини, именно ваша… эта девушка предложила ей побывать в храме Заточенных. Вероятно, она что-то проверяла или хотела узнать хозяйку получше… ну, теперь уж она не расскажет.

Фабиан вглядывался в лицо мертвой Зарины, словно надеялся прочесть по нему ответ.

– Ферг, если бы вы знали, как я вас ненавижу…

– Да, собственно, не вы один.

– Вы убили моего сына. Вы продолжаете убивать моих людей.

– Стоп, Фабиан! Не надо валить с больной головы на здоровую. К этой смерти я не имею никакого отношения. Разве что вскрытие проводил. Тело, кстати, можете забирать. Оно мне больше не нужно.

– Вскрытие?! – с непередаваемой интонацией вопросил старик. – Да как вы… да кто вам позволил?

– Мне нужно было знать причину смерти.

– А вы не видели?!

– Да. Но вы сами сказали – с обычным противником она бы справилась. Все, Фабиан. Идемте отсюда. Пришлите ваших людей, пусть ее забирают. Иначе вы еще придумаете, в чем меня обвинить, а у меня не так много времени.

– Лабиринт, Ферг! – в спину уходящему к лестнице доктору крикнул старик. – Он не ваша собственность! Снимите заклятие!

– Я подумаю!

Уходя, Ферг мстительно не стал зажигать магический огонь. И Фабрис оказался вынужден сам подсвечивать себе дорогу.

* * *

Фабиан ушел. Ферг попробовал вернуться к записям, но мысль все время норовила ускользнуть, вернуться к недавним событиям в храме. Ведь, например, незнакомец – так и не удалось установить, кто он, – мог напасть на обеих девушек. Или остаться могла трансильванская графиня. Если бы погибла она, непременно случился бы скандал – ее смерть сочли бы провокацией.

«Неужели мне все еще нужно знать, чем живет двор? Какова сейчас внешняя политика, у кого с кем подписаны мирные соглашения, а кто может затевать войну? Неужели я все еще не могу быть только лекарем? Просто искать причины болезней и спасать тех, кому не повезло получить травму или проклятие? Ведь сам же так решил. Сам сделал все, чтобы не было обратной дороги…»

Тридцать лет назад он не сомневался, что не доживет до зимы.

* * *

…Арена шумела. Амфитеатр над ней был почти заполнен людьми, а все потому, что из Генуи привезли настоящего тигра. Огромную кошку заперли до начала игр в клетке, и любой за незначительную сумму мог подойти к ней близко и рассмотреть ее во всех подробностях.

Но сейчас зверя готовили к выступлению, так что просмотр был закрыт.

Над Агером разгорался вечер.

Солнце начало клониться к закату, скоро из низин и подворотен потянется молочный туман. Люди, разгоряченные алкоголем и представлением, не заметят его.

– Сегодня людно, – словно прочитал мысли Эрно бритоголовый жрец.

– Из-за зверя.

– Мы подготовили новый амулет, князь. Взгляните!

Со стороны, откуда обычно выходят бойцы, возвышался невысокий деревянный шест. На его верхушке что-то блестело.

Эрно было бы безразлично, что это… если бы он не знал точно – эта штука будет отнимать у сражающихся их жизненные силы, питаться их кровью, фокусировать на себе азарт толпы. Предыдущий амулет успешно уничтожили. Эрно втайне гордился успехом той операции – первым успехом, которого добилось сопротивление. Что делать с этим амулетом? Пока ответа не было.

Он будет охраняться, и защищать его станут лучше. Да и сам он создан намного рациональней – теперь не случится таких потерь энергии, какие получались с прошлым. Нет, с этим обязательно надо что-то делать…

– Князь!.. – окликнул его жрец. – Вы слишком мало спите, это не идет вам на пользу.

– У нас слишком много проблем, чтобы позволить себе долгий и здоровый сон.

– Понимаю вас. И все-таки ваши успехи заметны. Кстати, Совет Мудрых подготовил еще несколько документов, которые нужно подписать.

– Я не буду подписывать приказы о казни, пока не ознакомлюсь с материалами дела. Неужели вы не понимаете, что таким образом только настроите население против себя?

– Нет, князь. Не против себя. Исключительно против вас… ага, а вот и распорядитель. Прошу меня простить…

Он поклонился и ушел.

Эрно прикрыл глаза, пытаясь сосредоточиться на амулете. Тот представлялся темной, затягивающей в себя воронкой, этаким магическим магнитом. Долго вглядываться в него – закружится голова.

Меж тем распорядитель оглашал имена бойцов и ход поединков. По рядам побежали посредники с тетрадями в руках.

Рядом с Эрно на кожаное сиденье опустился Джерго. Резко сказал:

– Ты приказал не впускать в город музыкантов.

– Да. Бродяги – самые главные разносчики сплетен. А нам

сплетни не нужны.

– Кому это «нам»? Тебе и твоим подпевалам из Совета? Вчера на площади забили камнями человека просто за то, что он усомнился в справедливости Заточенных!..

– Знаю. Они должны научиться держать язык за зубами.

Эрно повернулся к брату. У того было красное от возмущения лицо и бешеные глаза.

– Успокойся, Джерго. Все идет так, как должно идти. Все будет хорошо.

– Посмотри на себя, ты смешон! Хотя у тебя же теперь новые друзья. Такие сильные и важные! Ничего, что совсем недавно мы их били смертным боем! И твой отец бил!..

Эрно, усмехнувшись, отвернулся к арене. То, что там происходило, протекало мимо сознания. Звенели мечи, кричали люди… свистела публика.

– Ты изменился, брат… – сказал ему в спину Джерго и замолчал.

Джерго не мог даже представить насколько.

Граф Теранен почти не скрывает, что приютил беглецов из Богемии и что в его усадьбе проводятся обряды. Семьи Генерри и Далаш, когда-то высланные из столицы, вернулись. Их поддерживают их бывшие вассалы. Да никакие они и не бывшие – просто ждали, когда хозяева снова займут свое место.

В городе вдвое увеличено число патрулей и кому бы то ни было запрещено появляться на улицах в ночное время.

В бумагах, которые ему на этой неделе передал расширенный Совет, приказ о создании в университете эзотерического факультета. Но преподавать там станут исключительно жрецы Заточенных. Факультет предназначен для подготовки миссионеров, которые в будущем мирно присоединят к Паннонии новые земли. И появятся новые жертвы. Новые агрегаторы магии.

Джерго не понимает, что сейчас в заложниках у общины Заточенных не только семья князя. Сейчас у них в заложниках – весь город. Агерская стража, которую называют теперь полицией, подконтрольна Совету. Ее основа, ядро, отнюдь не местные жители. Это наемники, отряды которых в послевоенные годы, хоть и существенно сократились, не исчезли вовсе. За считаные месяцы личный состав стражи сменился почти полностью. Правда, есть еще маги. Но по ту сторону магов не меньше, и, как ни печально, они более готовы к войне… если война вдруг начнется.

Князь внутренне улыбнулся – внешне оставаясь совершенно бесстрастным. О, война будет. Будет непременно. Но только на тех условиях, которые продиктует он сам. Только так.

А для этого надо выиграть время. Надо дать возможность сподвижникам в городе подготовить восстание. Надо, чтобы хоть один отряд Ордена Равновесия успел добраться до Агера – в ордене сильные маги.

Надо, надо, надо…

Но самое главное – надо, чтобы ни один человек не догадался, что ко всему этому причастен сам князь Шорош. Ни свои, ни чужие. Если узнают свои, то рано или поздно, но выдадут тебя. Если чужие, месть будет мгновенной и жестокой. Хватит! За минувшие полгода Эрно потерял уже достаточно людей. Друзей.

На арену вывели тигра.

Зверь был прекрасен – шкура блестела в вечерних лучах. Мощные лапы уверенно попирали песок.

Эрно с каким-то болезненным любопытством оглянулся на выход. Кто? Кого жрецы поставят против полосатого хищника?

Толпа ахнула. На арену вытолкнули юношу, возрастом не отличающегося от Джерго…

Мальчишка, пробежав несколько шагов, выпрямился и яростным взглядом окинул толпу. Эрно его узнал. И за миг до того, как брат сделает непоправимую глупость, обернулся и ударил его по лицу. Так, чтобы упал и долго не мог подняться… Мальчишка на арене был другом брата. Тем, с кем их называли неразлейвода.

То, что жрецы вывели его сегодня на бой, могло означать только одно – они подозревают Эрно. И демонстрируют, что рыпаться не надо… Его зовут Лос. Лос Милеш.

Из оружия ему дали только кинжал. Что он этим кинжалом сможет?

Тигр низко зарычал, несколько раз ударил себя хвостом.

Если мальчишка погибнет, Джерго не простит.

Значит, погибнет тигр…

Они узнают, конечно. Они сразу почувствуют заклятие. Ничего, это будет воспринято лишь как вполне понятная попытка защитить слабейшего. Было бы странно, если бы Эрно не проявил никаких чувств к тому, что происходит там, внизу.

– Не трогайте зверя! – ясно и твердо сказал жрец. – Мальчик не умрет. На кошке – магический ошейник.

– Вам снова что-то нужно от меня? Я уже вроде бы доказал, что готов выполнять все ваши приказы.

– Этого мало, князь, – печально улыбнулся жрец. – Мало подчиняться и выполнять приказы. Вы не слуга и не раб. У вас прекрасные шансы быть равным среди равных… но вы почему-то раз за разом вынуждаете нас применять… всякие неприятные

меры.

– Чего вы хотите на этот раз?

Тигр ударил себя по бокам хвостом и, припав на передние лапы, двинулся к жертве – чисто как домашняя кошка к зазевавшимся голубям. По рядам зрителей прокатился гул сдерживаемого ужаса.

– Вы – повелитель этой страны, ваша светлость.

– Хорошая шутка.

– Вы – повелитель, хозяин, князь, – настойчиво повторил жрец. – Прикажите! Прикажите распорядителям прекратить убийство. Дайте понять вашим подданным, кто здесь истинный владыка!

Так вот в чем дело! Видимо, в городе люди еще недостаточно верят, что все, что происходит, – происходит по приказу князя. Если он сейчас промолчит, парень погибнет. Если нет – выживет. Вот только остатки репутации князя Эрно окончательно канут в Лету. Впрочем, это случится, даже если он промолчит.

Тигр прыгнул. Отчаянно вскрикнув, парень отскочил, неловко упал на спину и, не дав хищнику добраться до себя в тот же миг, перекатился к решетке, окружавшей арену.

– Ну что же вы молчите! Надо только встать и приказать прекратить бой! Или…

– Что?

– Или мальчишка погибнет. Но виновным в его смерти будете вы, князь. Вы и только вы!

Эрно поднялся, вскинул руку, крикнул:

– Довольно! Остановите бой! Кто придумал выставить против зверя ребенка?

Вновь шум прокатился по рядам. Облегчение? Изумление? Разочарование?

Эрно возвратился на свое место.

Что дальше? Кто будет следующим? Кого они выставят против тигра на сей раз?

Но кошку увели с арены. Ее «противник», прихрамывая, тоже покинул поле. По бедру струилась кровь, а ведь казалось, что тигр его лишь чуть задел лапой.

– Не желаете ли, – спросил жрец с легкой усмешкой в голосе, – сами утверждать списки бойцов и распорядок боев на арене?

– Нет. Но не хочу впредь видеть схватки, в которых одна сторона заранее обречена.

– Отлично, ваша светлость! Наконец-то вы начали проявлять собственную волю! Признаться, я не надеялся…

Эрно не ответил. Он точно знал, что брат очень внимательно

слушает их разговор. Слушает и запоминает. С этим надо что-то делать. Иначе он попросту сбежит из Китшоэ и попытается встретиться с кем-нибудь из сопротивления. И его, конечно, выследят…

Толпа шумела, приветствуя начало нового боя. Люди против людей – о, это не так зрелищно, как сражение с тигром, но тигра нужно беречь – ведь, вполне возможно, другого такого добыть больше не удастся.

«А ведь им нравится, – подумал он о зрителях. – А может, ими движет другое чувство. Почему-то всегда кровавые трагедии привлекают толпы зевак. И потом, после, люди долго не расходятся, а, напротив, обсуждают увиденное, смакуя подробности, заново переживая собственный страх, отвращение и любопытство.

Что я только что сделал? Спас Лоса Милеша? Поддался жрецам Заточенных? Выиграл время?

Что решит толпа? Что я поступил милосердно? Или что я, продемонстрировав, что могу повелевать этими людьми, подтвердил, что все иные приказы я отдавал добровольно и точно зная, чего хочу?

Да нет, нет же! Толпа не умеет думать. Толпа уже забыла этот маленький инцидент…

Разве только спектакль этот был разыгран специально для одного-двух человек, которые все поймут так, как должны понять, и сделают именно то, что нужно Заточенным…

Звон мечей, гортанные выкрики, первая кровь на песке. Люди против людей. Наверное, у сражающихся есть имена. Наверное, эти имена уже хорошо знакомы зрителям, и толпа с удовольствием делает ставки. Толпа не вспомнит…

И нужно слиться с толпой. Выбрать себе бойца и болеть за него… и радоваться, если победит или хотя бы выживет».

Боец, которого Эрно выбрал «своим», упал первым. Из распоротого живота на песок вывалились внутренности, и распорядитель приказал остановить бой.

До конца кровавого представления оставалось еще много времени. И все это бесконечное время нужно сидеть ровно, смотреть, не отворачиваясь, и копить, копить ненависть, не отдавая ни капли черному амулету…

Когда бои закончились и люди потянулись к выходам, Эрно еще долго сидел в ложе, взвешивая все «за» и «против», проверяя и перепроверяя решение, которое он осознал еще неделю назад и которое только сегодня стало окончательным. Когда начнется бунт, брата не должно быть в столице. Он должен выжить. У самого Эрно шансов не было. Но брат должен выжить. И Эдит, и

Лорант.

Но нельзя вывезти их одновременно. Нельзя, чтобы поборники Хаоса – теперь он называл их только так – заподозрили неладное.

Да, поборники Хаоса, не просто последователи каких-то там Заточенных. Те, у кого на знаменах – восьмилучевая звезда. Те, чья магия чуть больше пяти лет назад заставила содрогнуться Землю, снова подняли голову. А ведь казалось, это зло уничтожено навсегда…

Значит, Эдит и Лорант еще какое-то время побудут рядом. Недолго. Пока не найдется благовидного предлога и их вывезти из страны.

Что же касается Джерго – он уедет завтра. Не сможет не уехать. Не сможет не подчиниться приказу.

А следом за ним отправятся письма с распоряжениями, которые он обязательно прочтет и выполнит. Письма эти уже подготовлены, и гонцу выдан пакет. Он отправится в путь, как только получит тайный знак.

Все кажется продуманным. Все кажется простым. Кажется, что нет слабого звена…

* * *

– Я тебя ненавижу, – в который уже раз сказал Джерго.

– Знаю. Однако это не должно помешать твоей миссии в Богемии.

– Значит, ты высылаешь меня в Богемию?! Что ж! Не самое плохое место! Там сейчас оказалось много хороших людей!

– Вот именно. В Богемию, разрушенную войной. В Богемию сожженных городов и деревень. В Богемию, с которой нам необходимо восстановить дипломатические связи. Ты будешь официальным представителем Паннонии при дворе князя Богемского. Вот свиток, в котором перечислены твои обязанности. Часть распоряжений от меня тебе придет позже – с особым гонцом. Кроме того, – Эрно посмотрел брату в глаза, – ты немедленно пойдешь к графу Теранену и получишь от него дополнительные инструкции.

– Нет.

– Пойдешь. Ты же понимаешь, что иначе пересечь границу Паннонии тебе никто не позволит?

– Я не собираюсь пересекать…

– Джерго. От твоей миссии зависит судьба Паннонии. Как бы пафосно это ни звучало.

– В слово «судьба», – ядовито бросил брат, – мы с тобой, похоже, вкладываем разные значения!

– Вероятно. Ты присягал мне, помнишь? Так вот. Это не просьба, это приказ князя.

– Да я скорей стану клятвопреступником…

– Чем что? Чем выполнишь мой никоим образом не порочащий твою честь приказ?

Джерго промолчал. Эрно подождал пару секунд, не последует ли еще возражений, и тихо сказал:

– Иди к графу. А потом сразу – в конюшню. Там тебя уже ждет лошадь и готово все необходимое для путешествия. Можешь взять с собой двоих… настоятельно рекомендую вывезти Лоса Милеша. Несмотря на полученную рану. Посольство из одного человека будет смотреться странно. Да, наверняка граф подберет тебе еще спутников. Надеюсь, ты меня понял…

Парень как будто утратил половину собственного гнева и желания спорить. Он поднял на Эрно нерешительный взгляд, но не дождался комментариев и молча покинул княжескую гостиную. Эрно долго смотрел на захлопнувшуюся дверь – он был уверен, что видел Джерго в последний раз.

* * *

Разговоры. Вся тогдашняя жизнь казалась Фергу чередой бесконечных разговоров. Вопросов и ответов.

Он и сейчас мог прокрутить их в уме почти дословно. Он часто возвращался к ним, ища ту точку, откуда все покатилось под откос. Разговор, который, если бы сложился иначе, изменил ход истории. Он точно знал: точка невозврата была где-то там, среди бесконечных, до одури, бесед. Та самая точка, в которой имеет значение знаменитое «если». Если бы я тогда не промолчал. Если бы я объяснил… если бы она захотела понять… если, если, если…

Но он и сейчас, почти через сорок лет после тех событий, не мог вычленить тот единственный важный разговор. Он все еще перебирал диалоги, как бусины на четках, и не находил ошибки.

* * *

– У тебя усталый вид.

– Да, дорогая.

– Ты мало спишь.

– Много работы.

– Если бы я могла…

– Ты не можешь.

– Почему ты отталкиваешь меня?

– Разве отталкиваю?

– Эрно! Я же вижу, что тебе плохо. Зачем ты отправил брата? Любой другой мог бы…

– Так было нужно.

* * *

– Вы поссорились с супругой, князь?

– Вас это удивляет, Великий?

– Вы не ответили.

– По вашей милости, господин верховный жрец, я поссорился со всеми, с кем мог и с кем не мог.

– Не преувеличивайте. Не по нашей, а исключительно по своей собственной милости. Кто вам мешает продолжать улыбаться вашей супруге? Имейте в виду, она уже начала улыбаться другим… молодым придворным…

* * *

– Демоны, Эдит! Почему ты даешь им повод для сплетен?

– Эрно, если у тебя осталось хоть немного чести. Позволь мне уехать!

– Куда? Как я буду объяснять твой отъезд?!

«Придумай, умоляю. Придумай это за меня. Моравские князья вот-вот должны ответить Джерго. А значит, еще через пару недель в городе появятся новые арбалеты и мечи. Но если я не смогу тебя вывезти, бой просто не состоится. Я не смогу отдать команду. Потому – придумай!»

– Мне нет дела до того, как ты будешь объясняться со своими хозяевами. Я вижу, что от того человека, которого я любила… да, любила и считала своим мужем, в тебе совсем ничего не осталось.

– Эдит, выслушай меня.

– Я пыталась тебя слушать. Но ты не хотел со мной разговаривать. Теперь все, хватит. Хватит, слышишь?

– Эдит, потерпи немного. Мы уедем…

Что он еще мог сказать? В соседней комнате сидел писарь и фиксировал каждое произнесенное слово.

– Я никуда, никуда с тобой не поеду. Эрно Шорош, я не

желаю ни видеть тебя, ни слышать!

Помолчала и добавила тихо-тихо, словно сама не верила в исполнимость своей просьбы:

– Пожалуйста…

* * *

– Князь, вы пропустили игры.

– Я часто пропускаю игры. В городе неспокойно.

– Так прикажите усилить полицию военными отрядами. В наше непростое время это отличный способ навести порядок.

– Я подумаю.

* * *

– Князь Эрно!

– Граф Теранен!

– У вас неожиданно хорошее настроение для такого пасмурного дня…

– Почему бы моему настроению не быть хорошим?

– Как знать, может быть, и есть причина…

– Судя по всему, вы как раз и собираетесь меня чем-то огорчить. Ну так не тяните. Я вас слушаю.

– Когда вы в последний раз видели вашу супругу? День назад, два? Или больше? О да, я знаю, вы в ссоре… и обещали ее не беспокоить. Очень благородно с вашей стороны. Однако побеспокоиться вы могли, могли…

– Что с Эдит?! Что случилось? Если вы снова…

– Что? О нет, что вы… Как вы могли подумать? Нет. Все намного проще и печальней. Разумеется, для вас. Ваша супруга нынче ночью сбежала с кавалером Торо, вашим, насколько я знаю, давним приятелем. Нет, нет, не надо так нервничать, все уже хорошо. Как только пропажа обнаружилась, за беглецами была отправлена погоня. Мы надеемся догнать их еще засветло. Тем более у них ведь маленький ребенок… Как, я не сказал? Ваша жена прихватила и сына…

– Куда они поехали?

– Мы отправили гонцов по всем трем дорогам. Но я лично подозреваю, что искать следует на севере. Эдит ведь родом из Моравии?

* * *

Хорошее настроение в тот день у него было, потому что пришли вести от Ордена Равновесия. Большой отряд откликнулся на его призыв и должен был уже этим вечером войти в город. Эрно даже смог успешно передать записку Фабиану Фабрису – главе Агерского отделения ордена…

А значит, оставался один-единственный пункт плана. Тайно, за день до начала народных волнений, вывезти семью из Китшоэ. И люди были уже предупреждены. И записка для Эдит оставлена там, где ее, кроме самой княгини, никто не прочитает…

Оставлена…

Князь Эрно ворвался в половину супруги. Возмутился – комнату обыскивали. Перерыли постель, шкафы, ящики. Драгоценностей нет, но непонятно, кто их забрал – сама Эдит или кто-то из врагов?

Эрно знал характер жены и склонялся ко второй версии.

Комната Лоранта. Здесь искали не так тщательно…

И именно здесь, среди других смятых бумаг, в каминной корзине Эрно обнаружил оба своих письма. Письма были запечатаны – Эдит их не читала. Не читала! Она готовила свой побег, не подозревая, что предпринимает те же самые шаги.

До назначенного срока, до начала восстания, оставалось четверо суток…

* * *

Верховный жрец сообщил, что посланные наемники вроде бы напали на след и след ведет на юг.

* * *

Эрно не поверил – нечего Эдит делать на юге. Скорей всего, это обманка, подлог, и кто-то, рискуя жизнью, выдает себя за беглецов, пытаясь оторваться, уйти по торным дорогам. А сама Эдит… и Лорант… и Торо, и кто еще там с ними… сами они идут кратчайшей дорогой к моравским перевалам. И на этой дороге их настигнуть будет легко. Легче легкого.

Разве что они догадались взять с собой кого-то из магов… Хотя Фабиан скряга – ему, видите ли, нужны все силы в городе… но вдруг кто-то на свой страх и риск?..

Князь чувствовал, что может случиться беда. Он ощущал, как эта беда медленно-медленно вызревает в сердце, прорастает сквозь кожу, требует: действуй! Беги! Только ты сможешь их

защитить.

Но именно этого и нельзя было делать. Нельзя привлекать внимание преследователей к северу, если уж враги считают, что искать нужно на юге.

А может, жрец его обманул. Но зачем? Неужели они уже взяли княгиню в плен, предвидя возможность заговора? Да нет, нет, не может быть. Эрно отмел эту пугающую мысль. Не могут они все предусмотреть. Даже если и подозревают что-то, вряд ли догадываются о деталях.

Но если с Эдит и Лорантом что-то случится, разве ты себе простишь это бездействие, а, князь?

Промучился ожиданием до заката. Именно на закате Теранен сулился вернуть беглую княгиню.

Закат не принес новостей.

Никого не предупредив, ни с кем не попрощавшись, прихватив лишь флягу с водой, Эрно отправился в путь. Он догадывался, какую дорогу выбрать. Дорогу, что вьется по буковым рощам одноименной горы. Дорогу, о которой вряд ли знают преследователи…

Как оказалось позже, они знали.

Видимо, они встали на верный след почти тотчас, как начали поиски… но судить об этом Эрно смог только утром, когда обнаружил на влажной после утренней росы дороге свежие следы. Следы большого отряда всадников, которые очень и очень спешат.

Князь Эрно не был следопытом и не смог бы на глаз определить, когда всадники здесь проехали. Он понимал только одно: надо спешить. Торо он знал – он без боя не сдастся. А бой будет неравным…

В тот день он еще не однажды находил следы… и каждый раз ему казалось, что цель близка. Может быть, там, за поворотом, а может, вон за тем холмом.

Он не собирался отступать, почему-то сознание странно перекосилось. Потеряло значение все, что происходит в городе. Стали смешными интриги, нелепыми угрозы. Назревающее восстание – что ж! Если ему суждено случиться, оно случится независимо от того, будет ли князь в столице или нет. Жаль немного, что и одного из лидеров восстания – Ферга – тоже не будет. Но остальные справятся и сами. В конце концов, от пресловутого Ферга они получали лишь золото да письма с полезными советами и досье на верхушку захватившей власть общины Заточенных…

Имело смысл только одно – надо опередить врага. Не догнать, именно опередить. Нужно встать на защиту тех, кто дорог. Пришло, видимо, время сбросить маски. Маски ли? Нет,

просто настало время честного боя. Тысячу раз неравного – но честного. Без оглядки и без пощады. До последнего вздоха, как в трижды забытых сентиментальных книжках…

Левое запястье обожгло холодным огнем – недавно обретенная Звезда богов не давала о себе забыть.

Жрец, читавший заклинание в храме, улыбался:

«Это всего лишь знак доброй воли, князь. Это позволит мне больше не шпионить за вами, да и заклятие, наложенное на вашу супругу, поверьте, его очень тяжело поддерживать в пассивном состоянии. Так всем будет проще».

Жрец говорил:

«Вот увидите, новая магия покажется вам куда более мощной. Вы станете сильнейшим магом княжества».

Жрец шептал:

«Это позволит вам приобщиться к великой мудрости Заточенных… Вы сможете сами услышать их голоса!»

Кажется, жрец немного завидовал Эрно, которому предстояло почувствовать магию Хаоса впервые.

А Эрно думал: так или иначе, скоро меня не будет. Это все не имеет значения. Уже ничего не имеет значения – восстание не остановить. Мы сделали все, что нужно, и все, что должно…

И даже маги ордена вот-вот прибудут в Агер, чтобы окончательно уничтожить ужасную поросль…

А еще через день вернется Джерго. Он не мог ослушаться моего прямого приказа. Он не мог позволить себе выкинуть мои письма, не прочитав ни строчки… Да что я говорю! Если оружие из Моравии было доставлено, значит, все он читал, значит, все понял правильно. Молодец, брат!

Это случилось две ночи назад. Теперь уже две ночи. И тоже не имело значения. Потому что Эдит была в опасности. И Лорант. И отважный Торо… и кто там еще с ними…

А лошадь устала. Эрно и сам устал – дорога была не легкой, и, чтобы поберечь силы кобылы, он шел сам, ведя ее в поводу. Почти сутки двигался вперед без остановки, но не смог догнать ни беглецов, ни их преследователей. Вечером, едва солнце коснулось горного склона на западе, Эрно попросту свалился и немедленно заснул. Проспал он до рассвета…

* * *

…если бы он слышал разговор, состоявшийся в городской усадьбе графа Теранена, он бы точно знал, откуда нужно начинать отсчет событий. Но он не слышал. И знать о том

разговоре не мог. Когда случилась беда, князь Эрно еще не успел обзавестись верными сторонниками, наблюдательными слугами и хитрыми подчиненными.

А разговор состоялся за день до посвящения князя Эрно Заточенным богам.

В доме тогда присутствовали сам граф, его старые приятели Тирон Далаш и Марко Генерри. И верховный жрец Агерской общины Заточенных – Великий Хеман.

– Вы слишком торопитесь, Великий, – сказал граф недовольно. – С этими мальчишками надо быть осторожней. Младший, конечно, слишком юн, и все его мысли можно читать без всякой магии. Но старший… старший не так прост.

– Он у нас на крючке, – поморщился низколобый угрюмый Далаш.

Тирону Далашу длительная опала слегка подкосила здоровье и сильно испортила характер.

– Он маг. Его возможности и его статус – все, что нам сейчас нужно. Цель, мой друг, – Далаш неприятно улыбнулся, – в полной мере оправдывает средства. К тому же он податлив, легко поддается шантажу. И мы сделали все, чтобы лишить его поддержки не только дворянства, но и простого народа.

Граф покачал головой:

– Рано его посвящать! Рано! Он же нас ненавидит. Он не смирился…

– В Китшоэ отличные подвалы. Надежные, глубокие и хорошо оснащенные.

– Не забывайте, мальчишка – маг. Он может в самый неподходящий момент упереться рогом, и все наши планы…

– Вот чтобы этого не случилось, – со значением сказал жрец, – нам и нужно провести посвящение сейчас. Увидите, всего через неделю новообретенная власть и сила сделают свое дело. Он попросту не захочет отказываться от подарка, который мы ему всучим. Звезда богов рано или поздно перекует его, как кузнец перековывает кусок металла в прекрасный меч. Он даже не заметит, когда перестанет сопротивляться!

Теранен нехотя кивнул, но не удержался от замечания:

– И все-таки я считаю, мы торопимся…

На это ответил Марко Генерри:

– Нам нужна его магия. Сколько можно ждать? Сколько можно осторожничать и строить планы? Город им недоволен, может случиться бунт. Нет, нам нужно спешить. Надо, чтобы у него не было другого варианта, кроме как присоединиться к нам. А на посвящение он согласится, не сомневайтесь. Он уже привык соглашаться – исполнительный молодой человек.

* * *

Эрно очнулся, когда первые лучи солнца разогнали утренний туман. Нерасседланная лошадь щипала куцую траву, убредя по тропе шагов на пятьдесят. Он не почувствовал себя отдохнувшим, но встал и побрел к лошади, смутно надеясь, что хотя бы она смогла восстановить силы.

День обещал быть жарким.

Маленькое селение – всего три дома и сараи – Эрно заметил издали. Деревенька приютилась в тихой зеленой долине, прикрытая от ветров склонами гор.

Как Эрно ни торопился, а отдохнуть и узнать новости было необходимо. Да и не ел он больше суток – кислое яблоко, найденное в седельной сумке вчера утром, не в счет.

Эрно постучал в ворота самого большого, беленого дома, крытого старой соломой. По двору этого дома неприкаянно бродило несколько молодых коз. Дверь открыла пожилая женщина в темном платье с грязным передником, удивилась, увидев на пороге не соседа, а незнакомого молодого человека в дорогом костюме. Охнула, принялась вытирать о передник руки.

– Здоровья вам, добрый господин.

– И тебе здоровья, хозяйка! Подскажи, не проезжали ли здесь недавно люди?

Она неожиданно выпрямилась, сжала губы. Потребовала:

– А вы, стало быть, кого-то ищете… Входите в дом, поговорите с мужем.

– Я спешу. Знаете тропу на Агдоле? По ней ехали мои друзья. Мне стало известно, что их преследуют, я пытаюсь опередить погоню.

Женщина оглядела его с ног до головы и жестко сказала:

– Поговорите с мужем!

Делать нечего. Пришлось поклониться низкой притолоке, переступить порог. Беленые стены, традиционная круглая печка, простая утварь. Обычный крестьянский дом. Эрно в детстве немало видел похожих домов. Он окинул взглядом кухню и услышал из-за спины неприветливое:

– Ступайте, сударь, в дальнюю комнату. Там мой старик.

Эрно пересек небольшую кухню, краем глаза подмечая детали – полочку с несколькими кринками, укрытыми от мух и кошачьего любопытства белыми салфетками. Пестрые накидки на потемневших от времени лавках, резную раму небольшого зеркала. Узор рамы повторялся и на полочке, и на лавке у печки.

Но более всего его заинтересовали книги. Потемневшие срезы, кожаные переплеты, ремешки застежек – это оригиналы, не

списки. А значит, каждая такая книга стоит столько, сколько хозяин этого дома, должно быть, зарабатывает за сезон…

Хозяйка осталась на кухне. Начала что-то там перекладывать, греметь посудой. Чем-то ей Эрно не понравился, вот только чем?

Ее муж оказался высоким кряжистым крестьянином лет за пятьдесят. Он сидел на прочном деревянном стуле возле стола, превращенного в верстак. На столе в облаке стружек и в окружении инструментов красовались резные планки – будущее украшение сундука или еще одной полочки.

Но хозяин от своей работы отвлекся и теперь внимательно вглядывался в гостя сквозь легкий прищур.

– Похож на отца, – неожиданно резюмировал он. – Входите, ваша светлость, присаживайтесь! Я бы должен встать, да вот не могу. С самой войны, почитай, ног не чувствую.

– Вы воевали под знаменами моего отца, – произнес Эрно, проходя в комнату и усаживаясь, за неимением второго стула, на краешек кровати.

– Густав Дадел, корпораль[2] Второго гусарского полка княжества Паннонского, – отрапортовал хозяин.

Второй гусарский почти весь полег под Прагой. Эрно чуть склонил голову. Называться чужим именем уже не имело смысла.

– Я знаю, – сказал он, – что моя жена и еще несколько дворян ехали этой дорогой. Я знаю, что их преследуют. Но я не знаю, кто в группе преследователей и насколько они отстают. И насколько отстаю я.

Корпораль пытливо вгляделся в лицо князя.

– Простите за дерзость, ваша светлость, но я поклялся, что сделаю все возможное, чтобы беглецы смогли беспрепятственно добраться до границы.

– Мне нужно просто знать, насколько я отстаю.

– Я не смею обманывать вас, но преступить клятву… простите, ваша светлость, но я еще ни разу не нарушил данного слова и надеюсь, что так останется и впредь…

– Хорошо, молчите! – Эрно ударил по колену сжатыми кулаками. – Молчите! Какая, в конце концов, разница, если женщину с ребенком, может быть напуганную, уставшую, преследуют маги Хаоса, верные слуги Заточенных богов? Пусть преследуют! Зато ваша солдатская честь останется в неприкосновенности!

Эрно зажмурился, потом, уже успокоившись, добавил:

– Хотя бы скажите, кто ее сопровождает, кроме Торо, о нем я знаю.

– Я ничего не понимаю в ваших придворных делах, ваша светлость. Но даже в наши глухие места добираются новости из

столицы. Говорят, вы сами участвуете в обрядах Заточенных. Говорят, вы прошли посвящение богам и у вас на руке их проклятое клеймо. Могу ли я вам верить?

– Завтра в Агере начнется восстание. Замковая стража и введенные по моему приказу в город регулярные части армии поддержат мятежников, Китшоэ будет взят с боем. Вчера утром в столицу тайно прибыл большой отряд Ордена Равновесия – двенадцать сильнейших магов, опытные воины, проявившие себя в Великой войне. Я должен быть сейчас там: только я знаю в лицо всех, кто, тайно захватив власть, пытается сделать из Паннонии плацдарм для начала новой войны. Но я здесь. Потому что жрецы Заточенных точно знают: если Эдит удастся скрыться, у меня будут развязаны руки.

Старый солдат медленно кивнул.

– Вы действительно прошли обряд? Вы не похожи на предателя или безумца. Поверьте, мне доводилось видеть дезертиров, мне доводилось видеть и предателей, которые добровольно позволяли нанести на кожу… обычно в каком-нибудь тайном месте… проклятую звезду.

Эрно бледно улыбнулся:

– Все, кто играет в этом заговоре хоть какую-то роль, присутствовали на обряде. Они справедливо считали мое согласие значимой победой в борьбе за власть. Так что князем Паннонским мне больше не называться… Но это позволило доставить в город оружие и провести магов. Сейчас все готово, люди предупреждены, и нет силы, которая сможет нам помешать.

Он закатал рукав пропыленной сорочки, демонстрируя Звезду богов.

– Я ничего от вас не скрываю. И мне действительно важно остановить преследователей и дать Эдит возможность покинуть страну.

Ответ пришел с неожиданной стороны: оказывается, хозяйка пришла с кухни и уже некоторое время стояла у входа, вслушиваясь в разговор.

– Я-то никому ничего не обещала, молодой князь.

– Магда!

– Помолчи, старый! Были тут твои. Неделю назад приезжал знатный дворянин, вроде по выговору иностранец. Не один, со слугами. У нас в сарае поставили двух лошадей, денег дали, чтобы я присматривала. Чтобы свежие они, значит, были, а то дорога дальняя. Так что не волнуйтесь, кони у них свежие…

Двух лошадей. Эрно побледнел – две лошади, два человека. Значит, Эдит, Лорант и Торо, больше – никого.

– А те, другие? Сколько человек, когда проехали?

– Восемь. Два часа назад были. Торопились сильно.

«Эдит обязательно предположит, что я постараюсь ее вернуть. Они не будут задерживаться и не сойдут с тропы. Но смогут ли они оторваться от погони?»

– Среди темных были маги?

Он сам не заметил, что назвал врагов словом, которым принято было именовать последователей Заточенных во время войны.

– Это нам неведомо, князь, – пробурчал корпораль. – Ох и длинный у тебя язык, Магда…

– Я поеду.

Эрно поднялся, удивившись, как, оказывается, у него гудят ноги.

– Постойте, я вам хоть еды в дорогу дам. Ваши-то тоже торопились. Лошадей поменяли, и в путь. А ведь я предлагала – заночуйте, отдохните…

Значит, Эдит была здесь прошлым вечером. Им действительно удалось оторваться от погони благодаря подставным лошадям и тому, что смогли заранее продумать маршрут…

Эрно попросил хозяйку присмотреть за лошадью. Он решил срезать путь, но на пастушьей тропе, ведущей к подземным лабиринтам Агдоле, лошадь не станет помощницей. Скорей наоборот.

В этом месте дорога, окончательно превратившаяся в узкую каменистую тропу, делала солидный крюк, и появлялся шанс незначительно, но обогнать врага.

Эрно попрощался с корпоралем, не расспрашивая о дороге. Тропа ему была знакома. В войну в пещерах Агдоле скрывались беженцы, среди которых оказались и дети Паннонского князя. Надо ли говорить, что все окрестности на два дня пути мальчишки изучили настолько хорошо, насколько было возможно. В те времена этого хутора в долине еще не существовало. А может, стоял единственный заколоченный дом.

К полудню Эрно поднялся на перевал, откуда уже можно было различить вдали усадьбы крупной деревни, название которой и дало имя пещерам… а может, все обстояло ровно наоборот. Здесь, где-то недалеко, за Агдоле, имение Торо. Если беглецы решат остановиться там, отдохнуть и получить помощь, то преследователи непременно их настигнут. Не так уж сложно просчитать такое решение.

Князь уже почти отвернулся, с тем чтобы поискать удобный спуск, как увидел на дороге в Агдоле кавалькаду всадников. Всадники спешили, как гончие, почуявшие свежий след.

Опередить их не было никакой надежды. Но даже мысли у него не возникло, что можно остановиться, предоставить событиям течь так, как они текут…

Разумеется, он опоздал. Когда через три с половиной часа Эрно добрался до деревни, там только о том и говорили, что у дома Торо был бой и даже кого-то убили. «Насмерть, сударь! Кровью весь порог испачкан!»

Новость должна была подкосить Эрно, но почему-то получилось иначе. Он выкупил на постоялом дворе почтовую лошадь, по словам хозяина, выносливую и быструю, привыкшую к седлу. Отдал за нее двойную цену, но не прогадал. Возле усадьбы Торо он оказался через какие-то четверть часа.

Усадьба – здание в два этажа под нарядной черепичной крышей и с часовой башенкой – выглядела так, как и следует выглядеть ухоженному загородному дому знатного паннонского дворянина. За тем исключением, что вокруг него не должны бродить любопытные сельские жители во главе со старостой.

Эрно спешился у крыльца и, конечно, первым делом увидел ту самую кровь, которой «испачкан весь порог». Большое темное пятно на нижних ступеньках и на песке рядом. Немудрено было бы потерять голову… но, как ни странно, и в этот раз Эрно удержал себя в руках. Может, просто не верил, что его опоздание – окончательное, что беда уже случилась и ее не отменить.

Староста его, конечно, сразу заметил и поспешил навстречу с самым серьезным видом:

– Кто вы, сударь? И с какой целью явились?!

– Я старый приятель хозяина дома, господина Торо, – ни в чем не солгав, представился Эрно. – Что здесь случилось?

– Так в двух словах-то и не объяснишь. Идемте в дом!

В гостиной все было в порядке, если не считать несколько сбившихся ковров.

– В доме жили гости, – обстоятельно начал он. – Жили тихо, уже больше недели. Из лавки каждый день сюда бегала девочка, носила продукты и вино. О, они никаких хлопот не доставляли и вино заказывали исключительно легкое и не более одной бутылки. Вон у камина стоит корзина, можете сами взглянуть. Да, точно, дней десять они, как поселились. Хозяин их встретил, все, что у нас есть интересного, рассказал-показал, да и уехал. А они, стало быть, остались.

– Сколько всего было человек?

– Вы смотрите в корень! Трое. Нет, четверо, но один, он, знаете, не с самого начала здесь был. Приехал третьего дня. Молоденький совсем. Он ко мне обращался, дорогу спрашивал, я потому и запомнил. А сегодня рано утром, значит, сам хозяин,

господин Торо, значит, прибыл, и с ним еще женщина и ребенок. Я и то удивился, зачем это взрослые люди вдруг заказали вчера свежего молока? А чуть за полдень, – староста понизил голос, – в деревню въехали колдуны.

Эрно нахмурился:

– Точно ли колдуны?

– Они по следу шли, точно говорю. Видывал я такое во время войны. Скачет, значит, отряд, а впереди них, в десятке шагов, – призрачная гончая…

Про призрачных гончих Эрно раньше не слышал. Это заставило его пристальней вглядеться в лицо собеседника.

– Был я на войне, был. У нас полдеревни воевало, – правильно истолковал его интерес собеседник. – Так что видел: колдуны эти ничего доброго хозяину и его гостям не желали.

– А дальше?

– Так то-то и оно! Ваши-то знакомые… верней, знакомые господина Торо, они тоже оказались не лыком шиты! Так этих встретили, что о-го-го! Мужики хотели сразу сюда бежать, да я запретил. Куда с вилами – да против магии? А все равно мало кто послушал. Любопытно же! В общем, как пришли, смотрим, человек лежит на пороге. Мертвый совсем. Как не мертвый, когда его мечом проткнули, да еще и не один раз? Это, значит, один из ваших, из гостей то есть. Его в деревню доставили.

– А остальные? Та женщина и ребенок?

– А вот этого нам уж не ведомо. Никто не видел, как они ушли. Только знаете, не сами они ушли, мне кажется. Ох, не сами!

– А куда они могли пойти? Я никого не встретил.

– Тут одна дорога, – пожал плечами староста. – Мимо пещер, в сторону Моравских перевалов…

– Зачем слугам Заточенных Моравские перевалы?

– Вот это уж я не могу знать.

– Да это я не у вас… Это я у себя спросил.

Эрно коротко кивнул старосте на прощание. На предложение осмотреть дом ответил отказом – у него было ощущение, что надо торопиться. Еще можно что-то успеть! Наверное, можно, раз преследователи, заполучив вожделенную добычу, не отправились сразу в обратный путь…

Почтовая лошадка не подвела.

Он с тропы успел увидеть, как входят под скальный козырек над первым гротом Агдоле люди в темных дорожных плащах. Первыми в пещеру они втолкнули пленников…

Стреноженные лошади стояли у начала подъема. Они устали, стояли понурясь и тяжело дышали. Если присмотреться, видно,

что как минимум у двух изранены шпорами бока.

Эрно некогда было присматриваться.

Он спрыгнул наземь, хлопнул по шее лошадку, не то намекая, чтобы возвращалась в деревню, не то просто из чувства дружеской благодарности, и тут же по крутому подъему устремился вверх. Наверняка где-то есть удобная, проходимая для телег дорога. Он ее даже смутно помнил. Но одновременно помнил и то, что так, по склону, добраться будет быстрее. Эрно торопился, даже не подозревая, что к той же пещере, но со стороны моравской границы, скачет еще один отряд…

Пещера ударила по глазам непроглядной темнотой, и первые шаги он делал не то по памяти, не то на ощупь. Но уже через считаные секунды Эрно различил впереди тусклый свет факелов.

Куда они идут? Зачем? Подземные туннели тянутся на десятки миль, в них легко заблудиться. Если только…

Каменный лабиринт.

Совсем недалеко от основного входа в систему пещер, по правой стороне. Узкий незаметный лаз, скорей трещина или промоина. Но там, внутри, в огромной, почти круглой пещере, украшенной прекрасным лесом природных каменных деревьев, сосулек, наплывов, там, на ее круглом и ровном дне, лежит лабиринт, сложенный из блестящих антрацитовых камней. Если смотреть немного сверху – а так от входа-промоины его и видно, – он складывается в образ, подобный дереву… Но, опять же, не создано еще такого факела, который позволил бы высветить, открыть взору весь рисунок.

У лабиринта есть магия, и когда здесь скрывалось чуть не все население северо-востока страны, из-за войны потерявшее кров, то, конечно, детей к нему не пускали. Взрослые и сами-то побаивались лабиринта Агдоле. Но дети – любопытный народ. Так что Эрно и Джерго бывали в этой пещере не раз и не раз пытались самостоятельно постичь тайны лабиринта. С тех пор минуло двенадцать лет…

Эрно знал от магов ордена, с которыми ему доводилось беседовать уже после войны, что лабиринт – это сложный магический узел, и некоторые им могут пользоваться даже как порталом.

Тайна его манила, и он себе обещал, что, как только станет князем, обязательно займется Агдольским лабиринтом. А если сам не справится, позовет ученых…

Те мечты так и остались мечтами. Со времен войны он еще ни разу не бывал в здешних пещерах и сейчас удивлялся, как, оказывается, бережно сохранила память всякие мелкие детали. Начиная от пещерного, совершенно особенного холодного

воздуха и до шороха гравия под неосторожной ногой.

Вход в пещеру остался уже за двумя поворотами. Свет факелов впереди тоже исчез. Значит, люди свернули к лабиринту. Он не ошибся. Эрно прошептал заученное еще в незапамятные времена заклинание «огненного фонарика». Шарик света, вспыхнувший в двух метрах впереди, показался с непривычки ослепительным – князь забыл прикрыть глаза. Пришлось потратить драгоценные секунды на привыкание.

Со светом идти стало легче, и он без труда нашел поворот.

Всего несколько шагов – и вот он, зал лабиринта.

Факелы отражались в гладких гранях камней, плясали блики.

– Стойте! – крикнул Эрно.

Он спрыгнул на дно пещеры. До входа в лабиринт оставалось еще шагов десять. Услышал:

– Князь Эрно! Какая неожиданность!

– Отчего же. Моя жена бежала, граф Теранен обещал доставить ее назад в Китшоэ уже на следующее утро. Это не было сделано. – Эрно шел вперед. Медленно, размеренно, чтобы у врага даже мысли не было, что он что-то скрывает или лжет. – Я решил найти ее сам. И вот в деревне мне говорят, что люди графа, вместо того чтобы приложить все усилия к немедленному возвращению беглецов в Агер, отправляются сюда! В пещеру! Я начинаю подозревать вас, господа, в нечистой игре…

Шел и считал.

Главный у них – первый жрец храма Заточенных, сильный маг. Прибыл недавно – до того отсиживался где-то в Трансильвании, имя свое тщательно скрывает.

Еще трое… Эти совершенно незнакомы.

Господин Руфус Лешон – купец из Галлии.

Младший из братьев Генерри. Ярый сторонник Заточенных, по нему кажется, что он немного не в себе. Не пропустил ни одного обряда в храме.

Двое – в тени, лиц не видно, но и не нужно – они ближе всего к центру лабиринта, и именно они удерживают пленников. Это не маги – стража, наемники или полицейские. Те, кто выполняет приказы.

– Я думаю, господа, вам стоило бы объясниться! К тому же, насколько мне стало известно, вы кого-то убили в доме господина Торо.

– Послушайте, князь! – крикнул Генерри. – Идите сюда, вас плохо слышно!

Эрно идет. Просто чтобы лучше видеть пленников. Может быть, удастся как-то защитить их… например, ослепить темных… если враги поверят, что он действительно настолько глуп, чтобы

спрашивать с них здесь и сейчас… если расслабятся, ведь они знают про Звезду богов у него на руке…

Они должны поверить. И тогда можно будет что-то сделать… заклинанием полного мрака… нет, могут попытаться убить… догадаются. Но нельзя же тянуть время до бесконечности?!

Эрно шел, мысли путались, планы освобождения возникали мгновенно и так же быстро растворялись в пустоте.

– Князь, вы правы, – улыбается жрец. – Мы действительно собирались вернуть вам вашу потерю в целости и сохранности, но вы не все знаете. Сегодня утром в Агере случился военный переворот. Так что, боюсь, вы больше не властитель Паннонии.

– Откуда это вам…

– Есть много разных способов быстро передавать новости. А хорошая новость иногда стоит целого княжества…

«Да он и сам тянет время, – понял Эрно. – Он не уверен, а значит, может ошибиться. Он не знает, чего от меня ждать. А что я должен ответить? Как ответить так, чтобы он понял, что новость потрясла меня. Даже подкосила?!»

А губы сами уже выдавали правильный ответ:

– Я не верю! Я вам не верю, слышите?

– Во главе переворота, как ни прискорбно об этом сообщать, стоит ваш брат. И за вашу голову, насколько я знаю, уже назначена цена.

– Это ложь!

– Я нашел их! Сюда!

Эрно резко обернулся. Этот новый голос звучал от входа в пещеру. Кто это? Зачем?

Может, эти новые обстоятельства как-то изменят ситуацию?

Нет! Обездвиживающее заклинание – блокировать!

Уйти с линии удара в тень. Ответить. Почувствовать блок… атаковать заклятием абсолютного мрака! Продлится считаные секунды, но этого хватит, чтобы подобраться ближе к пленникам!

– Именем Хедина! Стоять!

Шум, впереди и за спиной.

Мрак развеивается.

У входа в пещеру – теперь его отчетливо видно – молоденький маг, которого князь встречал много раз, – это сын Фабиана Фабриса Орбан. Кажется, парень в учениках у кого-то из моравских магов… Странно!

Орбан Фабрис внезапно что-то выкрикнул, и Эрно с трудом смог уклониться от смертоносного луча чистой силы. Удар поучился удивительно мощный и неожиданный.

Реакции тела куда быстрей мысли. Увернувшись, он ударил в ответ сам. Так, как учили тренеры из ордена. Не задумываясь ни

на миг…

Орбан не думал защищаться.

Ответный магический удар Эрно убил его мгновенно, кажется, парень даже понять не успел, что случилось.

Но это видели другие. Не только последователи Заточенных у Эрно за спиной. Последний миг жизни Орбана Фабриса видели его спутники, те, что прибежали на крик. Те, кого он должен был дождаться, а не завязывать бой, в котором и опытному магу-одиночке могло достаться всерьез.

И вот тот, кому под ноги упало бездыханное тело, закричал: «Нет!» – громко и отчаянно. И ударил – волной негасимого пламени, изо всех магических сил. Загудел адский поток, жаром опалило ближайшие стены, мгновенно наколдованный огонь устремился к центру пещеры, к лабиринту, выжигая воздух, сжигая все, что оказалось на пути…

Эрно двумя руками вцепился в амулет, что с момента восхождения на княжеский престол носил на груди. Белый круглый камень с виду не производил впечатления – как будто кто-то обточил и отшлифовал кусок обычного кварцита.

Камень, на котором князь клянется защищать и беречь свое отечество.

Камень, на котором маги княжества клянутся служить защите родной земли.

Камень, которым ни один князь доселе еще не воспользовался.

Наконец, камень, который в решающий момент дает князю власть над силой всех магов Паннонии.

Жест последнего отчаяния, края. Может быть, Эрно не думал, что выживет в этом аду. Может, он и вовсе ни о чем не думал…

Сила всех магов – молодых и старых. Опытных и начинающих. Все потоки, все кусочки, все, что было окрест, – все внезапно оказалось в руках одного человека. А он хотел немногого – остановить пламя. Отвратить неминуемую гибель самых дорогих ему людей, любой ценой…

Может быть, остановив само время…

Отозвался, налился багровым светом лабиринт. Наконец он стал видимым весь, до самого края, все камни, его составляющие, все булыжники, устилающие дно пещеры.

Вверх взметнулись потоки света, яростные лучи начали бить из амулета, из-под пальцев князя Эрно.

Взвились к сводам мириады небывалых холодных искр.

От ничем не сдерживаемой энергии затряслась сама земля, начали отваливаться и рушиться куски прекрасных каменных сталактитов…

Заклятое пламя не успело добраться до тех, кто стоял в лабиринте… Его отсек, остановил, заморозил прозрачный магический купол.

В первый миг Эрно прекрасно успел разглядеть фигуры застывших под этой невидимой защитой людей. Смог даже рассмотреть замершее, словно замороженное, пламя.

Князя качнуло вперед, он запнулся и едва смог устоять на ногах – амулет, кажется, сжигал уже его собственные силы…

Но отпустить его, прекратить звать на помощь чужую магию Эрно отчего-то не мог. Он упал на колени, не почувствовав удара.

Меж тем купол начал терять прозрачность, и вскоре там, в центре лабиринта, возвышалась лишь огромная матово-серая полусфера. Камни лабиринта тоже гасли, словно это жизнь уходила из них.

Эрно, превозмогая себя, поднялся и сделал несколько шагов в сторону купола. Протянул ладони – почувствовал гладкое, невесомое, не несущее тепла препятствие. Ему нужно было туда, внутрь. Но сил не оставалось.

Еще ничего не кончилось!

Сам лабиринт, магическая печать, удерживающая мир в равновесии – во всяком случае, так говорили маги ордена, – рушился. Отсеченные каналы силы, сплетавшиеся ранее в прочный узел, теряли старые привязки, убийственная энергия готова была вылиться в мир. Эрно попросту видел зрением, измененным заговоренным камнем, нити энергий, рвущиеся одна за другой.

Перехватить, удержать, прервать распад…

Нет, вряд ли он отдавал себе отчет в тот момент, что и зачем делает. Но он тянулся к обрывкам, соединял их, пропуская через себя все, что ранее перетекало через узел лабиринта. Он сам становился частью антрацитовых камней, его сознание и память теряли значение, погружались в структуру сотворенного кем-то когда-то заклинания. Кажется, Эрно кричал, оглушенный силой, которая текла через него. Он сам неожиданно для себя стал привязкой для магии, потерявшей опору, и магия с охотой потекла сквозь вновь воссозданный узел, потекла сначала слабым, неощутимым ручьем, а потом и уверенным потоком, нашедшим себе новое русло.

Агдольский лабиринт гас. Нет, он не умирал – магические печати уничтожить очень сложно, особенно если к их созданию приложили руку Новые Боги. Скорей это было похоже на долгий вынужденный сон…

Гас лабиринт, гасла серая сфера над ним, медленно погружался во тьму мир. Только свод пещеры кружился над

головой – Эрно почему-то его видел, хотя по всем законам природы этого быть не могло. Но, кажется, это последнее, что он видел. Потому что, когда очнулся, над ним синело вечернее небо и сплетались густые ветви.

Заканчивался день, и заканчивалась эпоха.

Глава 6

Горело очень много свечей. По комнате плыл аромат каких-то иноземных трав, он немного пьянил и создавал ощущение нереальности происходящего. Бела назло себе надела платье, в котором ездила на прогулку с Зариной, – хорошо, что не выкинула, как собиралась. Платье шуршало шелковыми складками и мало чем отличалось от одежд других участников обряда. На лице у нее была маска – такие маски всем выдали на входе. Делалось это для того, чтобы полицейским дознавателям, если они все же наберутся наглости задавать вопросы, никому не пришлось врать: «Нет, господин дознаватель, ничего не могу сказать: все участники обряда носили маски». У дознавателей в последнее время появились магические безделушки, позволяющие точно определить, лжет ли свидетель или говорит правду.

А народу было много. В низком подземном зале, освещенном десятками свечей, казалось, негде повернуться. Слуга поднес Белале бокал с мятной водой, в котором плавали кубики льда. Она благодарно кивнула. Было жарко.

Мужчины и женщины занимали места на помостах по периметру. Помосты, установленные между тяжелыми опорными колоннами, были сколочены из грубых досок, но на лавках лежали мягкие атласные подушки. Жертвенник украшали восемь черных свечей, мерцавших ирреальным синеватым пламенем.

Белала среди гостей довольно быстро обнаружила графиню Тиа. Насчет остальных она была не уверена, но почему-то казалось, что все эти люди присутствовали недавно на княжеском балу. Неужели князь Берток настолько слеп, что не замечает происходящего? Все, что она успела узнать об этой стране и о ее правящем доме, свидетельствует о ненависти, которую здесь питают к Заточенным. Вот только все ли?

– Прошу вас, – прозвучало над ухом, – дорогая незнакомка, садитесь! Только не рекомендую первый ряд. Оттуда, конечно, видно намного лучше, но у вас светлое платье, а во время обряда, знаете ли, иногда летят брызги… да и вообще, зрелище это, по моему глубокому убеждению, не для юных девиц.

Кавалер Зергин, вспомнила она имя. Он танцевал с ней на балу, но сейчас, кажется, не узнал.

– Благодарю, сударь, я так и поступлю!

– Позвольте вашу руку!

Доски помоста скрипнули под ногой. Оказалось, уже почти все пришедшие нашли себе место по вкусу. С той точки, где

оказалась Белала, жертвенный камень был виден не очень хорошо – мешал угол колонны. Зато она сидела в тени и имела прекрасную возможность изучать лица тех, кто пришел на таинство. Маски не обезличивали людей, просто затрудняли узнавание. А кое-кто и не думал таиться…

А вот и соискатель жреческой мантии. Юноша лет восемнадцати, над верхней губой едва прорезался легкий пух. На нем бежевая хламида ученика. Если обряд пройдет успешно, черного и бежевого в его одеждах станет поровну, а когда он достигнет высшего ранга, одежда станет черной полностью. Светлыми останутся лишь украшающие полы тексты священной доктрины.

Сам верховный жрец. Гладко выбритый череп, черная хламида. Зажигает свечи. У него в руках три черные курицы – первое приношение. Дома, в Трансильвании, жрец Тольбе рассказывал, почему три и почему имеет значение цвет. Но Белала плохо помнила этот урок. Зато она досконально помнила ход этого самого первого приношения и повторяла вслед за жрецом ритуальные слова.

Когда капли черной крови упали на жертвенник, девушка ощутила незримую волну всеобщего подъема, радости и силы. Это чувство было новым.

Соискатель бросил в ароматическую чашу еще несколько связок сушеных растений, и через минуту до Белалы добрался тягучий цветочный аромат. Запах заставил облизнуть пересохшие губы. Запах настойчиво сообщал – происходит что-то очень важное, главное, нужное, то, чего ты хочешь больше всего на свете…

Жрец начал читать обращение, и весь зал подхватил его негромкий речитатив – здесь не было случайных людей, текст доктрины знали все и каждый, даже такая легкомысленная на вид графиня Тиа.

Слуги ввели жертву. Это была молодая женщина, не старше самой Белалы. Ритуальная одежда – усеянная черными письменами белая накидка – доходила до колен. Контуры Звезды богов, начертанные на лбу и на плечах жертвы, странно отблескивали в свете свечей. Бела запоздало догадалась, что знаки тоже написаны кровью. Глаза ее были завязаны, ноги босы.

Соискатель поднес ритуальную чашу, вырезанную из цельного куска обсидиана, поставил на жертвенник меж свечей. Жрец вытянул руку женщины, поднес к чаше – прямо над синим мерцающим пламенем – и полоснул поперек запястья черным каменным лезвием. В чашу побежала струя крови, а жертва вдруг дернулась, отняла у жреца руку и неожиданно дико закричала.

Так, что эхо прокатилось под сводами…

Белалу бросило в жар – и она почувствовала, что ее рука давно уже сжимает чью-то чужую руку. Кто-то дышал рядом глубоко и прерывисто…

Слуги удержали жертву – борьба длилась недолго. Женщина обмякла в их руках, может быть, упала в обморок, а может, вновь оказалась под действием дурмана, окутывавшего подземелье. Жрец вскрыл второе ее запястье, кровь весело потекла в чашу.

Речь жреца продолжала звучать так же ровно, но отчего-то теперь она отдавалась ритмичными ударами в висках и запястьях зрителей. Вокруг текла теплая магия человеческой жизни…

Каменная чаша покинула алтарь, слуги уложили на него жертву, освободив ее от одежд. Нож начал выводить на груди женщины ровные линии магического знака. Бела почувствовала, как сосед мягко, но сильно обнял ее и привлек к себе. Сквозь прорези маски смотрели темные глаза, зрачок был таким огромным, что закрывал собой почти всю радужку. Он улыбался, а Бела почувствовала странную двойственность. Ей одновременно хотелось продолжения, хотелось, чтобы его губы коснулись ее кожи, хотелось поцелуя, а с другой стороны, наоборот, хотелось оттолкнуть его и бежать подальше, на улицу, на воздух…

Впрочем, второе ощущение было мимолетным. Оно лишь скользнуло по краю сознания ощутимой, но мгновенной тревогой.

В душном воздухе плавились тонкие зеленые нити магии, обволакивали присутствующих, усиливали радость и желание.

Бела улыбнулась соседу и потянулась навстречу его губам…

И в этот момент из уст жертвы вырвался последний вздох-крик – обсидиановый нож прервал течение ее жизни.

Бела обернулась к жертвеннику – так же сделали и все остальные. Из взглядов еще не исчезла сладкая истома, люди продолжали держать друг друга за руки, некоторые сидели в обнимку, ровно так, как Белала и кавалер Зергин.

Жертву сняли с камня. Слуги закрыли тело серой тканью. Молодой жрец поднял чашу, дымящуюся кровью, и начал медленно выливать густую жидкость на камень между равнодушными свечами. И вновь Белала ощутила явственное присутствие могущественного разума, силы, которая радуется пролитой крови так, как радовались бы сами Заточенные…

И она радовалась тоже! Радовалась теплой крови. Рукам кавалера Зергина у нее на талии, его нежной улыбке… всем, кто в тот момент находился в зале. Был частью огромной общей силы и общей тайны.

Наконец последняя капля сорвалась с края чаши. Обряд завершился. В центр зала вышли два младших жреца, вынесли

мантию своему новому собрату. Сейчас загасят свечи и все отправятся к выходу…

Но оказалось, это еще не все. Тело унесли, ритуальные свечи погасли, но никто даже не подумал покидать зал. Нет! В дальней его части отворились невзрачные двери, и все гости отправились туда…

Кавалер Зергин подал Белале руку, помогая спуститься с помоста.

Там обнаружился еще один зал, копия ближнего. Правда, тут оказалось прохладней. И свечей здесь было меньше, они стояли на самодельных столах. Прислуга уже разносила гостям вино. Люди собирались маленькими группами, по двое-трое, разговаривали. Белала краем уха слышала о чем:

– …совершенно безобразное было зрелище, не то что сегодня…

– А я говорю: это в наших интересах! Берток не понимает выгоды сделки с трансильванцами!..

– …обратили внимание, как он смотрел? Какой все-таки красивый парень…

– О, вы сегодня с нами! – услышала Бела знакомый голосок.

Ну, точно, вот и графиня Теранен.

– Здравствуйте, Тиа!

– Тише! Никаких имен, умоляю! Это у вас в Трансильвании обряды проводятся открыто… ну, почти открыто. А здесь мы вынуждены таиться. Скрывать свое душевное стремление…

Белала улыбнулась в ответ.

– Как вам таинство? По-моему, прошло практически идеально! И не скажешь, что все подготовили за три дня.

– Всего за три? И жертву?..

– Именно поэтому! Мне рассказали, что она… ну, эта… жертва. Она хотела умереть. Пыталась убить себя. Это так… романтично! Но жрецы поговорили с ней, подготовили. Правда, прекрасно? Так хорошо давно не было…

Белала тоже ощущала легкую эйфорию. Ей нравилось беседовать шепотом с Тиа и пить маленькими глотками густое красное вино. Должно быть, его выбрали для нынешней ночи, потому что оно внешне немного напоминало кровь.

Кавалер Зергин нашел себе собеседника и с извинением оставил девушек.

– А что сейчас будет? – спросила Бела. Ей казалось – все чего-то ждут. Чего-то значимого, вроде жреческой речи, провозглашающей о скором освобождении богов.

– Разговоры, – пожала плечами Тиа. – На самом деле все эти жрецы, эти свечи, жертва – это все только ритуал. Да, красиво, да,

после него чувствуешь себя обновленной и жаждешь изменить весь мир. Но самое важное происходит не на нем, а после. Здесь и сейчас. Вот увидишь. Ты, конечно, еще мало понимаешь в наших реалиях, но, право, чтобы понять, что князь Берток – недоумок, помешенный на солдатиках, долго с ним общаться не нужно.

– Я заметила. Он даже на балу был в военном мундире.

– Вот именно. Он считает себя главнокомандующим. Кем? Кем ему командовать? С кем мы воюем? Зачем ему еще три крепости на восточных границах? Зачем усиливать границы на западе? Кто нам там угрожает? А сколько денег из казны тратится на парады и смотры! Это же уму непостижимо!

Бела кивнула. Сейчас Тиа говорила так горячо и уверенно, что спорить не повернулся бы язык.

А потом звякнул серебряный колокольчик. На небольшое возвышение, устроенное по дальней от входа стене, поднялся невысокий тучный господин и поприветствовал собравшихся.

– Кто это? – спросила Бела, но ответа не получила. Тиа только шепнула: «Тсс!» – и поднесла к губам пальчик. Ее взгляд был прикован к господину, глаза светились самым живым интересом…

Господин говорил о том, что под руководством князя Бертока страна катится в бездну. Что больше нет сил смотреть, как огромные средства расходуются на княжьи игрушки. Говорил, что народ страдает и что нет ничего лучше свободы. Что нужно скинуть гнет династии, запятнавшей свою честь столькими преступлениями. Тем более сейчас есть человек, имеющий ровно те же права на паннонский престол, что и князь Берток…

Бела слушала его и все больше убеждалась – вот он, тот самый человек, слова которого так недавно повторяла Тиа…

Надо будет вечером поговорить с отцом, что он думает о возможном перевороте в Паннонии. Может быть, стоит подождать и заключить мирный договор уже с новой властью? А если переворот не удастся?

Господин принялся отчитываться перед благородным собранием о том, что успел сделать для достижения цели. Речь пошла о наемниках, лошадях и оружии, Белала довольно быстро запуталась в цифрах. К тому же эйфория сменилась апатией, мысли стали течь медленно и вяло, начала болеть голова.

Она заметила, что многие в зале тоже чувствуют себя неважно. Видимо, по этой причине речистый господин постарался побыстрей закончить выступление. Пока он покидал возвышение, ему непрерывно аплодировали, шумно приветствовали, кто-то даже хлопал его по плечам…

А Беле больше всего хотелось домой, и она покинула

подземелье одной из первых.

На улице было свежо. Она прижалась горячим лбом к холодному и влажному стволу дуба. Перед глазами одно за другим вставали события вечера, плавно перетекали, смешивались, душно повторялись. И к ним каким-то непостижимым образом примешивались картины того знойного дня, когда в зале разрушенного храма лежала мертвая Зарина и горячее солнце забиралось в прорехи крыши, а сумрак от этого становился только темней. И лицо убитого дворянина, все в темной крови. И лицо Ферга – как по контрасту, немного хмурое и спокойное.

Ферг знает, что она непричастна к тому убийству. Но рано или поздно он поймет, узнает и про этот обряд. Узнает, что она присутствовала на нем. Догадается, что она собирается и дальше посещать обряды… Ведь собирается?

Почему вдруг его мнение должно что-то для нее значить?

Воспоминание заставило Белу облизнуть губы, встать прямо и найти взглядом отца. Оказывается, у крайних домов уже стояла небольшая темная карета.

В карете она спросила у отца про возможный переворот. Но ему было дурно. Ответил только:

– Не вижу особых причин беспокоиться. Берток ценит честность, и мы будем с ним честны. А наши друзья… они слишком торопятся. Здесь какая-то своя, местная интрига, в которой еще следует разобраться. Впрочем, я все-таки напишу нашим магам… может, будут какие-то дополнительные распоряжения.

Последнюю фразу он договаривал уже так тихо, что Бела ее едва разобрала.

Проснулась она на рассвете от головной боли. Казалось, в комнате очень душно. Нужно было открыть окно, но прислуга спала, и будить никого не хотелось.

Она полежала с минуту, настраиваясь на необходимость встать и отворить окно, потом поднялась. Головокружение прошло только через несколько шагов.

Сон… ей приснился сон. Странный, вязкий, тяжелый. Не было привычных образов, картин или событий, только чернота и пустота холодного пространства. Пронизанная паутиной тонких, едва заметных зеленых нитей. Нити эти таяли от легчайшего прикосновения. И еще был страх. Тоже неотчетливый, страх всего на свете и одновременно – ничего. Но кроме страха и пустоты была еще радость… она возникала искрой, звала к себе, и до нее можно было дотянуться. Однако искра гасла, и снова подступали пустота и страх.

Болезненный, не иначе навеянный вчерашними дурманящими дымами сон. Нет, нужно обязательно открыть окно! Свежий воздух развеет и головную боль, и это наваждение.

Она откинула шторы, добралась до крючков и задвижек, удерживающих рамы запертыми. Непослушные пальцы плохо справлялись, и Бела сделала маленькую передышку.

Все, что этой ночью происходило в подземных залах храма Заточенных богов, представилось ей вдруг совсем иначе. Со стороны. Люди в нарядных одеждах, тяжелый речитатив жреца. Кровь из вскрытых запястий, смерть – на глазах у публики…

Все это по-прежнему не вызывало страха и удивления. Да, сейчас в Трансильвании во имя Заточенных не проливают человеческую кровь, но иногда овцу или курицу более жалко…

Нет, вздрогнуть Белу заставило не это.

Никогда раньше на обрядах ей не было так хорошо. Всегда к пролитой крови она относилась как к необходимости, неприятной, но обязательной дани Заточенным. А вчера таинство жреческого посвящения превратилось в праздник, в ощущение близости со всеми, кто был рядом, в понимание глобальности происходящего. В единство всех помыслов. И в желание, чтобы это было не в последний раз. Чтобы все повторилось!

Бела рывком распахнула окна. Утренний воздух ворвался в комнату, зашевелил шторы и драпировки. Утро пахло акацией, совсем немного – жасмином и влажной землей.

Она зажмурилась, вдыхая прохладное ночное лето, в котором не было и намека на душные запахи храмового подвала: «Я не хочу! Я не хочу хотеть туда возвращаться. Это неправильно. Такое не должно нравиться. Я знаю: Заточенным нужна кровь людей, чтобы получить свободу, но кто придумал, что жертвоприношение должно доставлять удовольствие тем, кто присутствует во время обряда? Так быть не должно…»

Бела стояла у окна и смотрела, как разгорается рассвет. Как медленно светлеет небо, становятся синими тени, мир обретает цвета. Ночь уходила, уходили страхи. Но Бела знала: они уходят не навсегда. Следующей ночью они, может быть, попробуют вновь заговорить в полный голос. Да только кто же им позволит? Легко бороться с врагом, которого хорошо знаешь.

Едва по коридору прошуршали первые шаги прислуги, Бела распорядилась, чтобы ей подготовили завтрак. Сегодня ожидалась наконец встреча с модисткой из салона госпожи Роуз. Может, прибытие портных с образцами тканей и моделей немного поднимет настроение… но это будет позже. Вероятно, к обеду. До этого – огромная куча времени, которое нужно куда-то деть…

Бела решила, что это отличный повод возобновить

тренировки. Конечно, рядом нет ни опытного мага, ни жреца Заточенных, но что мешает ей самой повторить хотя бы те магические формулы, которые успела усвоить? Конечно, чтобы заниматься боевой магией, маленького танцевального зала не хватит. Но нужно пользоваться моментом и повторить то, что можно безопасно практиковать в доме. В крайнем случае просто поупражняться с ножами.

Бела наскоро позавтракала, прихватила метательные ножи и отправилась в зал.

Там-то ее и застала перепуганная горничная. Белала еще ни разу эту строгую даму не видела в таком смятенном состоянии – из прически выбилось сразу несколько прядей!

– Госпожа Белала! Там… с вашим отцом…

– Что?

Бела аккуратно положила ножи на лавку. Костюм, в котором она тренировалась, был мужским. Платья стесняют движения, а юбки слишком тяжелы и неудобны для того, чтобы быстро двигаться. Да и есть большой шанс их повредить. В первый раз, увидев Белу в штанах, горничная поджала губы и целый день отвечала на любые вопросы только «да» и «нет».

– Я не знаю точно, но похоже, что…

– Пожалуйста, успокойтесь. Скажите, что случилось. Что вы видели?

Бела плеснула в лицо водой из кувшина.

– Ваш отец обычно спускается к завтраку к десяти утра. Сейчас уже почти одиннадцать… Я послала Густуса справиться о самочувствии хозяина и о том, куда подать еду. Но Густус вернулся, сказал, что с господином графом беда. Я поднялась в его комнаты… Не знаю, что и думать. Понимаете, раньше проклятие Князя Мертвецов на иностранцев не действовало…

Бела выронила полотенце.

Вспомнилось – храм. Мертвая Зарина. Ферг, склонившийся над телом… «Этот пострадавший от Князя Мертвецов оказался чем-то иным, это он напал на девушку…»

– Нужно послать за лекарем…

– Я уже распорядилась!

– Нет. Надо послать человека в княжеский хоспис. – Бела нахмурилась, в уме выстраивая цепочку шагов, которые следует предпринять. – Пусть найдет доктора Ферга. Если его не будет, то пусть отыщет ученика по имени Имре. Пусть скажет, что Белферан Вораш пострадал от той же болезни, что и человек из храма Заточенных. Они поймут. А теперь идем. Я хочу посмотреть!

– Храм Заточенных? – пробормотала служанка. – Он же давно

сгорел…

– Но людей там убивают до сих пор! – отрезала Бела. – Идемте же!

Белферан лежал в постели, глаза его были широко открыты, он смотрел куда-то вдаль, в небо за границами потолка. Ни на оклик, ни на прикосновение, ни даже на резкую оплеуху он не отреагировал.

Тяжело было видеть отца, такого всегда деятельного и рассудительного, лежащим в постели безвольной куклой. Бела почему-то решила, что свежий воздух ему пойдет на пользу точно так же, как нынче утром пошел ей, и распахнула окна настежь. Запоздало подумала – ведь могла же догадаться еще утром, что если ей так плохо, то, наверное, и отцу так же! Но нет, не догадалась, даже не вспомнила! А может, если бы она вовремя не открыла окошки, то сейчас, так же как и он, лежала бы в постели и любовалась потолком. Нужно было еще тогда разбудить прислугу, приказать, чтобы открыли окна во всем доме! Нет. Ну как она могла догадаться? Да еще и голова так сильно болела…

Но, может быть, она поняла неправильно, и сейчас Ферг придет и скажет, что все в порядке и надо давать больному особенные пилюли. Неделю, по три штуки в день. И болезнь отступит.

Доктор Ферг прибыл намного раньше, чем Бела ждала. Посмотрел на нее пристальным пытливым взглядом, но ничего не сказал, только склонил голову в приветствии.

Если ему рассказать о том, что случилось ночью, это поможет? Вряд ли. Он не любит тех, кто следует заветам Заточенных богов.

– Графиня, прошу вас, выйдите на минуту. Мне нужно осмотреть вашего отца.

– Это ведь та же самая болезнь, да? Я правильно догадалась?

– Пока не могу ответить. Подождите за дверью.

Бела вышла. И только тут поняла, что все еще расхаживает по дому в мужском платье и в таком виде встречает гостей. Вот он, наверное, удивился…

Но стоит ли теперь переодеваться? И модистка… она вот-вот должна прийти. Надо послать кого-то к госпоже Роуз, сейчас будет не до платьев…

Пока Белала раздавала распоряжения, Ферг закончил осмотр.

– Я заберу вашего отца в хоспис. Сейчас прибудут санитары.

– Вы узнали?..

– Да. Вы не ошиблись в своем предположении.

– Доктор, я была тогда с Зариной… Мог он заразиться от меня?

– Белала, вы можете быть совершенно спокойны – магические болезни не передаются воздушно-капельным путем. Вернее всего, вам самой ничего не грозит.

Бела нахмурилась:

– Спокойной? Вы считаете, что я беспокоюсь только за себя? Послушайте, доктор, если бы ваш отец оказался в таком состоянии, что бы вы сделали?

Снова возникла пауза. Ферг перевел взгляд с девушки на ее отца. Потом спросил:

– Поедете с ним?

– А можно?

– Конечно.

– Я только переоденусь. Это быстро.

Ферг не ответил, о чем-то глубоко задумавшись.

* * *

Всю дорогу молчали. Бела старалась не смотреть на доктора, переводила взгляд то на окошко кареты, то на отца. Злилась на себя, но ничего не могла поделать.

Чувствовала себя виноватой. Во вчерашнем обряде. В собственной теплой радости, которая возникла там, где не должно возникать ничего, кроме отвращения. Даже в смерти той женщины, которую вчера принесли в жертву богам. Даже в болезни отца.

Если бы доктор сейчас обвинил ее во всем этом, Бела бы не смогла ничего возразить. И от осознания этого было совсем плохо.

Может, она ошиблась и стоило позвать на помощь вовсе не Ферга? Но кого? Тиа Теранен? «Братьев по вере», которые вчера…

Вот уж кого ей точно не хотелось видеть и не захочется еще долго.

Что бы там ни думал доктор о самой Белале, а пациенту своему зла он не причинит. Она почему-то твердо была в этом уверена. Как была уверена в том, что почитатели Заточенных обязательно попробуют воспользоваться ситуацией в своих целях. Каких именно, она не знала, слишком многое они с отцом не успели обсудить. Но ведь сотрудничество со здешними почитателями Заточенных было спланировано заранее. А значит, они обязательно придумают, как извлечь пользу из болезни Белферана. Первое, что приходит на ум, – сделать его очередной жертвой… но могут быть и еще варианты…

Она поймала себя на мысли, что сознательно рассуждает о

чем угнодно и о ком угодно, только бы не вспоминать минувшую ночь, только бы не искать себе оправданий. Хороший способ спрятаться от беды. Надо еще подумать, что не сделано, какие распоряжения не отданы, какие письма не написаны. Спланировать ближайшие дни…

Карета въехала на двор. Там было людно. В прошлый раз двор ей показался пустым и светлым благодаря развешанным подле прачечной белым простыням.

Санитары удобней переложили Белферана на носилки и удалились в дом. Ферг подал Беле руку – точно как тогда, возле храма.

– Вероятно, придется немного подождать, пока его разместят. Идемте, провожу вас в гостиную. Там удобно.

– Хорошо.

Но они не успели дойти даже до широкого входа в основное здание, как им открылось то, что привлекло внимание всех, кто присутствовал во дворе госпиталя. Это была низкая крестьянская телега, в которой лежала мертвая девушка. Бела ее узнала без труда – по следам рисунка Звезды богов на лбу и по глубоким ранам, повторяющим тот же рисунок на груди. Нижняя часть тела и кисти рук были прикрыты тканью.

Бела невольно подошла ближе. Вчера издали ей показалось, что девушка совсем юная. Сейчас безжалостное солнце демонстрировало не только всю неприглядность смерти, но и складки возле губ и едва наметившиеся морщинки у глаз.

– Жертва Заточенным, – услышала она бесстрастный голос Ферга. – Вам должно понравиться.

Бела постаралась, чтобы ее голос звучал так же холодно и отстраненно:

– Почему же ее доставили вам, а не полицейским дознавателям?

– Полицейские ищут убийц. А наша задача – понять, что стало причиной смерти.

– Я вам могу сказать. У нее должны быть вскрыты запястья, жрец сцеживал кровь в обсидиановую чашу. Это таинство делает адепта – соискателя черной мантии – жрецом самого младшего ранга. Видите знак на лбу? Если бы кто-то из жрецов поднимался выше на ступеньку в иерархии, этого знака не оказалось бы, а жертв было бы больше.

– Спасибо за сведения, графиня. Эта информация наверняка пригодится полицейским.

– Это написано в доктрине. А ее тексты не так уж трудно найти. Если их, конечно, в Паннонии не сожгли все подчистую.

– Думаю, не сожгли. Как ни старался это сделать князь

Джерго. Ну что, налюбовались? Идем!

Белферану выделили отдельную светлую комнату с окнами на двор. Его уже переодели в льняную сорочку, отчего он стал выглядеть намного старше, чем был.

Бела поправила простыню.

Ферг сказал:

– Он еще дня три будет в таком состоянии, так что если хотите, можете его навещать.

– Благодарю. Неужели нельзя как-то помочь? Ведь говорят, даже при княжьей болезни человека можно спасти, если успеть в первые часы после того, как она началась.

– Княжья болезнь, ее еще называют проклятием Князя Мертвецов, имеет известную причину и достаточно хорошо изучена.

– Я слышала, что это якобы князь Эрно проклял всех и убил собственную жену. Но не может же проклятие быть настолько смертоносным?

– Это было не проклятие, а магический откат. Князь Эрно обратился к силам, которые не стоило трогать. Он использовал энергию всех магов страны на заклинание, никак не согласующееся с клятвой, которую приносил, вступая на престол. В результате по всей Паннонии стали появляться люди, лишенные всякой защиты от потоков магических энергий. Где-то в отдаленных местах это не мешало пострадавшим жить спокойно до самой старости. Но в городах, где множество заговоренных амулетов, где магия всюду, любое, даже самое простое заклинание, произнесенное рядом, приводило к полной потере личности, стиранию памяти, а через какое-то время – к смерти. В первые часы, когда человек еще себя помнит, просто отстраняется от мира, погружается в себя, его еще можно было вернуть, установив предварительно хотя бы маленький магический щит. Случалось даже, когда человек после княжьей восстанавливался полностью. Но сейчас совсем другое дело. В первые дни ваш отец будет спокоен, не волнуйтесь.

– Значит, никакой надежды?

Ферг не ответил.

– Я могу остаться здесь на ночь?

– Распоряжусь, чтобы вам подготовили комнату. До встречи, графиня.

Ферг ушел. А Бела подошла к окну, прижалась лбом к стеклу и стала смотреть на то, что там происходит.

На душе было пакостно. И совсем не хотелось думать о делах. Например, о письмах, которые нужно срочно писать в Трансильванию. О собственном еще не составленном докладе о

вчерашних событиях…

Вчера, кстати, ей пришла в голову какая-то очень правильная мысль. Мысль, которую стоило включить в доклад. О чем-то таком она думала, когда ехали домой. Даже спросила у Белферана…

Нет, усталость и переживания сделали свое дело. Она не могла вспомнить…

* * *

Виселицы вдоль дороги выглядели внушительно, но пейзажа не красили. К тому же их не хватало.

– Убрать падаль! – потребовал мастер Чордаш.

Зная крутой нрав командира, десяток солдат рванул к ближайшему помосту, но остановился на окрик:

– Сами куда? Пусть местные снимают. Это их покойники. Возвращаемся! Скоро гроза.

До Боруша было недалеко, и Чордаш надеялся, что они не успеют вымокнуть по дороге.

– Как ваши пленники, мастер? – поинтересовался магистр Ладар. Великий колдун сам прибыл на новые равнинные земли, чтобы посмотреть, как продвигается дело.

– Пленники?

– Ну эти, о которых вы докладывали. Северяне.

– А, эти. Они во всем признались. Мы получили уникальные сведения о планах наших северных соседей. Князья собираются объединяться! Нам это уже не страшно. Боеспособной армии у них нет, Паннония их не поддержит, а до Богемии далеко. Меня больше волнует, что крестьяне бегут с наших земель. Я собираюсь разместить в каждой крупной деревне по отряду и назначить плату за известия о каждом случае побега. Но ведь за всеми не набегаешься.

– В совет магов Муреша приходят другие вести. К тому же беженцы рассказывают, что ваши солдаты не гнушаются воровством, а недовольных могут и убить…

– Возможно. Зато они хранят порядок на этих землях. И никто не посмеет даже заикнуться о восстании.

– Боги…

– Еще до первых холодов мы получим все земли по эту сторону Тисы!

– Вы давно в последний раз слышали голос богов?

Наместник нахмурился. А и вправду. Прошло уже несколько недель, а Заточенные словно отвернулись от него.

Черные тучи быстро затягивали небо.

– Боги считают, что я слишком жесток? Пусть они вспомнят Прагу! Сколько крови там пролилось на их алтарь!..

– То была необходимость. Изволите богохульствовать, мастер?

Чордаш мрачно улыбнулся:

– Я делаю все, чтобы наилучшим образом выполнить волю богов. Впрочем, если им нужны зачем-то моравские шпионы живыми… Магистр, вы-то должны понять! Идет война! Нам некогда возиться с каждым пленным. И потом, армия растет. Ее нужно кормить. А если крестьяне не готовы кормить своих защитников, то у них следует забирать причитающуюся армии долю силой!

Они въехали в крепость. Встретившиеся люди низко кланялись им и не смели выпрямить спины, пока хозяева не проедут.

– Разве плохо? – улыбнулся Чордаш. – Эти люди знают свое место и никогда не перечат. Они исполнительны и неприхотливы.

– Ну, хорошо. А как идет торговля?

– Торговля? Магистр, какая может быть торговля, когда война?

– Иными словами, все, что сейчас вы получаете, – это десятина, которую дают крестьяне, и то, что удается добыть в захваченных замках?

– Сейчас по-другому нельзя. К тому же крестьян нужно держать в страхе…

Магистр нахмурился и кивнул. Пожалуй, совет магов Муреша поторопился, решив сделать этого действительно талантливого командира наместником новой страны. Боги были правы. Или бог?

Ладар считал, что, сколько бы ни было Заточенных богов ранее, сейчас он – один. Может, правы те, кто утверждает, что других уничтожили тридцать лет назад. Может, бог с самого начала был только один, хотя кому мог понадобиться такой глупый обман?

Но освободить одного бога, вероятно, будет намного проще. Тем более он точно знает, что для этого нужно, и не требует немедленно проливать реки крови. Может, это и ускорило бы его освобождение, но одновременно окончательно уничтожило бы репутацию освободителей. И вместо сильной и богатой страны освобожденный бог пришел бы в край, разоренный войной.

А Ладжус Чордаш этого не понимает. Возможно, стоит оставить его военачальником, а верховную власть передать кому-то еще? Но кому? Будет ли это справедливо?

В дом они вошли, как раз когда на землю упали первые крупные капли начинающегося дождя.

Гостить в доме Чордаша дольше необходимого магистр не собирался.

Он даже завидовал немного молодому магу. Тот хоть и обладал посредственными способностями, мог говорить с Заточенными, находясь где угодно. Самому Ладару для этого требовалось обязательно спуститься в зал таинств Мурешского храма на Фиризе…

– Мастер, – окликнул магистр Чордаша. – Мне бы хотелось, чтобы вы показали мне ваши приходные документы.

– Разумеется. Но – завтра. А сегодня мы подготовили в честь вашего прибытия пир. Конечно, его не сравнить с трансильванскими блистательными празднествами, но наши повара старались!

– Конечно.

Значит, придется задержаться еще на день. Тем и лучше. Можно поговорить с людьми, задать вопросы…

* * *

Когда приходил санитар или кто-то из врачей, Белалу вежливо просили выйти. Она выходила, потом возвращалась к постели Белферана. Но в состоянии отца ничего не менялось. Она пыталась даже «найти» его в пространстве ментальных сущностей, о котором рассказывал когда-то жрец их домашнего храма. Это было все равно что колотиться в запертую дверь.

В хосписе пустовало много палат. Это раньше его переполняли люди, пострадавшие или на войне, или от проклятия Князя Мертвецов. Правда, кроме магических смертельных болезней существуют и обычные. Вот эти-то пациенты и составляли бóльшую часть населения хосписа.

А комнату напротив палаты Белферана, очень маленькую и обставленную как жилую, отдали Белале.

В этой комнате был крохотный стол и ночник со стеклянным плафоном на четыре свечи, узкая кровать, такая же, как те, что стояли в палатах. Комод, старый и потертый, накрытый сверху бархатной и очень красивой, но тоже старенькой уже скатертью. В комнате стены были покрашены в теплый персиковый цвет, а окна закрывали вишневые шторы из той же ткани, что и скатерть на комоде.

Бела не собиралась здесь жить. Но и возвращаться домой в эту ночь ей не хотелось. Неужели обряд случился только вчера?

Она упала в постель и тут же заснула. И хотя простыни не были шелковыми, а подушки здесь набивали отнюдь не лебяжьим пухом, спала она крепко и без сновидений. А утром проснулась даже раньше, чем здешние постоянные обитатели.

В палате так ничего и не поменялось, но из-за стены доносились невнятные лающие звуки и громкая возня. От этого было сильно не по себе.

Белала приоткрыла окна, разгладила складку на простыне. За минувшую ночь отец, кажется, ни разу не пошевелился.

За стеной на минуту все затихло, а потом что-то тяжело упало на пол.

Не выдержав, Бела все-таки выглянула в коридор. И сразу с облегчением увидела знакомое лицо.

– Имре! – окликнула она.

– Графиня? – Изумлению Имре не было предела. – Что вы тут делаете?

– С моим отцом случилось несчастье. Вчера его привезли сюда, я решила поехать с ним.

– А что случилось?

– Доктор Ферг считает, что это та же болезнь, которая погубила человека, убившего Зарину. Но я надеюсь, что он все-таки ошибся.

Во взгляде парня отразилось сожаление, как будто он был виноват в том, что Белферан заболел.

– Мастер редко ошибается. Но если он взялся решать проблему, он ее непременно решит. А я здесь по распоряжению моего учителя, мастера ди Годера. Знаете, когда он не хочет, чтобы я видел, кого он оперирует, он отправляет меня куда-нибудь с поручением. Но гораздо чаще отсылает к Элайзе в санитары. Летом здесь мало людей, помощь всегда нужна.

– Правда?

– Ну да. Больно кто-то хочет в санитары или на хозяйство. Работа тяжелая, а денег платят мало. А ученикам и вообще не платят. Ладно хоть кормят.

Бела бледно улыбнулась:

– Зато вы людей спасаете. Я бы тоже так хотела.

Шум из соседней палаты повторился.

– Кто там? – спросила Бела.

Имре отвел взгляд:

– Один парень. Он тоже… он первый, кого нашли с такими симптомами. Плохо с ним, болезнь прогрессирует, но мастер непременно разберется. А вы как? Останетесь пока? Или домой?

– Мне надо домой. Распорядиться по хозяйству, письма отправить. Хочу найти сиделку, чтобы постоянно за ним

приглядывала. Мне все кажется, если уйду, он умрет.

– Давайте провожу. Надо только сказать Элайзе…

В приемном зале Элайза разговаривала с заплаканной молодой женщиной, которая держала на руках ребенка лет трех. Малыш был одет в длинную кружевную сорочку белого цвета.

– Вы не понимаете, – говорила женщина. – Может, она оглохла? Она даже есть отказывается! С утра не могу накормить! Такое горе! И хозяйка вот-вот вернется! Что я ей скажу? Что ее ребенок, ее девочка…

– Пожалуйста, присядьте, – увещевала Элайза. – Выпейте воды. Вот так. Девочка выглядит здоровой…

– Она же не узнаёт никого! Даже не улыбается! А была такая хохотушка! И разговаривала уже! А сейчас вы только посмотрите…

Имре жестом попросил Белу остановиться и шепнул:

– Вчера ездил в деревню одну, тут недалеко, на Моравской дороге. Там то же самое было, но мальчик лет пяти. И с температурой. Младшенький у тамошнего кузнеца. Мать говорит, застудился. Я предлагал его сюда увезти, но родители отказались. Говорят, что с горячкой и сами справятся.

– Думаешь, не справятся?

– Не знаю. А если это тоже?..

Элайза их заметила. Подозвала Имре:

– Юноша, сдается мне, вы решили отдохнуть, а меж тем день еще не закончен. У нас новый пациент для доктора Ферга. Попросите Кларизу подготовить комнату наверху. И позовите Ферга. Он должен быть в каретном сарае. Миледи графиня, доброго утра. Собираетесь домой?

– С вашего позволения, я приду днем к отцу. И, может, приведу сиделку, которая будет за ним постоянно ухаживать. Значит, мастер Ферг уезжает? Могу я с ним поговорить?

– Ступайте с Имре. Жду вас и вашу сиделку после полудня.

* * *

Они действительно застали Ферга возле конюшен. Имре торопливо поздоровался и сказал:

– Элайза просила вас зайти. Там девочку принесли. Она «стертая». Ее вместе с няней разместили на вашем этаже.

– Хорошо, сейчас приду. Имре, найди дежурного врача. Остальных я сам позову. Доброе утро, графиня. Признаться, не ожидал, что вы останетесь у нас на ночь. Собираетесь вернуться в посольский дом?

Ферг застегивал седельные сумки. Он уже был полностью готов к дальней дороге. Интересно, куда он едет?

– Да. Но я хотела бы навещать отца. Я слышала, что вас не будет несколько дней…

– Восемь или десять.

– Долго. Доктор, я должна сказать, что, возможно, есть люди, которым не нравится князь Берток.

– Это не новость.

– Наверное. Я слишком недавно в Паннонии, чтобы начать разбираться в здешних интригах. Но раз об этом стало известно даже мне, значит, что-то все-таки готовится. Мой отец разговаривал с кем-то из их лидеров, но он теперь вряд ли расскажет. Однако я точно знаю, что он не обещал заговорщикам поддержку трансильванской короны.

Ферг серьезно улыбнулся, кивнул:

– Это действительно важно. Благодарю. И, Белала, прошу вас, берегите себя.

Совсем другое она думала услышать. Может быть, что последует подробный допрос. Или даже что Ферг не воспримет ее предупреждение всерьез. Чего угодно она ждала, только не встречного предостережения. Доктору снова удалось ее озадачить.

* * *

Ферг тоже был озадачен. И имелось у него на это целых три причины.

Первая Белалы не касалась почти никак. Она касалась только его самого, его жизни и его же необдуманных прошлых решений.

Вторая уже имела к трансильванской графине некоторое отношение – труп женщины со знаками Хаоса на теле крестьяне нашли предыдущим утром ровно там, где была убита служанка Зарина. Тело было оставлено словно напоказ. То ли как предупреждение, то ли как демонстрация силы.

И, наконец, третья причина. И она-то заботила доктора больше других. Вскрытие, которое вчера проводил один из хирургов госпиталя и на котором он присутствовал в качестве наблюдателя.

У молодой женщины была богатая биография. Совсем недавно у нее случился выкидыш, вероятно, спровоцированный приемом лекарственных препаратов, а позже кто-то делал ей полостную операцию. Вероятно, потеря ребенка не прошла бесследно. По всему выходило, что к слугам Заточенных она

отправилась, едва медики сняли швы.

Очень не хотелось верить, что в этом замешан кто-то из Лиги. Но Ферг уже давно не доверял своей интуиции. В том, что касалось людей, их мотивов и характеров, она частенько сбоила. А не верить на всякий случай всем без исключения у него не получалось, хоть тресни. Правда, пока что этот факт ему удавалось успешно скрывать.

Вывод напрашивался печальный: кто-то из врачей Лиги отдал в руки злодеям собственную пациентку. Может быть, она находилась в депрессии, может, она сама хотела умереть. Но это ни в коей мере не оправдывает врача. Он ведь не мог не знать, зачем она нужна общине.

Ферг крутил в голове эти варианты все то время, что осматривал «стертую» девочку. О том, что придется задержаться в городе, он не сожалел. В пещеру Агдоле опоздать невозможно: там, под магическим куполом, все еще не закончился день, в который он настиг темных. В прошлый раз он был там года три назад. В пещере за минувшее время ничего не изменилось – все так же матово-серый купол закрывал лабиринт и так же не отражал света. Только дорога заросла еще больше.

Выехать удалось только вечером, когда честные горожане как раз садились за ужин. Если не спешить, не загонять лошадь, то впереди предстояло три ночевки, и только одна из них – под открытым небом.

До Агдоле он добрался на закате четвертого дня пути.

В деревню заезжать не стал – сейчас в доме Торо живут совсем незнакомые люди, дальние родственники его жены. У входа в пещеру остановился, вспоминая.

* * *

…Садилось солнце. Эрно приподнялся на локте, оглядывая небольшую площадку у входа. Отчего-то было холодно, болела грудь, словно на бегу ударился о стену, да так, что выбило из легких весь воздух. Болели глаза. Он даже зажмурился, чтобы унять мельтешение.

Кто-то неподалеку что-то тихо и убедительно говорил. Но попытка прислушаться ничего не дала. Речь ускользала, как песок сквозь пальцы.

Что-то случилось, недавно, только что.

Закатное солнце слепило, мешая рассмотреть детали.

– Не двигайтесь, – раздался из-за спины холодный голос.

Эрно с облегчением опустил голову обратно на землю.

– Почему вы его сразу не прикончили, мастер?! – возмутился другой голос, несколько моложе и более резкий.

– По двум причинам, Иштван. И будь добр… сядь! Мешаешь.

– Какие еще причины?!

– Это князь Паннонский. Да-да, тот самый. Я думаю, куда правильней будет доставить его в Агер живым.

– А вторая?

– Он каким-то образом привязал к себе магические потоки лабиринта… и не умер. Вот это меня удивляет больше всего, пожалуй. Боюсь, что его смерть станет смертью лабиринта Агдоле, а это может грозить разрушением магических связей всех печатей. Пока не разберемся, трогать его нельзя…

«Это меня нельзя трогать. Пока не разберутся…» – подумал Эрно, проваливаясь в мутное полусонное состояние, в котором все слышишь и даже что-то запоминаешь, но не успеваешь ни понять, ни осмыслить.

– Он убил Орбана!

– Вилма тоже не выживет. И причина ее смерти…

– Но она же просто в обмороке!..

– Это не обморок.

Эрно медленно погружался во тьму, сопровождаемый кружением неразличимых уже голосов.

Это утром, в деревне Агдоле, он сможет оценить размер трагедии.

Увидит, как горит трактир, а его никто и не думает тушить. Как бегут к их процессии немногие оставшиеся в здравой памяти жители, и останавливаются у дороги, и смотрят вслед, так и не решившись ничего спросить.

Две трети населения деревни в одночасье потеряли и память, и все прежние навыки. Разучились разговаривать, самостоятельно питаться. Большинство из них умрет той же зимой, несмотря на присланную из столицы помощь.

Среднего роста светловолосый мужчина лет сорока, глава орденского отряда, смерил его презрительным взглядом:

– Смотри, смотри, ублюдок! Все это – твоя вина! Это ты сделал!

И нечего ответить, потому что это ты призвал магию Паннонии и использовал ее не для защиты страны, а для решения собственной, пусть и немалой, проблемы.

Девушка Вилма, та самая, что отправила огненное заклинание на людей в лабиринте, тоже потеряла себя. Ее вез невысокий чернявый молодой человек – Иштван.

Эрно тогда решил, что прав их старший.

Исправить ничего нельзя. Столько людей погибло! Разве их

вернешь? Никакое заклинание не поможет. А Джерго станет хорошим князем. Он знает все, что знал сам Эрно. Письма, отправленные брату в Богемию, содержат всю нужную информацию. Эдит и Лорант… Вряд ли удастся их спасти. И вряд ли удастся спасти тех, кто пострадал по его вине в Агдоле и других областях Паннонии. Кому теперь нужен князь Эрно Шорош? Кто его ждет?

Сколько же людей будут проклинать его имя…

Есть ли смысл бороться, когда достигнута уже самая главная победа? И самое главное поражение? Он ехал, молчал. Слушал, что говорят о нем люди ордена.

Но они тоже не отличались разговорчивостью. Над ними медленным облаком плыла беда…

Весь день ехали, не останавливаясь, а привал устроили в удобном гроте на склоне одной из гор. Эрно еще по пути приметил крутой обрыв. Упасть с него – и решить сразу все проблемы?

На привале Иштван занялся приготовлением ужина, Вилма лежала, не двигаясь, на расстеленном одеяле, а командир отряда подсел ближе к Эрно. Спросил:

– Что случилось в пещере?

– Не помню, – пожал плечами князь. – Кто вы?

– Воины Ордена Равновесия. Я – Берт.[3]

– Вы едете из Моравии…

– Подальше. Из Иберии.

– Вы – ибер? Непохоже. Что вы делали на севере?

– Это долгая история.

Берт нахмурился и потер пальцами шею.

– Юноша, которого ты убил, был моим учеником.

– Он плохо учился.

За это князь мог бы получить увесистым кулаком в челюсть, но Берт сдержал себя. Отвернулся, ушел к костру.

Эрно крикнул ему вслед:

– Почему вы здесь оказались? Неужели случайно?!

Ответа не последовало.

А случайностью это быть не могло. Не зря же в доме Торо целую неделю гостили какие-то маги!

Глубоко ночью, когда задремал у костра назначенный дежурным Иштван, Эрно заставил себя подняться. Оставаться с отрядом ордена, лишившегося по его вине сразу двоих бойцов, было и опасно и глупо. Что его ждало в Агере? Суд? Тюрьма или казнь? Джерго не сможет пойти против всех. А если сможет, то недолго ему княжить!

Очень мешали веревки на руках, но и эту проблему он сможет

решить, не сейчас, так позже.

Эрно как мог тихо ушел от костра и побрел по тропе обратно. Ему почему-то казалось, что самое правильное сейчас – вернуться в Агдоле. Именно там можно найти все ответы.

Надолго остановился у замеченного по пути обрыва. Всего один шаг – и проблема будет решена. Как там говорил Берт? «Его нельзя убивать, пока не разберемся?» Вот и разберемся.

– Не вздумай! – Голос Берта ударил не хуже плетки. – Я не дам тебе упасть.

Эрно не ответил.

– Может быть, для всех было бы лучше, если бы ты сдох еще там, в пещере. Но теперь ты – часть магического узла. Как ни печально. Только не думай, что это делает тебя неуязвимым.

– Даже мысли не было.

– Отойди от края. Ты все равно не прыгнешь – духу не хватит.

Эрно промолчал. Потом сказал тихо:

– Красиво. Ночь такая светлая.

– Что случилось в пещере? – повторил вопрос Берт. Голос его звучал чуть иначе. Теперь, похоже, его действительно интересовал ответ.

– Я не помню деталей. Шел по следу темных от самого Агера. Догнал. Кажется, они не ждали моего появления, растерялись. Не знаю, как бы все обернулось, если бы не ваш ученик. Он повел себя очень… Он видел, что врагов больше, но все равно потребовал, чтобы они остановились. И ударил первым. По мне. Я ответил, да. Но это как в фехтовании ответный выпад. Я не рассчитывал удар. А парень не стал защищаться. Почему? Я не знаю.

– Отойди от края.

– Я не упаду. У меня были другие планы.

– Планы?

Эрно недобро усмехнулся:

– Вы очень удачно решили за мной приглядеть. Развяжите руки!

– Что?

– Или помогите спустить штаны.

Может быть, этот воин ордена ему и поверит. Но вот простит ли убитого ученика? Ох, вряд ли.

Берт проворчал что-то возмущенное, но все же решил, что развязать веревки на руках будет несколько проще, чем возиться в темноте со шнуровкой княжьих порток.

Когда путы распались, Эрно сделал еще один шаг к обрыву, изображая, что расстегивает пряжки ремня. На самом же деле нужно было всего три или четыре шага, чтобы оказаться там, где

отвесная стена становится крутым, но проходимым для ловкого человека склоном.

Берт приготовился ждать, а напрасно. Через какое-то мгновение молодой князь, даже не охнув, исчез за краем обрыва.

Самым трудным было начать спуск. Но Эрно еще успел услышать тихое проклятие и наполовину досадливое, наполовину встревоженное: «Куда?! Мальчишка…» А дальше все утонуло в стуке собственной крови в висках.

* * *

Свет мощного электрического фонарика блестел на сколах камней, расцвечивал самыми удивительными красками лес сталагмитов. Купол же упорно не желал ни становиться прозрачней, ни хотя бы отражать свет.

Ферг закрепил фонарь на выступе скалы. Установил на плоских камнях свечи. Их свет понадобится, когда закончится заряд аккумулятора.

Оглядел пещеру. Все представлялось таким, каким было тогда. Вот осыпь камней под щелью, которая служит входом в подземный зал. Вот поломанный лес сталагмитов. Вот – крайние камни лабиринта и купол.

Эрно стоял здесь, чуть в стороне от линии огненного удара. Вон там упал Орбан, прямо под ноги Вилме.

Под куполом, ближе всего к краю лабиринта, были жрец и купец из Галлии. Жрец вообще шел последним. Может, это как-то связано со здешней магией. Эдит и Лоранта вели по дуге солдаты. Если обойти купол, то окажешься к ним, несомненно, ближе. Но достаточно ли близко, чтобы успеть прикрыть их магическим щитом? Торо и его приятели из ордена ближе к центру… или нет? В этом месте память сбоила. Слишком недолго князь Эрно видел застывшие под куполом фигуры.

Есть решения, которые вовсе нельзя откладывать, есть такие, которые с каждым годом все труднее воплотить. Он приходил сюда каждый раз, когда возвращался в Альтерру, и каждый раз удивлялся простоте и мощи колдовства, остановившего в пределах лабиринта само время. Возможно, если бы не лабиринт, ему бы вовсе не удалось сотворить такое. Каждый раз, касаясь ладонью купола, он говорил себе: «Рано! Я не справлюсь».

Знания накапливались, сочинялись самые невероятные схемы того, как сделать, чтобы вырвать своих из объятий пламени и из рук врага. Придумывались и рушились, как слишком зависящие от мелочей и деталей.

В это возвращение Ферг внезапно обнаружил, что день за днем откладывает посещение Агдоле. Откладывает решение.

Значит, он или не вернется отсюда, или вернется с победой. Все расчеты выполнены, все решения приняты. Магия лабиринта готова и только ждет, чтобы вырваться на свободу и потечь по прежним руслам.

Прошло много лет, изменился мир, изменился почти до неузнаваемости он сам – от прежнего юного князя не осталось почти ничего. Но для тех, кто под куполом, не прошло и мгновения. Ферг прикрыл глаза, сосредоточиваясь на заклинании. Мощное, грубое, простое и невероятно устойчивое, оно тем не менее не должно было сохраниться перед силой собственного создателя.

Купол отозвался, наливаясь алым, принимая часть энергий, протекающих через узел. По поверхности его побежали блики и искры. Дрогнула земля, пропуская сквозь себя потоки разбуженной силы лабиринта… Ну же! Вот сейчас!

Магическая полусфера исчезла, и в тот же миг взвилось вырвавшееся на свободу пламя.

Ферг поставил щит, но он не мог представить, какой силы был удар Вилмы – всю душу, все свое отчаяние она вложила в огненную волну. Щит Ферга продержался не более двух мгновений. Но их хватило, чтобы добежать, допрыгнуть до ближайшего темного. Того, который держал на руках Лоранта. Толкнуть его, уронить на камни лабиринта… Загородить сына собой и телом врага. И вновь магический щит!

Руки и плечи обдало жаром – а ведь под кожаный плащ он специально надел зимнюю куртку.

Пламя, добравшись до людей, не остановилось, помчалось к дальнему краю пещеры, чтобы вернуться ослабевшей, но все еще мощной волной. Огонь бесновался секунды, а казалось, прошла вечность.

Ферг поднялся, откатил темного, наполовину будучи уверен: Лорант погиб. Или из-за огня, или из-за удара – но погиб. Все было напрасно.

Те, кто находился за пределами магической защиты, кто принял на себя всю волну гнева Вилмы, – от них остались неузнаваемые обгорелые трупы. Страшно было думать, что среди них – Эдит. Торо. Те, кто помогал им осуществить побег.

Мальчишка дышал. На его лице, на теле было множество ожогов, но он дышал. Дышал и темный.

Ферг очень бережно поднял сына на руки и побрел к выходу из пещеры.

До обгоревшего слуги Хаоса ему не было никакого дела. Сам

он боли не чувствовал. Ни физической, ни душевной. До поры.

Глава 7

Усталый мажордом сообщил, что со вчерашнего вечера наведывается прислуга знатных паннонских господ с намерением выяснить, когда хозяев можно будет застать дома.

– Я здесь до обеда, Антал. А потом уже вечером буду.

– Как себя чувствует ваш отец? Не нужно ли чего?

– Благодарю за заботу, Антал. Он без сознания, и врачи не могут пока ничего сделать. Мне нужно найти хорошую опытную сиделку. Распорядитесь! А я пока разберу почту. Были ли письма из Сибу?

– Только из вашего родового имения, госпожа Вораш. Письмо в кабинете вашего отца.

Бела поспешила в кабинет. Где-то здесь документы, которые вчера готовил к отправке отец. Но он наверняка не успел рассказать о здешней общине Заточенных, об обряде и о возможном перевороте. Это нужно было сделать как можно быстрей. Да и о самой болезни Белферана надо сообщить.

Чувствовала себя Белала неважно – как будто что-то кому-то обещала, да забыла сделать, потому все время отвлекалась на посторонние мысли. То о новой болезни, то об отце, то о маленькой девочке, которую сегодня принесли в хоспис. Что же будет, если маги и медики не справятся? Об этой новой болезни-проклятии тоже нужно написать. Или это две разные болезни, не связанные друг с другом?

Письмо из дома оказалось обычным отчетом управляющего. В нем не содержалось ничего, ни радостного, ни тревожного. Бела решительно обмакнула перо в чернила и вывела первую строку:

«Уважаемый господин Нарес! С прискорбием сообщаю о том, что мой отец, Белферан Вораш, тяжело болен…»

Скорей всего, ее из Паннонии в ближайшее время отзовут, а вместо Белферана прибудет новый посол. Нужно быть к этому готовой. Но это не отменяет задания, которое она так и не смогла пока выполнить. Она не нашла ни следов Эрно Шороша, ни его документов. Успеет ли за оставшееся время? И нужно ли это теперь? Надо решить, как жить и что делать дальше.

Она надолго задумалась, глядя в окно.

И в этот момент в комнату постучали: прибыла с визитом графиня Тиана Теранен.

Белала вздохнула с облегчением – значит, дела можно отложить. Письма не убегут, она успеет их написать, успеет разослать дурные вести.

Тиана была, как всегда, свежа и очаровательна. При виде

усталой Белы ее лицо слегка омрачилось.

– Я слышала новости, – сказала она. – Это ужасно. Я не понимаю, как такое вообще возможно с человеком, рожденным в другой стране!

– Это не проклятие Князя Мертвецов, – заученно пояснила Бела. – Это другая какая-то болезнь.

Графиня поторопилась сменить тему:

– Вчера был отличный вечер, не правда ли?

– Ее нашли. Вчерашнюю жертву. На полу в храме.

– Я понимаю, у тебя плохое настроение. Бела, тебе нужно непременно отвлечься! Что же до жертвы… ну нашли, и что? В нижние залы никто проникнуть не сможет, они скрыты заклинанием. И наверняка будут искать совсем в другом месте. А может, и не будут… князю сейчас не до того. Он не знает, с кем вступить в союз. То ли с Моравией, то ли с Трансильванией. А между этими странами как раз назревает война.

– Да, знаю. Тиа, давай я прикажу принести фрукты и вино…

– О нет! Я всего на минутку. Принести соболезнования и узнать, как ты себя чувствуешь. Все-таки вчера была очень яркая ночь! Знаешь, я тут подумала… не оставаться же тебе жить одной в этом доме. Напиши прошение княгине. Если она возьмет тебя в свиту, мы сможем чаще видеться.

– Конечно.

– По-моему, это отличная идея. Ах да! Глава общины тоже соболезнует и просит узнать, имеете ли вы полномочия замещать посла на время его болезни?

– Нет, переговоры за него вести я не смогу. Но могу донести до двора Сибу все, что вы желали бы сообщить.

Графиня надула губки:

– Жаль! Твой отец так и не дал нам окончательного ответа. А поддержка Трансильвании нам бы очень помогла. В таком случае, может быть, подскажешь, когда ждать нового посла?

Белала посчитала в уме сроки. Получалось, не менее чем через месяц. Так она и ответила.

Графиня, рассыпаясь в любезностях, распрощалась, оставив Белу рассуждать над тем, что же было истинной целью ее визита. Все-таки прав отец. Она слишком доверчива, чтобы заменить его в работе.

Не успела Белала отобедать, как ей пришлось встречать новых гостей.

На этот раз ее своим визитом почтил кавалер Зергин, знатный дворянин и землевладелец из Тольны.

Белала вспомнила предыдущую ночь и очень уверенные теплые объятия кавалера. Воспоминание отчего-то ее не

обрадовало. Больше насторожило.

Зергин Шандор, – вспомнила она слышанное от отца, – сын богатого землевладельца из Тольны, в общине Заточенных состоит с момента приезда в Агер. Не женат, воинскую службу не нес, в отличие от старшего брата Зергина Арпада, который и сейчас числится лойтнантом[4] в Южном гусарском полку.

Южный гусарский, по мнению Белферана, – наиболее серьезная из боевых единиц Паннонии. Южан отличают по пехотной шапке-шако и плащу, отороченному мехом лисицы. Их и называют «лисами» из-за плащей. Хотя они сами предпочитают считать, что из-за хитрости и ловкости, присущей их командирам.

Белферан так серьезно изучил сведения об этом молодом человеке, потому что заметил, что тот оказывает его дочери слишком пристальное внимание. И, разумеется, тем же вечером поделился ими с Белалой. Она еще удивилась – зачем?

А вот теперь пригодилось. Да хотя бы для того, чтобы, переключившись на них, немного отдалиться от воспоминаний о жертвоприношении и тех чувствах, которые в ней всколыхнулись во время обряда.

– Госпожа Вораш! Спешу принести вам свои соболезнования и рад застать вас в добром здравии, – с мягкой улыбкой сказал Зергин. Голос, которым это было произнесено, отличался мягкостью и уверенностью и этим дисгармонировал с официальной холодностью фразы.

– Да, здравствуйте, сударь. Рада вас видеть. Проходите в дом…

Бела хотела бы, чтобы он немедленно ушел. Но выпроваживать гостя было бы крайне невежливо с ее стороны. К тому же отец не одобрил бы такое решение. Истинный дипломат сначала должен выяснить, зачем к нему пришли. Как бы он сам себя в этот момент ни чувствовал и что бы ни думал о явившемся.

Белала распорядилась о фруктах и вине, от которого гость, в отличие от графини Тиа, не отказался.

Он неторопливо потягивал вино и наблюдал за Белой внимательно и с ожиданием. Как будто надеялся услышать от нее какой-то вопрос, а она не догадалась, какой именно.

Наконец он отставил бокал и спросил:

– Госпожа Вораш, не сочтите мои слова невежливыми, но почему со своей бедой вы не обратились к нам? Случаи, подобные тому, что произошел с вашим отцом, нам известны. Есть горный храм, в котором с удовольствием и уважением принимают «стертых». Это ведь не случайность. Во время обряда задействованы такие силы! Такие мощные потоки энергий! Жрецы храма считают, что этим знаменуется скорое освобождение

Заточенных богов. И как только они освободятся, освободятся и «стертые»…

– «Стертые»? Знакомое название.

– Так здесь называли тех, кто пострадал от проклятия Князя Мертвецов. Но мы считаем, что старое название подходит и для этого случая.

Бела подумала, что не подходит. Она видела уже достаточно, чтобы понимать разницу между этими двумя болезнями. «Стертые» теряют все, что знали. Все навыки, память… Во всяком случае, именно так об этом рассказывают. А тот человек за стеной… и тот, который убил Зарину… они не то что потеряли память, саму свою личность. Нет. В них как будто вселился злобный дух земли. О нем рассказывают детям старухи, желая припугнуть, чтобы ночью не совали носа на двор.

Отца она здешней общине не отдаст. Потому что именно из таких, как он, и должны получаться идеальные жертвы. Посвященный, принятый богами. Человек, чье сознание уже покинуло земные пределы. Он, по мнению жрецов, наверное, уже более чем наполовину принадлежит богам. А сейчас времена такие, что отыскать человека, который готов был бы жизнь положить ради освобождения Заточенных, не найдешь и днем с огнем.

– Знаете, Шандор… Это очень неожиданное предложение, – осторожно сказала она. – Мы совсем недавно приехали, и я, конечно, никак не могла предположить…

– Да, я понимаю! Поэтому и пришел сегодня!..

– Дослушайте, пожалуйста. Мне кажется, ни я, ни отец ничем не успели заслужить доверие общины, и было бы неправильно везти его куда-то сейчас, когда он так плох. Поймите, я все еще не верю, что это навсегда!

Бела старалась выглядеть искренней. Только от того, насколько убедительной она будет, зависит, когда уберется Зергин из ее дома.

Кавалер чуть нахмурился:

– Ну что вы, Белала! Само ваше появление в Агере – уже честь для нас. К тому же вы были на обряде и связаны с общиной самыми крепкими из уз – узами пролитой крови. Они крепче, чем семейные связи и те, что дает произнесенная клятва.

– Конечно. Но я все еще надеюсь на врачей. Это так сложно понять? Я хочу видеть отца прежним…

– Но, возможно, храм – это его единственный шанс! Белала, подумайте! Я не хочу давить на вас и ни в коем случае не жду немедленного ответа. Я всего лишь надеюсь, что вы подумаете над моим предложением. Всего лишь подумать. Это вас ни к чему

не обязывает. Сколько дней вам нужно? Два? Три? Неделю?

Бела покачала головой:

– Я не хотела бы назначать конкретный срок. Но подумать обещаю.

Зергин разулыбался:

– Вы благоразумная девушка, графиня! В таком случае как я узнаю о том, что решение принято?

– Я скажу вам. Вы живете при дворе? Я собираюсь подать прошение княгине и войти в ее свиту.

– Очень мудрое решение. Ну что же. Надеюсь, ваши упования на врачей окажутся не напрасными. Разрешите откланяться!

Он церемонно поднялся и распрощался с Белалой по всем правилам этикета. Она с облегчением проводила его взглядом, а потом приказала прислуге больше никого не впускать. Письма. Их все-таки надо написать и подготовить к отправке…

* * *

Был полдень. Элайза хорошо запомнила время – как раз в полдень заканчивается время посещения и гости покидают госпиталь. Пациентов что у доктора Нада, что у доктора Ферга этим летом было немного. Посетители их частыми визитами не баловали. Приходило человек пять-шесть каждый день, да еще человек у трех дежурили сиделки и родственники.

Элайза привычно внесла всех в регистрационную книгу и заперла главный вход. Посетители сегодня больше не явятся, свои пройдут через двор, а те, кому срочно требуется врач, позвонят, и дежурный ученик откроет.

Она положила себе назначить дежурного, узнать в прачечной, не нужна ли помощь практикантов, и если нет, то отправить немногочисленных малоквалифицированных подчиненных разбирать чердак. На чердаке скопилось много разного хлама, и, по утверждению самой Элайзы, он был готов вот-вот начать сыпаться на головы всем, кому вздумается отворить дверь.

День стоял жаркий. Все, у кого не нашлось срочных дел снаружи, старались прятаться в здании. Благо оно сложено на совесть, и толстые стены летом хранят прохладу, а зимой – надежно защищают от сквозняков. Кстати, о сквозняках – надо непременно до осени заменить рамы в хозяйственном крыле…

Чтобы попасть в прачечную, можно пойти долгой дорогой, через пристройку, но зато по прохладным коридорам здания. А можно просто пересечь маленький двор. Элайза не боялась жары и ценила свое время – она предпочла идти через двор. И именно

она первая встретила доктора Ферга.

С первого взгляда Элайза поняла: дело плохо! Ее громкий голос разнесся по двору, окликая всех, кого удалось заметить ее взгляду:

– Имре! Ласло! Лайош! Дара!

Ученики, которые только что вытащили из прачечной корзины с бельем, предназначенным для просушки, оставили их на лавках вдоль стены и поспешили на зов. Благо бежать два шага.

Ферг спрыгнул со спины взмыленной, с покрытыми пеной боками лошади. На руках он нес – Элайза сразу догадалась – ребенка.

Доктор, не обращая ни на кого внимания, направился к воротам.

– Имре, бегом за своим учителем. Пусть бросает все и спешит сюда. Ласло, найди доктора Нада. Скажи, что нужны будут хирурги. Дара, предупреди, чтобы готовили операционную.

Лайош, невысокий помощник мага, побежал было за остальными, но Элайза его поймала за руку и улыбнулась:

– А ты займись лошадью. Я ведь верно помню, твой отец – грум?

Лайош обреченно кивнул и направился к выбившейся из сил кобыле.

Осмотрев вновь опустевший двор, Элайза вздохнула и отправилась догонять Ферга. Плохо, конечно, что белье осталось в корзинах. И она обязательно пришлет кого-нибудь. Но сейчас есть дело поважнее.

В коридоре, ведущем к операционной доктора Нада, она увидела их обоих. Ферг уже успел уложить ребенка на каталку и сейчас что-то объяснял коллеге. Хозяйка прислушалась:

– …стазис. Неглубокий. Снимал раз в час на пять-десять минут…

– Я вызвал из города Кордо.

– Отлично. Я буду нужен?

– Дежурный маг уже здесь.

В этот момент два юноши в белых хламидах, спросив разрешения у мастера, увезли каталку. Ферг было дернулся следом, но потом махнул рукой. Пояснил:

– Ожоги второй-третьей степени. Повреждены нижние конечности. Сломаны два ребра. О внутренних повреждениях судить не могу. Фактическое время после получения травм – двое суток. Биологическое – около десяти часов. Может, чуть меньше.

– Много.

Ферг поежился:

– Знаю. На месте сделал что мог. Но ждать нельзя было.

– А вот и Кордо! И ди Годер! Замечательно.

Ферг потер лицо и зажмурился. Элайза поняла, что, если его не увести сейчас, он тут так и останется. Или свалится, или культурно сядет. Но непременно отключится.

Она аккуратно подхватила доктора за рукав и повела вон из коридора. Медики и маги скрылись за тяжелой дверью, ведущей в реанимационный комплекс больницы.

* * *

В зале Таинств Мурешского храма Заточенных было сумеречно и тихо. Лишь чуть потрескивало пламя двенадцати факелов да мерцали угли на малом огненном круге – остались после ночного бдения.

В зале приятно пахло сеном, дровяным жаром и ароматным дымом: младшие жрецы используют стимуляторы, чтобы услышать голос богов. Иногда они – или все-таки он? – снисходили до беседы и даже отвечали на вопросы. Но сегодня магистр пришел сюда не для того, чтобы просто поговорить с Великими. Он пришел узнать, что решили боги. Вернувшись из Боруша, он долго и обстоятельно докладывал об увиденном во владениях наместника Чордаша.

Тогда Великий согласился с выводами магистра.

Ладар предположил, что Великий поговорит с наместником, но оказалось все немного иначе.

– Маг Чордаш должен сам испросить волю богов. Он слишком много возомнил о себе и не желает признавать власти мурешских магов. Потому именно вы доставите его сюда, в храм. И только здесь он услышит наше решение. Его же услышат и все другие служители, и верные наши последователи.

По стенам скользили причудливые тени. Магистру казалось, что бог стоит рядом с ним. Просто по какой-то своей причуде он желает оставаться невидимым.

Ладар ответил:

– Я отзову его депешей. Но кто-то должен занять его место. Кто это будет?

– Человек, который может не только сражаться, но и думать! Назначьте совет из бывших подчиненных Чордаша. Отправьте наблюдателя, способного доносить до вас новости своевременно! Мы не должны упустить эти земли, едва завоевав их! Нам нужно богатое и сильное государство, такое, каким была благословенная Атлантида.

В обычно холодных и спокойных интонациях Бога прозвучали новые нотки. Более живые, если так можно сказать о том, кого нельзя в полной мере считать живым.

Интересно, как его имя? Юргнорд? Дарнар?

В прошлом их имена были широко известны и вызывали трепет в сердцах обывателей. Эти имена связывали с реками крови и сотнями жертв, отдавших свои жизни – и вольно и невольно. Ладар в те времена еще не родился. Но он читал старые летописи. В день своего посвящения он больше всего боялся того, что придется кого-то убить. С тех пор он много раз стоял у изголовья алтаря и ни разу не чувствовал себя виновным в гибели жертвы. Если этот выбор был добровольным и жизнь с рождения предназначалась Богу, если человека готовили изначально именно для того, что однажды его кровь станет маленькой ступенькой к освобождению Заточенных…

Однажды боги отказались принимать жертву. И человек, который должен был умереть на алтаре, повесился в собственной келье следующей же ночью. Возможно, это легенда. Но магистр не находил в ней ничего необычного. Боги были мудры и знали, как добиться цели…

Ладар почувствовал божественную поддержку – ему стало тепло и легко на сердце. Теперь он точно знал: неудачи быть не может!

А потом Бог исчез. Растаял в напоенном сладким дымом воздухе зала.

Что же. Задача ясна. Но, пожалуй, в Боруш вновь придется ехать самому. И с солидной свитой – Чордаш может и не согласиться сразу. Скорей уж он прямо там, в крепости, попробует поговорить с богами. Да и к помощникам его следует присмотреться… и на всякий случай взять с собой несколько толковых магов…

Ладару предстояло много суетных и важных дел.

* * *

Раньше Бела никогда не думала, что запах может присниться. Сладкий до тошноты, замешанный напополам с дымом запах… который там, во сне, казался приятным. Единственно необходимым. Ей было радостно. Радостно и немного горько оттого, что все, что ей следовало сделать, уже совершено. Воздух вокруг ее тела казался теплым, даже горячим, невдалеке мерцали факелы. Там, за тусклым их светом, скрывалось то, к чему она шла долгие годы, стремилась, надеялась успеть…

Она коснулась ладонями белого шелка, в который была завернута. Ощущение оказалось приятным, и она провела ладонями по бедрам, ощущая, как ткань легко ласкает кожу. Рядом дымила круглая храмовая жаровня, полная горячих углей. Кто-то бросил на угли пучок незнакомых трав, и запах стал гуще. Бела втянула его ноздрями – им вполне, оказалось, можно дышать.

Подошел молодой жрец с тонкой кистью и чашей черно-красной жидкости. Почему-то разом вокруг нее оказалось много света. Бела улыбнулась и свету, и жрецу, который как раз окунул кисть в жидкость и самым кончиком ее нанес на лицо первые линии узоров. И был вокруг неслышимый, уловимый только кончиками пальцев ритм. Может, его задавали удары ее собственного сердца.

Надо было идти туда, к факелам. Там находилось то важное, ради чего она здесь. Радость…

Радость текла вместе с кровью, она была шелком, и она была огнем.

Бела медленно пошла – или поплыла, как легкое привидение, не касаясь земли даже кончиками пальцев. Впереди ее ждали…

Проснулась, рывком села, приходя в себя. Так вот, значит, как это бывает, вот что чувствуют те, кто идет на каменный алтарь!

Бела шепотом выругалась. Нет, становиться жертвой она не собиралась, ни сейчас, ни в будущем. След сладкого запаха все еще ощущался, но теперь не вызывал ничего, кроме тошноты. Руки тряслись и были ватными, как будто она и в самом деле только что вернулась с обряда.

И вот еще в чем она была уверена на этот раз. Уверена абсолютно. Если то, что она видела во сне, происходило на самом деле, то это была совсем другая жертва. Не та, чье тело несколько дней назад нашли в разрушенном храме.

Бела распорядилась принести платье, черное, эльфийское. Теперь-то никто не запретит ей его носить – есть повод!

Брызнула в лицо холодной водой из кувшина. Воды оставалось совсем на донце, но это была хорошая, чистая вода.

Бурча проклятия больше от испуга, чем со злости, отправилась в кабинет к отцу. Вчера ей наконец-то удалось найти его собственные отчеты и выкладки. Значит, сегодня нужно их отослать. И раз уж так получилось, что специальный курьер ушел раньше, придется эту корреспонденцию отправлять с обычной почтовой каретой. Опасно, конечно. Но другого выхода нет. Бела приготовила мешочек с серебром – отдать почтовым курьерам, чтобы к ее посылке отнеслись с особым вниманием. За содержание писем она не беспокоилась – действительно важный

текст записан исчезающими чернилами. А внешне это вполне безобидные официальные отчеты трансильванского посла…

К ее выходу Антал уже распорядился подогнать карету.

* * *

Почтовых станций в Агере четыре. Но три из них обслуживают простых граждан и жителей пригорода, и лишь одна – княжеская – предназначена, чтобы быстро и в срок доставлять письма и посылки представителей благородного сословия. Белала поначалу собиралась воспользоваться любой из городских станций, но, поразмыслив, решила, что это привлечет куда больше ненужного внимания, чем если она поступит так, как и положено поступать иностранке благородных кровей.

Да и до княжеской ближе.

Невысокое здание производило приятное впечатление – крыша недавно покрашена, у входа – скамеечки для тех, кто по каким-то причинам вынужден ждать. Скамеечки пустуют – благородные господа предпочитают оговаривать доставку посланий прямо домой. А вот внутри было людно.

Бела быстро узнала, что карета в Сибу уже готова к отправке, и попросила дождаться ее посылки.

Вежливый служащий пригласил зарегистрировать отправление и ушел предупредить кучера.

Бела быстро записала адрес – Сибушская станция, до востребования. Сделала отметку о приоритетном хранении. В качестве получателя по давнему уговору был обозначен Сибушский храм Заточенных богов.

Управилась она быстро, служащий все не возвращался, и потому она стала прислушиваться к разговорам. Люди рассуждали о погоде, делились новостями и сплетнями. Обычные скучные разговоры, какие ни к чему не обязывают и какие можно вести в дороге, не боясь сболтнуть или узнать чего-нибудь лишнего.

И вдруг:

– …можете мне поверить, госпожа Маргред, это совершенно точно. У моего хозяина маленькое дело в Моравии. Совсем маленькое. Так вот он, как переходит горы, всегда останавливается в Агдоле. А тут до деревни не дошел – лошадь подкову сбила. А с ним обслуга – два опытных солдата, один даже в гусарах ходил. Серьезный мужик, я его видел. Пришлось им остановиться на ночь в пещере. Да-да, в той самой. В этом нет ничего особенного, в ней многие останавливаются. Она сухая,

просторная. Если сильный дождь, можно даже телегу загнать внутрь – там вход широкий. Только его снизу не видно, надо по верхней дороге ехать. Так вот. Прямо у входа в пещеру он нашел человека. Человек был весь обожжен и бился в агонии. И все время повторял: «Огонь, огонь». Пока не умер. Вот хозяин мой и приказал обследовать пещеру. Его ребята пошли посмотреть – глядь! А купола-то проклятого и нет! Снял кто-то купол. Надо понимать, вернулся Князь Мертвецов. И правду деды говорили – там, где тот купол был, теперь каменный лабиринт. Я толком не понял, на что он похож. Не стану ж я самого хозяина расспрашивать…

Белала резко обернулась.

Историю эту поведал невысокий кряжистый мужчина лет сорока или чуть больше, судя по одежде, слуга из богатого дома. Рядом возвышалась статная женщина примерно тех же лет в темно-вишневом платье, сшитом из дорогой ткани не слишком ловким портным. Ее Белала в уме сразу назвала «купчихой». Купчиха задумчиво кивала – не иначе, новость уже сегодня пойдет гулять по ее друзьям и знакомым.

И тут выяснилось, что новость эта уже не совсем новость – высокий посыльный от почтовой службы подтвердил:

– Из Агдоле и нам вчера отписали. Купола и вправду больше нет. Вот только неизвестно, снял ли его сам Князь или кто-то еще. Трудно поверить, что он еще жив. Столько лет прошло…

Люди с азартом принялись обсасывать новую тему, а Бела оглядела зал. Нужен лист бумаги, любой, хоть бы и самой дешевой. Перо, чернила. Это очень важная новость. Возможно, самая важная из тех, что ей удалось раздобыть!

Она закончила писать, присыпала письмо песком. Так. Теперь нужно его запечатать! Она высмотрела стол, подле которого печальный работник топил на спиртовой горелке сургуч.

Когда вернулся служащий, печать застыть еще не успела. Бела так и шла до самой кареты – с пакетом отцовых отчетов в одной руке и с свежезапечатанным письмом – в другой.

* * *

Возвращаться домой не хотелось. Солнце беззаботно танцевало на красных крышах, посылало во все стороны солнечных зайцев. Кожу обдувал легкий ветерок, в котором не было и следа того сладкого аромата из сна. Белала поймала себя на мысли, что всю дорогу подспудно ждала его появления. А здесь, на улице, днем, когда нет даже намека на запах факельного

масла или хотя бы печного дыма, можно немного отдохнуть. Расслабиться. И не возвращаться домой.

Белала отпустила карету.

Ноги несли ее по тем улочкам и переулкам, где меньше шансов попасть в толпу или встретить знакомых. Мысли тянулись путано, так же как эти узкие неровные улочки. Сейчас, днем, когда ночной морок исчез, не оставив следа, она не могла понять, почему и в ночь обряда, и в этом сне ей все казалось правильным? Сейчас, словно выбеленные солнцем, события представлялись ей странными и страшными. Возвращаться в общину, даже видеть кого-то из ее членов, Беле не хотелось. Убийство вдруг стало просто убийством. Дым, который плыл тогда по залу, наверняка содержал какие-то дурманящие вещества. Но почему сегодня сон был таким реалистичным?

Бела поежилась, как от внезапного озноба. А если такие сны ей будут являться каждую ночь? Если каждую ночь она будет радостно и с удовольствием идти на смерть? Может, однажды она привыкнет и пройдет эту дорожку уже наяву? Да нет, бред.

И неужели все остальные члены общины испытывают то же самое? И им это нравится?

Ей отчего-то казалось, что она одна такая.

Пожалуй, о составе яда можно узнать по тому, как она чувствовала себя утром…

Хотелось пить. Что еще… тошнота. И руки дрожали. Все?

Бела остановилась, когда поняла, что ноги принесли ее к княжьему госпиталю.

А может, так и правильней. Здесь ей самое место. У постели умирающего отца. И никакая графиня Теранен не посмеет с этим спорить.

Глава 8

– Здравствуйте, Элайза.

– Сейчас не приемное время. – У хозяйки озабоченный вид. Может, накануне было тяжелое дежурство. Под глазами наметилось больше теней, и стал сильней заметен возраст.

– Да, знаю. Я знаю, что пришла не вовремя. Но я не к отцу. У него сейчас сиделка, она мне каждый вечер рассказывает, как прошел день.

– Да, миледи. Простите, я повела себя грубо. Чем могу служить?

Миледи – так к знатным дамам обращаются в Галлии. Вероятно, Элайза или долго там жила, или сама оттуда родом.

– Мне нужно поговорить с доктором Фергом. И у меня есть просьба. Я, правда, не знаю, к кому с ней лучше обратиться, к нему или к вам. Возможно, она покажется странной.

– Прошу, миледи. Я провожу вас в гостиную. Там и поговорим…

Бела думала, что гостиная – это та самая зала, куда приходят посетители и где сидит дежурная ученица или санитар. Оказалось, нет. Гостиная – это маленькая уютная комната, в которой два дивана, деревянный, видавший виды стол под скатертью и картины на стенах.

– Это комната для тех, кто не желает быть узнанным или же не хочет, чтобы о его надобности сплетничали простолюдины. Но обычно она пустует. Богатеи предпочитают вызывать доктора домой. Так о чем бы вы хотели поговорить, миледи?

– Я уже говорила, что просьба может показаться странной. Элайза, поверьте, для нее есть веские основания. Я хотела попросить вас взять меня на работу.

Элайза, кажется, потеряла дар речи.

Белала воспользовалась моментом и, не дав ей возразить, добавила:

– Я знаю, что, по вашему мнению, это прихоть или глупость. Чтобы было понятней: мне нужно спрятаться. У отца остались неоконченные дела, и есть люди, которые считают, что моя подпись на документах будет иметь такой же вес, как его.

Элайза развела руками:

– Для этого совершенно не обязательно устраиваться на работу. Я поняла суть проблемы и считаю, что мы можем предоставить вам убежище – если это не навлечет неприятности на наших пациентов.

Бела о таком варианте до сих пор не задумывалась.

– Я скажу прислуге, чтобы всю корреспонденцию передавали мне сюда, думаю, этого будет достаточно. И все-таки… Элайза, я не боюсь трудностей и не люблю бездельничать.

Взгляд хозяйки немного потеплел:

– Ну что вы, я не могу заставить вас мыть полы в операционной или выносить горшки. Это было бы слишком. Но если вы желаете… В хосписе сейчас трое детей. Может, скоро будет четверо. Считается, что они полностью «стерты», но Ферг говорит, что эти дети на удивление быстро восстанавливаются. Им нужно общение и внимание, которого мы просто не можем им уделить.

Бела медленно кивнула.

– Мне только надо дойти до дому, оставить распоряжения. И еще, наверное, нужно будет сходить в салон готового платья. Со всеми этими событиями…

– И в оружейную лавку, – донеслось от двери.

Бела и Элайза обернулись на голос.

Ферг едва заметно кивнул женщинам и вошел. Бела сразу заметила ссадину на щеке и край повязки, наложенной на правую руку выше кисти. Доктор хмурился. Ну, это как обычно.

– Правильно ли я понимаю, что вы отказались поддерживать ваших друзей и они сочли это предательством?

– Не совсем. Они не успели провести переговоры, отец заболел. У меня же в основном интересуются, имею ли я право подписывать документы. И еще тем, когда прибудет новый посол. Графиня Теранен посоветовала мне подать прошение княгине, чтобы та приняла меня в свиту. Она считает, что в замке, в окружении общества, я не стану скучать, но фактически это означает, что я буду находиться под постоянным их наблюдением.

– А вы, значит, не желаете.

– Нет. И об этом… В общем, доктор, мне нужна помощь.

– Слушаю.

Бела виновато взглянула на Элайзу. Та понятливо улыбнулась и вышла.

Бела тихо сказала:

– Сны. С той самой ночи, как заболел отец. Сначала просто смутные… но, когда просыпаешься, ощущение, что испачкалась в чем-то. Неприятно. А сегодня все было очень достоверно. Я не хотела бы пересказывать содержание сна. Но мне кажется, лучше вовсе не засыпать, чем снова его увидеть.

– Кошмар?

– Нет. Не знаю. В нем нет такого, чего я боялась бы. Страшно, когда проснешься.

– Они связаны с чем-то, что случилось с вами в реальности?

Она кивнула, точно зная, что, если Ферг сейчас задаст правильный вопрос, она все ему расскажет. Впрочем, вряд ли его к ней отношение изменится в худшую сторону – куда хуже-то?

Поспешно добавила:

– Я не из впечатлительных барышень, которые готовы упасть в обморок по поводу и без, и видела много. У нас в замке простые нравы. Так что на казнях я тоже присутствовала. И они потом мне никогда не снились.

Ферг вздохнул, потер подбородок:

– Ну что ж… попрошу Элайзу приготовить вам капли валерианы. Думаю, этого будет достаточно.

Бела возражать не стала, хотя сильно сомневалась в чудодейственной силе Элайзиных капель.

И она, конечно, оказалась права.

…Дым окутывал ее, скользил по коже вместе с мягкими прикосновениями ладоней жреца. Эта ласка была такой щемящей, что хотелось плакать. Чадили факелы, и кто-то читал ритмично, в такт дыханию или току крови, правильные, зовущие слова. В центре круга из восьми свечей стояла каменная чаша черного обсидиана, она была проводником. Чашу следовало наполнить. Бела решительно протянула жрецу руки запястьями вверх… и неожиданно их увидела. Узкие тонкие запястья не то очень юной, не то долго болевшей женщины. Бледные до синевы.

Бела вскрикнула и проснулась.

Тут же села на кровати. Остатки сна разлетались, как морок. Но на губах все еще был привкус сладкого дыма.

Двери распахнулись. На пороге стояла Элайза в долгополой просторной сорочке и с подсвечником на две свечи в руке. Одна свеча, правда, не горела, а с другой, наклоненной, обильно капал на пол и платье воск.

– Ничего, – на невысказанный вопрос ответила Бела. – Я так посижу. Спать что-то больше не хочется.

Хозяйка покачала головой и вышла.

* * *

Мальчик лежал, безучастно глядя в потолок. Странно было видеть такое отрешенное выражение на лице трехлетки. Ферг провел половину ночи, пытаясь дозваться до него, вернуть его сознание обратно из мира грез и пустоты. Но и в этот раз все казалось напрасным. Лоранта там не было. Некому было отзываться.

В глухой час, когда на улице только-только начал разгораться рассвет, Ферг услышал где-то не очень далеко полный ужаса крик. Он кивнул Имре, который в ту ночь дежурил в госпитале, потому что этажом ниже дежурил его учитель, и вышел из комнаты. Почему-то у него не было никаких сомнений в том, что кричала трансильванская графиня.

В коридоре он встретил Элайзу. Та озабоченно сообщила:

– Мне ничего не сказала, кроме того, что спать сегодня больше не собирается.

Когда он постучал и получил разрешение войти, Бела уже переоделась в домашнее платье и затеплила единственную свечку. Она сидела на кровати, сложив руки на коленях и уставившись в них взглядом.

– Доброй ночи, – сказал Ферг. – Признаться, я вам не поверил сегодня. Теперь вижу, что зря.

Бела ответила:

– Я считаю, что если нет возможности сказать правду, то лучше просто промолчать.

– Согласен с вами.

– Вы правильно догадались, доктор. Я действительно посвящена Заточенным. Вот, смотрите.

Она приподняла отворот широкого рукава и показала Звезду богов.

– Перед тем как мой отец заболел, мы с ним были участниками обряда. Второго таинства. Это таинство жреческого посвящения. Если вы не знаете, в нем предусмотрена обязательная вольная жертва. Вольная – значит, человеческая. Это была та женщина, которую потом нашли в храме. Помните, ее привезли сюда?

– Значит, вам снится этот обряд?

– Нет. Не так. Сначала это было просто ощущение… желание, чтобы все повторилось. Очень сильное. Какие-то тени. А вчера и нынче ночью все было очень четко. Подробно.

– Опишите.

– Жертвенная чаша, черная, из обсидиана. Та же самая.

В глаза она не смотрела, но голос звучал ровно, даже деловито:

– Я ее хорошо запомнила. Очень много свечей и факелов. Люди. Не меньше, чем в прошлый раз. Нож, тоже каменный, из того же материала. Стены – старый кирпич, сводчатый потолок. А жертва – другая. Маленькая, слабая. Но она счастлива.

– И вы ее убиваете.

– Нет, доктор.

Бела уперла решительный взгляд ему в переносицу. Ждала,

как он отнесется к тому, что она рассказывает.

– Нет, я ее не убиваю. Она – это я.

Ферг вытащил из темного угла табурет и придвинул близко к кровати. Голос может и обмануть. Нельзя упускать вероятность, что на самом деле она сейчас трясется от ужаса. Или, наоборот, ведет какую-то свою игру, о цели которой можно будет судить, когда станет уже поздно. Он задумался над следующим вопросом, но Белала опередила, рассказала сама:

– У всех этих снов есть только одна общая черта. Запах. Очень густой и неприятный. Хотя во сне он мне нравится. Он был во время обряда, но не такой сильный. Мне сложно описать.

– Но вы его узнаете, если почувствуете?

Она едва заметно вздрогнула:

– Конечно. Это сжигали какое-то растение. На угли клали завядшие стебли и листья, шел густой дым. Желтоватый.

– Ясно. Бела, не сочтите мое предложение оскорблением, но мне нужно уложить вас в постель.

Ферг неожиданно улыбнулся с почти мальчишеским озорством:

– Чтобы не случилось головокружения.

Она серьезно кивнула. Не ответила, но легко и очень элегантно улеглась на кровати. Иную даму и уговаривать не надо – и сама ляжет, и тебя за собой потянет, и отвертеться удастся с великим трудом. Другая потребует присутствия всех родственников женского полу, какие окажутся рядом. Третью придется долго увещевать, что доктор – это не мужчина и что ее девичьей чести не будет никакого урона.

Бела просто спокойно ждала, что будет дальше.

– Закройте глаза, постарайтесь думать о чем-нибудь отвлеченном.

Ферг привычно положил ладонь на лоб пациентки и принялся искать след наведенной магии. Самое частое, что ему приходилось делать после возвращения в Агер.

То, что он нашел, его сильно озадачило, если не сказать больше. След был. И он был неотличим от того, какой достался и Белферану, и всем его товарищам по болезни. Если переводить ощущения в цвета, то он мог назвать его тусклым оттенком болотной зелени. Правда, у Белалы след был очень слабым, едва заметным. Таким, что и не найдешь его, если не искать специально.

– Бела, можете открыть глаза.

Она тут же села, поправила подол.

– Ну что, доктор? Буду я жить?

Ферг вместо ответа сказал:

– Я принесу вам снотворное. Сильное. С ним вы не будете видеть сновидений. Но его нельзя применять часто.

Он поднялся.

Услышал:

– То, что я вижу во сне, может быть правдой?

– У вас магическая связь с кем-то или чем-то, что я не могу отследить. Да, это может быть правдой.

Бела зажмурилась, одновременно и пытаясь отогнать от себя такую правду, и ругая себя за недопустимую слабость.

– Бела, что бы вам ни снилось, в ваших снах вы не виноваты.

– Почему мне нравится… во сне мне нравится то, что со мной происходит? Все детали таинства. Словно я мечтала об этом всю жизнь. Так быть не должно.

– Заточенные…

– Их нет давно. Вы же знаете. Там что-то другое. Но оно словно сродни Заточенным. Никто не видит разницы. Но Заточенным богам нужна была жертвенная кровь. Чтобы получить силу и вырваться на свободу. В этом смысл всех обрядов. А этому, новому…

Ферг вздохнул. Легонько провел пальцами по плечу девушки. Она вздрогнула, словно очнулась.

– Что, Бела?

– Ему не кровь нужна. Я не знаю, что ему нужно…

– Я сейчас принесу снотворное. Вы ведь не испугаетесь остаться одна?

– Что вы! Я теперь, пожалуй, только заснуть боюсь.

«Черт знает, что у нее на уме, – думал Ферг, спускаясь за лекарством. – Зачем она вообще напросилась к Элайзе? Действительно испугалась этих снов? Если честно, есть чего бояться. И что станет делать дальше?

Нужно за ней понаблюдать. Если правда то, что она говорит, а сомневаться в ее словах причин нет, кроме субъективных, то наблюдение не будет лишним. А если вдруг придется уехать? Что же. Придется попросить Имре. Все равно, пока ди Годер дежурит в госпитале, он будет тут».

* * *

Бела зачарованно смотрела на прикрытую дверь. Доктор как будто пообещал не лекарство, а магический щит от всего плохого, что только может случиться в мире.

Жизнь в хосписе текла по строгому, давно сложившемуся распорядку. Бела бездумно включилась в него, радуясь, что

теперь почти совсем не нужно покидать эти надежные стены. Почту ей приносил слуга. Но за все минувшие дни из общины было только одно письмо – приглашение в дом графини Тиа.

Бела вежливо ответила ей, что, к сожалению, не сможет прийти – отец очень плох. И не солгала.

На третий день ее пребывания умер парень, пациент из соседней с отцом палаты. Бела видела в окно, как его выносят к телеге. Очень худой, с как-то странно, неестественно выгнутыми руками. За телом приехала мать. Ферг стоял подле нее и говорил что-то вполголоса. Она кивала.

Белферан отказывался от твердой пищи и потому быстро худел. Иногда он словно бы приходил в себя и начинал шевелить руками или пытаться сфокусировать взгляд. Но это не было просветлением. Он по-прежнему не реагировал ни на чьи голоса.

То ли дело дети. Два мальчика, один из них лет пяти, другой помладше, и девчушка трех лет. Та самая, которую принесли в день отъезда Ферга.

В обязанности Белы входило общаться с ними, играть и помогать в любом начинании. Кормить и убирать за ними приходила нянечка. Бела быстро освоилась и поняла, что ребята легко восстанавливают навыки, вот только прошлая память никак не желает возвращаться. Работа оказалась несложной и интересной. А когда Имре изъявил желание помогать ей, то она и вовсе почувствовала себя хорошо.

Правда, его часто занимали и Элайза, и учитель.

Пилюли доктора Ферга действительно оказались сильными – в первое утро она проснулась поздно и с тяжелой головой. На следующую ночь применять их было уже нельзя, и Бела постаралась не спать как можно дольше. И – обошлось. Тот самый сон не вернулся ни в одну из ночей, проведенных в госпитале.

Но все это закончилось к исходу недели.

Утро началось как обычно. Бела умылась и позавтракала на кухне – она поднималась одновременно с прислугой, и до общего завтрака оставался час. Навестила своих пациентов, предложила помощь двум ученицам, наводящим чистоту в приемном зале. Девушки согласились. К Беле уже привыкли. А называли, не иначе с подачи Элайзы, только «миледи». Но это уже наполовину в шутку.

Хорошо еще она закончила протирать от пыли подоконник раньше, чем явился этот посетитель.

Зергин Шандор, собственной персоной, в лучшем белом костюме. Час он выбрал как раз предназначенный для посещений, так что не выгонишь и не придерешься.

Он направился сразу к конторке, возле которой

монументально сидела сама Элайза.

– Добрый день, – громко сказал он. – Я желаю видеть графиню Вораш, мне сказали, что она здесь. Мне нужно с ней переговорить.

– Представьтесь, пожалуйста, – с великолепным равнодушием изрекла Элайза.

– Кавалер Зергин Шандор, дворянин в пятом поколении.

«Ого, – подумала Бела. – Врет, наверное». Но не стала затягивать этот спектакль, а шагнула вперед:

– Здравствуйте, Зергин. Рада вас видеть.

– О, Белала! Мы беспокоились за вас.

– Не стоило. Я решила перебраться сюда, чтобы быть поближе к отцу.

– Да, конечно. Но вы же помните, о чем обещали мне подумать.

– Помню. Но пока у меня нет ответа.

– Белала, тем не менее мы беспокоились. И графиня Теранен, понимая, что ваша личная скромность может вам не позволить этого сделать, сама попросила княгиню Дорику включить вас в ее свиту, как минимум до приезда нового посла. Известно, что князь Берток отправил депешу в Трансильванию, как только ему стало известно о болезни вашего отца. Но, к сожалению, расстояние слишком велико. Княгиня, конечно, согласилась и ждет вас сегодня к обеду. Если необходимо, я распоряжусь прислать в ваш дом еще слуг, чтобы помогли с переездом.

Все-таки добились своего. И не откажешь – князьям отказывать не принято. Особенно если ты в таком затруднительном положении. Но именно поэтому – улыбайся, Белала! Пусть они видят – ты рада! Тебе хочется в Китшоэ! Ты уже устала прозябать в этом печальном доме…

Бела церемонно поклонилась:

– Благодарю за заботу, сударь. С радостью приму помощь ваших слуг. Я буду ждать их через час.

– Я думал, смогу лично проводить вас…

– О, разумеется! Я буду рада! Но не в этом же платье ехать в замок? За час до назначенного времени жду вас дома.

Зергин понял, что прямо сейчас выцарапать ее из госпиталя не выйдет, и успокоился. Напротив, очень вежливо распрощался и с нею, и с Элайзой и ушел.

Бела сказала хозяйке, едва за ним закрылась дверь:

– Я не могла отказаться.

– Конечно, миледи. Я передам Фергу.

* * *

Письмо из Сибу пришло в тот же день, что и послания из Агера. Ладар положил их перед собой и задумался.

Шум за окном мешал сосредоточиться. Там, на плацу, выстраивались новые отряды Мурешской легкой пехоты. Еще пара часов, и воины Великого Муреша отправятся на равнину, чтобы собою усилить уже воюющие там части. Надо отдать должное Чордашу – он многого успел достичь. Другое дело, что Чордаш – воин, а не политик. А сейчас расширять владения бессмысленно. Надо закрепиться на тех, что уже есть. Иначе велик риск погрязнуть в постоянных бунтах и мятежах, до которых дело не дошло пока только чудом. Была бы сейчас зима или тем более весна, когда у хозяев запас продовольствия на исходе, и пополнить его до самых первых урожаев будет нечем…

Именно для этого и отправляются сейчас в долину Тисы все новые отряды. Им – закрепляться в крепостях бывших загорских землевладельцев. Им, в случае чего, держать оборону. А то, что хозяева еще пока не тронутых Мурешем земель собираются воевать, – это и цыганку спрашивать не надо. Наверняка уже написали прошения-жалобы моравским князьям. А те, конечно, сначала сунутся в Паннонию. Если не за помощью, то хотя бы выпросить военный нейтралитет.

Но вряд ли они договорятся до глубокой осени, а там и дороги развезет, и вести успешную войну станет намного сложнее. А Чордаш в качестве наместника приносит вред уже сейчас.

Ах, мастер Ладжус, что же с тобой делать?

Магистр потер ладонью гладко выбритый подбородок. Он терпеть не мог заросшие мужские лица и считал, что борода – признак лени.

Новости из Паннонии обескураживали. Если все так, как пишет младшая Вораш, – там нужен новый посол. Серьезный, уверенный, сильный и хитрый. Причем хитрый не в стратегическом, а в тактическом смысле…

Идея, забрезжившая перед Ладаром, была проста и гениальна… но ее следовало обсудить с богами.

С Богом, поправил он себя. Но об этом никто не должен знать.

Ладар нагрел в руке сигнальный камень – гениальный подарок богов. Сейчас в комнате младших жрецов засветится красным точно такой же, встроенный в схему замка. Так младшие всегда могут знать, куда их вызывают.

Молодой жрец, из недавно посвященных, вошел в личный покой магистра ровно через минуту.

– Передай мастеру Чордашу и мэтру Хагру, что я жду их на

совете. Через час. Затем передай смотрителю зала Таинств, что я буду говорить с Богом, пусть приготовит дым.

Мальчишка поклонился и убежал исполнять.

Ну что же, пожалуй, все сходится. Чордаш не приспособлен для постоянной дипломатической работы. Зато он прекрасно справится с разовой миссией. И если Бог эту миссию одобрит…

С этими мыслями через четверть часа магистр и спустился в зал Таинств. В последние дни он проводил в нем столько времени, что служители шутили – впору там устраивать и спальню, и кабинет. Ладар их одергивал – в речах юношей было много богохульства. В прежние времена боги такого не снесли бы.

Ощущение божественного присутствия ощущалось во всем. В игре света и тени, в движении дыма над жаровнями, в потрескивании факелов. Ладар склонил голову.

– Приветствую, Великий, – сказал он в пустоту высокого каменного престола, выполненного одним из лучших камнерезов Сибу специально для Фиризского храма. Он считал, что если Бог где и должен находиться, то на этом самом престоле. То, что Бог Заточенный, никак не меняло дела.

– Магистр. У тебя есть новости?

– Да. Две. Возможно, обе важны. Первая – наш посол в Паннонии находится под действием ненаправленного проклятия. Вероятно, спасти его не удастся. Второе – две недели назад кто-то снял защитный купол с магического лабиринта. Наш человек при дворе князя Паннонского сообщает, что, по слухам, это мог сделать сам князь Эрно. Очевидно, нам придется направить в Паннонию нового посла…

– Предлагаешь, чтобы это был Ладжус Чордаш? Я не стану возражать, хотя есть сомнения, что он справится. Он должен не только закончить миссию, которую не успел выполнить граф Вораш. Он должен встретиться с его дочерью и узнать все, что ей удалось выяснить об их Князе Мертвецов. Он должен найти этого князя или того человека, который снял защиту с лабиринта. Если понадобится – откопать его из-под земли. Но ни в коем случае не убивать! И не спугнуть! Мне он нужен живым. Пусть лучше выяснит, за что его можно ухватить. Любой компромат. Может быть, он совершил какое-то преступление и боится огласки. Хотя это вряд ли. Вероятно, он стар и не желает умирать. Или есть кто-то, чья жизнь для него дороже собственной. Мне нужно знать все. Но если он погибнет, Чордаш умрет тоже. Мне нужен этот маг. Живым, дееспособным и крайне желательно – готовым к сотрудничеству!

Ладар впервые слышал, чтобы Бог говорил столь много и горячо. Возразить он не посмел, поклонился:

– Я передам Чордашу, что боги желают с ним говорить.

– Пусть это посольство будет для него испытанием. К осени он должен вернуться. Пусть князь Трансильванский ищет пока дипломата ему на замену. Вернуться он должен с победой.

– Я отправлю с ним Хагра. Он опытный разведчик и, в отличие от Чордаша, сначала думает, а потом делает. Хотя и полуорк.

– Среди гибридов нередко встречаются особи, интеллектуально превосходящие представителей обоих родительских племен.

– Я ничего не знаю о его родителях, Великий.

– И не нужно. Главное, чтобы он мог контролировать Чордаша.

– Этот сможет.

* * *

Бела провела ладонью по зеркальному металлу нового клинка. Выглядел меч здорово, но она уже чувствовала к нему некоторую неприязнь. Оружие было декоративным, такое правильней повесить на стену и там оставить от греха. Мастер, видимо, решил, что для благородной девицы из свиты княгини ничего другого не нужно. Легкий, несбалансированный клинок с чрезмерно украшенной рукоятью. Игрушка, она и есть игрушка. Ладно, хоть заточили ее на совесть.

Меч ей давно хотелось купить. С того самого момента, как увидела мертвое тело Зарины в разрушенном храме. А тут представился такой замечательный случай – графиня Тиа в подарок дяде заказывала у известного мастера набор охотничьих ножей и позвала Белалу с собой: «Тебе надо развеяться!»

У Белы не хватило бы средств на специальный заказ, но мастер обещал найти нужное среди готовых изделий. И нашел…

Чтобы этим чудом ювелирного искусства кого-то прибить всерьез, придется потренироваться.

В дверь постучали, и Бела поспешно спрятала меч под складками шторы. Но это оказался всего лишь лакей, сообщивший, что Белу срочно ждут в апартаментах княгини.

Бела у зеркала поправила прическу, разгладила неприметную складочку на темно-синем шелке нового платья и поспешила за лакеем. Удивилась, что подле княгини Дорики ждали выхода всего две благородные дамы из ближайшего окружения княжеского семейства. Не было даже вездесущей Тиа.

Княгиня благосклонно поприветствовала Белалу и дала знак,

что можно идти. Бела незаметно приблизилась к госпоже Немет. С ней новоявленная придворная уже несколько раз беседовала и надеялась получить хотя бы самое общее представление, зачем в столь поздний час она могла понадобиться княгине.

Госпожа Немет шепотом ответила:

– Прибыл гонец из Моравии с какой-то важной депешей. Князь попросил, чтобы вас тоже позвали.

– Но мы идем не к парадному залу!

– Видимо, князь желает сначала обсудить новости в узком кругу.

«Значит, князь Берток зачем-то хочет, чтобы я эти новости тоже услышала. Зачем? Дураку ясно, для того чтобы я передала их в Сибу. Но быстро сделать это невозможно, Сибу – далеко. Значит – время терпит? И дело как-то касается Трансильвании. Что общего между Моравией и Трансильванией? Один маленький интерес есть. Общий, общее не бывает. Мureш».

Мureш некогда был одной из трансильванских провинций. Это горная страна, небольшая, в давнем прошлом – малонаселенная. Но четверть века назад по решению князя Трансильванского Мureш получил максимальную автономию и статус независимого государства. Его до сих пор привычно называют княжеством, но князей там нет. Там – маги.

Не без оснований соседи полагают, что по окончании Великой войны именно в Мureше скрылись маги разгромленных армий Хаоса. Они потихоньку стекались туда со всех затронутых сражениями территорий. Может быть, им и не дали бы жить спокойно, если бы Мureш до поры не прикрывала богатая и очень сильная Трансильвания. Мурешские маги входили в княжеский совет Сибу и фактически руководили трансильванской общиной Заточенных.

Но они никогда не признавали себя магической армией Трансильвании. Более того, в последние годы в Мureше активно строились дороги и оборонительные сооружения, а армия этой страны, созданная чуть ли не с нуля, непрерывно росла. Можно сказать, Мureш стремился получить не только официально-политическую, но и экономическую независимость от Трансильвании. Что трудно, потому что там мало плодородных земель и почти нет крестьян, способных обрабатывать даже те поля, что есть.

«Вот куда мы идем, – поняла вдруг Белала. – Малая столовая!»

Малой столовой никогда не пользовались даже для семейных обедов – слишком крохотная. Но Бела была там однажды и хорошо запомнила это место. Уютный небольшой зал на первом

этаже замка с беленым сводчатым потолком и гобеленами, подаренными хозяину Китшоэ правителями сопредельных государств.

Вечернее солнце освещало зал сквозь два узких прямоугольных окна. Высокие канделябры по десятку свечей пока еще не были зажжены.

В высоком кресле возле стола уже находился князь Берток. Кресло справа от него занимал пожилой усатый советник, имени которого Бела не помнила, кресло слева пустовало. У стены, скрестив руки, с самым невозмутимым видом стоял Ферг. Бела не удивилась – она уже привыкла встречать доктора в самых неожиданных и неподходящих местах.

Чуть позже появился еще один специально приглашенный гость – кавалер Зергин. Похоже, что его только-только выдернули из седла и даже не дали переодеться с дороги. Кавалер раскланялся со всеми присутствующими и по приглашению князя занял место слева от него. Зергин выглядел бледным и усталым.

Когда наконец все расселись согласно этикету, а слуги внесли подносы с фруктами и удалились восвояси, князь сказал:

– Моравские князья прислали депешу. Фактически они пусть косвенно, но обвиняют меня в несоблюдении заключенных ранее соглашений.

Советник взял со стола лист желтоватой бумаги и, хмурясь, пробежал его глазами.

– Формально они правы. Мы обещали им помощь в случае военных действий, направленных против них.

Заргин горячо возразил:

– Загорье – не часть Моравии. Они не могут втравить нас в войну на том лишь основании, что тамошнее население связано родственными узами больше с Моравией, чем с кем-то еще.

Князь задумчиво кивнул:

– Тем не менее они просят у нас военной помощи.

– Скоро прибудет новый трансильванский посол, – словно нехотя сказал Ферг. Он так и продолжал стоять, хотя за столом осталось для него пустое кресло. – Могу поспорить на что угодно, он тоже предложит военный союз. И тоже на хороших условиях.

Берток поморщился:

– Что может предложить Трансильвания?

– У Сибу сейчас достаточно сил, чтобы ввести свои войска хоть к нам, хоть к кому, – согласно кивнул советник. – Не вижу, зачем им что-то предлагать нам.

– Сибу не сможет воевать на два фронта, – скучающим тоном пояснил Ферг. – Им не нужны неприятности на границах. Они попросят не вмешиваться в то, что происходит за Тисой, просто

потому, что Муреш не часть Трансильвании точно так же, как Загорье – не часть Моравии.

– Сейчас речь не об этом, – возразил князь. – Речь о том, поддержим ли мы Моравию? И если да, то какого рода это будет поддержка.

– Мы не должны этого делать, – сказал упрямо Зергин. – Это автоматически сделает нас с Трансильванией врагами, и тогда уже не им, а нам придется воевать на два фронта.

«Почему он здесь? – подумала Бела. – Он не солдат, не офицер, никогда не воевал, в отличие от брата. Зергин Шандор. Сын землевладельца… Как же мало сведений! Почему отец не рассказал о нем больше?»

– Если мы сейчас, – раздельно ответил Ферг, – не остановим мурешских магов, они получат не только Загорье. Загорье – капля в море. Они получат и Моравию, и Паннонию, и все, до чего смогут дотянуться. Они почти тридцать лет копили силы для реванша. И сейчас у них есть все шансы сделать то, что не удалось сделать во время Великой войны. Вы же помните, откуда они взялись?

– Хватит! – стукнул кулаком по столу князь. – Да, у нас есть формальный повод отказать Моравии. Однако предлагаю посчитать, что нам даст участие в этой войне на их условиях и какие встречные условия мы можем выдвинуть. А также что может дать нам военный союз с Трансильванией, если таковое предложение действительно последует, как утверждает… как считает Ферг.

– Маленькая победоносная война… – почему-то вполголоса сказал Ферг и замолчал. И до самого окончания совета не обмолвился больше ни словом.

Бела видела, что князю хочется войны. Той самой, маленькой и победоносной. Она старалась при этом запомнить каждое слово. И удивилась, что совещание окончилось ничем:

– Я приму решение, когда выслушаю обе стороны, – сказал князь Берток. – Зергин, останьтесь. Советник, прошу вас. Княгиня, Ферг, доброй ночи!

* * *

Когда вышли из зала, княгиня отпустила свою свиту. Бела потерла виски – слишком много новостей, догадок, совпадений. Как все это уложить в одной-единственной голове? Почему позвали княгиню на это совещание? Неужели использовали ее как повод пригласить саму Белалу? А ведь так, похоже, и было:

княгиня не скрывала своего неудовольствия. Зачем присутствовал Зергин?

А Ферг? Вот уж действительно никогда не угадаешь, где его встретишь в следующий раз. Кто он при дворе? Неужели же всего лишь личный врач князя? Врачей не допускают до политики. Князь называет его по имени, не добавляя никакой формы вежливого обращения. За все время совета он так и не занял оставленное ему за столом место – этикет допускает, чтобы он мог стоять в присутствии сидящего князя и без его официального дозволения? Или дозволение было получено ранее? Ферг вовсе за весь вечер никак не обращался к князю. Кидал фразы словно бы для всех. А смотрел только на Бертока.

Могут они быть, например, дальними родственниками?

Да нет, Белала, бред. Будь Ферг княжеского рода, стал бы он возиться с безнадежными больными в хосписе?

– Графиня Вораш!

Бела обернулась. Ну конечно. Как будто на совещании времени на приветствия выделено не было. Она чуть склонила голову:

– Здравствуйте, доктор.

– Не думал, что вы так быстро уйдете.

– Да. Я задумалась.

Он не ответил. Солнце спряталось за крыши домов, и света уже не хватало, чтобы разглядеть выражение лица. Скоро придут слуги, зажгут свечи.

– Что-то случилось?

Кивнул. Тихо сказал:

– Ваш отец умер. Час назад.

Бела зажмурилась, отступила на шаг и почувствовала лопатками холод каменной стены. Как умер? Почему? Не может быть! Нет, конечно. Она ослышалась…

Умер…

Как нелепо, она же знала, чувствовала, что так будет. Но как, как это случилось? Спросить? Наверное, надо спросить. Но это уже не имеет значения. Это просто дурное любопытство.

Бела почувствовала, как чья-то рука легла на плечо. Невесомое почти пожатие. Быстрое.

– Мне надо увидеть…

– Конечно. Я провожу.

* * *

Как доехали, она не запомнила. Кажется, в карете. Но

навсегда запомнила – маленькая холодная комната, стол, худое тело под белой простыней. Желтое лицо, непохожее на лицо отца, с неприятно заострившимся носом. Бела дотронулась до кожи, и та показалась ей теплой. Это было самое жуткое – человек мертв, а тело его хранит еще живое тепло.

Она задохнулась от жалости к отцу – такому маленькому и мертвому. Теперь ведь нужно будет что-то делать, как-то хоронить… здесь, на чужой земле.

Обернулась. Почему-то была уверена, что Ферг так и стоит у входа. Стоит и молчит, как молчал всю дорогу сюда. Он действительно там был. Поймал ее взгляд, сказал:

– Я договорился о похоронах.

– Благодарю.

– Меня не было рядом в тот момент. Дежурный говорит, он просто перестал дышать.

Она кивнула. Зачем ей это знать?

– Белала, мне надо у вас спросить.

– Конечно.

– Ваши сны возвращались?

Сказать? Соврать?

Нечаянная слеза нарушила все планы. Бела быстро сморгнула ее, но Ферг заметил. Взял за руку, увел в другую комнату. В ту самую гостиную, где он расспрашивал ее впервые.

– Расскажите, Бела.

Она резко замотала головой:

– Нет. Не хочу.

В губы ткнулся стакан с водой. Она быстро отпила несколько глотков. Действительно стало легче. Сказала:

– Ферг, когда я сплю, все кажется правильным и необходимым. Во сне мне нравится, когда меня убивают.

Нравится видеть, как собственная кровь стекает в черную каменную чашу. Запах дыма, общее, неутолимое желание. То, как нож скользит по груди, выводя знаки силы. Это больно, щекотно и сладко.

Утром воспоминания остаются невероятно четкими. Утром ее тошнит от того, что она видела во сне.

Не надо. Нельзя ему рассказывать. Ни слова больше! Просто потому, что еще немного, и ты предашь. Не богов, нет. Боги давно мертвы. Предашь тех, кто там, в Трансильвании, ждет твоих отчетов. Память отца. Все, что привыкла считать правильным. Единственно верный уклад жизни.

Но почему вокруг не осталось тех, кому можно доверять?

Как ответить самой себе на такой простой вопрос – почему ты избегаешь общества графини Теранен? Почему кавалер Зергин не

вызывает у тебя ничего, кроме отвращения?

Ферг не должен знать. Никто не должен знать. Надо просто закончить порученное дело и вернуться. Выполнить свой долг и забыть о Паннонии, Трансильвании, князе Эрно и князе Бертоке, обо всем забыть.

Спрятаться…

«Да, да. В норку», – попыталась она взбодрить саму себя.

Белала почувствовала, как ей в ладонь упало что-то маленькое и холодное. Перевела взгляд, увидела – простенький кулон из ошлифованного серого агата на тонкой цепочке.

– Попробуйте носить не снимая.

Бела взглянула на кулон так, как учили маги. Невзрачный камушек на деле оказался мощным магическим амулетом. Ладонь доктора осторожно сжала ее пальцы, заставляя сомкнуться в кулак.

– Зачем он?

– Я ищу способы защитить людей от этой новой болезни. Мне кажется, ваши сны с ней связаны.

– Хотите узнать, работает ли? Отцу вы его тоже…

– Нет. Те, кто уже «стерт»… или, вернее, замещен… ему уже поздно защищаться.

Он снова едва заметно улыбнулся:

– Конечно, хочу узнать, работает ли. Сделайте это для меня, хорошо?

Бела кивнула. Отказываться было бы глупо.

Глава 9

Может, помог амулет, может, что-то другое, но сон не возвращался. Впрочем, и спокойными ее ночи нельзя было назвать. Дневные события выматывали все больше. Сначала похороны, потом княгиня объявила, что через неделю она с дочерью и свитой уезжает в Салек.

Бела почему-то совсем забыла о привычке паннонских князей летом отдыхать в загородном дворце на берегу соленого озера с лечебной водой. Самой ей собирать было нечего, но те, кто жил при дворе постоянно, за подготовку взялись основательно. В замке стали появляться выписанные из города портные, мастера-оружейники, плотники и сапожники. Летний выезд княжеской семьи – это целое торжество, с шествием и выступлением артистов.

Но графиня Тиа в общем веселье участия не принимала и вообще надолго исчезала из дворца. У многих Бела замечала встревоженные и усталые лица. Князь Берток застал пьяным и самолично наказал стражника, да так, что тот угодил на операционный стол доктора Нада…

Бела старалась все запоминать и ни во что не вмешиваться.

* * *

День на четвертый после смерти отца она проснулась от шума в коридоре. Прозвучал топот множества ног, кто-то выкрикнул невнятный приказ, зазвенел металл.

Вскочила с кровати – сна ни в одном глазу. Началось? Она почему-то сразу поняла, догадалась, что это начался переворот. Последователи Заточенных выбрали именно эту ночь для того, чтобы взять замок. И не случайно, поняла Бела. Потому что еще день, и семья князя уедет из Агера. Исчезнет возможность устроить внезапное нападение.

Бела натянула платье, в котором привыкла тренироваться, – темно-зеленое, шелковое, укороченный вариант любимого эльфийского. Пристегнула ножны метательных ножей. Оба – на пояс! Так удобней выхватывать. Меч. Где она его вчера оставила? Бестолковый, плохо сбалансированный – но все-таки это меч. Вдруг понадобится?

Кто-то вновь пробежал по коридору, и вдруг в ее дверь ударили. Бела представила, каково было бы проснуться от того, что кто-то пытается проникнуть в ее жилище.

– Кто там?

– Откройте, миледи Вораш! Прошу вас!

Госпожа Немет? Почему она не в своей комнате?

Бела метнулась к двери, спросила:

– Вы одна?

– Да-да… Пожалуйста, откройте!

Бела открыла.

На гостье было шелковое ночное платье, состоящее из множества белых складок. Полупрозрачное облако…

– Заходите скорей!

Гостья поспешно захлопнула двери.

– Муж ушел к страже, внизу творится что-то невероятное, – поделилась она. – Сказал мне предупредить князя, но как я туда попаду? На этаже уже сражаются…

Бела прикинула путь и решила, что к комнатам князя действительно идти долго, да и парадной лестницы не миновать. А вот до апартаментов княгини добраться проще. Вход в ее комнаты – этажом выше, но в том же крыле. И все же госпоже Немет, в белом пеньюаре и без всякого оружия, делать там нечего.

«А тебе, Бела? – спросила она у себя. – Неужели есть ради чего сейчас бежать, будить княжескую семью? Если их уже не разбудили».

А может, и есть…

Шансов у заговорщиков немного, замок хорошо защищен. И если победит все-таки двор Бертока, новому послу будет намного проще вести переговоры, если Бела сейчас открыто его поддержит.

Она осторожно приоткрыла дверь. Шум стал сильнее.

– Запритесь и не выходите, пока я не вернусь. И ставни лучше закрыть… мало ли.

– Будьте осторожны, графиня!

У парадной лестницы сражались, и Белала свернула к той части здания, которая примыкает к служебным помещениям. Да, так дольше. Но есть шанс, что заговорщики сюда еще не добрались.

Возле библиотеки выяснилось, что она была не права. Там, на небольшой площадке, четверо бойцов замковой стражи отбивались от…

Наемники?

Это первое, что пришло Беле в голову. Оружие и доспехи у них выглядели очень по-разному, и никаких знаков отличий. А дерутся слаженно, не боятся поранить друг друга. Тоже четверо, но все целы и невредимы, а у стражников двое легко ранены.

Пока бой не кончится, мимо не пройти. Бела сощурилась, выискивая мишень, и тут же обнаружила таковую – незащищенное горло одного из нападавших. Нож привычно и удобно лег в руку и так же легко сорвался с пальцев. Наемник выронил меч, хватаясь за шею. Ноги его подкосились. Стражники воспрянули духом и принялись атаковать сами. Мишень для второго ножа все не находилась – остальные носили доспех, прикрывающий шею. Но тут Беле стало не до них. Распахнулась одна из дверей, и оттуда выскочил ничего не понимающий придворный:

– Что происходит? По какому праву…

– Вернитесь в комнату, – зашипела на него Бела.

Придворный увидел труп, высоко вскрикнул и исполнил приказ. За это время счет вновь сравнялся, стражники потеряли одного из своих.

Бела прицелилась в глаз тому из наемников, который отдавал команды. Надежды попасть было мало: он, несмотря на огромный рост, двигался очень быстро. Но не убить, так хоть отвлечь!

Второй нож отправился в полет. Как она и предполагала – менее удачно. Рукоять ударила о часть шлема, прикрывающую лоб, не причинив никакого вреда. Но стражник не растерялся, использовал момент, как нужно…

Бела перехватила меч поудобней и стала ждать: не имея на себе доспехов, вступать в бой с хорошо защищенным противником, у которого еще и оружие тяжелее, было бы безумием. И ситуация не настолько плоха, чтобы начать использовать магию.

Стражники справились. Двое наемников, один из которых обошелся царапинами, а второй – легким ранением предплечья, предпочли отступить.

Бела вышла из темного коридора подобрать ножи.

– Кто такая? – неприветливо осведомился один из стражников. – Госпожа, нечего вам тут… идите в свою комнату!

– Отставь, Жак, если б не она, мне бы голову снесли.

Бела выдернула нож из шеи наемника. Для этого неожиданно пришлось приложить усилие.

– Давно началось? – поинтересовалась она. Скорей всего, князя уже разбудили…

– Сигнала так и не было. А эти от парадной лестницы пришли. Савур жив, давайте его в библиотеку! И вниз!

Пусть солдаты идут вниз, их помощь там сейчас очень нужна. А Бела пойдет вверх. Там должно быть пока тихо.

Вот и лестница. Чаще ею пользуется прислуга, но сейчас то, что она в стороне от главных залов, даже хорошо. Скорее!

Сверху раздался отчаянный женский крик. Бела заторопилась. В левой руке – метательный нож, в правой – меч. Его долго пристегивать к поясу, а о ножнах она не успела позаботиться.

Труп служанки. Перешагнуть. Куда дальше?

Коридор заканчивается небольшим круглым залом, в который выходят двери княжеских комнат. В зале полно наемников, при них кавалер Зергин. Командует. Мертвые стражники, четверо. Правильно. Двое охраняли покои княгини, двое – выход на этаж. В апартаменты князя Бертока можно войти из такого же точно зала, но с другой стороны здания. Наемников человек десять, и они выносят двери комнат, подбадривая себя криками.

– Графиня Вораш! – воскликнул Зергин. – Вы с нами! Трансильвания с нами!

Бежать стало поздно.

Бела едва заметно кивнула. Это хорошо, что он так решил. Хорошо, что ошибся. Обычным оружием с такой толпищей никто в одиночку не справится. Магия – другое дело. Но нечего раньше времени показывать все имеющиеся козыри.

Да и магу, если честно, в этой ситуации пришлось бы ой как нелегко. А Бела не была настоящим опытным магом.

Наконец двери перестали сопротивляться. Высокие арочные створки, сделанные из мореного дуба и покрытые тонкой резьбой, распахнулись. Одна повисла на сорванных петлях, вторая вовсе упала. Наемники ворвались внутрь. Зергин заскочил следом, и только Бела медлила.

Не может быть, чтобы до этого момента князь Берток ни о чем не подозревал и спокойно спал. Успел ли он выбраться? Успел ли вывести семью?

Скорей всего, так и было. Кто-то же запер двери, да не просто запер, завалил их изнутри так, что наемникам пришлось попотеть, открывая…

Из комнат раздались крики, полные разочарования. Потом начало падать что-то тяжелое – нападавшие крушили мебель. Значит, внутри оказалось пусто. Хозяева успели уйти.

Покои князей имеют общую гостиную и детскую. Примерно так же располагались комнаты князя Эрно этажом ниже.

Бела вошла. И правда, они опоздали. Пуст даже тайник, в котором княгиня хранила украшения.

Внезапно снова раздались крики и шум. Белала, отбросив сомнения, побежала туда и обнаружила Зергина в комнатах князя, у раскрытой потайной двери, ведущей на винтовую лестницу. Сомнений не оставалось – именно там и скрылись те, кто ранее забаррикадировал изнутри двери. Один из наемников

сунулся вниз, но Зергин его одернул:

– Там могут быть ловушки. Ты маг?

Тот побледнел и отступил.

– Я посмотрю, – сказала Бела.

Шанс оказаться внизу раньше наемников упускать не следует. Что она будет делать дальше – это вопрос. Постарается их задержать. Например, установив еще ловушек, вдобавок к тем, что наверняка уже стоят… пусть она и не способна изобрести чего-то сложного или мощного…

Правда, пришлось потратить минуту на то, чтобы вернуть меч на пояс.

Ловушек не было. Ни действующих, ни уже разряженных. Ругаясь про себя, она спускалась. Торопилась – наверняка самые нетерпеливые сунутся следом.

Лестница заканчивалась низенькой деревянной дверью. Полуоткрытой. И если за ней не ждет сейчас стражник с арбалетом, значит, дело совсем плохо. С улицы тянуло ночной свежестью и розами.

Она прислушалась – тихо. Как будто в стенах замка сейчас не кипит кровавый бой…

Толкнула дверь. Та скрипнула, отворяясь.

Впереди, в лунном свете, Бела увидела что-то большое и светлое. Это светлое лежало посреди дорожки, ведущей к фонтану в центре маленького дворика. Раньше Бела никогда сюда не попадала, даже из окна никогда этого места не видела. Но фонтан был как на ладони, и лучи луны играли в его струях.

Внимание девушки привлекло движение справа от приметного белого пятна. Глаза уже привыкли к темноте, и она разглядела человека, который, чуть наклонившись, то ли что-то ищет, то ли высматривает в глубине зарослей.

– Ну, иди сюда, мерзавка! – услышал вдруг Бела тихий голос. – Иди сюда, я тебя все равно достану, не уйдешь!

Бела осторожно ступила на камни дорожки, шепнув заклинание отвода глаз. Простенькое это заклинание не защитит, если кто-то будет высматривать именно тебя, и уж тем паче, если этот кто-то знает твое имя. Но вот от случайных зрителей уйти поможет.

Дорожка оказалась засыпана крупным белым песком. Он не шуршал, и шаги получались легкими и неслышными. Вот и белое пятно. Никакое это не пятно – белое платье или даже пеньюар.

Бела склонилась над телом, хотя уже почти не сомневалась, что видит княгиню. И точно. Княгиня была мертва, без всяких сомнений, – ее убили выстрелом в спину. Из арбалета. Она лежала ничком, из руки выпала небольшая деревянная шкатулка.

Должно быть, та самая, из тайника.

Кого же тогда высматривает в кустах этот… наемник? Э, нет. Кто-то из благородных господ дворян. Не князя же он там ищет?

И тут Бела догадалась. Разумеется, не князя. Но могла ли княгиня попытаться покинуть замок и оставить там, в опасности, дочь? Да нет, конечно…

– Давай же, маленькая дрянь… – вновь забормотал убийца.

То, что это он убил княгиню, можно было не сомневаться – в правой руке он все еще держал арбалет. Не армейская модель, что-то легкое и удобное. Армейский Бела пыталась поднять еще дома. Ну да, подняла. И поняла сразу, что таскать его на себе она еще в силах, а вот прицелиться во что-нибудь из этакой дуры – уже никакие тренировки не помогут…

То ли дело компактный самострел этого дворянина. Стоит, наверное, как пять армейских, и выполнялся на заказ, под конкретную руку.

Дворянин не носил доспехов. Верней, он носил кожаный нагрудник, который оставлял открытым и шею, и живот. Очень опрометчиво! Бела метнула нож. Промахнуться с такого расстояния по неподвижной мишени она просто не могла. И не промахнулась бы, если бы враг не двинулся в сторону как раз тогда, когда нож оторвался от ее руки.

Дворянин, услышавший шорох, резко обернулся. Бела дернула меч. Непрочное крепление позволило легко высвободить его, но противник тоже оказался вооружен не одним лишь арбалетом. И сражаться он умел намного лучше, чем трансильванская графиня. Ее-то учили этому делу лишь потому, что она была наследницей Белферана, у которого так и не случилось сыновей. И наследовала она не одни земли, а еще и родовое оружие, владеть коим может только прямой потомок рода…

Этот великолепный, гномьей работы клинок лежит себе тихонько в сокровищнице замка и знать не знает, чем приходится пользоваться хозяйке…

Как же она ненавидела когда-то эти тренировки. Пожалуй, лишь чуть меньше, чем вышивание. Ну еще бы… разве интересно прыгать по боевой площадке с деревяшкой, когда приятели как раз обживают отстроенный над рекой шалаш?

Если бы друзья ей при этом люто не завидовали, она бы, наверное, так ничему и не научилась.

Бела поняла, что в состоянии только обороняться, и то с большим трудом. Того и гляди, спустится из княжеских комнат Зергин и его отряд…

Она чуть не пропустила выпад, как вдруг противник

вскрикнул и оступился. Упустить этот шанс Бела не могла – шагнула вперед и прикончила врага. И тут же увидела, кому обязана победой.

Княжна Лисия сидела на мокрой траве и судорожно сжимала в руках Белалин метательный нож. Только что она ударила им дворянина, куда смогла дотянуться из своего укрытия. В ногу.

Он был еще жив: двигались, шарили по земле руки. Бела прикусила губу и ударила его снова, пониже нагрудника. Боялась, что в шею не попадет. Ее замутило от осознания, что она только что впервые лишила жизни не подготовленную жертву и не какую-то курицу или барана…

Барана бывало жальче. А этот хотел убить княжну, которой едва исполнилось двенадцать.

– Лисия, ты не ранена? Ты можешь идти?

Та отчаянно замотала головой.

Бела вздернула девочку на ноги:

– Давай быстрей!

– Не туда, – запротестовала княжна. – Здесь есть где спрятаться. Кладовка садовника. Про нее никто не знает!

– Так вы туда шли?

Она вновь замотала головой:

– Нет, к подземному ходу. Но я не знаю, как открыть дверь. Мама не говорила… И этот не говорил.

– Он был с вами?

– Да, но потом велел нам идти вперед. Мы пошли… А он маму… А я в кусты…

Бела решилась:

– Где эта кладовка?

Кладовка была что надо. В темной нише у стены замка. На вид – ниша и ниша. Только знающий человек найдет узкую и неудобную дверь. В кладовке хранились лопаты, лейки и другой садовый инструмент. Бела проследила, как Лисия в нее забралась, и сунула туда же трофейный арбалет. Пользоваться она им не умеет, но и Зергину отдавать жалко. К тому же пусть все считают, что из арбалета стрелял не этот убиенный предатель, а кто-то совсем другой. Кто-то из заговорщиков. Она тщательно прикрыла дверку. А теперь – бегом обратно!

Зергина и двоих наемников она встретила у лестницы.

– Здесь кто-то побывал до нас. Княгиня и ее спутник мертвы. Но других людей нет – я обшарила сад. У княгини нашлось вот это.

Она отдала Зергину шкатулку. Тот обрадовался, но вслух ничего не сказал. Обернулся к помощнику:

– Зачем они сюда шли?

Наемники обшарили двор, но тоже не обнаружили ничего примечательного. И все же прошло не менее четверти часа, когда Зергин отдал команду возвращаться. Бела решила, что в замке не найдется другого такого тихого места, как этот потайной сад, и оставила Лисию там, поспешив за наемниками. Может быть, за это время князя уже убили?

* * *

Коридоры, в которых полно покойников, как из тех, кто оборонялся, так и из нападавших. Пожар в одной из малых гостиных. Никто не тушит, но и пожар так, слабенький, тлеет поломанная мебель, шторы уже прогорели. Выломанная дверь в чью-то комнату. Внутри кто-то надсадно стонет. Звон мечей, крики впереди по коридору. Бела прибавила шагу.

Очередной зал перегораживала баррикада из мебели, но оборонительным сооружением быть она перестала. Да и рядом с ней живых не осталось. Ближайшие живые находились по другую сторону зала, у входа в следующий коридор.

Первым Бела увидела князя Бертока. С ним было с десяток стражников и дворян, а также Ферг. Только благодаря его магическому щиту все они оставались еще живы, потому что обороняться приходилось сразу от четверых темных.

Сейчас, правда, те стояли и выжидали, когда Ферг ослабит защиту. Но это не значило, что случилось внезапное затишье – магам недавно, буквально только что, пришло подкрепление в виде отряда мечников, и сейчас эти самые мечники пытались смести стражников и добраться до Ферга и князя.

Магический щит против обычного металла – не щит. Зато гарантия того, что солдаты, прикрывающие отступление, не падут от удара огненного шара или молнии.

Один из магов Хаоса как раз и влепил по нему на пробу молнией. Время огненных заклинаний давно прошло. Пора всерьез прощупать слабые места в Ферговой защите…

Бела прикусила губу. Если бы доктор не был там единственным магом… Ведь сейчас достаточно одного-двух лучников, и у тех, кто рядом с князем, шансов не останется. Вот и еще один стражник упал.

Ее вдруг словно ледяной водой окатило – поняла, что Ферг ее увидел.

Увидел и понял ее появление как мог. А как он еще должен был это понять? Стоит дура и смотрит, как убивают своих…

Своих?

Так легко это оказалось принять. Белала подняла руку и ударила по магам Хаоса тем самым простым и разрушительным заклинанием огня. И тут же отступила в коридор, прикрываясь.

Ответный удар оказался хлесткой плетью разрядов молнии. Бела ушла под щит, радуясь, что свойства наговоренных молний все же существенно отличаются от свойств молний реальных.

Снова огнем. Но не в полную силу. Так, чтобы появилась возможность высунуться и метнуть нож. Удачно! Маг прикрылся от огня, это для него не сложно, это для него азы, но не смог предугадать опасности от летящей стали. Он охнул, оседая. Двое других направили на Белу пепельный шторм. Щита от этого заклятия у нее не было – Бела просто упала ничком, надеясь, что это поможет. Не очень помогло: плечи обдало жаром, словно обварило. Она услышала:

– Назад!

И послушалась приказа, надеясь, что он был отдан именно ей.

Краем глаза она увидела, что стражников и их противников осталось примерно поровну, и это не могло не радовать.

И тут в коридоре появился Зергин. Он заметил Белу издалека и поднял в приветствии руку. Но она не стала отвечать – ударила огнем. Знала, что среди них нет ни одного мага. На всю жизнь ей предстояло запомнить и это – как кричат люди, которых она только что убила. Сожгла. Это пламя с себя не скинуть и не стряхнуть, оно будет гореть, пока не останется даже пепла. Это – магия, усиленная Хаосом. Это она, та самая, что никогда не требует расплаты. Та, которую она раньше так боялась опробовать. Почему боялась? Это же так действенно. Раз, и все. Нет людей. Только огонь. А огонь, он очищает.

Белала и сама была готова закричать…

Она сжала в руке второй из своих кинжалов. Чем теперь прикрыться? Из всех доступных ей заклинаний самым действенным был огонь. Но от него маги защищены. Что еще?

Как бы так посмотреть на поле боя, не высовываясь из убежища? Надо будет обязательно придумать какое-нибудь такое заклинание. Или найти. Бела выдохнула, прикрыла глаза, сосчитала до пяти. Если ничего, кроме огня, у тебя нет, значит, будешь действовать огнем. Если нет возможности сжечь врагов, сожги пол, на котором они стоят…

Бела увидела – под защитой Ферга князь отступает по коридору. Сам доктор не двигается с места, и солдаты, которые выжили, – а это ведь не замковая стража, это гвардейцы, гусары! – тоже не двигаются. С Бертоком лишь двое. Князь сильно хромает.

Что они задумали? Куда идут?

Рассуждать было некогда. Заклинание отвода глаз! Надолго не поможет, но, возможно, позволит подобраться к врагу ближе. Обожженная колдовством спина все еще болела. Бела устремилась к нагромождениям мебели в центре зала. Успешно? Да! Если бы они так усердно не занимались Фергом и его магическим щитом, ни за что бы не удалось. А Ферг силен! Никогда бы она не подумала, что комплексный щит один-единственный маг сможет поддерживать больше минуты.

Второй нож отправился в полет – и снова успешно. Теперь против Ферга осталось всего двое.

Но враг тоже предупрежден! Вот уже их мечники отступают, выходят из схватки, стремясь окружить защитным кольцом темных магов. Почему среди них нет лучников? Или арбалетчиков?

А, они были. Вон же арбалет. Жаль, не дотянуться…

Ферг что-то приказывает гусарам. Бела слышит голос, но не может разобрать слова. А потом он попросту идет вперед. В руке – меч, никакого жезла, никаких амулетов, накопителей силы. Он пользуется только тем, что может сам. Это выглядит страшно. Удары огня он отводит мечом. Молнии – словно перерубает. Пепел и вовсе не долетает до него, осыпается серой пылью и тут же исчезает.

Он выходит в центр зала за несколько шагов. Маги сами виноваты. Они сами приказали своим солдатам отступить. Если бы не это, Ферг был бы вынужден сражаться еще и с ними.

Бела вновь шарахнула огнем по наемникам – безрезультатно. Зато она поняла, что сейчас будет. Сейчас эти прикрытые солдаты попробуют порубить доктора на тысячу маленьких Фергов.

Смотреть на это Беле не хотелось, и она перевела взгляд на коридор, который только что покинула. Что это?! Солдаты, форма Агерского пехотного! Большой отряд, усиленный магом!

Бела выскочила из укрытия и ударила по темным не оформленной в заклинание чистой энергией.

Так делать нельзя. Это глупо, это может выжать неопытного колдуна досуха, это может оказаться бесполезно.

Но это должно дать Фергу несколько секунд, чтобы защититься…

Ответный удар отбросил ее на ломаную мебель. В глазах потемнело. Белала увидела, как к ней прыгнул один из наемников, и успела выставить меч, отводя удар. Именно в этот момент в зал ворвались солдаты. Их оказалось существенно больше, чем врагов.

Кто-то выдернул Белу из кучи мусора за локоть. Оказалось – Ферг. Протянул ей ее метательные ножи:

– Прикрой князя. Он остался без магической поддержки. Отступает к парадной лестнице. А я здесь закончу.

Выражение лица доктора не сулило врагам ничего доброго.

Белала кивнула. Спину продолжало еще немного жечь. Но не признаваться же? Князь ушел с поля боя уже минут пять тому назад, мог успеть далеко ухромать. Нужно было торопиться…

Когда Бела спустилась на этаж, все уже случилось: лучник, затаившийся на верхней галерее, оказался меток…

Его, конечно, сняли, и тех немногих врагов, что еще пытались удержать лестничный пролет, выбили тоже. Но факт оставался фактом – князь Берток был тяжело, возможно, смертельно ранен. Один из солдат хотел вытащить стрелу, но Белала не дала – где-то слышала, что как раз это может убить раненого.

Его уложили на сдернутую с окна плотную штору и перенесли в ближайшие апартаменты. Берток тяжело дышал и был без сознания.

Там, где стрела входила в тело, одежда пропиталась темной кровью. Такие раны лечить она не умела. Может, справилась бы с перевязкой, но не более того. Ограничилась тем, что попросила солдат-помощников передать Фергу, где их искать.

– И пусть кто-нибудь сходит в госпиталь. Там сейчас дежурит доктор Над.

Командир поредевшего отряда гусар обещал, что отправится сам.

Но первым, всего через несколько минут, явился высокий тощий мужчина в недорогом кафтане. Он Беле сразу не понравился.

– Идите вон, – сказала она.

– Я врач! – возмутился посетитель.

– Ну так идите, лечите! Здесь богатый выбор пациентов.

О том, что замок удалось отстоять, сообщил Белале один из тех гусар. Новость была хорошей – с одной стороны. С другой – она чувствовала: ничего еще не кончилось. Князь пока жив, да. Но удастся ли его спасти? Кому можно доверять, кому нельзя? Что, если кто-то из общины выжил и сейчас скрывается в замке? Она же не помнит всех в лицо. Белферан мог запомнить за одну встречу всех, кого на ней видел, даже если мельком. Белала так не умела.

Потом приходили еще какие-то люди. Предлагали помощь. Говорили, что будут охранять князя. Бела их тоже прогоняла – все они были ей незнакомы. Каждый из них все еще мог быть убийцей.

И лишь через час она услышала наконец знакомый голос:

– Меня-то пустите?

– Конечно. Рада видеть вас живым, доктор.

Кивнул, пропуская Белу вперед. Оставил у входа двух солдат. Подошел к постели раненого, покачал головой:

– Как же ты так…

– Сдохну? – поинтересовался очнувшийся князь шепотом.

– Попробуй только. Бела, надо сходить в госпиталь за хирургом. Отправьте кого-нибудь…

– Уже. Сейчас еще кого-нибудь пошлю.

– Хорошо. Давайте.

Ферг стоял над кроватью, на которую уложили раненого, вцепившись обеими руками в собственный широкий пояс. Бела подумала: Фергу черный цвет к лицу. Лучше, чем белый.

Она выглянула наружу, объяснила, что нужно делать, одному из солдат, охранявших дверь. Тот не хотел идти, но пошел, стоило только изнутри на него рявкнуть доктору.

– Теперь идите сюда. Давайте. Нужно освободить его от одежды. Это несложно. Вы справитесь. Только старайтесь не задеть стрелу.

Бела в удивлении перевела взгляд на доктора. Тот поморщился на ее немой вопрос и показал собственные руки ладонями вверх. Руки сильно тряслись. Он тут же вернул их обратно на ремень.

– Доколдовался, – пояснил он для непонятливых.

Бела торопливо кивнула и склонилась над князем. Тот смотрел на нее тоже. С внимательным ожиданием.

Ткань пропиталась кровью, но не так, чтобы сильно. По ее мнению, крови могло быть значительно больше.

Все-таки одежду князьям шьют из особо тонкой ткани. Бела легко срезала лоскуты вокруг стрелы, добралась до кожи.

Когда наконец прибыли врачи из госпиталя, Бела как раз закончила раздевать князя. Доктор Над окинул комнату грозным взором и сообщил:

– Нужен стол и свет!

Ди Годер, бормоча что-то невнятное, принялся раскладывать на подоконнике инструменты.

– Эй, Ферг! – окликнул доктора князь. – Ты моих не бросай, слышишь?

И Бела тут же вспомнила: ночь, потайной садик. Мертвая княгиня. Лисия, спрятавшаяся в кладовке садовника. Надо пойти за ней… Надо сказать…

Ферг кивнул.

Подошел к сумке ди Годера, принялся шарить в ней, даже не подумав спросить разрешения. Вытащил кулек с каким-то порошком.

– Э!.. – заикнулся хирург. Но потом только махнул рукой. Ферг не думал его слушать. Прихватил со стола хрустальный бокал на длинной витой ножке, чуть не разбил. Бокал жалобно звякнул, но устоял каким-то чудом, а вот часть порошка просыпалась. Кончилось тем, что доктор Над сам составил смесь и разбавил водой из собственного запаса.

– Лучше бы вы пошли спать, коллега, – посоветовал доктор Над, правда, никакой уверенности в его голосе не было.

– Да, конечно. Позже, – кивнул Ферг и обернулся к Белале: – У меня-то дела, а вот вам стоит воспользоваться советом. День будет долгим.

Ну еще бы…

Она взглянула на Бертока, но тот лежал, прикрыв глаза. На всякий случай Бела перешла на шепот:

– Доктор, вы должны знать. Княгиня погибла. Ее убил кто-то из придворных, я не узнала в темноте. Но княжна жива.

Ферг приподнял брови:

– Уверены? Они должны были покинуть замок, как только поднялся шум.

– Они не успели. Их сопровождал человек… дворянин, судя по одежде. Было темно, говорю же! Я не разглядела. Зря княгиня ему доверяла. До тайного хода они не дошли.

– Понятно. Где сейчас Лисия?

– Там сад с розами и фонтан. Я не бывала там раньше. Она спряталась в кладовке с садовыми инструментами. Такая напуганная, она вряд ли решилась бы выйти.

– Прошло много времени.

Ферг с силой потер лицо, погружаясь в какие-то свои невеселые размышления. Бела терпеливо ждала.

– Надо ее вывести из замка. Но так, чтобы это осталось тайной. Зачинщики заговора в перевороте не участвовали, они живы-здоровы и считают, что вне подозрений.

– Я понимаю. Но…

– В Запертых комнатах… Держите ключ.

Ключ от Запертых комнат Ферг носил в поясе. Бела легко поймала связку и отметила, что руки у доктора больше не трясутся. И стоит он уже вполне прямо. Ай да порошок у доктора ди Годера…

– Подойдите к портрету Эдит. Помните его? На раме справа шишечки. Три штуки. Надавите на них и сдвиньте внутрь рамы, до щелчка. Откроется винтовая лестница, это спуск в систему подземных ходов. У Китшоэ солидные подвалы… Но вы идите прямо, не сворачивайте. В конце концов придете в подвал хосписа. Найдете Элайзу, расскажете, что здесь… происходит.

– А вы?

– А я буду наводить здесь порядок.

Бела вновь в удивлении посмотрела на доктора. Тот досадливо пояснил:

– А кому еще-то? Не Лисии же, в самом деле. Берток ранен. Других родственников у него нет…

Значит, все-таки родственник. Это нужно будет обдумать. Потом.

Бессонная, полная тревог ночь сказалась на связности Белалиных мыслей. Она решила: будет все запоминать, а обдумает после…

Она уже отвернулась, чтобы отправиться в покои княгини, а оттуда по лестнице в тайный сад, где несколько часов одна, в темноте, ждет маленькая Лисия. Она даже сделала первый шаг, как вдруг услышала:

– Графиня! На чьей вы стороне? Сейчас.

Вопрос заставил сбиться с шага. На чьей? Как будто камень, прилетевший в спину. На чьей стороне?

– Не знаю, доктор. Но надеюсь, что на своей!

Спину прямо, и вперед. Самой независимой из походок! Пусть смотрит. И пусть думает, что хочет. И идет, куда хочет…

* * *

Лисия спала. Спала, свернувшись калачиком на горе мешков и ветоши, неподалеку от входа. Если бы Белала не увидела это воочию, она ни за что не поверила бы, что на таком маленьком пространстве можно хотя бы удобно сидеть, а уж тем более – спать. Она легонько тронула девочку за плечо. Та вздрогнула, просыпаясь.

– Пойдем, – сказала Бела.

– Куда?

– Ферг сказал, нам нужно выбраться из замка.

– Мы проиграли сражение?

– Нет. Мы победили. Но в замке могут еще скрываться враги.

– Никогда нельзя знать точно, кто враг, кто друг. Я никогда никому не стану доверять.

– Я не враг, – вздохнула Бела. – Если будет страшно, закрой глаза.

– Еще чего. Считаете меня маленькой дурочкой? Наш камердинер – это он убил маму! – он тоже так считал.

– И что же ты собираешься делать?

– Мстить!

– Кому?

– Всем им! Всем, кто напал на замок!

– Лисия, те, кто напал на замок, уже почти все убиты. Кто-то из них в плену, но это не важно. На свободе остались те, кто готовил заговор. И ты не можешь знать точно, кто они…

– Я узнаю! И всех их убью! Как они маму!

– Для этого тебе самой нужно остаться живой. Понимаешь меня?

– Конечно. Сейчас вернемся в замок, и я прикажу…

– Княжна, сейчас все думают, что вы тоже погибли. Нам не стоит их разубеждать. Враги будут действовать свободней, если сочтут, что из княжеской семьи не спасся никто. И тогда мы сможем судить, кто из придворных был причастен к заговору…

– Значит, – внезапно упавшим голосом спросила отважная мстительница, – мой отец тоже погиб?

– Он ранен. Но лекари делают все возможное, чтобы его спасти. Я думаю, он выживет.

– А Ферг?

– Ферг в замке. Собирается наводить порядок.

Бела подумала, что самое время узнать еще что-нибудь о скрытном докторе.

– Кто он тебе? Родственник? Может, дядюшка?

Хотя какой он дядюшка.

Девочка нахмурилась:

– Он доктор. Я не знаю. Отец с ним все время ругается. А потом делает вид, что ничего не было. Я думаю, они старые друзья.

«Возможно», – подумала Бела.

Надо будет сказать кому-нибудь, чтобы забрали из садика тела княгини и ее камердинера. Хорошо, что за разговором удалось провести княжну мимо.

* * *

В Запертых комнатах все было так, как Бела запомнила. Сюда никто не врывался, не крушил мебель. Сквозь плотные шторы проникал тусклый дневной свет, в его лучах кружились пылинки.

Бела без труда нашла нужные шишечки и открыла тайный ход. Здесь тоже была винтовая лестница, точная копия той, по которой они только что возвращались в княжеские апартаменты. Бела, справедливо полагая, что внизу будет темно, затеплила свечку и передала княжне. Благо и сами свечи, и серные каминные спички лежали на видном месте. Не иначе, доктор

позаботился.

Лисия бестрепетно отправилась вниз, а Бела задержалась у портрета.

Он сказал: «Эдит». Не княгиня Эдит, не княгиня Шорош. Просто Эдит. И у него ключ от этих комнат. И с Бертоком они родственники, хотя степень родства и непонятна. Бела сдернула ткань с эскизного портрета Эрно Шороша. Вгляделась в уверенно, но несколько грубо намеченные черты. Попыталась мысленно дорисовать бороду…

– Боги мои… – вырвалось у нее.

«Доктор, я, кажется, разгадала вашу тайну. Это вышло случайно.

Доктор, я должна написать об этом в Сибу. Вы нужны магам Трансильвании. Вы или ваши записи. А лучше и то и другое.

Я должна это сделать, я приехала сюда именно для этого».

Бела вглядывалась в лицо Эрно. Кто он для жрецов? Кто он для магов Сибу? Зачем он им? Чтобы убить?

Совсем недавно ей было все равно.

Вспомнилась первая встреча с ним – тысячу лет назад, возле храма Заточенных. И то, как преданно на него смотрел Имре. А ведь Имре даже не его ученик. Имре учится у хирурга из Иллирии, невысокого суетного человека, который никогда не смотрит в глаза.

Белала зажмурилась, усилием воли сосредоточиваясь на главном.

Но как сосредоточиться, если все равно от себя не уйдешь, и что теперь делать с новообретенным знанием? Забыть? Сделать вид, что не догадалась? А как? Он же, почти не скрываясь, ответил на все вопросы этим своим: «Я буду наводить здесь порядок, потому что больше некому».

«Я ничем не заслужила такого доверия. Зачем вы так? Словно специально подставляетесь под удар. Наверное, всю правду о вас не знает даже князь Берток. А я не хочу вашей смерти. Слышите? Но вы же понимаете, вы прекрасно понимаете, что я буду обязана написать об этом. Рассказать об этом.

Доктор, я не хочу вас предавать. И не стану. Я так решила. Вы спросили, на чьей я стороне. Но оказывается, я не знаю правды ни о той, ни о другой. О чем-то догадываюсь, что-то слышала, но правды не знаю. И потому буду дальше делать так, как велит моя совесть. Я знаю, вы уверены, что у меня такой штуки нет и не было. Но это неправда. Я буду поступать так, как считаю правильным и честным».

Нужно было спешить – наверное, Лисия уже добралась до подземелья…

* * *

Пожалуй, Бела не смогла бы проникнуть в госпиталь с улицы. Как только на рассвете гусары сообщили, что в Китшоэ переворот и что князь ранен, Элайза распорядилась запереть ворота и закрыть все двери. Все, кроме парадных. Но парадные – очень массивные, окованные железом. Их не вдруг вынесешь, если кому и придет в голову такая блажь. И железная задвижка достаточно велика, чтобы выдержать натиск. А если кто за помощью придет, с ними и через дверь можно поговорить. Или через окно. Пациенты и персонал не упускали возможности посмотреть в окно: ближе к полудню в сторону замка потянулись горожане. Некоторые были вооружены.

Бела передала Элайзе новости. Та разохалась, устроила княжну в отдельной комнате по соседству с той, в которой сначала ночевала сама Бела, а потом нанятая ею сиделка. Долго и с пристрастием расспрашивала Белалу. Потом сжалилась. Отвела в прачечную, где обнаружилась банная комната, и даже предложила чистое платье…

Через час Бела уже спала в комнатушке, которую считала почти своей…

Проснулась, когда солнце начало клониться к вечеру. Госпиталь казался пустым, было тихо. Однако встреченный ученик рассказал, что из замка поступили раненые и бóльшая часть персонала сейчас занята ими. А кто не занят, тот помогает в хозяйственной части…

Это было как раз то, что нужно, и Белала отправилась искать Элайзу, чтобы предложить ей свою помощь. Первым, правда, ей встретился Имре. Парень только что вернулся и выглядел встревоженным.

– В городе неспокойно. Кто-то приказал удвоить стражу, но это не очень-то помогло. Сейчас на Театральной была такая драка! Наверное, пострадавших к нам доставят… кого не потащат в казематы. И на рынке мало кто торгует. Я уже думал, останемся мы без продуктов на завтра. Но ничего, договорился. А у старой ратуши настоящий бой! Полиция никого близко не пускает. Пришлось дальней дорогой обходить.

Больше новостей не было. Только слухи. Элайза готовилась к большому наплыву пациентов. Ученикам, которые оказались под ее опекой, запретили выходить в город. Некоторые целители и лекари Лиги перебрались из частных клиник и кабинетов в госпиталь. Но многие жители, пострадавшие в дни переворота, предпочли лечиться дома – боялись оставить родных.

И все равно тяжелораненые были, и рабочие руки госпиталю

требовались всегда…

Бела маялась. Ей требовалось знать, что происходит в замке. Словно от этого зависела ее собственная жизнь. И тем сильней была тревога, чем доступней возможность удовлетворить любопытство: теперь-то она знала тайный ход. И ключи от Запертых комнат всегда носила с собой.

Глава 10

Восстановить порядок в разгромленном замке – та еще задача. Но к полудню с ней было покончено. Замковую стражу увеличили за счет города. Из коридоров и комнат убрали трупы, раненых перевезли в госпиталь. Дознаватели следственного приказа приступили к допросу выживших.

К комнате, в которой врачи боролись за жизнь князя, потянулись лакеи. Их хозяева желали удостовериться, что князь жив. Кого-то смерть Бертока расстроила бы, ибо неминуемо сразу за этим изменился бы весь уклад придворной жизни. Кто-то был бы только рад. В основном те, кто имел дальние родственные связи с правящим домом. Но эти-то как раз благоразумно помалкивали…

В конце концов Ферг распорядился никого близко не подпускать к раненому.

Пригласил плотников и стекольщиков из городской гильдии – кое-где здание требовало ремонта. Особенно сильно пострадали оба зала и галереи первого этажа.

Долго, почти час, выяснял отношения с казначеем.

В результате дело кончилось тем, что с любым вопросом что мастеровые, что военные, что прислуга стали обращаться к нему. Как ни странно, вестовые и посыльные из города несли новости тоже ему.

В отличие от замка, где победы удалось добиться за одну лишь ночь, старая ратуша, университет и три из четырех почтовых станций были захвачены и все еще удерживались врагом. Хотя полиция и стража делали все возможное, по их собственным словам. Враг проигрывал и оттого дрался только злее…

Ближе к вечеру в Китшоэ начали возвращаться дворяне. Те, которым было где жить в городе. После ночи, полной тревог, следовало отдохнуть, так что многие покинули разгромленный замок, чтобы не видеть творящегося там безобразия.

Но любопытство и желание участвовать в исторических событиях все равно пересиливали, и ушедшие возвращались. Возвращались, чтобы с умным видом бродить по коридорам и раздавать ценные указания. Чтобы сетовать друг другу на разор в покоях и ругать этого самозванца, который, похоже, решил под шумок прибрать к рукам власть в стране. Кто бы ему еще дал…

В замок вместе с ними прибывали тревожные вести. Случилось несколько больших драк, население вооружалось и выходило на улицы. Люди ждали продолжения… Хорошо, что еще

утром по просьбе Ферга кавалер Лус предупредил капитана городской стражи о возможных беспорядках. Тот принял предупреждение близко к сердцу и распорядился вывести на улицу дополнительные патрули. Более того, он не счел зазорным попросить помощи у расквартированного в Салеке гусарского полка. Те только порадовались возможности покрасоваться в столице в полном облачении со всеми знаками отличия и наградами.

И самые большие опасения вызывал у Ферга Совет Мудрецов. Конечно, он теперь обладает не такой силой и влиянием, как полвека назад, но считаться с Мудрецами придется. Это Берток мог игнорировать настоятельные просьбы и предложения городских цехов и общин, но тоже лишь до поры. Сейчас, когда князь ранен и очевидно, что со своими обязанностями справляться не может, они неминуемо постараются усилить свое влияние…

Ферг, однако, решил, что открытого выступления членов Совета можно ждать не раньше следующего вечера, и временно выбросил их из головы, тем паче других проблем все еще хватало.

И ошибся.

А виной тому оказалось стечение обстоятельств, которого никак нельзя было предугадать.

Сначала глава Совета Мудрецов случайно, но очень удачно встретил в одном из коридоров второго этажа главу Агерского дворянского собрания. И тот, в отличие от всех их предыдущих встреч, не стал задирать нос и изображать голубую кровь, а снизошел до вполне приветливого разговора. Что, безусловно, склонило советника к сотрудничеству с высшим агерским дворянством.

Не успели они обменяться впечатлениями о минувшей ночи, как еще одно обстоятельство ворвалось в тот же коридор, полное рвения и чувства ответственности. Обстоятельство это имело облик юного слуги, совсем недавно принятого в штат и потому робкого, не успевшего еще приобрести тот особый лоск, которым славны все без исключения представители прислуги всех без исключения знатнейших домов.

Проще говоря, парень, засмущавшись подойти к таким важным господам, обратился к тоже грозному, но куда менее знатному риттмайстеру[5] гусарского полка. Того самого, что в ночь восстания по приказу князя прибыл в Китшоэ и фактически обеспечил победу. Может быть, парень интуитивно счел, что один человек в форме обязательно выслушает другого, даже если его форма – это всего лишь плащ лакея…

Так или иначе, а слуга громко и четко спросил у офицера, к

кому ему обратиться, ведь в замок только что прибыл ни много ни мало, а новый трансильванский посол. И риттмайстер, не задумываясь, направил парня к Фергу. К княжескому лекарю. А вовсе не к господам дворянам и вовсе не к господам Совета.

В воздухе повисла нехорошая пауза, ни о чем не подозревающий парень убежал исполнять свое поручение. Офицер тоже не стал задерживаться в коридоре, оставив господ дворян приходить в себя от нахлынувшего возмущения.

Слуга застал Ферга за отчетами, переданными дознавателями. Получилась основательная стопка бумаг, кое-как подшитая грубой нитью. Почему-то оказалось, что окончательное решение по этим делам, делам, связанным напрямую с угрозой жизни князя и безопасностью государства, должен принимать тоже он. Больше некому. И Ферг, опасаясь вынести несправедливый приговор, закопался в бумаги.

Обычно посольские грамоты приносит никак не прислуга. Однако дипломатический кабинет еще не пришел в себя после неудачного переворота, к тому же он потерял одного из самых активных своих представителей – кавалера Зергина.

Представитель посла, страшноватый рослый полуорк, не стал долго раздумывать и поймал в закопченной после недавнего боя галерее первого же подвернувшегося человека. Пади его выбор на кого-нибудь другого, и события могли пойти совсем иным путем…

Дворяне и Совет Мудрецов договорились на удивление быстро, так что вечером в кабинет князя Бертока, временно оккупированный Фергом, прибыла целая делегация. Возглавлял ее тот самый глава дворянского собрания, граф Морто, владелец одного из самых красивых замков на южном склоне Буковой горы. Когда-то давно место главы дворянского собрания Агера бессменно занимал граф Теранен, двоюродный дед прекрасной Тианы…

А всего их пришло восемь человек. В кабинете сразу стало тесно.

– Слушаю вас, господа, – сказал Ферг, поднимаясь.

Главный – граф Морто, высокий сутулый мужчина лет пятидесяти, бывший военный. Он и вошел первым, и стоял ближе всех к столу, загораживая обзор остальным. Некоторые даже оказались вынуждены заглядывать ему через плечо. Это им плохо удавалось: граф был высок, выше Ферга.

– Нет уж, – нахмурил брови Морто. – Это я вас слушаю! Мы, представители всех сословий Агера, хотим знать, на каком основании и по какому праву вы, доктор, распоряжаетесь в Китшоэ? Даже если князь настолько плох, честнее было бы

собрать Совет и…

Он намерено выделил слово «доктор».

– Князь не умер сразу после операции, маги обещают, что не умрет и дальше. Распоряжаюсь… завтра похороны княгини. Должны были состояться сегодня, но врачи категорически запретили Бертоку присутствовать, и он потребовал перенести церемонию. Я здесь по его просьбе, не более того. Как только князь будет настолько здоров, что сможет без угрозы для жизни вновь занимать свое место, я вернусь в госпиталь.

– По его просьбе? Это может кто-нибудь подтвердить? В любом случае, вы простите, доктор, но каждый должен заниматься своим делом. Вы никогда не распоряжались ничем серьезнее вашей богадельни и должны в любом случае советоваться с кем-то, кто больше вашего смыслит в управлении государством.

– Очевидно, граф, вы имеете в виду себя.

– Я владею довольно обширным поместьем, как вы, должно быть, знаете. И у меня есть опыт, какого нет у вас… да и кроме меня есть достойные люди, которые способны…

– Граф, князь Берток обратился ко мне, потому что я единственный его родственник, который точно не имеет видов на княжеский престол.

– Родственник? Насколько мне известно, у князя нет близких родственников. Во всяком случае, среди старшего поколения. Есть троюродные дяди – князья Катор. Но вы точно не имеете к ним отношения…

– Возможно, вам не все известно.

– Послушайте, геральдические книги… – сунулся один из спутников главы агерских дворян.

Ферг терпеливо ждал, но мысль так и осталась висеть в воздухе неоконченной. Он вздохнул, спросил:

– Скажите, господа, знакомо ли вам имя Фабиана Фабриса? Известный маг, к тому же много лет стоит во главе агерского Ордена Равновесия. И родовитый италийский дворянин к тому же, хотя он и предпочитает об этом не распространяться.

Это был риторический вопрос. Конечно, в городе хорошо знали Фабриса, героя войны и отважного борца с Хаосом. И реши вдруг италиец сам занять место князя Паннонского, пожалуй, дворяне бы так не возмущались. Ах, как бы было славно, если бы душка Фабиан был местным, хотя бы графом и состоял хотя бы в самом дальнем родстве с княжеской фамилией…

– Видите ли, мастер Фабрис очень хорошо меня знает. Именно по этой причине он за все минувшее время так ни разу и не побывал в Китшоэ. Не думаете же вы, что он бы допустил

появление на месте занемогшего князя человека, который не имеет права там находиться? Впрочем, можете у него спросить сами. Он и его товарищи сейчас заняты наведением порядка в городе. Если же вы собираетесь настаивать… я готов официально представиться, но не хотел бы, чтобы это случилось до церемонии прощания с княгиней Дорикой. Надеюсь, вы отнесетесь с уважением к этому условию.

Дворяне вышли более озадаченные, чем возмущенные. Ферг был уверен, что кто-нибудь из них, не мешкая, отправится искать Фабриса. И ведь найдет. А значит, официальной церемонии не миновать… но пусть она произойдет не завтра. Завтра – похороны княгини. Завтра не нужны ни сенсации, ни скандалы.

* * *

Как будто бы небо тоже оплакивало княгиню. Дождь начался с самого утра, и ни один маг не стал разгонять хмурые и низкие тучи, нависшие над городом. Белала с самого утра отпросилась у Элайзы, чтобы вместе с другими благородными дамами из окружения хозяйки Китшоэ присутствовать на церемонии, стоять возле гроба. Она слишком недолго была в княжеской свите, чтобы успеть привязаться к Дорике. Но она была в свите – и только это имело сейчас значение.

Лисия все это время оставалась в хосписе. Однако поздно вечером перед церемонией за ней пришел Ферг: княжне следует быть во время прощания на виду. Люди должны понимать: княжеский род Паннонии не прервался. Переворот, пусть и причинил много беды, не удался в главном…

Однако же Ферг первым делом навестил не юную княжну, а мальчика, которого привез несколько дней назад. Тот был все еще плох, несмотря даже на относительно успешную операцию. Ожоги никак не желали заживать, не помогали никакие заклинания.

Бела без труда сложила два и два и была почти на сто процентов уверена, что знает имя этого мальчика. И не собиралась о своих догадках никому рассказывать. Особенно – самому доктору. Еще чего не хватало.

…Черное шелковое платье быстро покрылось мелкими капельками дождевой пыли и потяжелело. Бела стояла на траурном деревянном помосте на той самой площади у рынка, где раньше всегда шли веселые театральные представления. Ей казалось, никогда уже смех не будет здесь звучать столь беззаботно.

Она пришла одной из первых, охрана без вопросов

пропустила ее.

Мимо шагали родовитые дворяне. Бела, прислонившись спиной к деревянным перилам, незаметно наблюдала, как усатый распорядитель провожает гостей к выделенным местам. Слуги поправляли навес – он намок от воды и надулся гладкими бурдюками, а значит, мог прорваться в любой момент и окатить каждого, неосторожно вставшего под ним. На площадь постепенно стягивалось население. Дорику не то чтобы хорошо знали и любили, но жалели. Кроме того, все надеялись, что на церемонии им скажут правду – жив ли князь и чего ждать от будущего.

– Трансильванская дрянь! – услышала она полный ненависти голос за спиной.

Резко обернулась.

С этой дамой в темно-синем платье, украшенном траурными лентами, она знакома не была, но несколько раз ее видела рядом с Дорикой.

Бела, мгновенно скрутив в себе желание ударить, попросила:

– Объяснитесь, пожалуйста!

– Это все из-за вас! Она погибла из-за вас! Все вы хотите нашей крови!

– Ваша кровь, – с нажимом на слове «ваша» ответила Бела, – мне не нужна. Жидковата немного!

Дама в синем замолчала на вдохе, и Белала отвернулась от нее. Оказалось, зря.

– Кто вас сюда пустил? Вы не достойны даже близко стоять! Вы же убийца!

– Пожалуйста, успокойтесь!

– Это все из-за ваших трансильванских богов… Я знаю, вам нужна кровь, чтобы колдовать! Почему это все случилось, именно когда вы появились в замке? Княгиня была добра и прекрасна, за что вы решили ее убить? Я знаю! Знаю!

Бела видела, что на них начали оборачиваться. Отошла как можно дальше от собеседницы, возле которой вдруг появился высокий молодой человек и протянул крошечный флакончик. Должно быть, нюхательную соль.

По соседней лестнице медленно и торжественно поднялась княжна Лисия. Лицо ее было открыто, а волосы прикрывал черный капор. Бела думала, что Ферг будет где-то рядом, но нет, девочку сопровождали два гусарских лойтнанта при полном параде. Она шла торжественно и медленно, здороваясь с каждым из встреченных дворян. Иногда она поворачивалась к собравшейся на площади толпе и взмахивала ладонью. Люди отвечали неясным, но одобрительным гулом.

А потом на верхний помост шестеро крепких парней вынесли резное княжеское кресло, в котором в очень строгой позе сидел князь Берток. Лицо его хранило каменное выражение.

Ферг все не появлялся. Его не было, когда протяжно и торжественно заиграл оркестр. Не было, когда на площадь четверка белых лошадей выкатила открытую коляску, в которой в пене белых складок лежала княгиня Дорика в лучшем шелковом платье, отделанном золотом и сапфирами; голову венчала тонкая диадема. Издалека княгиня казалась куклой. Неживой, ненастоящей оболочкой.

А тем, кто рядом, наверное, кажется, что она спит. Хотя что это за блажь – спать в нарядном платье и не смыв румяна.

«Все из-за вас!» – продолжало звучать у Белалы в голове, как она ни старалась избавиться от этого воспоминания. Кто она, эта незнакомая, но, несомненно, знатная дама? Откуда такая ненависть?

Бела осторожно обернулась, но ни ее, ни ее спутника на помосте уже не было. Зато увидела госпожу Немет. Она узнала Белу, но сделала вид, что незнакома с ней. Уперлась взглядом в белую коляску на площади.

Видимо, пока Белала жила потихоньку в госпитале, о ней расползлись не самые приятные слухи.

Голос, усиленный магией, начал торжественную прощальную речь. Говорил не князь – Берток все с тем же каменным выражением смотрел вниз. Это был пожилой подтянутый дворянин, одежду которого скрывал отделанный мехом плащ. Только после слов «моя дочь погибла, и ее смерть тяжким бременем легла на наши сердца», Белала поняла, кто перед ней.

Отец Дорики был краток.

Потом говорили другие. Затем в толпе освободился широкий коридор, по которому с площади выехали отряды гусар на одинаковых серых лошадях – «волки». За ними тронулись лошади охраны и кони, влекущие белую коляску, – княгиня Дорика в последний раз покидала площадь. Путь процессии закончится возле семейной усыпальницы семьи Шорош…

Смолк оркестр, поредела толпа. К помосту стали подъезжать красивые кареты с гербами. В них усаживались благородные господа и покидали площадь. Первым оставил помост князь Берток. И снова было незаметно, как это случилось и где ждала карета.

Но главное – люди видели, что князь жив. И Лисия тоже жива.

Бела решила было поговорить с госпожой Немет, но та как-то быстро ушла. Да и вообще все, к кому Белала приближалась хотя

бы случайно, старались отвернуться или же отойти.

«Нужно ли с этим что-то делать? – отстраненно размышляла она. – Скоро прибудет новый посол. Он-то легко справится с проблемой. Он чужой, незнакомый, ему пусть не сразу, но поверят. А я уеду. Они быстро обо мне забудут…»

Бела решила, что попросит Имре узнать на рынке последние сплетни. Если новый слух в достаточной мере скандален, рыночные торговки о нем непременно будут знать. А если нет – значит, и беспокоиться не о чем.

* * *

Бела переоделась в шерстяное. Хотела было подняться в хоспис, к своим «подопечным», но оказалось, нянечка уложила их спать.

Тогда поплелась на кухню – обед, конечно, давно закончился, но уж горячий чай-то должен был остаться.

В кухне оказалось пусто, только в соседнем помещении судомойки гремели тарелками. Окно приоткрыто, о подоконник постукивают капли.

Бела смешала себе травяной чай и уселась за разделочный столик у приоткрытого окна. Кружка приятно согревала руки. Запах дождя пересиливал ароматы недавно готовившихся блюд. Можно было спокойно подумать о том, что говорили придворные. Что говорили и о чем молчали.

Но мысли все время норовили уплыть с выбранной темы, возвращались к скорому отъезду домой. И еще к тому, что она совершенно не хочет писать очередной доклад в Сибу.

Чай остыл, пришлось долить в него кипятку.

Когда вторая чашка подходила к концу, с улицы зашел человек в промокшем дорожном плаще и шляпе с вислыми полями. Бела ничуть не удивилась, узнав Ферга. Доктор кинул плащ на лавку, приоткрыл дверь и стряхнул брызги со шляпы, положил ее поверх плаща.

– Трудный день, да, графиня?

– Вас не было на церемонии.

– Я был на кладбище. Все прошло торжественно и достойно. Если вам это интересно.

Ферг набрал в кружку кипятку, кинул в него мяты и чабреца. Уселся на лавку рядом с собственным плащом.

– Интересно. – Бела постаралась убрать печаль из голоса. – Сегодня одна дама сказала, что княгиню убили из-за меня. Чуть ли не я – глава заговора.

– Как бы ни хотелось списать все, что происходит в эти дни в Агере, на происки внешних врагов… заговор созрел здесь, в столице. Среди заговорщиков представители многих дворянских фамилий, и с этим придется в ближайшее время что-то делать. Ваша дама сказала глупость, но я могу ее понять. Слишком трудно принять, что враг – это не кто-то где-то. Это, может быть, человек, с которым ты не раз разговаривал и делил трапезу. Кто-то, кого видишь каждый день.

– Вы ведь и есть князь Эрно Шорош?

Вопрос выскочил случайно, она и сама не ожидала, что сможет спросить об этом вот так запросто, вслух. Но не брать же свои слова назад. Замерла, в упор разглядывая собеседника. А он не стал отводить глаз.

– Да. С одной поправкой. Не князь.

Ферг чуть усмехнулся, отхлебывая теплый чай:

– Что же вы? Спрашивайте. Ведь собирались.

Белала не собиралась ни о чем расспрашивать. Она сказала:

– Мне казалось, вы должны быть старше. И как-то солидней.

– Солидности хоть соли. Завтра сможете полюбоваться. Что же до возраста… Некоторые маги выглядят моложе своих лет. Но в данном случае в этом нет никакой моей заслуги – если вы слышали историю о Князе Мертвецов, то мне не придется объяснять в подробностях. Это все та же магия. Та же самая магия.

Белала промолчала. Ферг тоже не стал развивать тему, но вдруг словно спохватился:

– Завтра в замке будет представлен двору новый трансильванский посол. Я думаю, вам стоит присутствовать.

Он прикрыл глаза и, давая отдых спине, прислонился к стене.

– Конечно, я приду.

– Будьте с ним осторожней. Он маг. Притом не чета местным. И свита у него тоже непростая. Особенно следует обратить внимание на орка.

– Орк? Ничего себе! Я еще их ни разу не видела.

– Вот и полюбуетесь.

Он шевельнул лопатками, устраиваясь поудобней.

– Может, вам стоит прилечь? Хотя бы на час.

– Если засну, меня потом из пушки не разбудишь. А нужно еще много чего успеть…

– Неужели больше некому?..

– Есть. Но они об этом еще не знают.

– А я могу чем-то помочь?

Ферг немедленно открыл глаза:

– Можете. Я думаю, можете. Это несложная услуга, но вы

очень меня обяжете, если согласитесь.

– Я слушаю.

– Мальчик, который сейчас лежит в хирургии. Ему сегодня снова стало хуже, но дело не в этом. Он «стерт», ему три года, и он боится. Людей, громких звуков, яркого света – всего. Надо изредка его навещать. Разговаривать… в общем, делать то, что вы делаете для других. Поможете?

– Конечно.

– И не забудьте о завтрашнем приеме.

Бела чуть склонила голову:

– Я помню. До встречи, доктор!

* * *

Бела плотно прикрыла за собой дверь и прислонилась к ней, чтобы никто не вошел. «Что это было? Ферг ее проверяет? Или попросту сошел с ума?

А можно ли сойти с ума попросту? Да ну, какой из него сумасшедший. Но ведь это представить же невозможно, что у такого человека может быть в голове. Мало ли, что он сказал…

Написать о нем в Сибу?

Да никогда в жизни!»

Потерла виски, собираясь с мыслями. Как же не хватало отца! Всегда уверенного и знающего, что делать!

«На тебя надеялись заговорщики. Но ты решила, что будешь на стороне князя. Что это правильней и выгодней для Трансильвании. А на самом деле виной всему – твой страх перед снами, твое неприятие второго таинства и нежелание ничего иметь общего со здешними почитателями Заточенных.

Маги Сибу поручили тебе собрать сведения об Эрно. И ты обещала. Может, не рассказывать всего, что знаешь? Придумать что-то. Но полуправды не бывает. Есть долг перед страной, а есть… собственное необдуманное обещание. Душевный порыв, который однажды растаял, а оно осталось и будет теперь давить на совесть.

Доктор не просил молчать. Он как будто оставил решение за тобой. Или, может, просто не знает, не догадывается, что зачем-то нужен мурешским магам? Ведь ему-то никто об этом не говорил.

Так выламывай себе пальцы, Белала, кусай губы, можешь даже поплакать, если никто не увидит. Страдай, если уж так хочется.

Только себя не предай».

* * *

Наряды дам, сообразно трауру, украшены черными лентами. Их спутники предпочли сегодня неяркие, строгие платья, многие пришли в форме. Особенно выделялись гусары – волчьими шапками и кафтанами-ментиками, шитыми золотой нитью.

Сверху, с княжеского престола, вид на зал для торжественных приемов открывался самый лучший.

– Пестрые петухи, – шепнул в раздражении Берток.

– Они старались выглядеть достойно, – ответил Ферг вполголоса.

– Звучит как эпитафия.

– Шутка – признак положительных изменений. Ты поправишься.

– Я почти здоров. И мне похорошеет окончательно, когда поприсутствую на казни главарей. Ты разобрался с их делами?

– Среди арестованных, к сожалению, не было главарей…

– Но ты их знаешь.

– Знаю. Один в день переворота находился в загородной резиденции. Второй спал в своем поместье…

– Спал! Ему позволили…

В голосе князя была расплавлена горечь. Сегодня стало известно, что заговорщики не ограничились нападением на Китшоэ и важные казенные здания. Штурмом было взято несколько особняков. Среди погибших оказался давний боевой товарищ князя, генераль Хэйдан. Офицер не ждал нападения, в доме кроме прислуги были только его жена и двое детей. Нападавшие не пощадили никого…

Ферг настрого запретил рассказывать об этом князю. Медики и молчали. Но не стал молчать дежурный офицер, который не посмел ослушаться приказа.

Княжну доктор вернул в госпиталь – похороны матери и так стали для девочки тяжелым испытанием. Хотя бы о ней можно было сегодня не беспокоиться.

Благородные господа недовольно переговаривались – перед входом их вынудили сдать оружие.

Он увидел и Белалу Вораш – трансильванка не стала занимать удобное место в переднем ряду, напротив, затерялась в толпе. Но возле нее все равно оставалось небольшое пустое пространство.

А потом стало не до наблюдений. На помост поднялся крупный, внушающий уважение к себе италиец. Фабиан Фабрис собственной персоной. Голоса мгновенно стихли.

– Здравствуйте, мастер Фабрис, – приветливо кивнул ему

Ферг.

– А вы и без моего пожелания, я думаю, долго проживете, доктор, – вполголоса отозвался маг.

– Мастер, – так же тихо произнес князь, – прошу вас, не надо.

Фабрис поклонился.

Ферг вышел из-за кресла Бертока и сказал, вроде бы тихо, но так, что услышали все, даже те, кто стоял в самой дальней части зала:

– Господа, нам выпали трудные дни. Князь Берток поручил мне сегодня говорить от его имени…

Белала не сразу его узнала, а узнав, не поверила глазам: доктор Ферг сбрил бороду и усы. Теперь он выглядел лет на десять моложе и стал очень похож на собственный портрет. Как все остальные не увидели сходства, она понять не могла. Разве что обитатели Китшоэ настолько нелюбопытны, что даже никогда не заходили в Запертые комнаты.

Черная шелковая сорочка и колет без рукавов, широкий пояс… Ферг выглядел черной птицей.

А потом на помост поднялся маг, от которого ей захотелось бежать без оглядки. Или хотя бы спрятаться за шторой. От него веяло чуждой мощью, настолько всеобъемлющей, что Бела не вспомнила бы ни одного другого такого же.

Ферг от имени князя Бертока представил мага, и по залу разнесся приветственный гул – Фабиана Фабриса здесь знали и уважали. Сам князь в подтверждение его слов чуть склонил голову.

– Я принес добрые вести, господа, – усиленным магией голосом произнес Фабиан. – Последние очаги сопротивления заговорщиков уничтожены, город полностью освобожден.

Снова приветственные крики. Словно Фабрис лично освободил город от армии заговорщиков. Интересно, где он был раньше, когда заговор только складывался?

– Вы все знаете, князь Берток был ранен в бою. Сейчас, когда его жизнь и здоровье все еще в опасности, от его имени в Китшоэ распоряжается его родственник и… – Фабрис на миг сбился с речи, но договорил: – И наследник. Вы знаете этого человека как личного лекаря семьи князя, доктора Ферга. Однако у него есть и другое имя. Князь попросил меня во избежание недоразумений в дальнейшем представить его вам. Князь Эрно Шорош!

Ферг чуть расправил плечи, шагнул вперед.

Бела поразилась, как мгновенно исчез, растаял миражом образ усталого, вечно занятого чужими бедами доктора. Перед толпой придворных стоял действительно князь. Таким, каким он, наверное, не был полвека назад, но каким мог бы стать, не

случись тогда того, что случилось…

Не Князь Мертвецов.

Сильный, уверенный в себе человек. Знающий, как управлять страной и как сделать, чтобы его слушали.

«Солидности хоть соли», – вспомнила она. Губы сами растянулись в улыбке.

Зал потрясенно замолк.

В полной, натянутой, как тетива, тишине раздался гулкий голос Фабиана Фабриса:

– Я хорошо знал Эрно Шороша в прошлом и свидетельствую, что этот человек именно тот, за кого себя выдает. Я подтверждаю его полномочия.

– Я, в свою очередь, – так же властно и спокойно сказал Ферг, – подтверждаю, что не претендую на княжескую корону. Я здесь лишь для того, чтобы помочь навести порядок в городе, и лишь до тех пор, когда князь Берток снова сможет занять свое законное место…

Страх – вот то, что почувствовали все без исключения присутствующие. Белала ощутила его позвоночником, как будто это ее саму пытались повергнуть в ужас. Страх – и еще болезненное любопытство. Ну как же, ожила легенда. Сам Князь Мертвецов.

– Прошу вас, господа, тише! – повысил голос маг. – Мы здесь собрались в первую очередь для того, чтобы поприветствовать нового посла Трансильвании в Северной Паннонии!

Лакеи распахнули резные, инкрустированные золотом и слюдой двери, распорядитель объявил:

– Мастер Ладжус Чордаш! Посол Трансильвании и Муреша!

– Мэтр Хагр из рода Шелгхо! Помощник посла!

Мэтр производил куда более сильное впечатление. Волна темных, густо тронутых сединой волос собрана в хвост на затылке, широкая челюсть с чуть торчащими из-под нижней губы клыками. Рельефный лоб. Очень смуглая кожа. Орк? Наверное, орк. Бела едва удерживала себя от того, чтобы не начать пялиться на помощника посла, как деревенская девка на заезжего менестреля. Впрочем, благородные паннонские господа любопытства не скрывали.

Орк выглядел необычно не только благодаря лицу и росту – одет он был как хорватский цыган или галльский жонглер. Язык алого пламени – рубаха, подхваченная на поясе шитым золотом кушаком, а может быть, это была скрученная в жгут шаль. Сапоги с широкими голенищами, украшенные блестящими медными пряжками…

Бела услышала, как за ее спиной шепчутся знатные дамы.

Долетело движение воздуха – видимо, одна из них взмахнула веером. Мода на веера пришла из Флорентии и распространилась уже столь широко, что веера стали использовать как инструмент тайной речи.

Когда официальная часть закончилась, а до торжественного обеда в честь знатного гостя оставалось еще довольно времени, по знаку распорядителя заиграл оркестр. Князь удалился, а гости неспешно отправились искать себе собеседников.

Бела отошла к окну. В голове, отстраненная и вроде бы не связанная с тем, что происходило вокруг, кружилась одна только мысль: больше можно не волноваться. Не выбирать мучительно свою сторону, не искать свою правду. Доктор сделал все сам. Сам сказал трансильванскому послу, кто он. Теперь уж точно ничего не зависело от ее личного выбора, симпатий и желаний…

– Графиня Вораш, – услышала она спокойный, официальный голос Ферга.

Так погрузилась в свои мысли, что даже не расслышала шагов. Плохо! Надо собраться. Больше нельзя допустить подобной оплошности!

– Здравствуйте, князь.

– Разрешите представить вам нового посла вашей страны, мастера Ладжуса Чордаша.

– Рада видеть, мастер.

– И я рад вас видеть, графиня.

– Прошу меня простить, – легко поклонился Ферг. – Дела.

Не успела Бела его остановить, как он уже скрылся, затерялся в толпе.

– Сочувствую вашей утрате, графиня, – холодно сказал посол. – Князь Орель рассказал мне о смерти вашего отца.

– Благодарю, мастер. Это была очень неожиданная смерть.

– Вы, несомненно, вернетесь в Трансильванию?

– Видимо, да. Меня здесь держало только поручение магов Сибу. Но о том, что доктор Ферг и князь Эрно – это один и тот же человек, я стала догадываться лишь пару дней назад. Так что мои новости теперь бессмысленны. Они устарели.

– В таком случае прочтите.

Бела пробежала глазами бумагу, подписанную верховным жрецом Сибушского храма. В этом послании говорилось, что она теперь должна всячески помогать и содействовать новому послу. Что основная его цель – узнать не только все, что можно узнать об Эрно Шороше. Теперь магам нужно знать еще, как этого человека лучше склонить к сотрудничеству. Что сработает? Шантаж? Вряд ли обещание вечной молодости. Она-то некоторым, хоть и непостижимым, образом у Эрно уже есть… Власть? Да он от нее

уже отказался. Деньги?

Бела снова задумалась, зачем вообще паннонский Князь Мертвецов может быть нужен мурешским магам. Что он может такого, чего не могут они? И насколько это «что-то» пойдет вразрез с его совестью?

Вот это, пожалуй, самое важное…

Хотя нет. Важнее то, что от слуг Заточенных богов он не примет ни подарка, ни предложения сделки. Достаточно вспомнить легенду. И как-то объединить ее с реальностью.

Ферг не служит Заточенным. Точка. Эрно – служил. Эрно, по легенде, убил жену и сына. Ферг, совершенно точно, пытался их спасти.

Ведь сына-то он спас… если мальчик в палате доктора Нада – это и есть его сын.

А ведь, пожалуй, мальчик – это единственная зацепка. Единственное, что действительно может заставить Ферга поступить так, как хотят маги Муреша. И рано или поздно они это поймут. И скорей рано, чем поздно.

Выход один. Сейчас же, при первом предлоге, бежать в госпиталь. Предупредить лекарей, если понадобится, спрятать мальчишку…

Бела еще раз, медленно, пробежала взглядом послание. С сожалением покачала головой:

– Я немного успела узнать этого человека и не думаю, что убедить его будет легко.

– Посмотрим, – голосом, не предвещающим Фергу ничего хорошего, сказал мастер Чордаш.

И в этот момент распорядители пригласили всех на торжественный обед.

Посол торопливо распрощался – ему предстояло сидеть на почетном месте рядом с пустующим креслом князя. По другую сторону должен был сидеть Ферг.

* * *

Часть здания, отведенная под палаты и лаборатории доктора Нада, вся располагалась на первом этаже. Сегодня дежурить выпало ди Годеру, так что Имре находился там с полным правом, пусть и без особого желания. В здании было людно, все палаты оказались заняты. Причем в некоторых из них разместили сразу несколько пациентов. Все они имели травмы разной тяжести, и всем требовалась постоянная медицинская помощь. Несмотря на то что дежурство ди Годера только началось, Имре чувствовал

себя уставшим и невыспавшимся – он-то работал в госпитале уже почти неделю. А Элайза не делала скидок никому и никогда, хотя народу в эти дни было больше, чем обычно. Мастера, имевшие практику в городе, отправили в помощь здешним лекарям помощников и учеников, прибыли маги. Успешный ход операции – это ведь лишь половина дела. Прооперированные пациенты могут погибнуть как раз после, из-за осложнений. Хотя точной статистики, конечно, никто не собрал. Вот на этом-то этапе и требуется помощь магов-целителей. В душе Имре считал магов зазнавшимися лентяями, но никогда не говорил об этом вслух.

Сегодня парню досталась относительно несложная работа – он всего лишь прибирал в палатах и сопровождал пациентов в операционный блок. Конечно, дальше стальных дверей его никто не пускал. Это вызывало глухую досаду. Ну в самом деле! Как будто он не ученик одного из лучших хирургов города!..

Отмыть руки, схватить носилки… Ах, носилки не нужны, пациент в состоянии дойти сам… Вернуться. На полу – грязные бинты и кровь. Убрать. Все равно пятна. Сходить за ведром. Набрать воды, вернуться. Обнаружить, что пятно уже кто-то вытер. Аккуратно поставить ведро за дверь, чтобы никто не запнулся. Самому в соседней палате запнуться об оставленное кем-то, и хорошо, что пустое, ведро. Разбудить только заснувшего пациента, услышать от него много нового и интересного о себе. Выругаться в ответ и получить на орехи уже от старшего санитара за шум и перепалку с пациентом. Выяснить, что тебя ждут возле оперблока – нужно везти каталку…

Нет, нелегкий выдался день. И стоило ему склониться к вечеру, а числу заданий уменьшиться до приемлемого уровня, как, разумеется, нашлось новое дело.

Верней сказать, на Имре свалилась дилемма, которую следовало разрешить как можно быстрей и правильней. И самому, без всякой посторонней помощи.

Вообще-то все началось еще вчера.

Вчера он, на свою беду, встретил графиню Вораш. Нет, он встречал ее в хосписе довольно часто, но вот поговорить в последние дни не удавалось, и это знакомство потихоньку отошло на второй план. А тут Белала сама его окликнула. Выглядела она встревоженной, но была, как всегда, мила и приветлива. И, разумеется, Имре не смог ей отказать. Казалось бы, что может быть проще? Всего лишь послушать, что кумушки на рынке говорят о провалившемся заговоре и о ней самой. Он тогда еще удивился – ну какое она может иметь отношение к заговору? Она даже не числилась в посольстве.

Но, кажется, с выводами он поспешил. Потому что на рынке

говорили. Много, с подробностями. И именно о трансильванской графине.

Говорили, что она не просто посвящена Заточенным. Говорили, что она жрица. Говорили, что она сама проводила обряды с жертвоприношением.

В это Имре, конечно, поначалу не верил. Но рассказывали и другое. Что, дескать, истинным посланником Трансильвании был не Белферан Вораш, а именно она, его дочь. Говорили, что это она отравила своего отца, чтобы оказаться при княжеском дворе и получить возможность самой, лично, убить княгиню. Называлось даже имя госпожи Немет, которая якобы сама видела, как Белала шла в сторону княжеских покоев. Наконец, говорили, что Белала убила княгиню и ее верного слугу и убила бы маленькую княжну, если бы смогла найти.

Свидетель этому тоже был. Называли имя тяжелораненого заговорщика, единственного, кто выжил из отряда Зергина. И выжил он именно по причине своего ранения. Но он – и кумушки со значением переглядывались в этом месте рассказа – сам присутствовал в тайном садике, в котором нашли тело княгини. И готов подтвердить под присягой, что Белала Вораш спустилась в тот садик одна, под предлогом, что на потайной лестнице могут быть ловушки, а она маг.

Приводились самые невероятные подробности. От правдоподобных, Имре сам видел у Белалы пару метательных ножей, до самых фантастических, где она не просто убила княгиню, а загрызла ее своими острыми клыками, ведь известно, что в Трансильвании можно легко встретить вампиров.

Имре тогда вернулся в госпиталь весьма озадаченным и долго не мог придумать, что из услышанного можно рассказать графине, а что – не стоит. Потому что, как бы она ни была мягка и обходительна, она все же трансильванская графиня. А вдруг обидится? И самое страшное – а вдруг что-то окажется правдой?

Но тем вечером он Белалу не встретил и выкинул все эти истории из головы. А оказалось, зря.

Потому что…

Ну что, что она могла делать в столь поздний час в той части хирургического отделения, куда даже не всех санитаров пускают? Да еще и выглядела она так, словно в любой момент ее могут схватить за руку и спросить: «А что это, девушка, вы здесь делаете?..»

В отделении было тихо и сумеречно – двери палат закрыты, дежурный дремал, положив голову на скрещенные руки. Он сидел у столика, заваленного бумагами, перед ним синим огоньком догорала масляная лампа. Вот-вот пламя могло замигать и

погаснуть. А на улице из-за низких туч почти настоящая ночь.

– Госпожа Вораш! – окликнул Имре. – Вы кого-то ищете?

Она на миг замерла, и парень мог бы поклясться, что в этот миг она мечтала о том, чтобы он убрался отсюда как можно быстрей и как можно дальше.

Наконец резко кивнула:

– Имре, тише, прошу тебя!

– Вам нельзя здесь находиться…

– Это тебе надо сейчас уйти! И сделать вид, что меня не видел. Это важно.

Еще вчера он, может быть, задумался бы. Возможно, что и ушел бы. Но только не после всего того, что успел узнать.

– Послушайте… вас здесь не должно быть. Уходите немедленно!

– Не могу, – с досадой ответила она, понизив голос до шепота.

– Почему?

– Дала слово. Вашему доктору Фергу. Мне нужно попасть в ожоговую…

– Вы с ума сошли?

– Нет. Имре, там лежит мальчик, помните? Я точно знаю, что ему может угрожать опасность. Надо его спрятать… и княжну тоже.

– Княжну?

– Да, я не могу объяснить подробней. Но должна тебя попросить. Надо ее переодеть, чтобы никто не заподозрил, что она – это она.

– Нет! – тоже перешел на шепот Имре. – Я вам не верю. И я не стану беспокоить княжну в столь поздний час. К тому же с ней нянька. Что она подумает? И что я скажу Элайзе?

– А что ты им всем скажешь, если девочку убьют? – вспылила Белала.

Имре увидел даже в таком тусклом свете, что она злится. Ноздри раздуваются, взор блестит, кажется, готова порвать его на мелкие кусочки. А ведь вроде бы это ее обвиняют во всех возможных грехах.

– Я вас не пропущу! – принял решение Имре. И для верности загородил спиной вход в палату.

– Ай, духово племя! Да пойми же ты! Дело жизни и сме…

Но продолжить разговор им не дали.

Сначала проснулся и вскочил дежурный. Но проснулся не от громкого шепота незаконных посетителей хирургического отделения доктора Нада, а от иного, постороннего шума, источник которого ни Имре, ни Белала не видели из-за угла. На

них обоих дежурный даже внимания не обратил. Вскочил и побежал туда, на стук громко хлопающих дверей.

Бела толкнула Имре от двери:

– Быстрее! Спрячь княжну!

– Я не…

Она не стала слушать, ворвалась в палату. Все здесь было чисто и блестело – даже стены выложены плиткой. Даже источник света – не привычная спиртовая или масляная лампа, а заговоренная безделушка из проволоки, спрятанная в матовую стеклянную сферу – чтобы яркий свет не раздражал глаз и чтобы не было посторонних запахов. Бела уже успела здесь один раз побывать. Когда впервые отправилась исполнять просьбу Ферга. Тогда мальчик спал. У него была высокая температура, и кто-то из врачей разрешил его усыпить заклинанием на часик или на два. Сейчас он тоже дремал. Светильник горел тускло, не ярче пары свечей.

Бела приготовила нож для первого, кто войдет, и стала ждать. Ожидание продлилось недолго. Но закончилось совсем не так, как должно было: Бела внезапно ощутила, что не может шевельнуть ни рукой, ни ногой. Ее повело в сторону, и если бы не стена, то она немедленно кулем бы свалилась на пол. А так ничего. Съехала по стеночке и осталась сидеть.

И тут же в палату, даже не очень торопясь, вошел тот, кто это заклинание наложил. Мастер Ладжус Чордаш. Собственной персоной.

Как только он увидел источник угрозы, сразу снял заклинание. Бела поняла, что эту минуту она даже не дышала. Воздух в легкие влетел с такой силой и скоростью, что она чуть не задохнулась и еще минуту не могла отдышаться.

– Вот оно что, – усмехнулся мастер. – Я было подумал, вы отправились спасать от меня наследницу… тем интереснее находка.

За Ладжусом вошли его люди – тот высокий орк, помощник, и еще трое. Кажется, кто-то остался караулить в коридоре.

Бела сказала, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

– Что вы здесь делаете, господин посол?! Это может закончиться разрывом дипломатических отношений. Сюда могут войти!..

– Не войдут, – презрительно отозвался посол. – Кстати, наслышан о ваших подвигах. Как это вас еще не казнили? Этот их Князь Мертвецов – на редкость легкомыслен. Я первым делом арестовал бы именно вас. И с вас бы начал разбирательства…

– Мне кажется, то, что меня не подозревают, нам на руку.

Голос все-таки дрогнул. Бела быстро облизнула губы.

– Это наводит на размышления…

– Хотите сказать, я с ним в сговоре? Поэтому я и на свободе? Смешно. Смысл тогда было раскрывать меня? Делать всю эту историю всеобщим достоянием?

– Кстати, арбалет, из которого убили княгиню, так и не был найден. Если это сделали действительно вы, то должны знать, где его искать.

– Разумеется, знаю. Сами понимаете, если бы я не спрятала его, я была бы единственной подозреваемой. А так остаются варианты. Их-то дознаватели и изучают.

– Так вы признаёте, что…

– Ничего я не признаю! Я ничего предосудительного не совершила. И хватит об этом. Зачем вы здесь?

В этот момент случилось то, что неминуемо должно было случиться. От громких разговоров и шума проснулся мальчик. И, разумеется, заплакал. Заорал в голос, надрывно, и сразу понятно, что надолго.

Чордаш нервно передернул плечами:

– Хагр, прекрати это!..

Орк шагнул к кровати, на которой надрывался мальчишка, и занес над ним кинжал. Но Бела успела крикнуть:

– Не смей! Это то, что мы ищем!!!

Чордаш дал знак орку остановиться, и тот невозмутимо спрятал кинжал в ножны.

– Так что это за ребенок?

– Это его сын, сын Эрно Шороша. Вы искали что-то, что заставило бы его сотрудничать…

– Так вы знали?..

– Догадывалась.

В палату заглянул один из тех, кто дежурил снаружи:

– Сухмет говорит, от замка идут солдаты. Большой отряд!

– Ясно. Бери ребенка, уходим!

– Он ранен, у него ожоги! Он может погибнуть…

Но Хагр не стал слушать. Схватил орущего мальчишку на руки, направился к выходу. Потом сделал что-то, и стало тихо. Только бы не убил! Бела из нижнего ящика шкафа вытащила белую «докторскую» хламиду и торопливо покидала на нее все, что нашла на верхних полках массивного, дубового, но тоже покрашенного в белый цвет шкафа. Несколько рулонов бинтов, раствор йода, коробочки с какими-то порошками и присыпками – разберемся потом! Если они здесь, значит, их применяли именно для лечения мальчишки…

Чердаш нетерпеливо ждал, когда она завяжет узел.

– Давай! Быстрее!

О том, чтобы остаться, каким-то образом сбежать от мага, не могло быть и речи.

Бела выскочила в коридор. Мертвый дежурный лежал на полу, под ним растеклась темная лужа. А лампа на столе все еще продолжала слабо мерцать. Белала поняла, что с момента нападения прошла пара минут, не больше.

Дверь в одну из палат была открыта, оттуда не доносилось ни звука. Следующее мертвое тело она увидела уже за пределами владений доктора Нада, в общем коридоре. Не повезло одной из служанок.

Они убивали свидетелей, поняла Бела. Просто убивали свидетелей…

Но на то, чтобы ужасаться, не было времени. Люди Чордаша торопились, приходилось почти бежать. Неловко завязанный узел норовил вывалиться из рук.

На улицу они вышли через прачечную.

Никем не замеченными покинули территорию госпиталя. Бела думала почему-то, что Чордашу выделили тот же посольский дом, в котором раньше жили они с Белфераном. Может, так и было, но отправились они не туда.

Какими-то дворами-подворотнями миновали оживленные центральные улицы и вышли к парку.

– Сыч, – скомандовал Чордаш. – Бегом в кабак, тащи старика сюда. Пока совсем мозги не пропил.

Совсем юный парень, может быть, личный слуга посла, сорвался с места и побежал в сторону огней площади. Мальчишка все еще молчал.

Чордаш по-хозяйски приобнял Белалу за плечи, но она вывернулась. Проблемы? Кажется, настоящие проблемы только собирались начаться.

Часть II
Владыка Муреша

Глава 11

Годин нахмурился, пересчитав еще раз добытые тушки: два зайца, толстый глухарь, белка. Негусто. У Чужака тоже – пара русаков, вот и вся охота.

Он недовольно потер седеющие усы и заметил:

– А ты, Чужак, вроде как доволен?

Дальгерт усмехнулся:

– Кто-то пугает дичь. Счастье, что вообще что-то нашли. Смотри, как тихо, как перед сдвигом. А ведь и дождь не собирается, и людей, кроме нас, не видно.

– Ты вот городской, – вздохнул охотник, – а рассуждаешь, как всю жизнь в лесу прожил.

Лес стоял над ними светлый и прозрачный. Строевой. Воздух дышал прохладой, солнце светило беззаботно и ярко. И было так тихо, как случается только на закате или перед сильным дождем. Одни комары звенели, и то как-то робко.

– Город – это такое место… чтобы выжить, нужно иметь, – он наклонился за крепким боровиком, – особое чутье. Ну что, будем возвращаться или дойдем до Чернухи?

– У нас сегодня такая добыча, что меня баба на порог не пустит. Скажет, по девкам охотился, а зверье это у околицы набил. Давай к реке. Может, хоть там свезет…

Даль кивнул. Ружей здесь не знали, охотились с луком, правда, здешние луки и прочней, и мощней тех, какими ему приходилось пользоваться ранее.

Годин резко свистнул, на зов из зарослей черники выскочил пес. Невысокий и рыжий, но ловкий и обученный, он ничем не напоминал дворняг, обитавших в Спасенном городе. Звали пса Хватом, и был он, по словам Година, уже очень немолод. На ловкости и любопытстве рыжика возраст, впрочем, ничуть не сказался. И за глухарем, подстреленным хозяйской рукой, он рванул со щенячьим задором.

Вышли на охоту они еще в сумерках. Но первые часы не принесли вовсе никакой добычи – лес стоял тихий, даже мелкой живности было не видно и не слышно. Испуганная тишина держалась почти до полудня, и лишь когда солнце вскарабкалось в зенит, отмерли какие-то мелкие пичуги и комары.

Добытые зайцы выскакивали на охотников и даже не пытались удирать, словно в чаще их ждало что-то намного более грозное. Но за весь день ничего такого особенного они не встретили.

Болотные твари живут южнее и потому и названы болотными,

что в светлый высокий лес не забираются, предпочитая черный осинник поймы Чернухи. И то не здесь, дальше от озера, там, где русло становится широким и мелким, километрах в десяти, если следовать изгибам реки. По прямой будет ближе. Но по прямой только птица может пролететь.

На реке всего четыре заставы. Одна называется Ближней – около нее речной причал, там останавливаются купцы, которые рискуют даже в эти трудные времена возить товар в южные земли. Вторая – Волоки. Там-то как раз Чернуха становится такой мелкой, что не каждое судно пройдет. Раньше на Волоках имелся даже двухкилометровый канал, по которому и проводили слишком осанистые суда. Их там и разгружали, и были выстроены склады, и людей работало немало. Но с началом нашествия болотных чудей Волоки стали постепенно превращаться в военную заставу, судов приходило все меньше, а дурных вестей – все больше.

Так что канал пересох и потихоньку оплывает, склады пустуют, а часть и вовсе разобрана на бревна, необходимые для строительства гридни и казематов на Сухом холме.

Две оставшиеся крепости назывались Ведункой и Колдункой. Располагались они одна напротив другой еще ниже по течению Чернухи и были форпостом, местом, за которым уже, кроме болот и чудных мест, ничего нет. Туда даже охотники не ходят.

Даль надеялся на Волоках узнать последние новости, а Годин рассчитывал пообедать. На заставах стрелки знают больше, чем клешские сплетники.

Первым болотника нашел Хват. Внезапно застыл возле ямы и залаял с таким остервенением, будто на дне как минимум труп его смертельного врага. Края ямы образовывали песчаный, засыпанный прелыми листьями вал в рост человека.

Годин, не особо беспокоясь – если бы угроза была реальной, пес вел бы себя иначе, – поднялся к собаке и заглянул в яму. И присвистнул. Там, на дне, лежало длинное, покрытое шерстью существо, напоминающее очень большого тощего зайца, правда, с длинным голым хвостом. Существо погибло от огня – неестественно выгнутое левое бедро, то, что оказалось сверху, обгорело до черноты.

Даль легко спрыгнул в яму, перевернул зверя. Сообщил:

– Еще теплый. Недавно его припекли. Крупный зайчик… а зубки у него… Годин, ты раньше таких видел? Ты же с Колдунки вроде?

Охотник помотал головой и тоже, правда, медленно и осторожно, спустился к трупу.

– Первый раз вижу такое. Когда служил на Колдунке, разное

видел. Но чтобы у зайца такие клыки… да и нос у него длинней и у́же, кстати.

– Интересный мутант. Видимо, стоял на гребне, когда по нему шарахнули. И ведь чуть не ушел! Смотри, опалило где…

– Мутант?

Охотник всегда переспрашивал, если слышал от него незнакомое слово.

– У вас говорят – чудь. Чудь – значит, необычное, странное что-то, так?

– Примерно.

– Мутант – это что-то измененное. Испорченное.

Годин покивал, запоминая слово.

А Даль наклонился и принялся рассматривать лапы мутанта. Тоже совсем не заячьи. Цепкие, почти кошачьи когти, разве что не умеют прятаться, а сами пальцы длинные, голые и снабжены не широкими, но толстыми мембранами. Животное, скорей всего, способно легко и быстро двигаться по заболоченной местности, а если необходимо, то и на дерево влезть. А если этакий ушастик на тебя сиганет с дерева, то мало не покажется…

– Забрать бы его…

Годин нахмурился, мотнул головой:

– Мы всякую нечисть в посад не тащим. Вдруг домашняя живность заразится?

– Да хоть до заставы. Хочу его разрезать, посмотреть, неужто и впрямь заяц.

– Ты, Чужак, со своими обычаями бы потише. Закопать его…

– Мне приходилось есть мутантов, – пожал плечами Даль. Краем глаза он наблюдал, как это сообщение воспримет охотник.

Тот поморщился. У него явно уже было свое мнение, и только осторожность не давала этому самому мнению выразиться в словах.

Клеш – купеческий город. Сюда даже гномы забредают. Продают оружие, «людское», конечно, то, какое ни один нормальный гном-воин и в руку не возьмет. Зато гномьи клинки никогда не повторяются, и на каждом стоит клеймо цеха. Воевода закупает их для дружинников. Сами гномы приобретают здесь «голубую» болотную руду, говорят, особенная она какая-то.

Клеш – купеческий город, и на разных чужаков здесь успели надивиться задолго до появления Дальгерта и Ильры. Так что приняли их без предубеждения, но и не как дорогих гостей. Даль не отказывался ни от какой работы, и его довольно скоро оценили и в столярном цеху, и у мастера-зодчего.

Дом им достался пусть небольшой и на отшибе, зато прочный. Даль решил, что если Ильре здесь понравится, то он

позже построит дом сам…

– Обычное мясо. Попадалось даже вкусное.

По лицу Година стало понятно, что дальше его дразнить не следует. Даль улыбнулся и пояснил:

– У нас выхода не было. Ладно, пойдем посмотрим, кто это тут зайца живьем поджарить хотел…

Хват отчего-то по поляне не бегал, территорию не метил, как это было у него обычно заведено, а чинно сидел на гребне у края ямы и даже чуток поскуливал. Дальгерт прикинул, откуда мог прилететь огненный шар, и, не дожидаясь охотника, пошел в том направлении. Шагов через семь он обнаружил второго «зайца». Этот был убит из арбалета. Болт все еще торчал в шее.

– Стая была, – поделился он с Годином.

И точно. Через три шага – еще одна тварь, покрупней предыдущих и почти черная. Потом еще. Даль стал пристально рассматривать землю, но никаких человеческих следов пока не видел. Судить о тех, на кого несколько часов назад в этом месте напали болотные хищники, можно было лишь по характеру ран на телах мутантов. А раны были магические. За исключением той единственной, от арбалета.

– Штук десять, – хмуро сказал Годин, подходя. – Или даже больше. Кому-то крепко досталось.

– Больше, – уверенно сказал Даль.

Шансы найти неизвестного мага живым таяли на глазах.

– Видать, один был, – подтвердил его мысль охотник. – Вон у того зубы в крови. Подрали, видать, мага-то…

Даль не стал отвечать. Его внимание привлекла обломанная на небольшой высоте ветка. Провел пальцами по листьям, обнаружил кровь. Слишком низко для человека, который стоит в полный рост. А если подраненный маг упал и отбивался лежа, то куда он делся потом?

След от колена, след от сапога. Вернуться по следу… ага!

– Годин, иди-ка, посмотри!

Охотник оказался рядом почти мгновенно.

– Знакомый арбалет?

Тот кивнул:

– Похож на наши. Переверни, там имя может быть.

Но арбалет не был подписан. Вероятно, потому что выглядел, да и, несомненно, был совсем новым.

– Отсюда он и стрелял, – показал Дальгерт на отлично просматривающийся с этого места край пересохшего бочага.

Напали на стрелка немного раньше, о чем свидетельствовали следы на поляне: примятая трава, сломанные ветки, черная грязь. Там стрелок еще не подозревал об опасности. Там он просто

шел… может, грибы собирал. До заставы-то рукой подать.

Но вот на него напали. Одно животное напало, не стая. Иначе тут бы он и погиб… ага, вот и труп. Мутанта прирезали одним сильным ударом. Обрывок одежды подле тела надо будет подобрать и показать Годину.

Потом стрелок увидел второго, выстрелил и убил. А потом почему-то бросил арбалет?

Ага, вот почему. Заряжать его долго, а надо, чтобы руки были свободны, когда нападет следующая чудь. Он, наверное, думал за арбалетом вернуться. А раз не вернулся, плохо дело…

Но огнем бил не он скорей всего. Какой-то маг проходил мимо, увидел, что человеку грозит беда, и решил помочь. Дальгерт усмехнулся. Замечательный лес, в котором в нужную минуту рядом оказывается праздный, но благородный маг.

Или они шли вместе?

Шли вместе, но маг отчего-то не сразу заметил нападение… Шел впереди? Показывал дорогу?

Но как бы то ни было, а на мага лишь чуть позже тоже начали нападать, и на зубах найденного ранее «зайчика» кровь скорей всего уже мага, а не стрелка.

– Эй, Чужак! – позвал Годин. – Теперь ты посмотри!

Охотник крутил в руках длинный узкий кинжал гномьей работы, или же это была хорошая подделка.

– Знакомая зубочистка, – хмуро сказал он. – У Зара такой был. У десятника с Волоков. Он патрули вдоль тракта разводит. Опытный мужик, знаю его.

Кинжал был в крови. У ног охотника лежала очередной дохлый мутант.

– А сколько обычно человек в патруле? – начав о чем-то догадываться, спросил Даль. – И далеко отсюда до заставы? А до тракта?

Годин глянул уважительно. Сказал:

– Значит, с утра вышли на тракт… потом встретили кого-то чужого. Мага этого и встретили. Видать, заподозрили что-то, решили в Волоки его доставить и пошли короткой дорогой… Впереди, значит, сам Зар, может, еще с ним кто-то. Потом, наверное, маг этот… в центре группы. С ним десятник еще кого мог поставить. Если опасным считал, то двоих или троих. Если нет, одного бы хватило. Последними еще двое… Но если, скажем, в патруле всего три человека было, то другой расклад…

– Так далеко отсюда до Волоков?

– Здоровый человек напрямки за час дойти должен. Но точно не скажу. Тихо!!!

Даль, привыкший подобные команды воспринимать всерьез,

сразу присел и замер, вслушиваясь в настороженную лесную тишь. Хват тоже молчал, жался к ногам хозяина.

Нет, ни звука.

– Показалось, кричал кто-то, – пояснил Годин. Нахмурился, ущипнул себя за бороду. – Только непонятно, с какой стороны.

– Ваши к заставе шли. Значит, и нам в ту сторону.

Охотник нехотя кивнул. Уже понял, что добычи сегодня не прибавится.

В молчании двигались еще четверть часа, по пути изредка замечая и показывая друг другу признаки спешного отступления волокского патруля.

Спустились к ручью. Хват впервые позволил себе отбежать от людей чуть вперед – там, подле старого замшелого валуна, в воде полоскалось что-то белое.

Даль подошел к камню первым, палкой подцепил и вытащил куски белой изодранной ткани. Как будто кто-то раскроил сорочку – большие цельные куски оставил, а рукава, ворот и застежки оторвал и выкинул.

– Перевязку делали. Судя по тому, что осталось от сорочки, перевязывать было чего. Пойдем-ка побыстрей…

Дальгерт уже некоторое время чувствовал, что что-то готовится. Что-то нехорошее и отчетливо магическое. И здесь ни при чем были ни интуиция, ни шестое чувство. Он уже давно заметил, что любое сильное заклинание, даже произнесенное в отдалении, даже не имеющее никакого отношения лично к нему, вызывает ответный отклик в тех заклятиях, которые на его многострадальное тело наложил некромант-недоучка мастер Лек. Если заклинание относилось к области разрушения или было боевым – то еще ничего. А вот заклятия области созидания или разума могли довести его до потери сознания. Потому он и не захотел селиться в посаде. Там чересчур много магов, и они слишком легко пускают свое умение в ход… Ильре, конечно, не сказал – незачем.

Сейчас пока что магия просто ритмично гудела в голове, сдавливала виски. Можно было терпеть.

На стоянку потрепанных стаей людей они вышли всего через несколько минут.

И хорошо, что первым на поляну под огромной, в три обхвата, сосной выскочил Хват. И вдвойне замечательно, что на движение в траве, там, где от ручья довольно круто поднимается узкая тропка, среагировал маг, а не кто-то из стрелков. Пес получил парализующим заклятием прямо по рыжей морде и, жалобно пискнув, скатился под ноги хозяину.

Годин подхватил Хвата поперек живота, ожидая худшего, но

тот дышал, под шкурой уверенно ходили ребра. Даль крикнул:

– Эй, наверху! Осторожнее! Свои!

Через миг над обрывом показался темный на фоне неба силуэт стрелка:

– Кто такие? Что здесь потеряли?

– Охотники из Клеша. Это Годин, а меня Чужаком называют.

– То-то, смотрю, голос у тебя чудий. Стой на месте!

– Зар, ты, что ли? – окликнул Годин, первым поднимаясь по тропе с собакой на руках.

– А, ты, охотник. Этот с тобой вправду, что ли, из Клеша? А не прямиком из болота пришел? Не он этих зверьков с собой привел?

– Чур тебя, десятник. Со мной он. Да у него молодуха в Клеше, их все предместье знает. Хороший мужик, не гляди, что чудь белоглазая.

– Ну, давайте наверх. Расскажете, как прошли.

Под огромной, действительно неохватной сосной расположился маленький бивак. Разгорался костер, над ним уже был устроен литровый алюминиевый котелок армейского вида, какого Даль не ожидал встретить по эту сторону лабиринта. На постеленном дорожном плаще лежал раненый – перевязанная рука зафиксирована, примотана к телу, голова тоже перебинтована. К ноге как раз в этот момент еще один стрелок прилаживал шину из двух молодых осинок. Рядом крутился хмурый пацан лет десяти, одетый в слишком теплую и не по размеру сшитую одежду.

Четвертый стрелок нес стражу, наставив арбалет на непрошеных гостей. Но как только узнал Година, отвел оружие и перестал ими интересоваться – из кустов по-прежнему в любой момент могло выскочить что угодно.

Зар хмуро пояснил:

– Ночью на Ведунке всех болотники погрызли. Нам приказ пришел патрули вернуть и готовиться к нападению. Сейчас в посаде небось ополчение набирают. Эти чуди какие-то новые, такого раньше из болот не лезло. Только как пришли они из болота, так в воду и уйдут. И никакое ополчение их не сыщет. Вот какое у меня мнение. Видели зверьков-то в лесу?

– Так из-за них сюда и пошли, – устраивая обморочного пса на собственной куртке, ответил Годин. – Думали, может, помощь понадобится.

Зар усмехнулся:

– Кабы не маг, никакая бы помощь не нужна была. Погрызли бы и нас. Такие твари ловкие. И быстрые, главное. Мне одна вон в плечо вцепилась, так оторвать не мог, думал, не выпустит.

Ничего, отбились…

Дальгерт огляделся в поисках мага и решил, что это как раз тот, что сейчас занят раненым. Хорошая же у него реакция, если он вперед стрелка и услышал Хвата, и успел сообразить, что Хват – не «зайчик», и сменил боевое, скорей всего, огненное заклинание на более щадящее.

Словно услышав его мысли, маг затянул последний узел, выпрямился и посмотрел на пришлых.

Дальгерт узнал его с первого взгляда, даром что не видел больше года. Даже несмотря на то что все прежние встречи происходили при обстоятельствах, в которых не до наблюдений. И память многие детали успела стереть.

Но взгляд Даль запомнил.

Маг едва заметно улыбнулся и приподнял руку в приветствии:

– Брат Дальгерт! Встретил тебя раньше, чем рассчитывал. Может, и к лучшему.

Уже больше года никто не называл его так.

Даль помимо воли поморщился, перевел взгляд на пацанчика, который во все глаза таращился на него, даже не пытаясь прятать любопытство. И понял, что это не мальчик, а девочка, довольно высокая, большеглазая и конопатая.

– Моя племянница, – представил маг. – Внучатая. Лисия. Она по-вашему не понимает, к сожалению.

Даль собрался с мыслями. У него накопилось столько вопросов, что выбрать главный внезапно оказалось тяжеловато.

– Дальгерт. – Он протянул девочке руку.

Лисия царственно кивнула и подала ему узкую ладонь с таким неторопливым изяществом, словно была минимум дочкой воеводы. Даль легонько пожал тонкие пальцы и перевел взгляд на «двоюродного дедушку».

– Меня зовут Ферг. Знаю, должен был представиться немного раньше. Извини.

– Лучше поздно, чем никогда, – пробормотал Даль.

– Вот именно. – Маг потер уголки глаз. – За год здесь многое изменилось. Насколько я понял, эти новые зверюшки раньше не встречались?

– Лучше поговорить об этом с десятником. Он почти круглый год на заставе.

Голова какое-то время назад прекратила раскалываться. Но сейчас, похоже, все началось снова.

Ферг заметил. Казалось бы, какое ему может быть дело? А нет, зачем-то вывел на солнце, посмотрел зрачки. Пощупал пульс. Даль с усмешкой ждал. Никакого пульса у него не было уже год.

– Давно начались боли? В какой области ощущаются?

Даль пожал плечами:

– Почти с самого начала. Но это мне не мешает. Даже напротив, возникает иллюзия, что живой. Я вроде как уже и привык. Это даже не боль. Как будто давит на виски. И не всегда, а только если рядом сильный источник магии.

– Ильра знает?

– Нет. И не нужно. Она и так…

Договаривать Даль не стал. О чем говорить? Зачем?

Заставить ее влюбиться в кого-нибудь из здешних парней? Какой, интересно, силой? Глупая это была бы и свинская затея. Уйти? Тоже глупо и жестоко. Вот и продолжаешь делать вид, что все хорошо. Что так и надо. Что это именно та жизнь, к которой стремился. Единственная, на какую мог рассчитывать после Лековых лабораторий.

Ферг достал нож, попросил:

– Подставь палец.

– Хочешь проверить, так ли быстро на мне все зарастает, как раньше?

– Хочу посмотреть на твою кровь.

– Какого цвета?

– Есть ли.

Дальгерт молча протянул руку. Прикосновения холодного металла даже не почувствовал. А ранка заросла мгновенно, как Лек и планировал.

Ферг довольно хмыкнул:

– Кровь есть. И она не зеленая. Но без лабораторных исследований ничего о составе и свойствах сказать не могу. Значит, вы ни одной твари живьем не встретили?

– Нет. Лес словно вымер. Ни птиц, ни животных. А что, много их ушло?

– Половина. И словно кто-то команду дал. Потому и караулим. Кстати, о заклинаниях: У меня возникло одно не слишком хорошее подозрение. И если оно верно, то дело может быть плохо. Не замечал ни разу на здешней болотной чуди наведенную магию? Заметить ее сложно, но вдруг…

– Нет. Во время нападения как-то не до того было. А стоит присмотреться?

– Стоит. А еще лучше добыть хотя бы одну живьем.

Даль припомнил слова Година и едва заметно качнул головой:

– Местные чудей добивают и оставляют в лесу. Считают, от них домашняя живность может заразиться. Я их не осуждаю.

Собрались быстро, место костерка прикрыли дерниной. Хват

очнулся без посторонней помощи, но утренняя щенячья резвость к нему так и не вернулась. Трусил чуть впереди отряда, лишь чуть помахивая хвостом.

Без всяких приключений добрались до Волоков, но на заставе остался только Зар. Он потратил четверть часа на доклады и какие-то свои дела, а потом вывел к воротам четверых стрелков:

– Раненого надо в город. Так что, двое берите носилки, двое – в охранение. Вернуться до заката!

Так, под охраной двоих хмурых лучников из десятка Зара, они и добрались до Клеша. По хорошей, наезженной дороге. Правда, с самой незначительной добычей…

* * *

В беленой печи плясало пламя. Веяло сухим жаром.

На лавочке у печки сидела Лисия в просторной рубахе до самых пят и зачарованно смотрела на пламя. Влажные волосы разбросаны по плечам, в руках – недоеденное яблоко.

Ферг отдыхал возле простого, не покрытого скатертью стола и попутно маялся не то совестью, не то дурью. Это он сам так определил собственное состояние. Разве мог он предположить, какой будет встреча…

Всего лишь требовалось найти место, где Лисию можно надежно спрятать на пару недель, и быть уверенным, что с девочкой ничего не случится. Быстро спрятать. Вариантов просматривалось три. Первый – самый простой. Попросить об услуге Фабиана Фабриса. Италиец смог бы обставить это дело таким образом, что никто бы не усомнился в том, что княжна все еще при дворе. Вот только…

Просить об услуге именно Фабриса Ферг стал бы в последнюю очередь. Был бы на его месте кто угодно другой, вопрос решился бы именно так. Мастер Берт или даже его нервный помощник Иштван…

Берт, правда, пронудел бы полдня на тему, как нужно было поступить да каких ошибок следовало избежать. О, уж сам-то тысячелетний странник не оступился бы ни разу. С его-то талантом строить предположения и увязывать логические цепочки.

Если бы Берт в эти дни оказался в Агере, может быть, половину проблем удалось бы решить намного проще.

Но «ибер» никогда не сообщает, где и за какой надобностью его носит.

Второй вариант был бы хорош со всех сторон, если бы не то

обстоятельство, что Горное Убежище на Аррете. А Аррет – это не то место, где следует прятать маленьких девочек. От Спасенного города до бывшего санатория «Олений ручей» четыре горных перевала и пересеченная местность. И неизвестно, какая обстановка…

Оставался третий вариант – тот, который точно не отследит ни один самый хитрый трансильванский шпион. Вариант подбросить княжну Дальгерту и Ильре. Ферг осенью пару раз бывал в Клеше и знал, что они обосновались именно там.

Оба раза он думал зайти. И оба раза что-то мешало. Словно кто за руку держал…

А надо было зайти.

Тогда сейчас не сидел бы дурак дураком, перебирая в уме события вечера и повторяя «Кто же знал?».

«Кто же знал, что вы меня запомнили иначе? Кто я для вас?»

…Ильра его тоже узнала сразу. Втянула в дом за руку, обняла, словно старого друга, а что она о нем знала-то? Что он успел рассказать о себе… верней – промолчать? Но так, словно рассказал что-то значительное и важное.

Втянула в дом, сразу выставила на стол горшок с тушеным мясом и овощами, вынесла хлеб и молоко. Почти силой усадила к столу.

Ферг сидел, уставив взгляд в противоположную стену, слушал, как трещат дрова, и пытался убедить себя, что он не в безопасности, что по-прежнему может надеяться только на себя. Сам себе он казался до противного неубедительным.

И за все это время его ни разу никто ни о чем не спросил.

Сверчок. Синяя тьма за окном, полная звезд. Потрескивание дров.

Полное, совершенное ощущение дома, пришедшее из какой-то другой жизни, не имеющее никакого отношения к прошлому и настоящему…

Ильра проводила Лисию в отведенный ей угол, вернулась. Мягко возмутилась:

– Вы все еще здесь? Идите отдыхать, мастер. Я вам постелила в клети, там сейчас хорошо, прохладно.

Пришлось вставать и идти в темный коридор, который именуется «мост», и на ощупь искать дверь в ту самую клеть…

Важный разговор сам собою перенесся на следующее утро.

* * *

Дальгерт еще до солнца успел сходить к соседям, у которых

дойная корова, за свежим молоком и теперь возвращался, будучи уверен, что гости еще спят. Хозяйка отсыпала ему в придачу почти полную корзину ранних яблок, которых в этом году уродилось без счета.

Однако еще от угла услышал на своем дворе ровные удары топора. В дом не стал заходить, поставил купленное молоко и дареные яблоки на крылечко, отправился на звук. Его догадка подтвердилась – на заднем дворе, между сараем с инструментом и овином, со знанием дела колол дрова Ферг. Босой, рукава и штанины закатаны, куртка, шитая из дорогой замши, валяется в траве. Там же и сапоги.

Даль дождался, когда у гостя закончатся нерасколотые поленья, и сказал:

– Я думал, маги руками ничего не умеют. Только силой разума справляются! Доброе утро.

– Так то – маги, – усмехнулся Ферг. – А я не маг, я по другой специальности.

– Видел я в лесу…

– Сравнил! Если кролика загнать в угол, то и кролик начнет кусаться. А я все-таки зверь посерьезней кролика.

– Ты вчера сказал, что есть какая-то просьба.

– Да. Надо на время – я не знаю, сколько понадобится дней, – спрятать Лисию. У меня сейчас такие обстоятельства, что обратиться могу только к вам.

– Конечно, пусть поживет. Она девочка тихая…

– Меньше недели назад у нее на глазах убили ее мать, вот и тихая. Отец – ранен. Дома оставаться опасно.

Ферг с силой вогнал топор в нераспиленное еще бревно. Потянулся за курткой.

– Воевода ополчение собирает, болотников гонять, – поделился новостью Даль. – Завтра сбор назначен.

С улицы заорал петух. Его крик повторили по дворам другие – предместье просыпалось. Над соседней крышей вился легкий дымок, вдалеке брехал кто-то из дворовых родственников Хвата. День предстоял долгий и трудный…

– Пойдешь? – спросил Ферг.

– Думаю.

– Хорошо. – Гость был уже в сапогах и куртке, только шляпу держал в руке.

Поднял руку, направился к воротам. И Даль вдруг понял – он сейчас так и уйдет, по улице, потом по проселку, на дорогу к заставе. Ни с кем не попрощается, ничего больше не скажет…

Он ведь всегда так уходит, как будто его и не было.

– Может, все-таки расскажешь, что случилось?

Ферг остановился у крылечка – Ильра уже забрала в дом продукты, – обернулся:

– Сына у меня украли. Знаю кто, догадываюсь зачем… Но быстро найти не удалось. Там маги были, ушли в Междумирье. Я не бог, отследить переход по остаточной силе не могу. Но если я прав, скоро объявятся… объявятся, а я – здесь…

– Как же ты так…

– Никто не знал. Я… доверял не тому человеку. Поддался, – он усмехнулся, – сентиментальному чувству.

– Расскажи. Пойдем в дом, может, вместе чего придумаем.

Ферг дернул плечом, словно отрицая саму возможность придумать рациональное решение, но спорить не стал. Вошел следом.

– Я даже не знаю, с чего начать… Впрочем, начнем с главного.

Гость вновь закатал рукав на левой руке, продемонстрировал Дальгерту четко прорисованную, выполненную по всем правилам татуировку звезды Хаоса. Разве только не заключенную в лодочку-глаз, как это было у схарматов.

После незначительной паузы Даль осторожно спросил:

– Я должен оскорбиться? Возмутиться?

Он еще не придумал и сам, как отнестись к этой новости. Татуировка была самой настоящей, в это поверил он сразу и без всяких оговорок.

Ферг приподнял бровь, пояснил:

– Должен же ты знать, с кем имеешь дело.

– Так мальчика похитили наши? Орден Равновесия такими вещами не занимается… Да и зачем?

– Орден Равновесия сам толком не знает, чем занимается. Нет, не они. Эти. – Он кивнул на татуировку и закатал рукав.

– А «эти» своим обычно приказывают.

– Так то своим.

Даль вспомнил «так то маги». Ну да, ну да…

– Ни разу не слышал, чтобы кому-то удалось избавиться от такого украшения.

– А я, Даль, до сих пор не уверен, что мне удалось. Так что я не маг – стараюсь вообще не пользоваться этими способностями.

– Почему?

– Все, что предлагает Хаос, все, что кажется дармовой силой, позже к Хаосу и возвращается. Окупается сторицей. Хаос, если можно так выразиться, работает на будущее. На какую бы благую, как тебе кажется, цель ты ни применил бы дарованную силу, все, что сделано тобой, обратит однажды в пыль не только самое себя, но и то, что рядом. Уничтожит, не оставит следа. Хаос – это не

зло, нет. Это всего лишь твое личное предательство самого себя.

– У нас его иначе описывают. Но, по сути, наверное, ты прав. Никогда не думал, что это может быть важно для тех, кто согласился носить на теле такой рисунок. Мне казалось, эти люди прекрасно понимают, на что идут и что их ждет.

– Иногда, когда это нужно для дела, Хаос не только соблазняет, предлагая реальные блага и настоящую власть. Он умеет и убивать, и ломать. Я был талантливым глупым молодым магом, наделенным по праву рождения некоторой властью. После войны у Хаоса осталось мало сил. Такие, как я, им были нужны, и в средствах они себя не ограничивали.

– Орден…

– Орден на Альтерре – это немного не то, к чему ты привык на родине.

– Да?

– Конечно. Как ни забавно, именно здесь орден больше всего жаждет выглядеть третьей силой, силой Равновесия в чистом виде. И именно здесь у них это не получается. Знаешь почему? А просто потому, что в условиях отсутствия второй силы третья не нужна. Хаос, не он сам, конечно, его маги, обосновавшиеся здесь с самого начала, повели себя как новые амбициозные претенденты на мировое господство. В те времена, когда они обладали реальной властью, попросту не было в мире никого, способного с ними конкурировать. Брандейцы и стали первой силой… – Ферг поморщился. – В представлениях обывателей они заняли нишу сил зла. А орден, который всю дорогу только тем и занимался, что пытался окоротить их… Вот ему и пришлось поневоле занять место сил добра и света. А третьей силы на Альтерре нет. Так и не появилась.

Даль чуть улыбнулся:

– Уходишь от темы.

– Да. Извини. Кажется, если буду что-то делать, ситуация изменится. И знаю, что надо просто ждать. Они обязательно сами придут и скажут, чего хотят… Извини.

– Знаешь что… а пойду-ка я с тобой. Далеко это?

– Даль…

За его спиной, оказывается, уже какое-то время стояла Ильра. Стояла и слушала. И все слышала.

«Если она попросит, я не смогу уйти. Стоит ей сказать одно слово и…»

Она подошла к столу, присела с краю:

– К осени-то вернетесь?

– Стоп! – Ферг мрачно посмотрел на обоих. – Не надо. Я придумаю что-нибудь. Варианты есть…

По голосу было понятно, что сам в эти варианты он не верит. Даль перевел взгляд на Ильру. Она, оказывается, ждала этого. Смотрела на него серьезно и строго. Как будто все понимала. А может, и вправду понимала. Самая лучшая, самая красивая… самая далекая.

– Мы с Лисией справимся, – тихо, но твердо сказала Ильра. – Если что, соседи помогут. Так надо…

Дальгерт медленно кивнул:

– Вернемся. Если не к осени, то к первым заморозкам.

Ферг смотрел на них и думал: «Что же я делаю? Я снова вмешиваюсь в чужую судьбу. Почему я промолчал, почему вдруг согласился? Не собирался же. Вообще не собирался здесь задерживаться…»

– Вернемся, – занемевшими почему-то губами подтвердил он.

Глава 12

Трактир в деревне был маленький. Просто дом, крытый соломой, вся разница с обычным жильем – наличие обеденного зала с рядом крепких столов. Ну, еще хозяйскую часть отделяла деревянная перегородка, за которой винный бочонок и кринки с простоквашей.

За оконцем начинался дождь.

Ферг сидел у стены, ссутулившись, прикрыв глаза. Перед ним стыл ужин. Дальгерту еда не требовалась, и он просто ждал, когда наконец его спутник проснется и объяснит хоть что-то. Но тот медлил, и Далю оставалось наблюдать, как по стеклу катятся капли, а в них отражается перевернутое небо.

– Где мы? – так и не дождавшись объяснений, спросил он.

– Это место называется Агдоле. Так же, как и пещеры. Отсюда до Агера три дня верхом, если поторопиться. Но в Агер нам не нужно.

– Да?

Ферг выпрямился, посмотрел прямо:

– Да. Мы едем на Тису. У старой заставы окажемся послезавтра, если не будет проливных дождей. За рекой отыщем части моравской армии.

– Зачем?

Ферг пожал плечами:

– Я уполномочен пообещать им помощь в войне с Мурешем от имени княжества Паннонского. Муреш – последний оплот последователей Хаоса. Они, видимо, надеялись потихоньку завладеть землями между горами и рекой, но тамошние землевладельцы попросили помощи у Моравии и у нас. А у Паннонии мирный договор с Сибу… Сложно, да?

– Сибу – это страна?

– Это столица Трансильвании. А Муреш долгое время считался частью этой страны. Этакое государство в государстве. Сейчас вроде как это два разных княжества. На картах даже границу можно провести. Но то на картах и на словах. На самом деле, конечно, действуют они сообща, и нетрудно догадаться, кто в этой паре мозг, а кто руки. Сейчас дела обстоят так: Муреш захватил несколько землевладений в долине Тисы, но войска им поставляет Трансильвания, хотя в их армии полно магов, которые обращаются к Хаосу, то есть выходцев собственно из Муреша. К середине лета продвижение мурешских войск на север и на запад замедлилось. А вот сами загорские князья, те, которые не сдались в плен и не были захвачены, скапливают на своих территориях

силы, необходимые, чтобы окончательно остановить врага, а лучше – отбросить обратно за реку. Но Мурешу не спешит. Занимаются тем, что укрепляют отвоеванные замки, обучают солдат, новые отряды подгоняют. А протащить их через горы очень непросто. Моравия чувствует ответственность за то, что там происходит, – как-никак Загорье – это земли, доставшиеся после войны именно им и заселенные именно их дворянами, отличившимися в боях… В общем, князья моравские отправили в Загорье часть своих регуляров. Я от имени Паннонии собираюсь обещать им подкрепление в виде гусарского «лисьего» полка. Он как раз дислоцирован у наших восточных границ.

– Ты можешь это сделать?

– Да. Я почти уверен, что Лоранта похитили по приказу и с ведома тех, кто командует мурешскими войсками. Если где его и искать, то там.

– Что дальше?

– Дальше? – Ферг снова опустил веки. – Дальше мы доберемся до линии фронта. Ты присоединишься к отряду разведчиков, я, когда получу все необходимые сведения, отправлюсь в южный гусарский полк, а затем – в Агер. Доложу князю о принятых решениях.

– Не уверен, что ваш князь…

– Наш князь тяжело ранен. К тому же он – мой родственник.

К их столу подошла хмурая хозяйка:

– Господа ничего не едят. Вам не понравилось? Я распоряжусь наказать кухарку…

– Все хорошо. Мы просто устали. Кухня у вас отличная.

– Господа будут ночевать?

– Да, но уедем еще затемно. Нам понадобится в дорогу хлеб и сыр.

– У нас пироги вкусные, – заверила хозяйка. – Все в дорогу берут. Отличные пироги! С мясом есть, а есть – с ягодами…

– Вот и хорошо. – Ферг чуть улыбнулся: – Подготовьте корзину.

– А вино…

– Вина не надо, воду.

Она ушла.

Доктор поковырял вилкой в остывшем жарком, но есть все-таки не стал.

– Идем, Даль. Завтра трудный день, нужно отдохнуть.

– Отдохни. – Даль пожал плечами. – Я тут побуду. Кстати, смысл оставлять меня с разведчиками, если я ни слова не понимаю…

– А вот вопросами языка мы начнем заниматься прямо сейчас.

И продолжим завтра, в дороге.

И он сдержал обещание.

* * *

Межреальность – это мир света, отделенного от тьмы, мир странных дорог и чудовищ, место ночи.

Бела слышала о нем – безусловно, слышала когда-то раньше. Но и представить не могла, что однажды окажется там сама…

Небо казалось белесым и низким, словно потолок пещеры. Но рукой до него все равно не достать. Под ногами тоже что-то было. Оно слегка пружинило, упруго и не страшно. Нечто, что заменяло здесь земную твердь, поросло не то мхом, не то низенькой, почти фиолетовой травой. Света было мало, и горизонт терялся в хмурой мгле.

Голова немного кружилась, но это скорей всего было следствием перехода. Бела заметила, что кое-кто из отряда Чордаша жалуется на слабость. Пожалуй, прекрасно чувствовал себя только орк. Он невозмутимо двигался вперед, безуспешно пытаясь подстроить свой шаг под скорость шагов сгорбленного старика, который указывал тропу. Тропа, к слову, была едва заметной. Она не извивалась, не петляла, убегала куда-то в белесую туманную мглу впереди.

Девушка поправила узел на плече и еще раз порадовалась, что на представление нового трансильванского посла отправилась не в просторном платье, украшенном рюшечками и кружевами, а в любимом «эльфийском» наряде. Он не стесняет движения и не мнется. И ткань, пусть и выглядит легким шелком, на самом деле очень прочная. Может, и вправду эльфийская. Хотя, говорят, эльфы не любят черный цвет…

…Туман кончился, а видимость лучше не стала. Старик остановился у перекрестка, распорядился: «Будем отдыхать». Орк немедля избавился от ноши – уложил мальчишку на землю. Жестом подозвал Белу.

Жив? Спит? Без сознания? Не станут же они тащить с собой труп?

Лорант тяжело дышал, у него был жар. Недаром к нему в палату не пускали посторонних. Раньше там даже постоянно дежурил маг-целитель. И только когда ожоги начали заживать и исчезла непосредственная угроза жизни, с ним на ночь стала оставаться сиделка.

На нем была лишь просторная больничная сорочка. Бела проверила бинты на ногах, не сбились ли. Но не смогла понять.

Ей никогда не приходилось делать серьезные перевязки, да и в госпитале она имела дело с пусть ничего не помнящими, но физически здоровыми детьми.

– Почему жар? – резко спросил орк.

– Доктор говорил – инфекция. Обычно такого удается избежать, но это если обожженного больного сразу госпитализируют. А тут дня два прошло. Или три. Врачи первым делом занялись ожогами, ожоги на тот момент представляли бóльшую угрозу для жизни. Но это все я слышала лишь краем уха. Долго будем отдыхать?

Ответил старик:

– Дорога плохая, тяжелая. Надо разобраться. Отдыхайте, пока есть время. А я посмотрю…

Чордаш вскинулся:

– Один не пойдешь! Я не желаю застрять здесь по твоей милости. Сухмет! Давай с ним. И возьми кого-нибудь в пару.

Разведчик усмехнулся, перевел взгляд на Хагра. Тот кивнул, подтверждая приказ. Трое ушли. Остались пятеро.

Бела развязала наспех собранный узел. Что там?

Белый порошок без запаха. Присыпка? В коробочке бурые пилюли. Тоже непонятно, что и для чего. Склянка с солоноватой водой. Какая-то еще запаянная склянка… Еще пилюли, белые. Йод, спиртовой раствор. Ни с чем не спутаешь. Бинты. Бинтов, кажется, много, но на самом деле, наверное, хватит на две или три перевязки. Впрочем, возможно, ожоги уже не так страшны. «Что же делать? Что со всем этим делать?»

Она решительно выкинула незнакомые лекарства. Оставила только те, чье назначение очевидно.

Хагр потерял к ней всякий интерес, отошел к главе отряда. Бела прислушалась, но так и не разобрала, о чем таком они говорили. Остальные устроились на здешней «почти земле» неподалеку от тропы и приготовились ждать. Кто-то из-за пазухи достал измятую и усыпанную крошками краюху, кто-то потянулся за флягой…

Бела осторожно потрогала лоб мальчика. Убрала слипшиеся волосы. Мыслей не было, как и идей… а голова кружилась все больше. Ей хотелось вернуться. Ей нужно было вернуться…

Закрыла глаза, чтобы успокоить вращение мира, но это не помогло. А через миг она услышала голос Чордаша над собой:

– Поднимайтесь. Пора двигаться!

– Куда мы идем?

– Возвращаемся в Трансильванию. Самым коротким из возможных путей… если старик не наврал. А вы, госпожа Вораш, ответьте-ка мне, почему я вынужден был искать вас по всему

Агеру? Почему вы сразу не рассказали мне о мальчике? И что заставило вас решить, что мальчик – это то, что нам нужно? Если вы ошиблись или намеренно меня обманули…

– Не собиралась вас обманывать, господин посол. Но вы хоть понимаете, что из-за этого похищения вы фактически оказываетесь вне закона? Вы подставили под удар не только себя. Все дипломатические отношения между нашими странами. Уничтожили практически все, что так долго создавал мой отец!

Если бы Белала была в состоянии кричать, она бы кричала. Но головокружение, вопреки утверждениям старого проводника, только усиливалось. Мешало думать. А любой громкий звук сбивал с мысли.

– Я сделал то, что должны были сделать вы.

– У меня не было приказа похищать больного ребенка. Даже та бумага, которую вы привезли, – это всего лишь распоряжение собрать сведения…

– Если мы будем жевать сопли, как эти идиоты, последователи Заточенных, то снова проиграем. Мы должны действовать решительно и наносить упреждающий удар. Пусть наш противник пребывает в растерянности. Пусть он ищет этого своего сопливого отпрыска. Так с ним проще будет договориться.

Бела представила себе Ферга как живого и лишь покачала головой. Договариваться он не будет. Договариваться не стал бы даже Ферг прежний – тот доктор, которого она впервые узнала возле сгоревшего храма, где погибла Зарина. А этот, нынешний. Князь Мертвецов. Нет, ставить ему условия Чордашу вряд ли удастся. Кишка тонка.

– Вы даже не знаете, кто ваш противник, – без всякого выражения сказала она. – Зачем он вам?

– Я выполняю приказ…

– Вы превысили полномочия…

– Не вам судить о моих полномочиях!

– Тем, кто отдал этот приказ, мальчик в любом случае нужен живым…

– Да какая разница? Сдохнет и сдохнет. Его папаша, если это действительно он, сам прискачет в Муреш, а именно этого нам и надо.

– Он потребует доказательства и даже пальцем не шевельнет для вас, если вы эти доказательства ему не предоставите. Впрочем, как знаете. Я отвечаю только перед советом магов и не намерена скрывать ни ваших слов, ни ваших поступков.

– Это угроза?

– Нет.

Голова кружилась неимоверно. Но не просить же помощи у

Чордаша? Бела поднялась и прошла немного вперед по тропе, оставив мурешского мага позади.

Но успела услышать замечание Хагра:

– В ее словах есть резон.

– Что сделано, то сделано, – вскинулся маг. – Я не собираюсь ни перед кем отчитываться. В особенности перед тобой…

Белала же в тот миг перестала вовсе слышать или воспринимать то, что происходило вокруг. Она была центром зеленоватой, чуть светящейся паутины. Нити паутины проходили через людей, но истончались с каждой минутой. Особенно густо они сплелись возле мальчика, и Белала успела подумать, что это что-то значит. За поворотом, чуть в стороне от тропы, маячил свет. Далекий, тусклый, подобный выходу из пещеры.

Почему-то показалось, что там воздух, там свобода. Ей – туда. И безропотно встала и пошла она вместе с остальными только потому, что старик повел их в сторону этого самого выхода. Кружилась голова, а надо было придерживать узел, чтобы не рассыпался, и делать вид, что с ней все в порядке. Что она по-прежнему в состоянии отвечать за свои поступки и на простые вопросы.

Но потом стало ясно. «Выход» останется в стороне. Они лишь пройдут мимо, едва коснувшись его свежего дыхания, и канут дальше – в пугающую пустоту Междумирья.

Быть рядом и пройти мимо – что может быть страшнее?

Бела поняла, что вот-вот упадет. Не в светлое пятно, в ткани реальности, а просто на землю. В такие моменты не до гордости. В последний миг перед падением, в надежде устоять, она схватилась за одежду того, кто шел рядом. Это оказался рукав разведчика Хагра, который нес Лоранта.

То, что Хагр, опытный разведчик, оступился, можно было счесть лишь следствием усталости, да еще внезапностью, с которой Бела его ухватила, – до того вроде шла тихо и ровно…

Хагр оступился и, увлекаемый падающей в пустоту девушкой, стал падать сам.

И он знал, что в ту же бездну падают все. Старый проводник, судорожно вцепившийся в свой амулет, Сухмет и другие разведчики-люди. Мальчик Лорант. Сам Ладжус Чордаш… все, кто в тот миг был на тропе. Все, кто оказался рядом с невидимой ловушкой.

* * *

– Почему ты не отрастишь волосы?

Ферг спросил на наречии местных мадьяр, старательно проговаривая звуки. Его ученик делал успехи. Профессиональная память разведчика позволяла Дальгерту быстро схватывать азы, к тому же корни многих слов оказались вполне узнаваемыми.

– Я слышал, – ответил он медленно, – что у покойников продолжают расти волосы и ногти. Но только у свежих покойников. Я к этой категории, видимо, уже не отношусь.

Волосы у него и впрямь едва скрывали полоски металла на затылке и висках. А в монастыре, Ферг помнил, у Даля была куда более пышная шевелюра. Так носили, впрочем, многие молодые служители. Наверное, в этом крылся какой-то сакральный смысл.

– Ты не покойник. – Доктор нахмурился: – Если бы это было так, я сам бы тебя упокоил по дружбе. Не хорони себя раньше времени.

Переправа осталась далеко позади. Часто стали попадаться конные разъезды в цветах Моравского княжества, с голубыми флагами, на которых топырила крылья моравская клетчатая орлица.

Всякие вопросы у дозорных исчезали, стоило Фергу продемонстрировать им особое кольцо. Очевидно – известный всем знак княжеского доверия и уважения. Иногда же он довольствовался тремя словами какого-то заклинания, после которых всякий любопытствующий интересоваться переставал и продолжал идти своей дорогой.

– Ловко у тебя выходит, – попытался сменить тему Даль. – Раз – и забыли, о чем хотели спросить.

– У нашего мира есть родной брат. Сложный и интересный мир, в котором магии нет и никогда не было. Зато там живут очень изобретательные люди. Они придумывают замечательные сказки о добре и справедливости. Иногда их сказочникам приходят весьма здравые и интересные идеи, которые просто руки чешутся попытаться реализовать…

– Совсем без магии? Не верю. Не бывает. Хотя бы мастера Слова должны быть.

– Совсем ничего. Телепатия считается выдумкой уфологов – людей, изучающих инопланетных пришельцев. Уфологов называют немного сумасшедшими, потому что в этих пришельцев там тоже никто не верит.

– Занятно. Но что там может быть интересного?

– Я прожил там больше десяти лет.

– Скрывался?

– Учился. Когда стало ясно, что откат от моей опрометчивой магии нельзя отменить и люди продолжают гибнуть, я решил, что единственный способ остановить магическую эпидемию – это

понять ее причину и воздействовать на нее с помощью амулета. Мне казалось, это будет не сложно.

– А вышло?

– Все сложилось совсем иначе. Я ведь не сразу до этого дошел. Я даже не сразу осознал масштабы бедствия… вернулся в Агер, подписал отречение от княжеской короны…

– Стоп! Я и не знал, что ты князь!

– Какой я князь…

– Расскажешь?

– Нет. Это нагромождение идиотских поступков, о которых тяжело вспоминать. Все могло быть иначе…

Даль не стал расспрашивать дальше. Он уже твердо знал, что рано или поздно, а эта история станет ему известна вся, от начала до последней точки.

* * *

Из щели в шторах лился слабый свет. Эрно сидел в глубоком кресле и смотрел на брата, который как раз выглядывал в эту щелочку. Лучи высвечивали его профиль.

– Это неправильно, – наконец сказал Джерго.

– Список темных, участвовавших в заговоре, у тебя на столе. Постарайся их не упустить. Орден тебе поможет.

– Почему ты не хочешь рассказать правду?.. Тебе бы поверили. Я же верю.

– Не надо. Я не останусь, это решено.

Джерго опустил взгляд. Было видно, как он мучительно подбирает слова. И не может подобрать самые правильные.

– Я не хочу, чтобы тебя считали предателем и убийцей. Они же говорят, что ты убил Эдит! Иногда хочется поотрывать им их поганые языки. Почему все так…

– Спокойно. Я уйду, сплетни утихнут. Все наладится. Мы уже победили. Выжившие маги присягнут тебе как новому князю. Армия и так твоя с потрохами.

– Эрно…

– Ферг.

Он чуть улыбнулся и надвинул на лицо темную шляпу с обвислыми полями.

– Странное имя. Как будто иноземное.

– Под этим именем меня знали в сопротивлении. Просто набор букв.

Джерго поднял со стола список. В удивлении воззрился на брата:

– Граф Теранен?

– Да. Очень хитрый и скользкий человек, будь с ним осторожней. Не стесняйся просить помощи у ордена. – В голосе Эрно скользнула легкая усмешка. – Скажи, что меня тайно казнили по твоему приказу. Чтобы не позорить род, например. Фабрис возрадуется и окажет тебе любую посильную помощь. Но власти ему много не давай – глазом моргнуть не успеешь, как по всему Агеру начнется грандиозное строительство храмов их нового Бога. Нет, ничего против я не имею, но, на мой взгляд, стоило бы рвение италийца направить в какое-нибудь более нужное русло. С ума сойти. Поучаю тебя, как мальчишку. Хоть кулаком по столу стукни, а? Скажи, чтобы я выметался и прекратил читать нотации…

– Вернешься еще? Куда ты теперь?

Эрно выбрался из кресла. За минувшие дни он сильно исхудал, но усталым или убитым горем не выглядел.

– В Моравию. Кажется, там нашли способ добраться до Заточенных. Надеюсь, еще один маг лишним не будет.

Сказано это было без угрозы, но Джерго почему-то вздрогнул, как будто его обдало сквозняком.

– Я оставлю твои комнаты тебе. Никто туда не сунется.

– Благодарю.

Эрно подошел к брату, сжал его плечо на прощание:

– Увидимся. Пора мне. А то сейчас нагрянет твоя бдительная стража, и придется нам отвечать на неудобные вопросы…

Джерго хотел обнять брата на прощание, но тот уже отстранился, быстро направился к выходу.

Осталось только шепнуть:

– Увидимся. Удачи тебе!

* * *

Костры большого лагеря – это красиво. В августовских сумерках особенно. Небо кажется огромным, звезды близкими, воздух пахнет древесным пламенем. Ферг невольно подумал, что тридцать лет назад все было почти так же – разве что лагерь, в который он спешил, существенно меньше, а времени на разглядывание пейзажей не оставалось совсем.

Сейчас плыл над заросшими полями настоянный на травах воздух, из канав и от реки тянулись пряди тумана, и кони ступали в него, как в молоко. И не спешили. Далекие звуки долетали слитно, в них терялись отдельные голоса, эхо кузнечного молота, ржание лошадей. Большой военный лагерь

готовился ко сну…

Даль прикинул преодоленное расстояние и только головой покачал. Двигались быстро. Целый день, до ночи с раннего утра. Притом старались не утомлять лошадей, которые, хоть и были обучены ходить под седлом, все же особой выносливостью не отличались. Обычные сельские лошадки. Трактирщик держал в конюшне несколько таких в качестве почтовых подстав и продать, конечно, не согласился. С трудом удалось уговорить его на аренду. По мнению Даля, Ферг переплатил за них примерно треть от стоимости. Впрочем, других вариантов не было, и трактирщик мог бы затребовать двойную плату.

Всадников вечернего дозора они увидели издалека. Сразу же остановились – ни к чему нервировать мага или лучника, который наверняка к этому самому дозору присоединен…

Оказалось, решение было верным.

Дозор состоял из трех воинов-лучников, готовых всерьез атаковать любого, на кого укажет маг, и собственно мага – высокого парня в черном плаще под капюшоном.

– Кто такие? – спросил один из лучников, направив ни много ни мало бронебойную стрелу в грудь Ферга.

– Мое имя – Эрно Шорош. Я действую от имени и по приказу князя Паннонского Бертока Шороша.

– Вы его родственник? – вскинулся командир, но стрелу не отвел.

– Дядя.

– Можете чем-то это подтвердить?

– Не нужно, – медленно сказал маг, сдвигая на затылок капюшон. – Я его знаю. Так что забыл за Тисой Князь Мертвецов?

– Иштван Махиз. Рад видеть.

Несомненно, это был он – давний соратник и один из учеников самого «тысячелетнего странника», Берта. В последний раз Ферг видел его два десятка лет назад. С тех пор Иштван успел поседеть и даже немного ссутулиться, но лицо его почти не изменилось. У Ферга всегда была отличная память на лица. У Махиза, как выяснилось, тоже.

– Не могу ответить тем же. Так что вас принесло на моравские территории?

– Предложение помощи и просьба, в которой ваш командир вряд ли сможет мне отказать. Кто сейчас командует? И кого я могу застать сегодня в ставке?

Иштван отвечать не хотел – что явственно читалось у него на лице. Но информация эта не была тайной, а раз речь зашла о помощи, то и вовсе не следовало чинить препятствий гостям. Правда заключалась в том, что Иштван терпеть не мог

заносчивого паннонского мага. Его бы воля, Ферг близко бы не подошел к шатрам.

– Генераль Тхем Ковач как раз собирает штаб. Если поторопитесь, то успеете…

– Благодарю, Иштван. Что слышно от Берта? Чем он сейчас занимается?

– Что вам до того? Неужели придумали еще какую-нибудь подлость…

– Только о том и думаю. Вся моя жизнь – реквием по спокойному сну мастера Берта. Так что там с ним? Нашел, что искал?

– Не знаю. Кто ваш спутник? Я не могу его пропустить…

– Дальгерт Эстан. Маг, на Альтерре недавно. Он еще плохо знает язык.

Иштван уставился на Даля такими глазами, словно у того внезапно отросли щупальца и еще одна запасная голова. На миг он снова показался Фергу тем юношей, которым когда-то был. Порывистым, быстрым в суждениях, решительным, с одной стороны, и невероятно наивным – со всех прочих…

– Мы можем ехать? – вернул дозорного из мира фантазий черствый доктор. – В таком случае спокойного дежурства!

Когда отъехали, Даль сказал:

– Он тебе не рад. Кто такой Берт?

– Да так сразу и не ответишь… Один из магов вашего Ордена Равновесия. Сильный маг, хорошо разбирается в амулетах и старых свитках. Очень не любит брандейцев. Участвовал в нескольких войнах против них. Меня, кстати, тоже не очень любит, но это другая история. В целом – со всех сторон положительный товарищ. А сколько ему лет, никто не знает. Много. Сокол наш тысячелетний…

– Понятно. И как мы будем искать этого генераля?

– Как-как… Самый большой шатер с флагом наверху – наверняка штаб. Туда-то нам и надо!..

Генераль Ковач оказался широкоплечим мужиком самого крестьянского вида и на командующего целой армией не походил вовсе. Однако Даль переменил мнение, стоило ему послушать рассуждения этого громилы, нависающего над походным столиком, подобно тому как утес возвышается над хижиной пастуха. Карандаш в его руке выглядел сущей зубочисткой.

Пропустили их в шатер без разговоров. На этот раз Ферг не стал пускаться в беседу с солдатами, просто предъявил массивное кольцо с печаткой-гербом, легко поклонился генералю и попытался скрыться в тени, на скамье, на которой устроились военные чины, которым по рангу не положено участвовать в

обсуждении. Не тут-то было! Ферга признал один из моравских посланников, в начале лета приезжавших в Агер заключать с Бертоком мирный договор.

– Доктор?! – воскликнул он, поднимаясь с места. – Какими судьбами?!

Молодой человек был, видимо, знатных кровей – никто его не одернул и не принудил сесть на место. В шатре повисла нехорошая пауза.

Ферг кивнул и ему, потом счел своим долгом представиться:

– Прошу простить за вторжение. Меня зовут Эрно Шорош, я родственник князя Паннонского Бертока и прибыл сюда с официальным предложением военной помощи. В Паннонии меня больше знают как доктора Ферга. Вот письмо с княжеской печатью, подтверждающее мои полномочия.

В Моравии про Князя Мертвецов только слышали, да и то не все. И уж, конечно, считали его исключительно вымышленным персонажем, так что Ферг мог, совершенно не опасаясь косых взглядов, называться своим настоящим именем.

– Мой спутник – Дальгерт Эстан. Он представляет Орден Равновесия Аррета. Маг, разведчик. Я ему доверяю.

Огромный полководец кивнул, принимая к сведению новую информацию. Предложил гостям подождать. По его жесту денщик принес две чашки горячего терпкого чая.

Дальгерт не стал отказываться – зачем портить отношения таким очевидным жестом пренебрежения?

– Продолжим, – прогудел Ковач. – Значит, сейчас они закрепились вот на этой линии. По последним сведениям, загорские обороняются вполне успешно. Другой вопрос, как поведут себя маги Муреша, когда поймут, что к загорским идет серьезное подкрепление и позиционному противостоянию вот-вот придет конец…

Как понял из разговоров Дальгерт, вопрос заключался только в том, как быстро удастся стянуть серьезные силы к линии фронта и что за это время предпримет враг. В общем и целом же все было ясно и так: моравские войска самое позднее через неделю присоединятся к дружинам загорских князей, и те перейдут в наступление.

– Вы говорили что-то о военной помощи, – наконец обратился генераль Ковач к Фергу. – Помощь нам бы не помешала. Однако, когда она прибудет, мы успеем пару раз выиграть эту войну. Агер слишком долго размышляет…

– Думаю, все получится сделать немного быстрее. – Ферг проигнорировал выпад о долгих размышлениях Паннонского князя. – Смотрите. Вот этот городок видите? Это Альк. Сейчас

подле него дислоцирован «лисий» гусарский полк. То есть им достаточно перейти Тису. В течение четырех-пяти дней полк сможет присоединиться к вашей армии.

– Это хорошо, – снова согласился генераль. – Однако, как я понимаю, вы желаете обговорить условия?..

– Условие одно: Дальгерт отправляется с вами. Он отличный разведчик. К тому же у него хорошая память, так что вопрос языка, я думаю, будет решен еще до того, как ваши войска подойдут к линии фронта. Если вы согласны, то я сейчас отправляюсь в полк, потом – в Агер. Мне нужно отчитаться перед Бертоком о выполненных задачах.

– В таком случае я выпишу вам бумагу. С ней вас пропустит любой дозор. А пока отдохните – мы выступаем на рассвете, времени хватит, чтобы выспаться.

Ферг принял приглашение.

Спать, однако, не пошел. Выяснил у дежурного офицера, когда вернется вечерний дозор и с какой стороны его ждать, и направился туда. Когда они отошли от ярко освещенного шатра на порядочное расстояние, сказал:

– Извини, что решаю за тебя. Но времени совсем немного, и нет смысла тебе мотаться со мной через всю страну. Все равно через неделю я снова буду здесь.

– Понимаю. Странно, Ферг. Такой прекрасный, развитый мир, в котором ничего не рушится и работает любая техника, и вдруг – допотопные арбалеты, луки, мечи. Почему так?

– Магия эффективней любого огнестрельного оружия. Пистолеты и пушки нужно еще где-то как-то производить, притом, чтобы добиться серьезной дальности и эффективности огня, необходима долгая и кропотливая работа. А специалистов в нужных для этого областях просто нет. Зато есть маги. Обученный боевой маг и обеспечит качественную защиту солдатам, и рассчитает атаку так, чтобы причинить противнику максимальный вред. При этом, как ни странно, армия так и не стала и никогда не станет уделом одних лишь магов. Именно потому, что обученных боевых магов не так и много. И в серьезных конфликтах победу все еще одерживает пехота…

Потихоньку гасли костры, дежурные обходили лагерь по одним им ведомым маршрутам, изредка окликая друг друга.

Ждать пришлось около получаса. Сначала к тропе, у которой устроились Дальгерт и Ферг, подошел отряд ночного дозора – двенадцать всадников, три группы по четыре человека. А потом уже от холмов потянулись отдежурившие солдаты.

– А вот и Иштван! – обрадовался Ферг. – Иштван Махиз! Я жду вас!

Маг неохотно спешился:

– Что еще?

– Мои планы поменялись. Мне нужен Берт, срочно.

– Да? Я его не караулю!

– Рад за вас. И все-таки? Он наверняка где-то здесь. Неужели он упустит возможность наступить на хвост еще одному хаоситу? Ни в жизнь не поверю.

– Ну так ищите!

– Уже почти нашел. Иштван, это дело в равной мере касается и вашего ордена. Время не терпит!

Даль предусмотрительно не вмешивался.

Маг наконец зло стиснул зубы и велел:

– Хорошо. Следуй за мной!

Идти оказалось недалеко. Ферг думал, что Махиз удалится в тот же миг, как они достигнут цели, и ошибся. Тот не мог упустить случая полюбоваться на скандал. В том, что скандал будет, он даже не сомневался.

Берт вышел из палатки, засветил магический шар, чтобы рассмотреть ночных гостей. Из-под светлой челки на прибывших устремился внимательный цепкий взгляд.

– Здравствуй, мастер, – смиренным голосом поприветствовал его Ферг.

– Вот это кого принесло! Ну, входи.

В палатке от магического шара оказалось светло, как днем. Берт жестом указал гостям на низкую лежанку, на которой, видимо, только что отдыхал – походное одеяло было наброшено на нее кое-как. Сам же устроился на складном табурете.

– У меня к вам просьба, – обрадовал его Ферг.

– Да ну?

– Вам нужен хаосит. Вы ведь тоже считаете, что в Муреше скрывается еще один брандеец?

– Я-то считаю. А ты откуда об этом знаешь? Или уже успел подтвердить ему свою лояльность?

– Успел. Теперь вот хочу побыстрей с ним встретиться и лично заверить в своих верноподданических чувствах. Не хватает пустяка. Пары десятков человеческих жертв. Не поделишься?

Берт потер шею, но ничего не ответил.

– Все еще подозреваешь меня. – Ферг снял шляпу, положил на собственное колено. – Имеешь право. Хотя вроде бы и… Ладно. Мне нужен свиток. Один из тех, которые, я знаю, у тебя есть. Свиток портала.

– А больше ты ничего не хочешь?! – возмутился от входа Иштван.

– Хочу, чтобы вы вышли, сударь! Или хотя бы замолчали. Мне

нужен этот свиток, чтобы как можно раньше подписать у Бертока приказ Южному гусарскому переправиться через Тису и присоединиться к моравским войскам.

– Только и всего? Это артефакт из тех, которые невозможно восполнить. Их остались считаные экземпляры. Если каждый по первой необходимости станет использовать такие свитки…

– Берт, вспомни, что было, когда я в последний раз обращался к тебе с просьбой.

Тот нахмурился. Принялся тереть то лоб, то переносицу. Наконец осторожно спросил:

– Ты снова подставил под угрозу жизни нескольких тысяч человек?

– Да! Я всегда так делаю!

Дальгерт неуместно хмыкнул. Но в тот же миг придал лицу серьезное выражение. Неизвестно ведь, что скрывает прошлое этих двоих.

– Плохо выглядишь, – с едва заметной примиряющей интонацией заметил «ибер». – А был, помнится, этаким вечным юношей…

– Удивительные вещи творит с людьми трехдневная щетина и хронический недосып. Ну так что, могу я рассчитывать на помощь ордена?

– Ты так ничего и не рассказал.

– Несколько дней назад в Паннонии была попытка переворота. Я знаю, что к этим событиям причастны маги Муреша. Князь ранен, княгиня погибла. Вам это ничего не напоминает?

Берт почему-то тяжело вздохнул и потянулся к своему дорожному сундуку. Покопался в нем, достал желтый от времени, свернутый в плотный рулон лист. Протянул Фергу.

Ферг не глядя сунул свиток за пазуху.

– Постараюсь вернуться быстро…

– Не верю, – высказался Иштван, – что он может хоть как-то послужить борьбе за Равновесие… просто решает какие-то свои проблемы. А ты его слушаешь!

Берт не ответил. Зато высказался Ферг:

– Это все потому, мэтр Иштван, что за равновесие не нужно бороться. Его нужно просто соблюдать. Иначе и упасть недолго…

Берт, словно забыв и о Ферге, и о своем помощнике, обернулся к Далю. Несколько секунд вглядывался в него, затем сказал:

– На вас, юноша, столько заклинаний, что даже меня завидки берут.

– Попал в плен к последователям Схарма. Слышали такое

имя, мастер?

Берт кивнул:

– Брандеец. Упоминается в некоторых очень старых книгах. Но только там. Мы считали его давно погибшим.

– Он на Аррете. Орден пытается его удержать в ловушке, но всех схарматов переловить нам не удалось. Нас не слишком много…

– Оставлю вас за познавательной беседой, – оборвал друга Ферг. – А мне пора. Постараюсь вернуться пораньше, и с хорошими новостями.

Когда доктор ушел, тишина еще какое-то время висела в палатке. Потом, зашуршав пологом, вышел и Иштван – все интересное закончилось, можно и спать идти…

– Вам действительно хочется знать, что происходит на Аррете?

– Куда больше меня интересует другое. Что за спешка? Я не знаю, что такого должно было в мире случиться, чтобы этот человек обратился за помощью ко мне. Он, насколько я знаю, терпеть не может орден.

– У него сына похитили. Он считает, что те самые маги, которые в Муреше.

Берт не нашелся что ответить.

* * *

Над всем Агером плавилось блеклое знойное небо, слишком жаркое даже для начала августа.

В Китшоэ убрали яркие флаги, над воротами развевались лишь черные ленты – дань памяти по погибшим. На площади плотники сколачивали помосты, число полицейских и стражи выросло почти вдвое. Но горожан эти приготовления интересовали мало. Люди ходили распаренные зноем и удрученные выросшими ценами на продовольствие и на развлечения.

На воротах госпиталя – пять венков из темно-красных роз, увитых черными же лентами, – цветы уже успели увянуть. Каждый венок – жизнь одного из лекарей или пациентов, отнятая налетчиками в ту роковую ночь. На лентах – имена.

Венков могло быть больше. Но Имре все-таки успел в последний момент спрятать от налетчиков, обшаривавших госпиталь, княжну.

По примеру врачей многие горожане тоже стали выражать свою скорбь таким образом, так что к дню возвращения Ферга

город, особенно центр, плотно был украшен траурными венками. Торжественно и строго. По приказу Бертока помосты на площади начали околачивать красным сукном.

Приговор заговорщикам был уже вынесен.

Берток прогуливался по парку – так велел доктор Над. Под кронами пекло меньше, но все равно было отвратительно жарко. И амулет-погодник не собирался радовать. Он уверял, что такой зной продержится как минимум еще неделю. Кожа под повязками чесалась, раны ныли. Берток шел медленно, стараясь делать ровные короткие шаги. И все-таки он был жив, и врачи признавали, что жизни его больше ничего не угрожает…

– Хорошо, что Лисия в безопасности, – сказал он Фергу, бредущему чуть позади. – Если нас с тобой эта война проглотит, останется хоть кто-то из рода…

Ферг кивнул. Он ловил каждую фразу племянника, приглядывался к нему с профессиональным интересом. Мало ли что производит впечатление здравомыслящего человека. Мало ли что слушается врачей.

Берток изменился за прошедшие дни разительно. Не внешне. Стал молчалив. Подчиненных уже громогласно, так что поварята на кухне втягивали головы в плечи, не отчитывал. Стал осторожней, усилил замковую стражу и долго совещался с Фабрисом о том, не стоит ли пригласить в Китшоэ несколько надежных магов…

Он реже стал появляться на людях, часто запирался один в своем кабинете, как ни старался доктор Над убедить его в том, что это опасно. Он стал много читать. В основном книги изречений и философские изыскания ученых мужей. Он завел привычку наблюдать, как тренируются новобранцы на площадке возле самой старой части замка. Приходил, останавливался в тени и смотрел. Потом, через полчаса или раньше, так же тихо уходил.

Но все это можно было объяснить тяжестью утрат и ранами.

И потому Ферг продолжал наблюдать за ним, стараясь ничем не выдать своей тревоги.

– Лето. Жарко. А мне все кажется, будто глубокая осень, – вздохнул князь. – Завтра казнь. Пойдешь?

– Да.

– Говорили, ты не любишь такие зрелища.

– Не люблю. Но должен.

Они снова помолчали.

Князь остановился подле старого дуба с густой кроной. Прислонился к нему плечом.

– Я все думаю, – сказал он, – что история пошла на второй

круг. Все повторяется. Даже противник носит те же имена. Знаю, ты скажешь, что предупреждал. Что вокруг враги и что пока еще остаются последователи Заточенных хоть где-то, покоя нам не будет. Скажи, Ферг, о чем ты думал, когда отец приказал их казнить? Что ты чувствовал?

– Меня тогда уже не было в Агере. Но мне хотелось отомстить. Это я могу сказать точно.

– А мне пусто. Как будто все дела уже закончены, надо только переждать эту казнь. Она как заноза – перетерпеть, и будет не больно.

– После разговора с Джерго я отправился на север. Там чародей Юрато как раз собирал отчаянных и способных магов, чтобы наконец избавить мир от Юргнорда и Дарнара. У меня впереди было два важных дела. Почти неподъемных, как мне тогда казалось…

* * *

…Ветер раздувал плащ парня на высоком вороном жеребце. Красиво это смотрелось – пологий склон, заросший травой, скала, на ее фоне – силуэт всадника.

Эрно глядел сверху на небольшой лагерь на опушке леса, у ручья. Палаток двадцать, обнесенных невысокой оградой из заточенных кольев, направленных в сторону дороги и к тем холмам, с которых теоретически могли попытаться напасть.

Эрно точно знал: в нескольких милях отсюда располагаются основные силы армии. И если бы он шел не от перевалов, а со стороны Богемского тракта, например, то вышел бы именно к ним.

Может, присоединился бы к какому-нибудь отряду из тех, что все еще тянутся с земель, некогда освобожденных от влияния сил Хаоса. Может, там, в огромном лагере, в котором собрались представители разных народов и даже рас, его персоне уделили бы меньше внимания.

Но он-то шел от перевалов, которые опасно близко подошли к карстовым пещерам, где маги и обнаружили кокон с заточенными хаоситами…

И значит, вопросов будет не избежать.

Двое суток почти без сна и еды. Хотелось просто лечь в этом месте и умереть, и пусть ветер шевелит плащ всадника под скалой – хозяин плаща ничего не заметит. Сил на то, чтобы найти обходную дорогу, не осталось. Возвращаться тоже было некуда.

И вместе с тем поддаться этой необходимости –

необходимости покоя и тишины – он не мог. Не имел права. Заточенные были живы. А жители Паннонии продолжали умирать лишь потому, что он необдуманно воспользовался заклятой силой…

Эрно надвинул поглубже широкую шляпу с вислыми полями, перехватил удобней посох и не спеша пошел в сторону всадника. Так или иначе, встречи было не миновать. Так или иначе, ему предстояло ответить на вопросы.

Он преодолел половину пути, когда наконец хозяин лошади как-то на него отреагировал. Пожалуй, он даже смог бы отвести обездвиживающее заклинание, которым, не мудрствуя, наградил его владелец черного плаща, но не стал. Он пришел сам, по своей воле. Он не желает никому зла и готов рассказать обо всем, о чем спросят. Лишь бы сначала спросили, а потом уж принялись убивать…

Всадник спешился и оказался на поверку красивой молодой женщиной. Голос у нее был под стать облику – звонкий и твердый. Хрусталь? Серебро?

– Кто таков? Откуда идешь?

– Мое имя – Ферг. Иду в лагерь мага Юрато. Слышал, он хочет уничтожить Заточенных. У меня к ним тоже есть счет…

– Я спросила, откуда идешь, а не куда!

– От перевалов, из Паннонии. В Паннонии нам удалось избавиться от слуг Заточенных…

– А ну-ка покажи запястья! И тихо, без фокусов!

Ферг ухмыльнулся и показал. Все равно эта магичка знак богов уже почуяла. Отвертеться не удастся.

В тот же миг он снова потерял возможность двигаться и кулем повалился на землю. Это оказалось даже приятно.

Очнулся в лагере, в окружении десятка воинов и магов. Он с недавних пор хорошо научился различать линии магических потоков и тех, кто способен черпать из этих потоков силу.

Попробовал сесть – получилось. На удивление, обездвиживающее заклинание с него сняли, но были настороже, и острия нескольких арбалетов даже не думали отклоняться в сторону.

Теперь следовало так же осторожно встать на ноги. Не смотреть же на этих магов снизу вверх.

Однако ему не дали. Все та же женщина – красавица, черный плащ, светлые волосы – прикрикнула:

– Не дергайся! Сиди смирно!..

Почему-то стало смешно. Десяток сильных магов с самыми серьезными лицами окружили и чего-то хотят от одного странничка, у которого, кроме дорожного посоха, и оружия-то

нет. Несколько секунд он честно сдерживался, но потом смех все-таки прорвался наружу. И стало уже совершенно все равно, кто там вокруг, что будет через миг, как и за какие преступления его сейчас пристукнут. Орден Равновесия! Великие силы! Такие же наивные юнцы, каким он сам был всего полгода назад…

Эрно смеялся в голос – над собой, над теми, кто взял его в плен, над самой этой ситуацией – и не мог остановиться.

А потом кто-то резко спросил неподалеку:

– По какому поводу веселье?

Воины расступились, освобождая дорогу новому действующему лицу. Валяться на песке рядом с новоприбывшим магом было бы неприлично. Эрно поднялся. Хотел вскочить легко и ловко, но усталость и все еще встряхивающий его смех не позволили. Получилось неуклюже и небыстро. К тому же палку предусмотрительные охранники отобрали.

Магу на вид было чуть больше тридцати. Эрно прищурился, оценивая плавные, почти кошачьи движения опытного воина, уверенный, цепкий взгляд. Нет, он старше, чем выглядит. Старше и самого Эрно, и тех мальчишек, которые его только что так героически повязали…

И еще он темный. Так, может быть, с ним можно будет договориться?

Маг безошибочно определил в женщине зачинщицу безобразия:

– Лона, доложи.

– Докладываю! Поймали вражеского разведчика. Шел из Паннонии. А на руке – знак Хаоса! Настоящий.

– Давно поймали?

– Час назад.

– Что-то он у вас какой-то заморенный.

– Мастер Финеас! Это не мы!

Финеас. Так вот он какой, тот самый маг Юрато, победивший Зафира, герой войны…

Да, за таким, наверное, многие шли просто потому, что ему хочется верить. Темный… значит, проходил посвящение. А девчонка смотрит на него влюбленными глазами. Да и остальные от нее недалеки.

Мастер Юрато усмехнулся:

– Верю. А ты что скажешь?

– Я Ферг. Действительно иду из Паннонии…

– Паннония захвачена Заточенными! – вставила слово Лона. – Там даже князь – один из них.

– Нет. Не захвачена. Князь сейчас – Джерго Шорош. И он точно не имеет никакого отношения к Заточенным богам.

– Это хорошая новость. Но можно ли ей верить?

– У него на руке знак! – Лона отчаялась уже донести свои подозрения до мастера.

– Ты маг? – игнорируя замечания девушки, продолжил допрос мастер.

– Наверное, нет. Магией я владею. Но с некоторых пор не пользуюсь.

– Вот как! Почему?

– Разборчив в выборе источников могущества. А что бы вы стали делать, если бы точно знали, что ваша магия – это магия Хаоса? И что все, что вы делаете с ее помощью, делаете только для того, чтобы приблизить его победу?

– По счастью, такой выбор передо мной не стоял. Идем!

– Мастер! – В голосе Лоны сквозило совершенное отчаяние. – Ему нельзя верить!

– Надеюсь, что уж с одним-то слугой Заточенных я справлюсь. В особенности с таким, который едва стоит на ногах…

Против последнего утверждения никто возразить не посмел. Даже Эрно. Хотя очень хотелось.

У мастера Юрато палатка почти ничем не отличалась от остальных, разве расположилась чуть в стороне, и подле нее дотлевал отдельный костер. В остальном поляна была пуста. На удивление, даже защитных заклинаний стояло ровно два. От насекомых и от подслушивания. Правда, первое отличалось изящным плетением и легкостью – скорей всего, его ставила женщина.

У костра лежало несколько ярко раскрашенных ковриков. Узор их состоял из причудливых птиц и небывалых животных.

– Садись.

Возражать Эрно не стал. Коврик оказался удивительно удобным для сидения. Вероятно, в нем была какая-то магия, но первому взгляду эта тайна не поддавалась. От костра веяло дымом.

Эрно огляделся и увидел у ближайшей палатки Лону и одного из ее товарищей. Охраняют!

Вернулся мастер Юрато – с фляжкой и большим куском хлеба. Протянул Эрно. Сказал:

– Из Паннонии доходили противоречивые вести. Но любое вмешательство извне там бы сочли интервенцией. Значит, случился переворот? Что с князем Эрно? Как это восприняли жители?

Эрно основательно хлебнул из фляжки холодную воду. Разбрызгал, конечно.

Вернул флягу владельцу. Медленно сказал:

– Не было никакого переворота. Эрно отрекся от престола и покинул страну. Его семья… они попали в плен к слугам Заточенных, и… вероятно, их уже не спасти. Горожане рады – во время народных волнений удалось уничтожить бóльшую часть заговорщиков.

– Вы так уверенно говорите, словно сами участвовали в тех событиях.

– Участвовал. Немного. Я – князь Эрно.

Пауза длилась несколько мгновений. Потом мастер Юрато очень спокойным, словно ничего и не случилось, голосом заметил:

– Выходит, у меня есть шанс узнать все подробности паннонских событий из первых рук.

Эрно ненадолго зажмурился. А что ты хотел? Знал же, что придется рассказывать…

Просто не думал, что это будет так вот сразу…

* * *

Казнь назначили на утро. На самый рассвет. Всего приговоренных к смерти оказалось семеро, их ждал эшафот и топор палача. Все они были знатными людьми, так что ни один не имел шанса на смягчение приговора. Те, кто мог претендовать на более мягкое наказание, его уже получили. Кто-то оказался в тюрьме, кто-то – в ссылке. Кого-то лишили чинов и наград…

Город справлял очередные поминки по прежним убеждениям.

Ферг корил себя, что даже не попробовал уговорить Бертока остаться в Китшоэ. Князь явился на казнь ровно так, как явились многие горожане. Площадь оказалась полна народу.

И нельзя было ошибиться в настроении толпы. Люди пришли, чтобы убедиться: зло будет наказано! В тот день злом были семеро приговоренных. Семь человек, ответственных за события последних недель. Те, по чьему приказу был убит генераль Хэйдан, человек, известный в Агере тем, что открыл на свои средства военную школу для талантливых мальчиков всех сословий. Генераль был молод, вместе с ним погибла семья – одно это сделало заговорщиков врагами жителей города…

Люди приходили на площадь с красными цветами в руках – знак памяти и скорби. И площадь стала красной от цветов…

Но Ферг больше внимания обращал не на то, что происходило внизу, на эшафоте. Он дословно знал, что скажет приговоренным палач, и знал, что они ему ответят. Ритуал, корни которого пришли из глубины веков.

Важнее было наблюдать за князем. Прошлую ночь они с Надом почти до рассвета проспорили о том, какое лечение рекомендовать князю дальше. Так ни к чему и не пришли: Берток стал скрытным, и до истинных его мыслей и чувств доктора могли добраться отнюдь не всегда.

Князь неотрывно смотрел на площадь. Садиться в кресло отказался – стоял, широко расставив ноги, и смотрел неотрывно на все, что происходит внизу.

Лицо его ничего не выражало, даже когда голова верховного жреца агерской общины Заточенных упала в корзину…

И лишь после возвращения в замок Ферг услышал от него первые слова:

– Знаешь, почему-то не легче.

Он не ответил. Не было у него слов, которые успокоили бы князя. Потому что правду он знал: «Легче не станет. Ни через пять лет, ни через десять. Но ты сделал что должно – а значит, будь что будет!»

Все бумаги, необходимые для подтверждения полномочий Эрно Шороша, были подписаны в тот же вечер. Берток, когда речь зашла о военной операции на востоке, даже немного оживился и лично почти два часа просидел над картами области, словно это ему предстояло вести гусар в бой.

Но еще до заката маги передали послание от отрядов с границы с Трансильванией: несколько военных подразделений – конница и тяжелая пехота – перешли рубеж. Трансильвания вступила в войну.

Ферг ждал, что князь отменит решение. Но тот покачал головой:

– Видимо, сильно не хочет Орель Трансильванский, чтобы я помогал загорским князьям. Ну что ж… у нас найдется, чем их встретить.

И у него действительно нашлось: с давних времен Трансильвания – это самый вероятный военный противник. И, разумеется, именно на юго-востоке Паннонии маневры и учения генерали Бертока проводили чаще всего. И лучшие военные части дислоцировались именно там – в Дулле, Бекше и окресных селениях.

– А «лисы» пусть отправляются на встречу с армиями Моравии. Ничего не будем менять…

Ферг поклонился.

Глава 13

В лицо плеснула горькая вода, Белала чуть не захлебнулась. Закашлялась, пытаясь укрыться от потока. Оказалось, она лежит на прибрежных камнях, и до нее добралась волна прилива – первая, но отнюдь не последняя. Бела, кашляя, приподнялась на корточки, села. Совсем рядом, руку протянуть, лежал орк, все еще прижимая к себе мальчишку. Дальше по берегу уже почти поднялся на ноги мастер Чордаш.

Голова была пустая, словно набитая ватой. Из нее начисто исчезли все мысли, кроме элементарных: холодно, вода горькая, сумерки… надо уйти от воды.

Чордаш побрел, шатаясь, среди лежащих на камнях своих соратников, периодически пиная их, заставляя прийти в себя. Наконец остановился возле старого проводника. Ухватил за одежду, заставил встать на ноги. Бела отрешенно следила за его перемещением.

– Где мы? – зарычал он. – Что это за место?

Старик дернулся, пытаясь вывернуться, но куда там! Мастер держал крепко.

– Не знаю, – наконец сдался он. Голос звучал зло и даже немного испуганно. – Я не знаю! Кто-то сошел с тропы!

– И что? Мы здесь застряли?

– Не знаю! Пока не знаю…

– Хагр! – вновь зарычал Чордаш.

Проснулся и заплакал Лорант. Громко и безутешно. Наверное, орк, поднимаясь, его нечаянно задел.

– Это девка, – хмуро сказал разведчик. – Она меня толкнула.

Чордаш мгновенно оказался рядом, вздернул ее на ноги прямо за спутанные волосы – слезы из глаз!

– Ну! Сука! Что ты задумала? Где мы?

– Не знаю… Голова кружилась. Я упала!

Лорант продолжал кричать.

Бела не выдержала:

– Пусти! Твоим людям тоже плохо! Не мне одной…

Один из воинов Чордаша действительно отполз на карачках в сторону, и его тошнило. Еще один и вовсе даже не смог подняться на ноги.

Бела вывернулась из рук мага и, оступаясь на мокрых камнях, сделала шаг к мальчишке. Склонилась – ссадина на лбу, сорочка, конечно, вся промокла. Бинты на ногах – тоже. Надо бы заменить на сухие… Но где здесь – в воздухе мокрая пыль. Холодно, влажно и душно – такое вот сочетание…

– Хагр, собирай людей! Я с колдуном потолкую.

Он вновь нехорошо зыркнул на Белалу и направился к присевшему на высокий валун проводнику.

Белала приобняла Лоранта, устроила его голову и спину у себя на коленях, начала приговаривать что-то успокаивающее, что-то, во что не верила и сама. И попутно принялась оглядываться по сторонам.

Берег казался пустынным и унылым. Несколько десятков метров до линии прибоя – а потом обрыв, поросший темно-зеленой растительностью.

А море было свинцовым, под стать облакам… которые все больше заполняли небо. Еще немного, и пойдет дождь. Взрослым-то не страшно. А для и без того промокшего насквозь трехлетнего мальчишки это еще одна смертельная опасность…

И кроме шума волн – ни крика птицы, ни шороха. Пусто, глухо. Даже ветра нет…

Белала разглядывала камни, меж которых сохли пряди зеленой морской травы и водорослей. То ли шторм нанес, то ли… А вода прибывала! Очередная волна окатила ее ледяными брызгами.

Девушка неловко подхватила и свой куль, и мальчика и попробовала перейти подальше от воды. Оступилась, упала коленями в мокрую растительность. Но Хагр оказался рядом. Вынул, почти выдернул у нее из рук Лоранта, сказал угрожающе:

– Я понесу!

Бела кивнула, упершись взглядом в водоросли – возразить сил не было. А ведь деревья на обрыве высоко. Нижние склоны почему-то голые…

А в траве – ракушки.

А Чордаш погнал людей искать сухие ветки…

– Хагр, – позвала она негромко.

– Мэтр Хагр!

– Да. Вы бывали у моря раньше?

– Приходилось.

– Насколько поднимется вода? Мне кажется, она прибывает…

Хагр новым, внимательным взглядом окинул берег и склоны обрыва. Нахмурился:

– Скажу мастеру. Возьми!

Он сунул ей в руки Лоранта и очень быстрым шагом заспешил к отдающему распоряжения Чордашу.

О чем они говорили, она не слышала – мешал голос прибоя. Но, похоже, аргументы полуорка убедили командира. Вскоре он вернулся, вновь взял на руки уставшего кричать мальчика и жестом велел Белале следовать за собой. Чордаш решил, что они

пойдут направо. С той стороны обрыв становился ниже, и появлялась надежда каким-то образом подняться наверх, подальше от гибельного прибоя.

Надолго же запомнила Белала этот переход по крутым шатким камням наперегонки с прибоем, под начинающимся дождем!

Когда наконец добрались до места, где обрыв понижался, вымокли насквозь. И только Чордаш и Хагр ни разу не упали на камни…

В этом месте к морю стекал горный ручей, довольно широкий. Его русло проложило дорогу в камнях и тем самым дало шанс отряду вовремя уйти от линии прибоя.

Но дорога оказалась трудной. Берега ручья заросли колючим частым кустарником, который иногда приходилось обрубать. Зато через час неравной борьбы вышли на маленькую, почти круглую поляну, укрытую от моря высокой скалой, а от готового пролиться ливнем неба – кронами четырех высоких деревьев с широкими мясистыми листьями. Раньше таких деревьев Белала не встречала.

– Останемся здесь, – решил мастер Чордаш. – Сюда вода не доберется.

Проводник покачал головой:

– Тревожное место. Как будто здесь раньше творилась великая магия. Ее следы – в камнях… даже эти деревья выросли позже.

Бела бросила тюк на землю. Заставила себя перестать трястись и заняться делом. Каким?

А не важно, как устроятся люди Чордаша. Лоранта она постарается защитить и от наметившегося дождя, и от холода.

Для этого нужно зажечь костер. Высушить бинты, сделать перевязку. Найти какой-нибудь еды. Даже если Чордаш откажется кормить ее лично, о заложнике – а Лорант, несомненно, заложник – он должен позаботиться…

Бела принялась сметать, стаскивать в кучу подле ствола сухие опавшие листья. Как ни крути, а под кроной огромного дерева дождь будет не так страшен…

Увидела, что самый юный спутник мага собирает ветки для костра. Сухмет с напарником куда-то ушел, сам бывший трансильванский посол занят установкой походного шатра. Небольшого такого – как раз с удобством разместиться одному человеку. Наверное, будь рядом хоть кто-то не занятый делом, он тут же стал бы выполнять эту работу вместо мага.

Хагр откуда-то уже тащил сухую корявую валежину…

И только проводник стоял неподвижно, устремив взгляд к

вершине горы, над которой курился слабый темный дым. Дым потом сливался с облаками…

Лоранта трясло крупной дрожью, укрыть его было нечем. То есть у мурешских солдат, может, что-то в мешках и имелось, но Белала не сомневалась, что если попросит, то понимания не встретит…

Значит, нужно развести костер.

Она решительно подошла к Хагру, который маленьким походным топориком разделывал добытую коряжину.

– Нужен отдельный костер, для тепла и чтобы вещи просушить. Лорант совсем замерз. Если мы здесь застрянем, он может умереть.

Орк на секунду прервал работу, пристально вгляделся в лицо девушки. Медленно кивнул:

– Вон там, у скалы. Иди, собирай хворост.

Она решилась. Сказала:

– Если хотим сохранить мальчишке жизнь, то надо его укрыть сухим одеялом.

– Я скажу Чордашу. Иди, женщина.

Бела не стала отвечать. Даже губу прикусила, чтобы только не ответить. Хворост, значит, хворост. Пока что Хагр единственный в отряде, кто высказывался, пусть и неохотно, в ее поддержку. Чордаш с самого начала был настроен убить Лоранта, и мальчик все еще жив только благодаря орку…

Дождь начался, когда сумерки окончательно сменились ночью. Мурешские солдаты за это время успели обустроить лагерь – из шестов связали навес, этакую односкатную крышу, которую закрыли ветками кустарников и широкими листьями местных папоротников. Подле навеса дымил костер, сложенный из трех мощных бревен. Еще один костер, поменьше, горел под кронами деревьев – там под треногой кипел круглый походный котел. Над котлом хлопотал парнишка по прозвищу Сыч, тот самый юный член отряда.

Белала сидела с краю. На кольях, вбитых у костра, сохла рубашка Лоранта и лекарский балахон. Мальчишка дремал, завернутый в чье-то шерстяное походное одеяло. Чье – она так и не узнала.

Чордаш, очевидно, нервничал – часто вскакивал, отходил ко второму костру. Потом возвращался, но не садился, а расхаживал по ту сторону огня, не обращая внимания на моросящий дождь.

Белале его тревога была понятна – Сухмет, который вроде бы отправился с напарником разведать дорогу и найти если не жилье, то удобное место для ночлега, все еще не вернулся. А ведь прошло уже много времени. Да еще проводник с приходом

сумерек мрачнел все больше и все тревожнее поглядывал на склон горы, изредка повторяя: «Страшное здесь место. Нехорошее».

Бела тоже смутно ощущала угрозу, идущую откуда-то со стороны горы. Но отстраненно – как будто опасность отдалена во времени. Если что плохое и должно случиться, то не сейчас. И, наверное, не здесь.

Сыч притащил котел с кашей, а ни Сухмета, ни второго парня все еще не было.

– Может, пойти поискать? – ни к кому конкретно не обращаясь, произнес Моргаш.

– До света из лагеря – ни ногой, – угрюмо оборвал его Хагр. – А то будет как на Истре.

Разведчик мигом притих, а Бела подавила желание переспросить, что было на Истре. Истр – большая, полноводная река, он течет через многие земли…

– Нехорошее место, – повторил проводник.

– Дежурят Сыч и Жосан! – распорядился Чордаш. – Остальные – спят. Вторыми – Моргаш и Урсу. Жосан, разбудишь их, как бревна прогорят. Если вернется Сухмет – разбудишь меня. Еще неизвестно, когда ждать рассвет…

Бела от своей порции оставила несколько ложек каши для Лоранта. Правда, она не была уверена, что сможет накормить мальчишку.

* * *

Сухмет вернулся один, без напарника, когда небо уже начало светлеть, а дождь почти прекратился.

Он брел без дороги, через бурелом и кусты, и назначивший себя утренним дежурным Чордаш его сначала услышал, потом лишь увидел.

Выглядел разведчик страшно – изорванная одежда висела на нем клочьями, руки и лицо оказались расцарапаны ветками. Сухмета шатало.

* * *

Спала Бела чутко и видела непонятные мутные сны, в которых ей кто-то то ли грозил всеми муками, то ли пытался о чем-то предупредить. Сон причудливо сплетался с реальностью, и когда она услышала рядом тихий не то всхлип, не то стон, то

сразу пробудилась, как будто и не дремала.

Лорант проснулся, наверное, немного раньше. Сидел на наваленных вместо подстилки листьях, одеяло сползло с плеч. И очень серьезно смотрел куда-то выше по склону.

Белале стало не по себе. Она проследила его взгляд, но не заметила ничего необычного. Просто лес, какие-то кусты… сквозь них виден склон той самой горы, на которую они, похоже, потихоньку поднимались. Гора – серая громадина, покрытая потеками старой лавы, она, словно великан, смотрит на непрошеных гостей недобрым хитрым взглядом. Не зря маг-проводник назвал ее «нехорошим местом».

У костра, понурившись, сидел Сухмет. Его плечи периодически вздрагивали, из глаз текли слезы. Бела впервые видела, как плачет взрослый сильный мужчина. Зрелище ей не понравилось.

Чордаш потряс его за плечи, спросил:

– Где Сабо? Он жив?

Но тот промолчал. Протянул руки к огню – они тоже заметно дрожали.

– За что? – спросил он сквозь слезы. – За что убил?! Я такой же, как он! Почему убил?

– Кого убили? Кто? Сабо жив?! – вновь прорычал мастер Чордаш.

От ручья с полным котелком вернулся Хагр. Увидел, какие дела творятся, подошел к огню.

– За что, за что, за что… я не хотел причинять зла… я хотел домой… За что?

– Он помешался? – спросил у Хагра Чордаш.

Вместо ответа орк поднял котелок и все его содержимое выплеснул в лицо Сухмета.

– Он убил меня!!! – закричал парень, вскакивая. – За что?

* * *

Генераль Херцог оказался человеком дела. Молодой еще парень, «лис» не стал тратить времени на подробные расспросы, отправил приказы лойтнантам. Так что штаб собрался в течение часа, и за час был выработан маршрут. Городок Альк словно встрепенулся от долгого сна: засуетились поставщики, заторопились обозные службы и финансисты – с Фергом прибыл военный казначей. Заработали в полную силу все цеха и мастерские – особенно сапожные и кожевенные. Единственная захудалая магическая лавка чуть не просела под неслыханным

напором посетителей.

Хозяева радовались – как раз под осенние ярмарки появилась возможность сбыть товар по высокой столичной цене, а немногочисленные местные дворяне устроили праздник в честь офицеров.

На сбор армии было выделено двое суток, и «лисы» показали, что умеют быть пунктуальными.

Выступили ровно в полдень. Блестели кольчуги, переливался на шапках и плащах лисий мех. Ухоженные кони, все сплошь рыжей масти, вышагивали гордо и величаво. День выдался солнечный и нежаркий – самое то, что нужно, чтобы отправиться в путь. До бродов через Тису всего день дороги…

К реке вышли даже раньше, чем планировали. Гусары с удовольствием избавились от тяжелого, пусть и красивого, доспеха.

– Вещи к седлам крепить! Вброд пойдем! – раздался приказ по отрядам, и в стане началось шевеление. Никто не желал остаться с мокрым одеялом или потерять миску в реке.

Брод через реку оказался неглубоким лишь потому, что уже много дней погода в этих местах стояла сухая и жаркая. По оголившимся песчаным берегам было заметно, насколько вода стала ниже.

А на другом берегу уже радостно дымили костры. Службы обеспечения заблаговременно провели на другой берег обоз, так что полк ждал горячий ужин, отдых у давно разведенных костров и поставленные палатки…

Карта сообщала, что до места встречи с моравской армией, городка Севле, полк доберется самое позднее на третий день пути. И все-таки ни разу не было, чтобы кампания развивалась четко по плану. Это-то Ферга и беспокоило. А может, не о чем волноваться? Возможно, противник был уверен, что Берток примет другое решение. Что «лисы» отправятся на юг, вместе с другими паннонскими войсками встречать перешедшие реку трансильванские отряды. Но кто даст точный и однозначный ответ?

Мысли плавно перетекли к трансильванскому послу Чордашу, который, конечно, не стал бы похищать Лоранта без приказа. Да он вообще о нем не должен был знать! Человек, и суток не проживший в Агере…

Важных вопросов было два. Первый – кому и зачем сейчас может быть опасен агерский лекарь Ферг, маг, почти не занимающийся магией, правитель, отказавшийся от власти? Кого в Трансильвании вообще могла заинтересовать его персона?

Второй вопрос – кто его предал. Кто рассказал Чордашу, за

какое чувствительное место Ферга можно ухватить?

И если первый вопрос оставлял широкое пространство для предположений, то на второй, пожалуй, Ферг мог бы ответить практически однозначно. Графиня Вораш.

Если отмести все проверенные варианты, то остается один, невероятный, но очевидный.

Да, она сражалась на стороне Бертока. Она спасла Лисию. Одного вероятного наследника спасла, второго, очевидно, подставила под удар. Могла ли она знать, что княжеский престол, да и титул ребенку Эрно Шороша не грозит?

В качестве наследника княжества Паннонского Лисия, несомненно, выгодней Трансильвании, нежели Лорант. Девочку рано или поздно выдадут замуж. И не просто так, а с далеко идущими политическими планами. Например, чтобы получить договор о вечной дружбе и беспошлинной торговле с той же Трансильванией. А если она будет единственной наследницей, то в конце концов князем Паннонским станет ее муж.

Можно ли предположить, что Белала Вораш руководствовалась такими мыслями? Предположить-то можно…

И все-таки, казалось ему, для воплощения этого сложного плана нужно быть человеком иного склада. Более хитрым, расчетливым, меркантильным. Графиня слишком воин, для того чтобы быть хорошим политиком.

Белала…

Вспомнилась ночь после похорон княгини Дорики.

Княжеский кортеж отправился в замок, а он сам сбежал по дороге, препоручив князя доктору Наду. Хотелось спать, но для утренней церемонии еще не все было готово, и в гостиной дожидались посыльные, а дежурный ученик помахал пачкой писем. Ферг махнул в ответ и скрылся в кухню, надеясь, что хоть там удастся остаться в тишине. Она была там. Бела Вораш.

Тогда он увидел ее совершенно с другой стороны. Верней, ему показалось, что увидел. Одна, в чужой стране. В городе, где ей никто не верит и не желает добра. Но тем не менее она не пытается ни обелить себя, ни уехать из Паннонии. Ведет себя так, будто ей все равно, что о ней подумают. Как будто действительно ни в чем не виновна. И не просит помощи… наоборот, сама предлагает помощь. Обязательно ли искать рациональное объяснение всем ее поступкам?

Если бы все обстоятельста так легко не складывались в простой и понятный узор, если бы было хоть одно объяснение, которое подтвердило бы вину любого другого человека…

Может, есть кто-то еще, кто принимал за графиню решения и подсказывал, что и как надо делать. Может.

Вариантов – десятки.

Но все-таки зачем, зачем она рассказала о Лоранте Ладжусу Чордашу?

* * *

Полк двигался вперед. Это было уже Загорье – земли, формально относящиеся к Моравии, но на самом деле автономные. До недавнего времени здешние князья были сами себе хозяева и не платили дань никому. Теперь их разделяла четкая граница – линия фронта. Север района был по-прежнему свободен. Однако земли по берегу Тисы и за Еловой горой, территории северо-восточнее Севле – все это теперь принадлежало Мурешу.

Сам Севле оставался пока свободным. То есть войска Муреша туда не входили, никого не убивали и не чинили погромов. Однако, по мнению многих, он был следующей целью их командиров – город методично окружали со всех сторон…

Пожалуй, то, что сбор войск был назначен именно там, давало ему шанс выстоять в войне.

О близости фронта говорило многое. Брошенные поля, на которых погибал урожай. Наполовину опустевшие деревни. Патрули на дорогах…

Везде гусар встречали с ликованием. Мурешская армия занималась в том числе и тем, что реквизировала в свою пользу у населения все, что им понравится, – от продуктов до домотканых полотенец. В лице паннонских солдат люди видели грядущее избавление…

Следующую ночь полк провел подле крохотной деревушки, чье название совпадало с названием ручья, на котором она стояла. А к обеду следующего впереди показался и Севле…

* * *

– Ну что, старик? Долго мы здесь будем отдыхать?! Время не терпит!

Проводник мотнул головой, словно отметая аргументы собеседника.

– Этот мир чем-то похож на ваш. Из него так же тяжело найти путь в Междумирье. Но, пожалуй, нам повезло, что мы оказались здесь…

– Шутишь? – Чем дальше, тем больше вещей раздражало

Чордаша, и он все чаще срывался на окружающих. Белала старалась, чтобы он ее вообще не видел и не слышал. Благо теперь у нее было на одну заботу больше – Сухмет никак не желал прийти в себя. Его словно зациклило на том, что кто-то его убил, при этом убил ни за что, просто так.

– Нет, не шучу, мастер. Нас ведь могло забросить в такой мир, где и воздуха самого нет… или в такой, где совсем отсутствует всякая магия. Так что нам повезло. Здесь магии много… она, правда, весьма отличается от той, к которой я привык. Зато даже ее остатки вполне сгодятся для того, чтобы восстановить мой амулет.

– И долго ты собираешься его восстанавливать?

– Не знаю. Место здесь нехорошее. Надо бы поискать другое убежище…

– Я не двинусь с места, пока не буду знать, что с Сухметом и Сабо!

Сухмет впал в апатию. Все реже от него можно было услышать монотонное «за что?», все чаще он просто сидел, слепо глядя в огонь.

Бела кормила его с ложки, хотя Чордаш заявил, что тратить на него еду нецелесообразно. Хагр возразил, что хочет попробовать вернуть его своим способом. Так что пока паек ему выделялся. Сыч провожал Сухмета в кусты и присматривал, чтобы тот не убрел куда-нибудь. На ночь решили его привязать. Хотя видимых причин для этого не было – парень вел себя тихо, просто сидел, смотрел в огонь.

Больше внимания и времени требовалось уделять Лоранту. Он все-таки простудился и теперь кашлял приступами. Зато повязки удалось снять почти все – не зажили до конца только две раны. И еще Белале теперь казалось, что Лорант выделяет ее среди остальных. Чаще следит взглядом за тем, что она делает, улыбается, когда она садится рядом. Впрочем, под вечер у него начался жар, и тут уж ни о каком узнавании не могло быть и речи.

Так подходил к концу второй день на этой странной земле.

Вечером поднялся ветер. И то ли у Белалы от усталости и переживаний разыгралось воображение, то ли в голосе ветра действительно слышались далекие протяжные голоса. Она даже припомнила, что во вчерашних снах они присутствовали тоже. Но если вчера ей не помешало бы уснуть даже поднятое некромантом-недоучкой и усердно завывающее над ухом кладбище, то сегодня эти голоса как будто о чем-то предупреждали. Или звали куда-то. Или угрожали.

Чордаш мотался от разведчика к проводнику, требуя

немедленных действий от обоих: время шло, а никаких шагов для скорого возвращения в Муреш никто не предпринимал.

Хагр вычерчивал на песке какие-то линии, шептал под нос резкие неприятные слова и на мечущегося командира обращал внимания не больше, чем на стволы деревьев, укрывающих поляну своими кронами.

Подошел к Сухмету, коротким, изукрашенным непонятными символами лезвием полоснул по его запястью. Покрыл кровью блеснувшие темным металлом палочки, которыми расчерчивал землю. Коротко велел Белале перевязать рану и вернулся к своим чертежам.

Говорят, помимо обычной магии, орки владеют неким одним им ведомым шаманством, древним, как их племя.

Белала сильно заподозрила, что как раз и наблюдает орочьего шамана за работой. Все то, что она знала об этой магии, наводило на мрачные размышления. Правда, в основном это были слухи, которые невозможно проверить…

Орки обращаются не к силам земли и потокам магии напрямую. Они призывают духов из тех мрачных и пустынных мест, куда те переселяются после гибели их телесной оболочки. А духи – существа капризные. Могут помочь, а могут и вовсе не явиться. А то и обмануть неопытного шамана…

Ветер разыгрался не на шутку, и голоса, звучащие с ним слитно, стали более отчетливыми. А потом Бела поняла, что различает их не только она: Жосан, дежуривший у края поляны, внезапно подхватил взведенный арбалет и выстрелил в темнеющую чащу. А потом вытащил из сумки новый болт и принялся поспешно натягивать тетиву.

Белала подбросила в огонь веток. Конечно, пламя костра – укрытие ненадежное, и опытный путешественник, ожидающий нападения или лесных тварей, или врага, всегда сидит к костру спиной, чтобы глаза не привыкли к свету пламени и успели различить опасность. Но ничего с собой поделать она не могла – огонь успокаивал.

Лорант полностью был во власти болезни, лишь изредка возвращаясь в сознание. Тогда Бела разговаривала с ним – просто так, для собственного успокоения. Мальчик по-прежнему ничего не помнил и не отзывался на собственное имя…

Когда совсем стемнело, Хагр разложил три костра на равном расстоянии друг от друга – получился равносторонний треугольник. Три обмазанных Сухметовой кровью и тщательно просушенных металлических стержня оказались воткнуты в центре каждой из сторон.

Орк взял за руку своего подчиненного и провел три раза

вокруг костров против солнца, после чего заставил войти в центр.

Другие мурешские воины, кроме дежурного Жосана, даже вид перестали делать, что продолжают обустраивать лагерь, – все собрались у шаманских костров. Правда, на почтительном расстоянии. Хагр не обратил внимания. Он весь был увлечен собственным колдовством.

А меж тем тьма вокруг полнилась движением. Как будто тени скользили по самому краю зрения. Одновременно и далеко, и совсем близко…

Хагр завершил долгое и совершенно непередаваемое человеческой гортанью заклинание, и одновременно с этим от леса задул холодный резкий ветер.

– Сухмет! – крикнул орк в лицо парню так, что даже Белала, сидящая дальше всех, вздрогнула. – Сухмет, отвечай!

Повисла пауза, затем неуверенный голос Сухмета:

– Я здесь…

– Слышишь меня? Узнаешь? Кто я?

Молодой разведчик чуть покачал головой:

– Не помню. Так давно… командир.

– Соберись, парень. Что было, когда вы пошли в горы? Вы пошли в горы с Сабо. Разведать местность. Что там случилось?

– Там тропа. Мы шли вверх. Мы охраняем храм.

– Кто это «вы»? – взорвался Чордаш. – Что он несет?

– Кто вы? – даже не обратив внимания на вопль мага, уточнил Хагр.

– Стражи…

– Кто ты?

– Моряк.

– Как твое имя?

– Не помню. Я – страж. Нам не нужно.

– Пусть он скажет про Сабо!

– Давно ты стал стражем?

– Не знаю. Время не имеет значения. С тех пор, как он меня убил.

– Кто?

– Человек. Маг. Он ходил в храм.

– Ты – дух?

– Я страж. Мы охраняем храм.

– Но ты помнишь, как шел в горы с Сабо? Вчера вечером. Вы ушли в горы. Ты и Сабо. Вы шли…

– По тропе. Мы шли к храму. Был дождь. Помню… плохо.

– Сухмет…

– Я – страж.

– Сухмет! Доложить! Немедленно! – Голос разведчика

раскатился над поляной, подобно рычанию дикого зверя.

– Да, командир. Были в горах. Тропа чистая, свободная. Амулет на магию не сработал. Сабо ушел дальше. Я ждал на тропе. Он не вернулся. Я пошел за ним.

– Дальше!

– Сабо упал в расщелину. Вероятно, он погиб. Потом меня позвали. И я стал стражем.

– Ты – разведчик, Сухмет.

– Командир… – В голосе парня зазвучали молящие нотки. – Не могу больше здесь… Я больше не я…

– Сухмет!

– За что? За что он меня…

Пламя всех трех костров внезапно взвилось к небу и опало искрами. Как их и не было, исчезли тени и призрачные голоса. Голоса исчезли, а тревога осталась.

Солдаты Муреша с видимым облегчением вернулись к основному костру. Они молчали, все еще переживая увиденное и услышанное. Там, где только что происходил этот странный допрос, еще рдели угли, по ним изредка пробегало пламя. И в его свете Бела видела белое неподвижное тело Сухмета и темную фигуру орка над ним. Орк что-то шептал, но слов было не разобрать. Бела плотней закуталась в одеяло Сабо и прижала к себе Лоранта.

* * *

Красивая она, страна за горами – за горами от Моравии и Богемии, а от Паннонии – за широкой темной рекой. Красивая и урожайная…

Виноградники перемежаются полями пшеницы, садами, в которых зреют фрукты.

Красивая страна. Пустая страна…

Крестьяне, кто мог и кто успел уйти, давно перебрались на север или вовсе перешли Тису, пытать счастья на паннонском берегу. И хотя многим остаться пришлось по велению мурешского наместника, к середине лета жизнь у них стала совсем нелегкой.

А уж когда уцелевшие князья собрали войско и попытались оттеснить находников к горам, вовсе стало ясно, что добра не жди. Если не одна, то другая сторона непременно уничтожит или отнимет то, что с таким трудом было выращено…

И потому по многу раз уже пуганые мурешцами местные обитатели предпочитали тихо сидеть по своим дворам. Два дня гусары шли словно по вымершей, пустой стране… А на третий,

утром, поняли, что пришли. Впереди подымался густой черный дым, и не так, словно у кого-то сгорел смоляной склад, а так, будто горит таких сараев с полсотни…

Херцог приказал готовиться к бою. Вперед, как и положено, выслал разведку.

Разведчики вернулись с неприятной новостью – за пологим холмом на огромном поле кипит бой, и мурешцы явно одерживают верх. А горят снопы собранного уже урожая…

Генераль призвал к себе полкового мага – Ферг и без того находился рядом.

Ферг с удивлением узнал в маге одного из самых блистательных офицеров полка, красавца и любимца дам. Кто бы мог подумать, что этот человек окажется тем, кому полк, без преувеличения, в случае магической битвы доверяет защиту…

– Щит поставить сможете, князь? – спросил маг с несвойственной ему в мирной жизни серьезностью. – Если так, я попробую поддержать огнем союзников.

– Конечно.

– Тогда держитесь в центре и на рожон не лезьте!

Ферг запоздало сообразил, что только что дал полковому магу возможность поучаствовать в реальном бою не только наблюдателем – одним из бойцов. Тяжело, должно быть, гусару, который готов сражаться наравне со всеми, оставаться в тылу, «держать щит», передавать сообщения.

– Вы тоже осторожней. Я с полком временно. Не хотелось бы искать другого мага.

– Я – «лис», а это о многом говорит!

Доктор только покачал головой.

С холма, который когда-то был виноградником, было отлично видно, как к мурешским солдатам подходит свежее подкрепление. Загорцы держались – но из последних сил. Оставили уже одну линию обороны, отступили по склону холма вверх…

Херцог успел осмыслить увиденное и решил не мешкать, дать возможность загорцам отойти. Гусары зайдут во фланг врагу – вряд ли тот успеет перестроиться. Слева, где еще не поломанным строем шагают вражеские отряды, армия Муреша наиболее уязвима. С гор пришла преимущественно пехота, и она не могла поспорить с облегченной ударной кавалерией, которой располагал гусарский полк.

Команда «К бою!» разлетелась по отрядам. Командиры каждого четко знали, что и как должны делать…

И вот уже нарушен строгий строй армии на марше – воины увидели цель, кони пустились рысью…

Враг, до того мерно отжимавший загорцев к холмам, заметил новую опасность далеко не сразу. Потом-то заметили, конечно, – но не все. Те, кто теснил загорскую армию северней, успели продвинуться вперед и оторваться от основной части войска и, разумеется, не поняли, что ситуация на поле значительно переменилась.

Пехотные десятки, наступавшие по левому флангу, несли трансильванские флаги – это еще раз подтверждало, что Муреш и Трансильвания действуют сообща. Вот они-то и оказались ближе всего к паннонцам. Им-то и предстояло почувствовать на себе, что это такое – ударная гусарская кавалерия.

Ферг, как и было определено полковым магом, держался «центра» – большого отряда, ждущего очереди для развития атаки. Передовые отряды успели выполнить два залпа из дальнобойных луков, изрядно потрепав фланг мурешских пехотинцев, и готовились вломиться в их спешно меняющие направление атаки ряды…

Щит следовало поставить в тот момент, когда армии сойдутся, такая магия отнимает много сил, а их нужно беречь. Первые минуты боя – это всего лишь первые минуты…

Щит прикроет гусар от слабых ударов элементарной магии – огня и молний. Если у врага есть маг, способный выполнить точечный, но мощный удар, такой щит может не выдержать. А против «амулетного», то есть легкого, оставленного на заговоренных предметах, волшебства это то, что доктор прописал.

Если у врага есть свои маги, их возьмет на себя полковой чародей. Раз уж случилась такая радость, что с «лисами» на этот раз пошли в бой два колдуна, так этим нужно воспользоваться в полную силу.

Только Ферг об этом подумал, как его мысли нашлось подтверждение. Отметился «лис». Тактика современного боя с участием магов на открытой местности однообразна. После того как отработают лучники, в ход идут заклинания, рассчитанные на то, чтобы максимально замедлить движения вражеского войска, внести в его ряды хаос и сумятицу, а в идеале – прощупать возможности магической защиты врага. Иными словами, сначала в ход идут те самые ненаправленные огненные и энергетические заклинания. «Лис» оказался приверженцем классики – десятка три небольших огненных шаров довольно быстро полетели в сторону бывшего фланга, который внезапно стал неровным и растянутым передовым отрядом мурешской армии.

Солдаты вскинули щиты, прикрываясь, но это не помогло: лишь коснувшись щитов, огни перекатились за первый ряд бойцов и там все-таки нашли себе жертв. А в этот момент на подлете

были уже новые сгустки сверхжаркого пламени.

Тут проявил себя вражеский маг, успешно экранировав магическую атаку и сам направив гусарам пламенный привет, не менее мощный и, пожалуй, даже более быстрый.

«Лис» погасил огонь еще на взлете. Дистанция между армиями сократилась настолько, что атаковать огнем еще раз уже просто не было времени.

Ферг не мешкая поставил щит. И вовремя! Направленный удар молнией – и совсем с другого края! Маг у мурещев оказался не один. Этот новый колдун попытался достать «лиса» – засек, откуда велась атака.

Удержать защиту оказалось нетрудно. Но в этот момент лойтнант Рошто, командовавший отрядом, в который попал на правах полкового мага Ферг, отдал приказ к бою.

Гусары двинулись сначала медленно, потом все увеличивая темп. На спуске лошади перешли в галоп, и отслеживать ситуацию на поле стало невозможно. Ферг на всякий случай усилил щит и приготовился сам вступить в схватку.

Снова удар по щиту, проверка на прочность – и уже с третьей точки!

Минимум три мага у Муреша точно есть…

Снова отметился «лис» – его заклятие горячего металла заставило пусть не каждого, но очень многих мурещев бросить внезапно раскалившееся оружие. Простенькое заклятие, против него давно созданы и амулеты, и заговоры. Однако ж ленивых и рисковых солдат в любой армии сколько-нибудь, да есть. Сейчас их замешательство могло дорого встать всей армии…

Ферг удерживал щит до тех пор, пока в том оставался смысл. Когда же армии сошлись в ближнем бою, он переключился на магическое усиление оружия гусар. Пусть ненадолго, но их сабли станут острей, а щиты крепче…

Вскоре ему и самому пришлось встретиться с врагом лицом к лицу. Давно так не было – чтобы в честном бою, с коротким мечом в руке, с заклятием огня на губах. Куда чаще врага не знаешь в лицо. Можешь догадываться, да. Но и только. И поле боя совсем другое – пышные княжеские приемы, залы или маленькие тайные комнаты…

Бой кипел со всех сторон. Ферг быстро понял, что больше всего магическая защита нужна не людям – лошадям. Об этом надо было подумать заранее. Следовало навесить на сбрую амулеты… Сейчас этого не сделаешь. И вот уже падает с обломанным копьем в шее конь гусара, который сражался рядом. Тот успевает выдернуть ногу из стремени, но устоять ему не удается. Падает и тут же оказывается проткнут длинным мечом

мурешского пехотинца. Ферг сносит пехотинцу голову и ловит себя на том, что разговаривает с собственным скакуном: «Ну, держись, родной! Давай! Вперед, славный! Мы должны выстоять! Слышишь?» Конь скорей всего его не слышал. Но это был хорошо обученный гусарский конь. И он шел вперед, туда, куда его увлекало сражение…

Гусарам удалось разрезать левый фланг армии Муреша в нескольких местах, как нож хозяйки разрезает пирог к празднику. Загорцы тоже не стали отсиживаться в окопах последней линии обороны. Командиры, воодушевившись успехом паннонцев, подняли своих усталых солдат в последнюю, отчаянную атаку. Не прогадали. Растянувшийся на подъеме левый фланг мурешской пехоты увяз в сражении, дрогнул и начал отступать, тогда как центр армии, и до того выглядевший вовсе не единой силой, а десятком отрядов, занятых преимущественно добиванием отставших от армии загорцев, только-только начал собираться. И встретиться они намеревались именно с гусарами. От них готовились защищаться, их атаки ждали…

Ферг издалека увидел, как «лис» схлестнулся с мурешскими магами, и поспешил на помощь. Бой уже разбился на десятки маленьких сражений, но то, что происходило на поле, перестало походить на тотальный разгром загорцев. Силы стали не просто равными – лишенные конницы войска Муреша проигрывали. И с каждым мгновением боя проигрывали все больше.

Однако их маги объединились против кусачего «лиса», и это могло стоить полковому магу жизни…

Лис легко ушел и от огненного смерча, и от темного луча. Последний явно говорил за то, что работают маги Хаоса – магия такого рода классическим колдунам не дается. Однако гусар держался молодцом – блокировать заклинание не пытался и тут же перешел в ответное наступление, захлестывая на шее врага незримую петлю. Ферг видел это заклинание, как видел отпечатки всех классических заклинаний, спасибо наследию лабиринта, стоило только захотеть или даже просто напрячь зрение. И видел, что атака – прошла. Вот только товарищи незадачливого мага не растерялись и слаженно ударили по «лису» с двух сторон мощными разрядами грозовых молний…

От этой магии уйти куда сложней – магические молнии имеют многие свойства молний электрических. Не успел поставить блок, остается только замереть, и желательно на одной ноге. Гусар блок поставил. Щит принял на себя основной удар молний, но не смог продержаться до конца атаки. Растаял. И тут бы пришла полковому магу мгновенная смерть, если бы Ферг не успел вмешаться.

Тот маг, что получил незримую петлю, в комплект заимел еще и болт под ребро. Второму досталось под ноги «огненной дорожкой». Он вскрикнул, отступая от струи мощного пламени прямо перед глазами. А третий… третий метнул усиленный и направленный магией кинжал в сердце «лису». Ферг ничего не мог сделать – слишком далеко находился и слишком был занят обожженным магом…

Гусар захрипел, вцепившись обеими руками в рукоять кинжала, торчащего из груди. Ферг заставил коня идти прямо на мурешского мага, одновременно готовя обездвиживающее заклинание. Обычно на такие заклинания уходит совсем немного сил. Но, разозленный и раздосадованный, Ферг вложил в него едва ли не все, на что был способен.

Мурешец побледнел, опускаясь на колени. Из его горла вырвался сдавленный хрип.

Обожженный маг уже убегал, прикрывшись всеми возможными щитами.

Доктор спешился, склонился над гусаром. Спасать его было поздно.

Оглядел поле. Бой еще продолжался – преимущественно дальше к горам, к краю леса.

* * *

Из отряда лойтнанта Рошто погибло трое гусар. Еще двое были серьезно ранены – один парень чудом не лишился кисти правой руки и потерял много крови. Легкие ранения получили еще несколько человек. В передовых, ударных отрядах потери были, конечно, выше.

Об этом генераль Херцог докладывал штабу коалиции через два дня. Докладывал он также, что уцелевшие силы Муреша отступили в горы, под защиту малых крепостей, которые там возводились в течение всего лета. Эти деревянные крепости теперь стали обозначением границы между Мурешем и Загорьем. Не успели мурешцы лишь соединить вышки и башни надежной крепостной стеной. Разведчикам много раз удавалось пересечь эту незримую линию незамеченными.

Следующей целью объединенных армий стала крепость Боруш. Та самая, которая некогда мыслилась наместником Чордашем как новая столица этих земель.

Глава 14

Хагр сам, своей рукой оборвал жизнь Сухмета. Это случилось в следующий полдень после ритуала. Сыч как раз заваривал кашу.

Как будто это было обыденное какое-то дело. Подошел к сидящему под деревом, глядящему неотрывно в пустоту парню, наклонил ему голову за волосы как-то вбок. Резко ударил острым ритуальным кинжалом.

Солдаты промолчали, но взгляды их с того момента стали куда более тяжелыми. Орк не стал ничего объяснять.

Лопаты у них не было, так что тело решили сжечь. Огненное погребение Заточенные боги принимают так же равнодушно, как любое другое. Мертвецы их не интересуют. Теперь на Белалу легли почти все бытовые обязанности, только еду продолжал готовить Сыч. У него получалось неважно, но это был приказ Чордаша – девку к котлам не подпускать. Приказ ясней ясного говорил, кому из отряда маг доверяет менее всего.

Белала штопала одежду, чистила котлы и поддерживала огонь. Спускалась к ручью за водой и собирала хворост. В последнем ей время от времени помогал Сыч.

Проводник, и до того выглядевший немощным стариком, за сутки еще больше осунулся. Но на вопросы Чордаша он отвечал с неизменным спокойствием: да, выход будет найден. Но нужна сила. Нужна магия…

Остальные, разбившись на пары, обследовали окрестности. В гору пока подняться не пытались даже Чордаш и Хагр.

На следующий день стало ясно, что они на острове. Чордаш отправил по побережью влево и вправо по два человека. Приказ был к закату вернуться. Но вернулись разведчики существенно раньше, и по их рассказам выходило, что они все время шли, огибая склоны одной и той же горы, пока не вышли к скалистому гребню, плавно уходящему на дно морское. Оттуда была отчетливо видна вся гора целиком – приземистый усеченный конус, жерло древнего вулкана, у подножия заросшего лесом, а выше покрытого наплывами лавы. Кратер потихоньку курился дымом.

– Были когда-то стены, – докладывал высокий краснолицый Урсу, – но древние, искать там укрытие бесполезно. Видели, кстати, разбитую лодку. Так что люди в этом мире есть…

– Разумеется! – дернул нетерпеливо рукой маг. – Конечно, есть! Раз есть моряки, которых убивают зачем-то маги, то есть и другие люди!

– Но остров необитаем, – покорно договорил солдат.

Бела заметила, что хотя Хагр при разговоре и присутствует, но доклад предназначается скорей Чордашу, чем ему.

– Под водой в одном месте можно различить гигантские ступени, – продолжил рассказ Урсу. – Я бы сказал, что они имеют рукотворное происхождение. Ну и вот…

Он протянул Чордашу на раскрытой ладони несколько не то красно-коричневых камней, не то кусочков керамики.

– Этого добра на той стороне острова полно. Скорей всего, в древние времена бóльшая его часть ушла под воду.

– Меня это не интересует, – окоротил его командир. – Удобное укрытие, пещера, какой-нибудь грот… Что-нибудь, где можно бы было спрятаться, если вдруг поднимется ветер или случится шторм!

Но ничем разведчики порадовать его не смогли. Единственный грот, который они обнаружили, располагался на высоком уступе над морем, и вокруг него не оказалось источников пресной воды. Вообще, было похоже, что ручей, подле которого они разбили лагерь, единственный на острове. И это наводило на печальные мысли.

– Значит, пойдем в гору, – с досадой сказал Чордаш. – Посмотрим, на что способны эти незримые стражи, кем бы они ни были. Я пойду впереди. Хагр – последним. Графиня! Вы, кажется, тоже что-то умеете. Готовьтесь защищаться от этих стражей. Выйдем завтра поутру. Пойдем медленно, контролируя друг друга…

Но планы пришлось поменять.

Причиной стала ухудшившаяся с вечера погода. Над островом повисла глухая, вязкая тишина. Она-то и насторожила орка, который привык, что замолкнувший лес – это наверняка к дождю. Еще до ужина он куда-то ушел, по своему обыкновению, предупредив только Чордаша, и вернулся мрачным и обеспокоенным – что уже о многом говорило. Полуорк редко давал окружающим возможность заметить свои истинные чувства.

Оказалось, он спускался по ручью к побережью – в лесу деревья загораживали горизонт. Его опасения подтвердились – с юга к острову обманчиво медленно ползла черная, набрякшая водой туча, в которой изредка высверкивали яркие молнии.

До заката еще оставалось часа три. Чордаш приказал:

– Собираемся! Уходим! Быстро!

Белале собирать было почти нечего, а солдаты справились за считаные минуты – опыт.

И начался подъем.

Первые двести шагов Бела несла Лоранта. Болезнь его никуда не делась, да и без нее вряд ли он смог бы идти самостоятельно –

босой да по здешним камням. Городские Белины сапожки едва выдерживали особенности этой грубой лесной тропы. Правда, вскоре земляная тропа незаметно влилась в какой-то древний тракт. А может, тракт проступил сквозь нее, выбился из-под наносов шлака, грунта, опавших листьев. Во всяком случае, разбитая каменная дорога появилась под ногами словно ниоткуда. Неровная, местами она вновь исчезала, местами зияла провалами и трещинами, но это была явно рукотворная, довольно широкая дорога, ведущая вверх. Там, где склон становился слишком крутым, кто-то в древние времена позаботился сделать ступени из цельных белых, тяжелых камней. Время, впрочем, не пощадило и их. Многие разломились, часть оказалась погребена под оползнем. Но все же дорога была проходимой. До тех пор, пока…

– Стоим! – скомандовал маг. Он, как и собирался, шел первым, на некотором расстоянии.

И в тот же миг Бела не услышала даже – ощутила легкий шепот, едва уловимое движение воздуха. Разобрать хоть слово в этом шепоте ей не удалось. Но тут Чордаш установил магический щит, и стало плохо: незримые стражи, а это были, видимо, они, определили в пришлых людях врагов.

Бела добавила к щиту Чордаша пару своих заклинаний, и это немного помогло – ослабло давление на голову и грудь, дало возможность дышать…

Рядом внезапно оказался орк, вынул у нее из рук мальчика и резко толкнул в спину: иди! Не стой! Первый шаг дался с большим трудом.

Глаза в тот же миг словно ослепли, во рту пересохло. Бела и рада была бы остановиться, не идти дальше, сесть на камни и умереть. Но это явилось бы непозволительной слабостью. Солдаты Чордаша не должны видеть в ней обузу или причину промедления, а значит, надо идти!

Хагр шел у нее за спиной, совсем рядом. Действительно, замыкал строй.

Бела ощущала всем позвоночником, как ее покидает магическая сила – щит вытягивал ее в пятикратном размере, как будто против горстки мурещев ополчилась сама здешняя земля. Но если ослабить защиту, кто-то может не выдержать атаки, упасть, остаться… пополнить собой ряды безымянных охранников давно позабытого храма.

Хотелось кричать в голос – но не было воздуха, чтобы кричать. Каждый шаг давался с огромным трудом. Ноги отяжелели. Раньше Беле казалось, что сравнение с пудовыми гирями, привязанными к ногам, – это преувеличение, которым

рассказчик пытается приукрасить пережитые трудности. Но сейчас это было именно так – тяжелые, неуклюжие ноги свои она ощущала с трудом и чудом не падала, двигаясь за идущим впереди Сычом.

Ей казалось, она шагает довольно быстро. Пока не почувствовала, как кто-то сзади ухватил ее за одежду и потянул, потянул вперед, бормоча что-то хриплое и неразборчивое.

Шаг, еще шаг…

«Не надо! Оставьте меня здесь!»

Но даже губы онемели и не шевелятся. Губы стали непослушными, как и все тело…

Кончилась магическая атака так же резко, как началась. За очередным изгибом дороги Бела внезапно споткнулась – но лишь оттого, что тяжеленные гири перестали тянуть к земле, воздух легко и свободно ворвался в легкие, а в голове затихли чужие монотонные голоса. И тут же увидела, как со вздохами облегчения опускаются на тропу остальные. И лишь Чордаш стоит впереди, внимательным взором окидывая открывшийся вид.

Бела обернулась. Хагр опустил Лоранта на землю и тоже оглядывал горизонт. Повторить их подвиг Белала была не в силах. Запомнила только одно – до перевала остались считаные шаги. А за спиной вставала темная туманная пелена…

* * *

– Эй, Даль! Иди к нашему костру! – окликнул Вернон. Темноволосый разведчик в подкрепление своих слов широко улыбался. Он считал, что Дальгерт еще не очень хорошо понимает язык.

Там, у только что разведенного огня, его действительно ждали, там ему были рады. Все лица знакомы – всего час назад они вместе докладывали командирам о результатах разведки мурешского берега Тисы. Результаты, к слову, обескураживали.

Было ощущение, что армия или несколько больших полков отступили в глубь страны, даже не пытаясь закрепиться на берегу. Остались следы больших биваков, расчищенные тропы в лесу. Все было. Вражеских войск не было.

Нет, кое-что обнаружить удалось. Даль сам лично видел отряд примерно в триста-пятьсот троллей, разумеется пехотинцев, который двигался по одной из таких вот лесных троп в сторону мостов, наведенных за Еловой горой, тех самых, которые со стороны Загорья прикрывает крепость Боруш. Подобные небольшие, по меркам только что кипевших сражений,

отряды были замечены и другими разведчиками. Но и все. Основных сил мурешской армии словно никогда и не существовало. Или же они все еще оставались на другом берегу, в тайных долинах и ущельях покрытых лесами гор.

Даль махнул разведчикам, показывая, что видит их и правильно понял приглашение, но подходить не стал. Только что один из лойтнантов паннонских гусар обрадовал его новостью, что Ферг вернулся. А значит, можно было встретиться, обменяться новостями и предположениями. Но гусары расположились на дальнем левом фланге войск коалиции, так что идти предстояло почти через весь лагерь. Даль шел, вслушиваясь в разговоры, пытаясь уловить смысл того, о чем беседуют бойцы. Понимал почти все. Сам же он все еще старался не использовать длинные и сложные фразы, иногда не мог сразу подобрать нужное слово, но в целом здешний язык оказался прост и если не в деталях, то в главном, в самих принципах построения речи схож с тем, что использовался в Клешском воеводстве. Дальгерт даже улавливал сходство с тем самым языком, на котором говорил с детства, – языком Спасенного города Аррета.

Ферга нашел быстро – один из встреченных гусар посоветовал искать его в полевом госпитале, и совет оказался дельным. Ферг как раз закончил делать перевязку одному из пострадавших во время недавнего боя солдат. Увидел Дальгерта, сказал что-то ассистенту в белой хламиде, сам вышел из-под тканого навеса. Быстро ополоснул руки в деревянной кадушке, специально для этого выставленной у входа, раскатал рукава.

– Много раненых? – спросил Даль, пожимая протянутую в приветствии руку.

– Меньше, чем могло бы…

Даль сразу перешел к тому, что, несомненно, больше всего беспокоило Ферга.

– Сегодня в полдень мы вернулись с того берега. Задача – разведка дорог, анализ сил противника, укрепившегося на левом берегу. Так вот: никто там не укрепился. С юга подходят отряды – но незначительные. Их можно считать серьезным противником, если только там полно магов. Но… знаешь, ощущение, что это ловушка, у меня так и осталось. Словно Муреш говорит – вот он вход! Свободен! Только идите. А потом хлоп! Мышеловка закроется.

– Занятно. Ты об этом докладывал?

– Да. Собираются отправить еще группу. На этот раз пойдем вдоль основных дорог, насколько сможем далеко.

– Значит, на время осады Боруша.

– Нам не запрещалось брать пленных, так что кое-какие

новости есть и еще. Форпост Муреша – храм и деревянная крепостная стена – расположен в двух днях пути отсюда, возле озера. Два дня пешего пути по хорошим дорогам. Один юноша-трансильванец, отставший от своего полка, поведал много интересного о храме и еще о заставах, построенных в лесу. С его помощью мы даже смогли нанести их на карту, ее сейчас исследуют командиры.

– Так что там с храмом?

Даль помедлил, краем глаза разглядывая угрюмое лицо доктора.

– Парень божится, что в этом самом храме, а может, под ним сидят ни много ни мало сами Заточенные боги. И оттуда якобы командуют всей мурешской армией. Да и трансильванской тоже.

– Выходит, туда-то мне и надо, – кивнул Ферг. – И даже если командование решит ограничиться тем, что выставит мурешские силы с этих территорий, мне все равно придется туда прогуляться.

– Не в одиночку же? – легко улыбнулся Даль.

– Нет. Пойдем ко мне, расскажешь обо всем в деталях.

Палатка доктора располагалась совсем недалеко от госпиталя. Ферг затеплил закопченную масляную лампу, поставил ее у входа. Вытащил из-под полога свернутое одеяло, разложил так, чтобы на нем могли расположиться два человека. На лагерь опускались темные сумерки, и от лампы по траве, по окрестным палаткам, по лицу доктора скользили тени.

– Давно хотел у тебя спросить, – сказал Дальгерт.

– Спроси.

– Как тебе это удается – приходить к человеку во сне и… Ты же меня тогда практически спас, получается.

– Когда?

– На Аррете. Я был в мастерской Лека. Ты пришел в мой сон… или бред. Не знаю. Я тебя узнал по голосу. Да просто узнал. Только глаза. Глаза были какие-то странные.

Ферг вздохнул:

– Если бы я мог приходить к кому-то во сне или в бреду, я бы вовсю пользовался этой возможностью. Уж больно много людей, к которым у меня накопились вопросы. Нет, Дальгерт. Это был не я. Верней всего, это просто сон.

Тот медленно покачал головой:

– Странный сон, в котором ты мне как будто бы пообещал жизнь. И ведь почти исполнил.

– Почти. Так что там у меня было с глазами?

Даль пожал плечами:

– Показалось… Наверное, показалось.

– Наверное.

Они помолчали. Дальгерт пытался разобраться в собственных, надо сказать, довольно путаных воспоминаниях, а Ферг задумался об одном из давних дней, когда его все еще помнили как князя Эрно.

* * *

Он отложил лопату, стараясь не прислушиваться к многоголосому плачу за спиной. Все, все. Могильный холм насыпан. Еще одна неудача, и еще одна беда: нет больше Заточенных богов, и вроде на все земли, когда-то пострадавшие от них, должны прийти мир и благодать, да только это не так. В Паннонии проклятие Князя Мертвецов никуда не исчезло. Люди продолжают внезапно и необъяснимо терять память, саму личность, уходят в себя и потихоньку угасают. Кто-то сгорает быстро, за считаные дни. Кто-то держится месяц. Но все равно конец один.

А он возвращался с чувством, что победил…

Что зла в мире стало меньше.

Он ошибался. Зло, которое сотворил ты сам, можно попытаться искупить – но плата всегда будет несоизмеримо маленькой.

Эрно заставил себя выпрямиться и посмотреть на людей у края могилы прямо. Несколько женщин, старик, ребятишки – все какие-то оборванные, чумазые.

Копать могилу ему помогала тоже женщина – высокая крестьянка средних лет, поддевшая под традиционную широкую юбку мужские порты.

– Ты, странник, прости уж, – грубовато сказала она, – мы небогато живем. На весь хутор было три мужика. Так один на войне погиб, а двоих вон – схоронили.

– Это их Князь поцеловал, – вздохнул старик. – Князь Мертвецов… Слышал ли о таком?

– Слышал, – вздохнул Эрно. – Все только об этом и говорят.

– То-то. Джерго, нынешний князь Паннонский, даже лекарей собирал в столице, чтобы те помогли с бедой справиться. Говорят, и маги приходили. Да без толку все. Не смогли они понять, откуда на нас эта напасть взялась. Твердят только, что проклятие…

– Давно собирал?

– Ну, коль до нашего села молва добрела, то, видать, весной еще…

На дворе стояла ранняя осень.

Женщина вздохнула:

– Тебя как звать-то, парень? Добрый ты человек, раз взялся нам помочь…

– Я – Ферг. Ученик лекаря.

– Ученик… – вздохнул старик. – Скажи, ученик, коли у меня спина перед грозой болит, что это за болезнь?

– Не слушайте вы его, – улыбнулась женщина. – Идемте в дом. Погреетесь, ужином вас угощу…

Эрно криво улыбнулся:

– Спешу я.

– Не иначе, в Агер? Тоже небось счастья пытать…

– Не в Агер. Я к Моравским пещерам иду. Узнал, что туда отправился один известный маг…

Женщина нахмурилась:

– На границе сейчас, после войны, всякое случиться может. Там, говорят, мертвые бродят, живым покою не дают.

– Ничего, как-нибудь справлюсь.

– И проводить-то тебя некому…

– Справлюсь, – повторил Эрно. С каждым мгновением ему все тяжелей было находиться в этом селении, где на маленьком кладбище почти половина могил – свежие.

До знакомых перевалов оставался один дневной переход…

Отыскать лагерь Берта труда не составило. Маг из Иберии не думал ни от кого прятаться – выставил палатки у входа в самую большую из здешних пещер. Эрно помнил, как тяжело дались отряду Юрато подступы к этим камням. Сейчас о сражении уже ничего не напоминало, разве что черные кляксы от ударов магического огня на окрестных скалах.

И на сей раз в его планы вовсе не входило сдаваться в плен. Берт – не мастер Финеас. Этот не станет поддаваться благородным порывам.

Иштвана Махиза он засек еще издали – парень вроде бы дежурил, наблюдал за дорогой, но на деле постоянно отвлекался на разговор с кем-то, кто находился с ним рядом, но кого Эрно не мог видеть из-за скалы. Это было не очень удобно: Эрно рассчитывал именно на Иштвана. Его взять под контроль несложного заклинания куда проще, чем любого из отряда Берта. Иштван не солдат. Он беспечен и слишком уж следует за своими эмоциями. Впрочем, они были недолго знакомы. Возможно, то, первое, впечатление ложное, или же все поменялось за минувшее с их встречи время.

Эрно собрался дождаться, когда собеседник Иштвана уйдет, но этого не происходило довольно долго. Может, они так и

дежурили по двое. Но смысл в дежурстве, если на дорогу никто не смотрит? Заклинаний там тоже не ощущалось.

Обождав еще немного, Ферг все же подготовил обездвиживающее заклятие, такое, каким когда-то его самого сбила с ног колдунья из отряда Юрато, и осторожно спустился туда, где беззаботно болтали караульные.

Их действительно оказалось двое – Иштван и еще один молодой человек примерно такого же возраста. И вовсе они не наблюдали за дорогой, как это показалось мнительному Фергу. Они просто выбрались подальше от любопытных глаз с салфеткой, хлебом и бутылочкой вина. Уютно так устроились, даже жаль стало прерывать их беседу.

Но отступать было некуда.

– Доброго дня, господа!

Он вышел из-за камня, нацелив арбалетный болт в шею Иштвана.

Тот чуть не подавился яблоком, но довольно быстро пришел в себя и даже попытался атаковать Эрно заклинанием, подавляющим волю. На таких вот простеньких заклинаниях погорел не один десяток легкомысленных магов – тех, что ленятся заказать себе подходящий защитный амулет. У Эрно такой был. Он лишь улыбнулся и чуть качнул головой. Ай-ай, дескать.

Иштван сел ровнее, посмотрел на гостя с нескрываемой ненавистью. Его приятель ничего не понял. Завертел головой:

– Что происходит? Кто вы?

– Я – Ферг. Мне нужно поговорить с мастером Бертом.

– С кем? – вновь переспросил приятель Иштвана.

Махиз поморщился:

– Он так называет мастера Туули. Это Эрно Шорош, паннонский Князь Мертвецов.

– Зовите меня Фергом. Эрно некоторое время назад был казнен в Агере по приказу князя Джерго. Даже свидетели есть. Иштван, проводите меня к Берту. Это важно. Обещаю, что никого не убью. Если только сами нарветесь…

– И ничего нельзя сделать? – изумился второй участник вылазки.

– Он темный. Сильный маг. И наверняка хорошо подготовился к этому визиту.

– Совершенно точно.

Так, втроем, они и спустились на тропу, по которой преодолели весь путь до высоких палаток иберийского мага.

Берт у костра занимался мирным и не магическим делом – ремонтировал прохудившийся сапог. Услышал шаги, оторвал

взгляд от рукоделия. Оценил картину:

– Так…

– Доброго дня, мастер, – поздоровался Ферг.

Острый наконечник болта продолжал отслеживать каждое движение молодого мага. Это был не обычный армейский арбалет, а легкий, сделанный когда-то на заказ оружейником-гномом. Держать такой на весу тренированному человеку не составляло большого труда. У Джерго тоже был такой…

– Чтобы меня шантажировать, – с чуть удивленной интонацией заметил Берт, – нужно иметь самомнение поднебесных размеров. И такую же наглость.

Ферг отвел арбалет в сторону:

– Я пришел просить помощи. Откажете – пойму. Сейчас мне больше не к кому обратиться.

Берт нахмурился:

– И после всего, что ты сделал, ты еще смеешь…

– Именно поэтому. Хочу исправить хотя бы то, что еще можно исправить. И шансы есть, что бы вы ни говорили. Но сам я не смогу – меня не учили магии специально, хотя все придворные маги отца и говорили в один голос, что у меня к колдовству особый талант.

Берт жестом отпустил своих подчиненных… или все-таки друзей?.. Но они, разумеется, далеко не ушли.

– Что ты задумал?

– Я почти уверен, что знаю, как действует проклятие, и хочу сделать амулет. Кое-что даже посчитал уже. Но мне нужна помощь опытного мага, который раньше имел дело с подобным колдовством.

Берт потер шею. Задумчиво и словно бы нехотя сказал:

– Я не помогаю последователям Хаоса.

– Что ж, ваше право.

Уйти ему, конечно, никто не даст. Зря он отпустил Иштвана. Но рискнуть все-таки стоило – Берт много лет в ордене, говорят, он один из самых опытных зачаровывателей…

Обернулся к тропе и пошел себе потихоньку, ни на кого не глядя.

– Стой! – донеслось вслед. – Покажи свои расчеты!

Тогда Берт ему поверил.

И несколько вечеров подряд они не покидали просторного общего шатра – разбирались в расчетах, искали ошибки…

* * *

Боруш расположен в верхней части лощины. Мимо его стен проходит дорога, которая чуть дальше ухает в темное ущелье, пробитое горным ручьем. За ущельем – прекрасный вид на Еловую гору и излучину Тисы. Удачное место. Правильно его хотел сделать своей столицей наместник Чордаш.

Когда-то здесь проходил шумный торговый тракт, ведущий к самому морю. Сейчас дорога выглядела жалко.

Крепость возвышалась над ней гребнем темных скал. Стена не казалась столь уж высокой, так что солдаты посматривали на нее с оптимизмом, а маги даже пару раз успели опробовать прочность ее камней и защитных заклятий.

– Будет трудно, – заметил пехотный лойтнант, имени которого Дальгерт не помнил. – Там, поди, куча народу засела…

К замку, конечно, никто не совался – меткие стрелки на стенах не дремали.

– Мы уходим за реку. Сегодня был приказ.

– Вам, разведчикам, всегда больше известно, чем всем прочим. А нам куда прикажут, туда и идем. Гусары-то тоже, поди, уходят?

У него блестела кольчуга, на буром, из толстой замши, плаще виднелись следы грубого ремонта. И лет ему было уже немало. Даль пожал плечами.

По его мнению, у здешних разведчиков-следопытов вовсе не было никакой школы. То, что у них считается мастерством, в Горном Убежище именовалось элементарными навыками выживания. Правда, магия… Здесь она иная, иные приемы подслушивания и подглядывания. Не сказать, чтобы плохая – просто не доведенная до ума. Видать, редко обитателям этих мест требовались тайные дознатчики…

Бивак пехотного полка, к которому относился лойтнант, располагался рядом с лагерем разведчиков. Дальгерту и раньше приходилось перекидываться с пехотинцем парой слов.

– Не слышал про гусар.

– Уйдут они, говорю. Что им с лошадями под крепостью делать?

Даль точно знал, что «лисий» полк завтра переместится к северу – патрулировать новообразовавшуюся границу с горным Мурешем, но по привычке помалкивал.

– Большая крепость… и народу в ней засело… маги опять же. У Муреша сильные маги. Когда уж до дела-то дойдет?

– Скоро. Нет смысла тянуть. Так что совсем скоро.

Даль, присутствовавший на вечернем совете, знал точное время, когда начнется штурм. Предполагалось взять крепость в три, а лучше в два дня, с тем чтобы как можно раньше прорваться

к переправе через Тису. Оставалась очень большая вероятность, что враг, отступая, сожжет мосты. Это крайне нежелательно: ближайшие переправы в двух днях пути, а броды и того дальше.

Именно из-за надежных мостов, наведенных за лето мурещцами, генерали соединенной армии и решили предпринять штурм. Другого пути, кроме как мимо крепости, на левый берег не было.

Даль ждал приказа выходить, вещи все уже были собраны, другие разведчики маялись бездельем точно так же, правда, у своего костра.

И счастливый миг настал. Почти через час.

Вернон вернулся с кожаной сумкой через плечо, позвал с собой Дальгерта и его товарища по недавней вылазке, молодого парня, бывшего крестьянина из местных, который знал горы лучше, чем свой родной дом. Парня все называли Лутом, но это было не его родное имя.

– Планы немного изменились, – обрадовал их командир. – Сегодня окончательно решили, что армия пойдет за реку. Иначе смысла не было кашу заваривать.

– Значит, поменяли задачу? Куда идем?

– Нет. Но сейчас важней не дать врагу уничтожить мосты. Выступаете вчетвером. Немедленно. С вами пойдут еще два мага. Переправитесь через реку вот тут…

Он развернул карту и указал пальцем место. Там чьей-то торопливой рукой был дорисован домик, что означало наличие обитаемого поселения, и даже было подписано название, но Дальгерт на здешнем языке читать только учился. Не смог разобрать слово.

– Что за маги?

– Одного ты знаешь, – усмехнулся Вернон. – Он тебя к нам привел. Второй – кто-то из загорских…

– Значит, будем там, пока крепость не возьмут?

– Выходит так. Жратву еще заберите. Лут, сходишь? А мы с ребятами, пока вы будете по тому берегу гулять, в это время прощупаем, нет ли возможности попасть в крепость не через главные ворота. Задача магов – проверить мосты. Мурещцы могли оставить на них какие-нибудь заклинания или амулеты. А то и запалы. Да наверняка что-то такое есть. Не дураки же они. Кроме того, дальний берег может охраняться. Нужно выяснить, кто там, сколько, чем вооружены. Ну и прикрывать магов. К полудню командование ждет от вас первые сведения. Так что на рожон не лезть, не геройствовать. Пока идет штурм крепости, вас не должны обнаружить. Вмешиваться – только если возникнет непосредственная угроза уничтожения мостов.

– И долго нам там?..

– Сутки. Через сутки, если осада продолжится, вас сменят.

– Значит, наблюдать, прикрывать магов, узнать, кто есть в округе.

– Да. Вот письменный приказ. Ознакомитесь в пути.

Даль пожал плечами. Возможно, командиры знают немного больше. Ему же казалось, что на тот берег нужно отправить хотя бы человек десять. Чтобы в случае провала хотя бы у нескольких был шанс доставить полученные сведения на правый берег.

Штурм Боруша начался на рассвете. Над Тисой в это время плыли пряди густого тумана, и в этом тумане тихо покачивалась у левого берега большая рыбацкая лодка. Лодка была привязана в темных зарослях ивняка, и с берега и с реки даже ясным днем ее заметил бы только тот, кто точно знал бы, где искать. Лодка уже несколько часов как пустовала.

Штурм Боруша начался с огненной магической атаки, довольно удачной: магам удалось продавить щиты, охраняющие крепость от боевых заклинаний, и подпалить крышу Привратной башни. Это вызвало за стенами переполох. Почти сразу после этого пошли в ход огненные стрелы. Со стен ответили – сначала ожидаемо магической ненаправленной атакой, потом бессистемной стрельбой.

Причем стрелки поднялись наверх не сразу, и пальба со стен велась неравномерно, что позволило магам провести еще один весьма эффектный обстрел стены и ворот огнем.

Маги Загорья, как и было спланировано, принялись лупить по зубцам и внешней галерее основной стены направленными элементарными заклинаниями. Огненные всполохи там сменялись ударами шквального ветра и вспышками молний – но все это было пока лишь прелюдией к настоящему сражению: солдаты готовили лестницы.

Главное – не дать врагу организоваться…

Под прикрытием мощных деревянных щитов попыталась прорваться к воротам группа смельчаков. Попытка не удалась. Кто-то из мурешских магов обрушил на них свое заклинание – на пути их мгновенно выросла дымно-черная сфера, окутала тех, кто шел впереди. Они закричали, выронили щит, люди начали падать. Кто упал, тот больше не поднялся. Кто попытался отбежать к своим, получил по стреле в спину…

Открылись ворота, и навстречу моравской тяжелой пехоте вышли вооруженные не менее мощно тролли. Ростом они уступали людям, но зато были куда шире в плечах, и латный литой доспех выглядел на них чем-то непрочным и легким, вроде картона.

Лучники на стене мгновенно прекратили обстреливать подошедших на опасное расстояние моравских солдат и колдунов.

Последние воспользовались шансом ответить – по всей верхней кромке стены заклубилось марево. Воздух там постепенно начал нагреваться. Поплыла над крепостью нестерпимо жаркая волна… только лишь для того, чтобы через минуту исчезнуть. Кто-то из мурешцев смог найти достойный ответ.

А в это время моравский пехотный полк схлестнулся с троллями.

Серокожие гиганты не щадили ни врагов, ни себя. Они словно находились под каким-то заклятием – тупо и бездумно перли вперед, стараясь навредить как можно большему числу врагов, и не останавливались, если под их окованные сталью булавы и палицы попадал кто-то из своих же. В первые минуты боя они смогли продавить строй моравцев. Но атака их неизбежно замедлилась, а после они и вовсе отступили под защиту стен.

По правой, более низкой и короткой стене отработали катапульты. С грохотом, в облаке пыли, обрушился зубец вместе с опорами крытой соломой крыши…

Со всех сторон звучали крики, команды, звон оружия…

Но в этом шуме, в порывах то ледяного, то обжигающего ветра мало кто смог бы различить тихий, но уверенный голос, наговаривающий над полной свежей крови чашей сложное заклинание…

* * *

Мосты были выполнены хорошими мастерами из надежного строевого леса. Два широких, четырем всадникам рядом проехать, моста. Если бы утро выдалось не таким туманным, увидели бы их разведчики еще издали – река в этом месте закладывает небольшую петлю, открываясь зрителю во всей красе. Но туман подкорректировал планы. Лут, который, как знаток местности, вел группу, решил не рисковать, дождаться, когда развиднеется. В таком туманище враг мог оказаться в двух шагах, и не видно бы его было, и не слышно. Магию тоже не стали применять – у Муреша много своих чародеев. Достаточно одному из них поставить сторожевое заклинание, и любое чуждое Хаосу волшебство выдаст разведчиков с головой. Потому-то они и ждали почти три часа, скрываясь в густых зарослях у реки, когда наконец утреннее солнце разгонит туман, и только после этого

осторожно двинулись вперед.

Мосты охранялись сторожевыми расчетами вражеской армии – их легко отличить по черно-серым плащам и черненым кольчугам. Для расчетов были выстроены даже невысокие срубы – в пять звеньев. Кое-где в них были проделаны отверстия-бойницы.

Может, со временем мурещцы этим сооружениям достроили бы и крыши.

Кроме того, на правом берегу, чуть ближе к скалам, из бревен же была сооружена сигнальная башня. Место выбрано таким образом, чтобы контролировать реку на несколько миль и вниз и вверх по течению. У башни и вдоль дороги ближе к реке виднелись хозяйственные постройки.

– Наверняка и за ущельем наблюдают, – заметил Даль. – Будет странно, если там не пристроилось десятка два арбалетчиков.

Ферг прикрыл глаза, сосредоточиваясь на заклинании, изобретенном когда-то им самим. Звучного названия своему детищу он так и не придумал – не придавал этому значения. Между его ладоней постепенно сгустился клок тумана, ничем не отличающегося от тех, что плыли над рекой. Туман отреагирует на любое проявление магии. Узнать, что это за заклинания, при помощи наговоренного тумана не удастся. Слишком это примитивное, можно сказать, деревенское колдовство. Зато можно довольно точно установить, где находится маг или заговоренный предмет, а также сколько их.

Его загорский коллега посетовал:

– Мне бы поближе подойти. Есть одна идея…

Прядь тумана выплыла из-за их временного укрытия и слилась с такими же прядями, скрылась из глаз. А спустя некоторое время Ферг начал рассказывать:

– В первом укрытии минимум трое. Один из них увешан магическими бирюльками, как цыганка бусами. У второго тоже есть амулетик. Эти двое двигаются, не сидят на месте. Третий сейчас тоже двигался. Может, отдохнуть прилег. Или это первый одно из своих украшений снял. Хотя зачем бы. Да, будем считать, что трое. Сейчас посмотрим, что во втором.

Несколько минут прошло в молчании, только Лут пошевелил затекшей ногой.

– А тут непонятно… люди есть. С ними гоблины. Очень похоже, что это гоблины. У их амулетов немного иной магический отпечаток. Сколько их там – не могу сказать.

– Что будем делать? – шепотом спросил загорец. Был он невысок, склонен к полноте и разговорчив. Однако в возможностях его сомневаться не приходилось – этот маг воевал с

самого начала, с того дня, как первый мурешский отряд пересек границу и подошел к Борушу, спустившись с гор северней Еловой.

В день осады его в крепости не было. В таких вот уединенных владениях довольно часто маг являлся одновременно и лекарем, и его помощью пользовались жители окрестных деревень. Тогда крестьяне позвали посмотреть заболевшего ребенка – у того началась лихорадка, и он в одночасье обеспамятел. Такое, крестьяне знали, бывает на паннонском берегу. А вот в Загорье случилось чуть ли не впервые…

Маг уехал, и всю силу вражеской атаки приняли на себя его ученики. Два мальчика, погодки, сыновья хозяина крепости. А когда мурешские солдаты стали сгонять крестьян в Боруш, чтобы объявить новые порядки, маг уж несколько часов как пробирался полями-лесами к соседям – предупредить об опасности и помочь, чем получится…

– Сейчас посмотрим, много ли магии у мостов, – сказал Ферг. – Потом нужно будет каким-то образом туда подобраться…

– Я покажу, как пройти, – отозвался Лут. – Тут раньше была тропка к реке. Может, по ней она уходит под берег. Оттуда нас эти заметить не смогут…

Ферг довольно быстро выяснил, что на ближнем мосту действительно установлено какое-то заклинание. Второй мост, на его взгляд, был чист. Но приступить к детальному изучению и заклинаний, и конструкции моста они смогли не скоро. Пришлось дождаться, пока разведчики осмотрятся с вершины ближайшего холма и сообщат, что сюрпризов на этом берегу ждать не следует. На расстоянии примерно часа пешего хода не просматривалось ни перемещения войск, ни дымов большого лагеря.

– Это не точно, – вздохнул Даль. – Лес густой, трудно проследить все движения. Придется рисковать.

К мосту вышли чисто. Никто их не заметил. Загорец сразу углядел несколько активирующихся магией запалов и со знанием дела принялся разбираться с ними. Ферг наметил целью то заклинание сложного плетения, назначение которого ему сразу не удалось определить.

Все шло, как и должно было идти, ровно и спокойно. Не долго.

Сначала осматривавший подходы Лут засек движение на опушке. Группа хорошо вооруженных солдат, человек двадцать, приближалась по дороге к мосту. Все пешие, все с объемными мешками за плечами.

Лут дал знать, чтобы маги и Даль укрылись под мостом. Это было бы ничего, если бы мурешцы просто пересекли мост, поторопились бы в крепость на подмогу своим. Но нет. Солдаты в

черно-серой форме разбежались вдоль берега, зорко осматривая подступы к мостам.

Дальгерт видел, как неудобно устроился загорец: если бы солдаты простояли там чуть дольше, он наверняка бы выдал себя…

Но они отошли, скрылись под защитой бревенчатых стен.

Не успели разведчики выдохнуть, как Лут заметил еще одну процессию, приближающуюся к мосту, – крытый экипаж был запряжен четверкой серых лошадей.

Лошади встали возле дальнего моста. Из экипажа вылез жрец в долгих черных одеждах, украшенных по рукаву и полам тонкой бежевой вышивкой.

Ему навстречу вышли трое – два гоблина явно охраняли офицера. Даль только подосадовал, что его укрытие слишком далеко от этого места.

Однако рано он расстроился – жрец не собирался скрывать своих намерений.

– Где ваши люди?

– Выполняют ваш приказ, мудрейший. Я, как видите, тоже. Только что-то нет желающих у моравских князей перебраться на нашу сторону. Может, они и вообще не собираются реку переходить. А мы тут будем сидеть, пока не поседеем.

– Будут. Они пошли на приступ, мосты им нужны. Значит, вот-вот кого-нибудь отправят. Если уже не отправили. На вашем месте я приказал бы осмотреть опоры и проверить все наши закладки.

– Да не было никого. Мои люди смотрят…

– Смотрят! – выкрикнул жрец. – Смотрят! Смотрят, как бы поскорей сбежать! Вот куда они смотрят!

– Не смейте порочить моих людей!

– Вы можете провалить все дело…

В этот миг из-под ног загорца посыпалась, побежала земля. Маг постарался удержать равновесие. Ферг быстро, но тихо что-то произнес. Он-то укрылся весьма неплохо – улегся на поперечную опору под самым накатом. Там его заметить смогли бы, только спустившись под мост…

По знаку командира один из гоблинов рванул вниз. За ним следом прыгнули несколько черно-серых из сопровождения жреца.

Остановились, завертели головами.

Дальгерт догадался, что Ферг навел на товарища заклинание отвода глаз. Пожалуй, оно даже сработало бы… если бы у загорского мага выдержали нервы. Он-то не понял, что находится под заклинанием и солдаты его не видят. Не понял, увидел в

четырех шагах от себя озирающегося мурешца, ударил огнем. С такого расстояния, разумеется, не промахнулся. Черный плащ вспыхнул, как будто облитый маслом. Солдат закричал, срываясь в воду.

Сам же загорец вскрикнул и побежал в противоположную сторону. Только для того, чтобы упасть в прибрежный песок. Кто-то достал его обездвиживающим заклинанием.

– Очень хорошо! – крикнул жрец сверху. – Давайте его сюда. Да осторожней, его кровь нам очень пригодится. Ну что, прав я? Стоило проверить закладки? И осторожней. Он мог быть не один…

Ни Лут, ни Ферг, ни Дальгерт даже не дернулись.

– Вот еще приказ. Это отправите в крепость. А вам на словах: как только пройдет последний солдат – наш последний солдат, – активируете все, что здесь есть, и уходите сами.

– Все?

– Вот именно. До встречи!

Маг проворно забрался в свой экипаж и отбыл в том направлении, откуда прибыл. Солдаты, предварившие его появление, перешли мост. Загорца они взяли с собой.

Вскоре на берегу появились гоблины. Они обшарили прибрежные кусты, осмотрели внимательно место, где совсем недавно так неудачно прятался загорский маг, и ушли ни с чем.

Вновь стало тихо – никто под мосты больше не полез. Очевидно, целостность магических «закладок» можно было проверить, не лазая в реку.

Лут дал знак, что можно отойти. Вернулись по своим следам в заросли, из которых пару часов назад наблюдали за подступами к мостам. Молчали. О чем было говорить? О том, чтобы попытаться спасти загорца, речи идти не могло – не сейчас. Пытаться понять, где и кто ошибся, – пустое дело. И потому молчали. Во всяком случае, Дальгерт молчал именно поэтому. Ферг, судя по выражению лица, вовсе ушел в себя и думал о чем-то своем. Лут быстро разрисовывал карту только ему понятными значками.

– Странное заклинание, – наконец, ни к кому не обращаясь, сказал Ферг. – Если бы я не знал, что его накладывали жрецы, я бы подумал, что это работа кого-то из союзников.

Меж тем небо над Еловой горой и окрестными хребтами потемнело, как будто там, по ту сторону, начиналась сильная гроза.

– Даже погода на их стороне, – вздохнул Лут. – А что не так с заклинанием?

– Оно сдерживающее. Как будто тот, кто его ставил, хотел

нейтрализовать заклинания, которые должны уничтожить мост.

– Да. Странно. Тихо так здесь. А за горой, наверное, льет как из ведра.

Ферг впервые глянул на Еловую. Нахмурился:

– Ничего себе. Это ж сколько силищи…

– Ураган?

– Нет, Лут. Гроза – магическая. Не нравится мне…

* * *

За Еловой небо в одночасье стало черно-красным. Командиры соединенной армии с тревогой взирали на клубящуюся над замком, вспыхивающую редкими сполохами тьму. От нее вниз, к главной, круглой башне, тянулся тонкий хобот странного вихря.

Будь гроза настоящей, сейчас вокруг ветер обрывал бы кроны с деревьев, гнул их, выворачивал корни. В покинутом лагере гасли бы костры, а шатры и палатки улетали бы, сорванные с мест…

Но ветра-то как раз и не было. И войскам оставалось только с тревогой смотреть на начавшееся светопреставление.

Ровно до того момента, пока по оцепеневшим на минуту рядам не пронесся приказ – на приступ! Вперед! На стены!!!

И воины соединенной армии двинулись вперед. Приставные лестницы поднялись вверх. Полетели к зубцам складные крючья. Не важно, что происходит вокруг, главное – это бой, который разворачивается здесь и сейчас. Главное – победа, такая близкая и желанная…

На стенах их ждали. Бой перевалил за зубцы, на крытую галерею, на лестницы и на караульные площадки. Через пару минут пали и ворота. За ними бравых моравских пехотинцев встретили все те же тролли.

Небо стало дымным и низким. В нем чудилась холодная, всепоглощающая тьма. Но она пока ничем не мешала битве. Даже когда моравцы ворвались на широкий двор и начали теснить врага к центральному зданию крепости…

Перелом случился в тот момент, когда солдаты уже поверили в свою победу, а мурешцы почти перестали сопротивляться.

Именно в этот момент над крепостью выросли десятки багровых радуг, пролились сгустками не то крови, не то огня прямо на камни двора, туда, где всего миг назад сражались смертные против смертных.

В наступившем сумраке хорошо было видно, как они светятся – словно остывающие угли или раскаленный металл. Все, кто

оказался рядом, упали замертво. А огненные создания постепенно обретали форму, становясь огромными человекоподобными существами, словно шерстью покрытыми языками пламени и дыма. От них исходил нестерпимый жар, в руках у них не было мечей – что-то вроде факелов только. Но орудовали они этими факелами быстро и ловко.

Хрипло сыграл отступление рожок. Солдаты отошли, но их место заняли маги, пытаясь если не уничтожить, то хотя бы остановить врага. Заклинания не действовали.

Враг перешел в наступление, ведомый огненными тварями, и вот уже ворота вновь оказались у защитников крепости. На стенах еще оставались моравские пехотинцы и стрелки. Но что они могли против огненных?

* * *

Вернон заметил опасность одним из первых. Он в крепости оказался чуть раньше, чем начался штурм, в чем немало помогла черно-серая мурешская форма, добытая в предыдущем бою, и отличное умение имитировать местные диалекты. Запомнив как следует расположение сил в крепости, обнаружив калитку, ведущую к реке, он уже собрался возвращаться, когда началось светопреставление с багровой тучей. Туча эта, к слову, напугала и самих защитников Боруша. Он видел, что даже тролли поглядывают на нее со страхом и втягивают головы в плечи.

А узкий хобот от тучи тянулся к верхней площадке круглой башни. Нетрудно было предположить, что маг, учинивший колдовство, находится именно там. Осторожно, чтобы не получить стрелу от своих же, Вернон принялся пробираться к башне.

Он обнаружил, что попасть в нее можно через узкое окно, расположенное на уровне второго этажа. К окну вела деревянная явно не так давно построенная лестница.

Другого способа добраться до мага Вернон не видел, а о подземном ходе попросту не знал. А в это время на стенах уже кипел бой – мурешцы теснили так недавно поднявшихся сюда солдат Моравии.

Наверное, поэтому на одинокого офицера, спешащего с самым уверенным видом в Круглую, никто должного внимания не обратил…

Внутри его встретила стража – трое вооруженных мечами и арбалетами солдат. Конечно, потребовали пароль. Вернон не стал мешкать. Ближайшего мурешца заколол кинжалом, зажатым

привычно в левой руке. Его арбалет неопасно упал на пол, а почти сразу сверху свалилось и бездыханное тело. Свободно повел мечом, готовясь встретить противника. Площадка у окна-двери оказалась маленькая, двое оставшихся стражников больше мешали друг другу. Вернону удалось на первых выпадах достать одного, он, уклоняясь от удара, подтолкнул напарника, и тот вскоре скатился под ноги разведчику. Остался теперь только один противник, и он медленно отступал по лестнице вверх. А выше могли быть еще бойцы…

Выше, как оказалось, было сторожевое заклинание. Оно-то и подвело мурешца. Яркая вспышка белого наколдованного света всего на миг заставила стражника замешкаться. А Вернон только порадовался, что поднимался за ним, соблюдая дистанцию в несколько ступеней. Не сделай он этого, и лежал бы сейчас, продырявленный мечом, потому что это его ослепила бы вспышка.

А так – сверкнуло за поворотом. Ярко, но не опасно… дало шанс подняться и добить врага.

А заодно вспышка предупредила: впереди могут быть еще ловушки.

Вернон нашарил в кармане каменный амулет-защитник, сжал в кулаке.

От него в тот же момент отделилась тень. Образ, слишком плотный, чтобы быть призраком, но и слишком нематериальный, чтобы кого-то надолго обмануть. Тень поплыла вверх по ступеням. Оказалось, это была не лишняя предосторожность.

Выше, среагировав на движение, разрядился арбалет. Потом сверкнула еще одна вспышка. Вернон подождал с минуту и только потом осторожно поднялся еще на этаж.

Впереди ждал выход на смотровую площадку башни.

Сквозь прямоугольный проем открывался потрясающий вид на брюхо черно-багровой тучи и на воронку, что тянулась словно прямо к притаившемуся за последним изгибом спиральной лестницы человеку.

То ли от ужаса, то ли от грандиозности происходящего, то ли от неизвестных магических энергий волосы на руках, а если честно, то и на голове у Вернона встали дыбом.

Он осторожно закрепил в кольце на поясе кинжал, удобней взял меч. Ноги никак не хотели отрываться от таких надежных камней последнего укрытия. Но струсить сейчас, когда, возможно, от его действий зависит исход битвы? Да пропади оно все пропадом! Вернон сделал первый шаг. Потом второй…

Вокруг черной воронки лились вспышки густого красного света, из проема тянуло жаром, как от открытой печи.

Командир разведчиков двигался почти бесшумно. Никто не должен был его ни увидеть, ни услышать. Но через миг стало ясно, что даже если бы он пел неприличные песни и топал как слон, то его вряд ли бы кто-то услышал…

На верхней площадке живых, как ему показалось в первый момент, не было. Были трупы. Несколько тел – в грязных, изношенных крестьянских одеждах. Один – моравский военнопленный – легко понять по плащу. А вот еще двое – мурещцы. И еще совсем недавно они, наверное, охраняли того, кто затеял это колдовство…

В самом центре площадки, в перекрестье белых линий, отмечающих контуры Звезды богов, стояла черная обсидиановая чаша, какие частенько используют жрецы Заточенных. В чашу по самый край была налита густая человеческая кровь. Почему-то и мысли не возникло, что там может быть что-то иное…

И только потом Вернон увидел самого колдуна.

Он лежал навзничь, руки его покоились слева и справа от чаши, ладонями вверх, глаза были широко открыты. Именно от его груди, от бежевой с черными вставками мантии, и тянулась к небу такая нестрашная в самой нижней своей части черная воронка колдовской бури…

Внизу торопливо, почти в панике, отходили к воротам выжившие моравцы, за ними следом ровной линией шли наколдованные огненные твари.

Вернону не нужно было объяснять, что это может значить. Он с первого взгляда понял: с этой напастью вряд ли справятся все маги армии, если даже объединят силы…

Разведчик облизнул вмиг пересохшие губы, удобнее перехватил меч и шагнул к магу. Тот его не видел. Черные его глаза смотрели в смертоносную тучу, как в небо.

Вернон выдохнул и изо всех немалых сил вогнал меч в грудь лежащего под тучей колдуна…

Глава 15

Потоки воды упирались в камни с такой яростью, словно и впрямь собирались их разрушить. Гроза притиснулась к горе черным облаком, и молнии скатывались по склону вниз, а раскаты грома будили камнепады.

Крохотная пещерка, в которой укрылись солдаты Муреша, служила скорей всего в далеком прошлом подвалом какого-то циклопического строения: пол был выложен огромными каменными блоками, к потолку в некоторых местах тянулись мраморные опоры. Все, конечно, завалено битым камнем. И все же следы человеческой, или, верней сказать, разумной, деятельности были очевидны. Шлифованные срезы камней. Осколки, покрытые вязью то ли причудливой резьбы, то ли незнакомых письмен…

Темно, влажно, страшно.

Но меньше всего Бела в тот момент думала об этом. В глубине пещеры было сыро – вода снаружи легко попадала туда, собиралась множеством тонких ручьев, чтобы затем исчезнуть под каменными завалами в нижней ее части.

Белала сидела, скрючившись, так чтобы не касаться никого из мурешщев, и крепко прижимала к себе хныкающего и вздрагивающего при каждом новом громовом раскате мальчика.

Так продолжалось долго. Наверное, больше часа. Но точно отследить время возможности не было.

Жосан заснул, его храп изредка перекрывал даже шум ливня. Сыч сначала пихал его локтем, потом перестал. Переместился куда-то вглубь, принялся там возиться.

Моргаш шептал тексты из доктрины, иногда сбиваясь и замолкая надолго. Он был, видимо, из семьи, в которой служению богам придавалось большое значение.

Мастер Чордаш, который меньше всего на свете любил ждать, засветил магический огонь, пещерка сразу стала еще теснее. Там, где ковырял камни Сыч, раздался стук вывороченного и упавшего валуна, а затем тихий плеск. Сыч азартно сказал:

– Ага! Я знал!

И попытался устроиться в тесном закутке поудобней.

– Что у тебя? – рыкнул Хагр. – Осторожней там. Еще обвалишь тут все…

– Здесь дыра, можно руку просунуть. Пусто внутри.

– Какая еще… Ну-ка пусти! – Чордаш сам протиснулся на место Сыча и удостоверился – точно дыра. Сычу удалось уронить куда-то в черноту довольно крупный камень.

Маг поднапрягся, расшатал и уронил еще один валун. За ним вглубь посыпался гравий. Чордаш загнал своего магического светляка внутрь и сам засунул голову. Любопытство ему тоже было не чуждо. Особенно если снаружи ураган неизвестно когда кончится, а сидеть на месте уже нет никаких сил.

Огонек высветил гладь черной воды внизу, изредка нарушаемую нагромождениями упавших когда-то камней и земли. Вдалеке слышалось журчание, но здесь воду не морщил ни случайный ручеек, ни ветер.

Света было мало, и маг распорядился всем сдвинуться, а проход увеличить. Мало ли какие тайны могут скрываться там, в глубине? Древние и непознанные, ждущие только его, Ладжуса Чордаша… Быстро в темную воду посыпались новые камни, пока дыра не расширилась до размеров, способных пропустить и самого мага, и более крупных Моргаша и Хагра.

Первым в лаз спрыгнул, конечно, разведчик. Следом за ним, лишь чуть отстав, – маг.

– Урсу – с нами, – приказал он. – Остальные ждут здесь.

Из пещеры тянуло сыростью, мокрым камнем. Жосан, проснувшийся от общей возни, из любопытства тоже сунул голову внутрь, но там было темно и ничего не понятно. Только где-то вдали гулко звучал голос Чордаша и метался магический огонек.

Снаружи гроза закончилась, на смену ей пришел ливень. Его голос был не менее громким, чем недавние раскаты грома.

– Что, девка, замерзла? – спросил Жосан добродушно. – Иди сюда, погрею.

– Я не девка. И не замерзла.

– А кто же ты? Девка и есть… Это в Сибу ты знатная дама, а где этот Сибу? Иди сюда, не ломайся.

Сыч с новым интересом посмотрел на Белу. «Еще чего не хватало, – подумала она. – Надо срочно что-то придумать… что-то ответить…»

Моргаш смерил Жосана презрительным взглядом, но ничего не сказал, равнодушно отвернулся.

Жосану ждать надоело, и он сам к ней придвинулся, благо размеры пещерки были таковы, что и особых телодвижений ему совершать не потребовалось. Большая жилистая ладонь скользнула вверх по Белалиному колену, и все мысли о том, как окоротить солдата, исчезли из головы напрочь. Зато то ли от испуга, то ли по наитию, Бела от души шарахнула по этой самой руке «холодной молнией». Заклинание, которому она научилась чуть ли не в первую очередь. Здорово помогает учить уму-разуму горячих парней, коих она при дворе сибушского князя навидалась немало.

Жосан с проклятиями отдернул руку. Проснулся Лорант и уставился на него пугающе разумным взглядом. Но солдат увлекся разглядыванием собственной ладони. На вид совсем не пострадавшей.

Вернулся Чордаш. Велел:

– Давайте все сюда, там есть ход.

Так что стало не до разговоров.

В пещере было темно и тихо, сразу отодвинулся шум дождя снаружи. А звук капель и плеск воды под ногами лишь подчеркивали тишину. Сапожки Белалы, и без того сбитые на камнях, мигом промокли. Она поудобней перехватила Лоранта и тоже засветила магический огонь, надеясь найти сухую дорогу. Надежда не сбылась – предстояло идти по огромной, зеркально отсвечивающей луже, заполнявшей пещеру от края до края темной и прозрачной водой. Одно утешало – глубоких трещин в неровном полу быть не должно, иначе вода не оказалась бы такой спокойной…

Бела старалась не отставать от Чордаша. На Жосана она не глядела.

А если бы и попробовала посмотреть, то в темноте не заметила бы, каким долгим, оценивающим взглядом провожает ее и ее огонек мурешский солдат.

Пещера постепенно сужалась. Но осмотреть ее «во всей красе» возможности так и не случилось: что-то небывалое происходило в этом месте с магией. Любое заклинание требовало больше усилий, а эффект получался в несколько раз слабее.

Бела надолго это запомнила: плеск, шаги, темнота, ожидание неизвестного…

А потом, за очередным поворотом, внезапно – зеленоватый свет и корни растений, свешивающиеся прямо над головой. И сырые от дождя стены…

У выхода ждал Хагр. Волосы его сырыми прядями свисали вдоль лица. Куртка тоже вымокла. Видимо, он уже успел осмотреть окрестности.

Разведчик хмуро сказал:

– Сухих дров сегодня точно не будет. Здесь такой грозы не было, но дождь прошел, и вверху еще туман висит.

– Что это за место? – оглядывая зелень вокруг, спросил Чордаш.

– Похоже, мы в кратере. Но бояться нечего, этот вулкан, видимо, давно потух. Внизу есть озеро. Я не знаю, можно ли пить из него воду. Там неприятный запах и по берегам нет растений. Дымит северная часть кратера. Потом надо будет сходить.

Маг отмахнулся от этих замечаний. Его волновало другое:

– Нам нужна какая-нибудь крыша. Хоть что-нибудь…

Полуорк молча указал на плохо различимые сквозь заросли и туман стены на близком склоне. Не то замок, не то храм, о котором говорил Сухмет. Развалины эти и вправду выглядели более целыми, чем все, что они встретили раньше.

* * *

Генераль Ковач наблюдал, как его войско отступает от стен крепости под напором неизвестных огненных тварей. Все маги армии сейчас были там, прикрывали солдат. Но против этой новой напасти сделать они мало что могли. Даже мастер Туули, видевший на своем веку многие магические войны, и то смог их только замедлить. Бóльшая часть магических сил уходила на то, чтобы защитить людей от огненного жара, исходящего от этой странной армии.

Пора было оставить холм, спуститься к своим людям, но…

Генераль медлил. Ведь лишь недавно казалось, что до победы – всего шаг. Один маленький шаг.

Вот уже и около стен Боруша никого не осталось…

И в этот момент с отдаленным грохотом начала рушиться главная, круглая, башня замка.

Оборванной струной взвился в небо хобот тучи, свился петлями, ударил по замку. От этого удара начала осыпаться стена справа от Привратной. Туча и не думала исчезать. Напротив, она росла, набухала то чернотой, то пурпуром. От нее потянулись, закружились новые черные вихри.

И все это – в не свойственной настоящему урагану тишине.

Войско больше не отступало. Солдаты бежали от Боруша, понимая, что каждый может оказаться под ударом.

Ковач видел, как против вихря остался стоять только Берт Туули – светлая фигура со вскинутыми руками на фоне клубящейся черноты. С его пальцев в сторону тучи сорвались молнии. Не обычное боевое заклятие, нет, это было что-то другое. Луч ослепительного белого цвета, изломанный, словно молния, но от этого не менее яркий.

Когда этот луч встретился с одной из черных воронок, та мгновенно оказалась рассечена и частично развеялась, частично вернулась в породившую ее тучу.

Может, справится? Удержит? Вот и еще одним хоботом меньше…

Но и луч потерял яркость, потускнел… Вот и сам маг отступил, и руки его опустились.

Туча остановилась. Ничуть не стала светлее, но вроде бы перестала стремиться затянуть собою все небо. Но начала опускаться. Вниз, к замку. Мастер Туули вновь поднял руки, но на этот раз заклинание вышло не столь мощным. Отогнать, а уж тем более развеять тучу оно оказалось не в силах. И магам пришлось отступить.

* * *

Появление тучи не оставили без внимания солдаты мурешской армии, охранявшие мост. Разведчики видели, как шестеро покинули укрытия и отправились на правый берег, к вышке. Не воспользоваться таким шансом было бы глупо, так что они, даже не обменявшись и парой слов, тихо и незаметно подошли к мостам.

Ферг отметил:

– Маг, увешанный амулетами, у левого моста. У правого – гоблины. Двое.

– Гоблины – мои! – шепнул Лут.

Даль кивнул.

Ферг собирался выманить мага из укрытия и дать Дальгерту возможность беспрепятственно снять его выстрелом из арбалета. Но выманивать не пришлось. Мурешский маг оказался неосторожным и любопытным парнем. Он сам выбрался из укрытия, чтобы полюбоваться тем, что происходит на правом берегу.

Вышел совершенно безбоязненно, встал посреди моста, вперив руки в бока. Идеальная мишень. После удачного выстрела Даля кулем упал на доски. И лишь через несколько секунд из-за соседнего укрытия раздался недоуменный оклик, который Дальгерт для себя перевел как «Эй! Что это с тобой?!». Следом за окликом над верхним звеном бревен появилась голова гоблина, прикрытая кожаным шлемом. Лут уже подобрался к срубу с противоположной стороны, а потом незамеченным перемахнул через стену. Несколько мгновений, и вот он уже неспешно возвращается, вытирая длинный нож пучком травы.

Ферг уничтожал примеченные ранее магические запалы. Сложное заклинание трогать не стал. Чтобы его снять и остаться невидимым для автора заклинания, пришлось бы потратить слишком много времени.

Тем временем туча разрослась и вставала над Еловой неровным куполом, который изредка прошивали тусклые молнии.

– Будем дальше наблюдать? – с нескрываемой тревогой

заметил Лут. – Что там, интересно…

– Плохо там, – решительно повторил уже высказанную недавно мысль Ферг. – Надо возвращаться. И не в обход – через ущелье быстрей будет.

Через реку переправились под мостом. Опоры и поперечины позволили пробраться незаметно и при этом даже ноги не замочить. Затем ушли под деревья, хотя дорога казалась совершенно пустой. Все, кто охранял мосты и вышку, похоже, тоже отправились к ущелью любоваться тучей.

Деревянные постройки выглядели пустыми. Ни движения, ни шороха… они миновали их, даже не сбавив шага.

К ущелью подошли без дороги, по ельнику, удачно миновав три мурешские заставы и скалу, за которой устроились, ожидая своего часа, лучники. Лут было хотел «заняться ими», но Ферг даже слушать не стал.

По тракту внизу шли солдаты Муреша, недавние защитники Боруша. Здесь уже было темно, черная туча поглощала свет, превращала белый день в ночь.

– По верху пройдем? – спросил Даль.

Лут медленно кивнул.

– Есть тропа. Даже быстрей получится. Но с вещами будет тяжело.

Ферг, не говоря не слова, скинул с плеч сумку с дневным запасом продовольствия, веревкой и плащом. Даль последовал его примеру.

– Выйдем почти над Борушем, – предупредил парень и с тревогой еще раз поглядел в небо. С того берега зрелище было куда менее впечатляющим. А туча продолжала расти…

– Лучше бы прямо в крепости, – проворчал Ферг.

Потом пояснил для удивленных разведчиков:

– Хочу оказаться поближе к источнику. Идем!

На самом деле они практически бежали. И к крепости вышли неожиданно даже для себя.

– Вниз! – решил Ферг.

Уже почти спустились, когда поведение тучи поменялось. Словно кто-то разозлил огромную змею – заметался над Борушем хвост воронки. Начали рушиться стены и башни…

Ферг крикнул, стараясь переорать грохот обвала:

– Даль, постарайтесь уйти подальше. Оно вышло из-под контроля…

– А ты?

– Я вниз. Помогу там…

Даль перевел взгляд на равнину и увидел цепочку магов, прикрывающих отход армии.

Возражать не стал. Там, внизу, под самой тучей, они с Лутом будут только мешать.

* * *

Ферг шел по выжженной земле, мимо разрушенной стены. Солдаты Муреша успели вовремя покинуть и крепость, и долину. А кто не успел, лежали сейчас на поле, на площадке перед воротами, на стенах и дворе Боруша. Живых не было. Не стонали раненые, не звучало ни брани, ни молитвы.

Туча медленно накрывала долину, но кто-то из магов еще сопротивлялся – яркая белая молния отсекла одно щупальце, другое, скользнула над головой Ферга, заставив сощуриться. Но эта попытка была единственной и вскоре оборвалась – без помощи других магов такое колдовство удерживать трудно.

Нити магии свивались, выдавая мощность заклинания. Зрелище могло бы испугать любого.

Там, наверху, когда он сказал разведчикам остаться, сомнения в собственных силах еще были. Но исчезли.

Каждый шаг вниз – минус одно сомнение.

Просто потому, что войско должно перейти реку. Надо добраться до Заточенного бога, как бы его ни звали.

Просто потому, что иначе не стоило бороться.

Просто потому, что иначе эта война не кончится никогда.

И у Лоранта не будет шанса…

Если он еще жив.

Вот это выматывало больше всего. Неизвестность. Каждую минуту напоминать себе, что заложников всегда убивают. Что, возможно, сын давно мертв и молчание – всего лишь способ заставить тебя выполнить условия… были бы эти условия.

Хоть какая-то зацепка, хоть что-то.

Именно поэтому армия должна перейти реку. Он перейдет реку вместе с армией. Чтобы или спасти, или отомстить.

Но сейчас не нужно этих мыслей. Ничего не нужно. Очистить голову. Сосредоточиться. Всего два шага до той точки, которую ты выбрал себе за цель.

Ферг встал удобней, чуть расставив ноги, посмотрел на тучу снизу вверх. Зажмурился – и позвал ту магию, которая до сих пор текла сквозь него – вольно и незаметно. Чужую, но как будто уже немного свою – магию лабиринта.

Она отозвалась. Равнодушная спокойная река вдруг почувствовала новое узкое русло…

Если магия мастера Туули была потоком белого света, то тут

все оказалось иначе. Ферг так и стоял – прикрыв глаза, подняв к небу руки. Над кистями начал клубиться воздух – так, как он клубится над дорогой в жаркий летний день.

Потом там, внутри этого почти неразличимого глазом движения, зародился свет, неяркий и нестрашный. Сначала.

Немногие зрители – маги, не успевшие отступить к холму, да так и не покинувший удобное место для наблюдения за ходом боя генераль Ковач – увидели, как от самой земли начинают подниматься прядки серебряного дыма, подниматься, окутывать ноги Ферга легким туманом, вливаться в разлитое над его головой марево. И когда дымная сфера над ним стала непрозрачной, из нее вверх ударили лучи. Синеватые, мерцающие, дымные. Они впились в тучу в сотне мест, заставили ее съеживаться. А вскоре в смоляном куполе появились первые прорехи.

Магия текла сквозь него, вымывала мысли и чувства – прекрасная и звонкая, сильная. Ферг чувствовал, что побеждает, и знал, что может победить… Вот только стоять прямо с каждой минутой становилось все труднее, а удары собственного сердца били по барабанным перепонкам, как по тугим барабанам.

Близкая победа, желанная, как вечернее яркое небо в насквозь дырявом подоле магической тучи. Она не могла не состояться.

А потом стало легче. Он не видел, но знал, что в борьбу вступили другие.

И пусть их силы невелики по сравнению с магией лабиринтов, но они тоже – кусочек победы, до которой уже рукой подать…

Остатки черной тучи развеялись, просыпались на развалины Боруша темной пылью.

Но Ферг этого не увидел: ноги подкосились, и он неловко повалился в истоптанную десятками сапог пыльную траву.

Очнулся от того, что кто-то лил ему на лицо теплую воду. Открыл глаза и узнал мастера Туули. Берта. Тот медленно завинчивал опустевшую флягу.

– Ну как, мастер, – спросил Ферг тихо, – ощущаешь себя героем?

– Самоубийца! – возмутился тот.

– У меня был шанс.

– Самоуверенный идиот. Куда полез в одиночку?

– Я знал, что ты меня поддержишь. Да и эти тоже.

– Ради тебя пальцем бы не шевельнул.

Ферг закатил глаза и осторожно встал на ноги. Голова кружилась, но могло быть значительно хуже.

Берт отвернулся и, чуть прихрамывая, пошел к своим. Зато с другой стороны уже бежали Дальгерт и Лут.

– Что он сказал? – спросил Даль.

– Как всегда. Что не собирался меня спасать. Он мне об этом, подожди, будет напоминать при каждой встрече.

– Ты же…

– Есть две вещи, которые мастер Туули мне не простит никогда. Однажды я убил его ученика. И у меня на руке хаоситская татуировка.

Дальгерт не нашелся что ответить.

Ферг тем временем окончательно пришел в себя и понял, что армия успела отступить почти на прежние позиции, а до них еще топать и топать. Даже маги ушли.

Но не оставаться же на пепелище!

– Пойдем, доложим. Если найдем, кому докладывать. А там посмотрим, как сложится…

* * *

– Ну что же ты… – пробормотала Бела. Подняла с земли ложку, вытерла. Набрала в нее еще жидкой похлебки, поднесла к губам Лоранта: – Давай, ешь!

За ее действиями мрачно наблюдал Сыч. Вчера он объявил, что еды почти не осталось. Сегодня его стряпня стала почти несъедобной. Но это все-таки была еда. И Бела добросовестно впихивала в мальчика его порцию. Лорант перестал плакать, но ел плохо. От питья не отказывался, правда, и это вселяло некоторые надежды. Жар тоже перестал его донимать. Оставалась слабость и еще неумение или непонимание самых простых вещей. Он даже ходил, только если кто-то придерживает за руки. Шаг, другой – и сядет…

Может быть, стоило вернуть похлебку в котел. Мужчины-то остались голодны. Но что им эта крошечная детская порция?

Белала осторожно вытерла мальчику губы оторванной от подола тряпицей – платье все равно уже истрепалось настолько, что никакой мастер не починит.

Солдаты тоже покончили с едой и теперь ждали, что скажет Чордаш. А он не торопился. Медленно доел свою порцию, сложил грязную тарелку в опустевший котелок. Хмуро прошелся по комнате.

Развалины, в которых они нашли себе приют, были частью некогда величественного здания. Годы его не пощадили, оно обрушилось. Частично сохранился огромный зал, в который

настрого запретил соваться маг-проводник. Да Бела и сама чувствовала всей спиной, что магия в этом зале до сих пор жива, не дремлет и течет вольно. Но эта странная, незнакомая магия… не злая, не добрая, равнодушная к чужакам. Но оттого еще более страшная.

Еще комната, довольно большая, в которой они провели уже две ночи. Пустая, сырая, но с уцелевшей крышей-сводом, она располагалась в полуподвале. И окошко было маленькое. Не окно – отдушина, бойница в верхней части стены. Здесь всегда пахло сырой землей и камнем. Была третья комната. Небольшая, все не смогли бы в ней разместиться. Зато с широким окном, под которым красовался обрыв. Она оставалась пустой, потому что располагалась далековато. И нигде рядом нельзя было развести костер.

Наконец Ладжус Чордаш перестал ходить вдоль стены, остановился, качнулся с пятки на носок.

– Ну что? Долго еще мы здесь будем?.. – в очередной раз потребовал ответа у проводника. – Смотри, старик…

– Все почти готово!.. – заторопился тот. – Может, день… может, два! Но не долго, клянусь! Я сам не желаю оставаться здесь надолго! Это плохое место.

– Верю. – Маг нахмурился: – Но даже два дня нам нужно будет что-то есть. Хагр, бери людей, посмотрите, может, здесь водится какая-нибудь… дичь.

Слово «дичь» прозвучало как ругательство.

– Урсу и Сыч – со мной. Пороемся в здешних камнях. Может, чего полезного найдем.

– В зал только не ходите! – встрепенулся проводник.

– Я не самоубийца. Жосан, останешься караулить… здесь. Мало ли…

Белала поняла, что день будет трудный. Время от времени она ловила на себе пристальный, оценивающий взгляд Жосана. Впрочем, дальше взглядов дело пока не заходило…

Это был первый день без дождя – иначе мурешцы, несомненно, разведали бы окрестные леса намного раньше…

Лорант потянул в рот камень, Бела привычно отняла. Мальчик с того момента, как жар спал, вновь стал обращать внимание на окружающий мир. В основном это выражалось в том, что он засовывал в рот все, до чего мог дотянуться. Это могла быть трава, земля, а за неимением лучшего – собственные пальцы. Малыш не расстроился, на четвереньках отполз на два шага от Белы, принялся возить ладошками по полу. От пальцев оставался узорный след, и это его на время увлекло.

Жосан устроился у выхода – нарочно спиной к Белале. Она

занялась обычными делами: собрать посуду, сходить к ручью и отмыть…

Ручей недалеко. Он вытекает чуть ниже той пещеры, из которой они вышли два дня назад.

За минувшее время к нему протопталась заметная тропа. Жосан слышал, что Бела ушла, но даже не обернулся. Это было к лучшему…

Она натирала котлы и думала о будущем. Через два дня… или, может, через три они вернутся в родной мир. Вернутся в Сибу. Наверное, туда. Там ей придется отвечать перед магами и перед князем за свои поступки. Да, Чордашу тоже придется… но это не отменяет всего того, что было сделано.

А ведь она всего-навсего хотела оставаться честной. Не перед лицом кого-то, не зачем-то. А для себя. Может, она выбрала неправильную сторону? Но если так, то когда? В какой момент?

Она никого не предала. И все же здесь и сейчас она – пленница. А может, нет? Может, Чордаш и остальные видят в ней всего лишь глупую девку, которая попросту не соображает, что творит? Ведь послом в Сибу была не она…

А с другой стороны, письмо, которое передал Чордаш, адресовалось ей, а не Белферану. Письмо с однозначным приказом: найти способ давления на Эрно Шороша. Найти – и наблюдать. Только наблюдать.

Случайное воспоминание неожиданно прокатилось по сердцу теплой волной. У Белы даже руки опустились. Ярко и живо представился ей Эрно – доктор Ферг. Дождь за окном хосписа, теплый чай в кружке. Усталый, но теплый взгляд, в котором тень понимания и ни капли сомнений ни в тебе, ни в твоих намерениях. Таким он был, когда они виделись в последний раз. Встреча на приеме не считается – там слишком много людей, там их разговор длился миг.

Нашарила на груди амулет – дымный камень на простой цепочке. Долго-долго не вспоминала о нем… А ведь сны, страшные сны о жертвенной чаше и собственной льющейся крови как исчезли тогда, так и не вернулись.

Кажется, он сказал: «Мне нужно знать, действует ли». Вот, теперь ясно. Действует. Только как сообщить эту новость? Как отсюда выбраться самой и как спасти Лоранта?

С острова не убежишь. А если даже… то что? Где они, здешние берега? Кто там обитает, кто тебя встретит?

Пора возвращаться. Малыш остался один, мало ли, что может случиться. Да, комната пуста, там, кроме немногих принесенных с собой вещей, ничего нет. Только земляной пол, усыпанный мелкими камнями, некогда вывалившимися из древней кладки.

Но все равно боязно.

Бела сложила отмытую посуду обратно в котел и выпрямилась.

Краем уха услышала, как зашуршали кусты слева, начала оборачиваться…

В голове словно вспыхнул маленький взрыв. Котелок упал, миски и кружки покатились назад, к ручью.

Но этого она уже не увидела.

В беспамятстве, однако, она пробыла недолго. Очнулась от того, что ее довольно грубо перетащили на несколько шагов по тропе. Затем кто-то деловито принялся развязывать боковые шнурки того, что осталось от платья, придавив ее при этом к земле коленом…

Бела открыла глаза – Жосан, конечно… Мало она его ужалила! Ну, держись!

Мурещцу надоело возиться со шнурками, и он попробовал порвать шелк на груди. Ткань неохотно, но поддалась.

Бела, не мешкая, ударила магией… попыталась ударить.

На мгновение она растерялась: привычная, как сама жизнь, сила покинула ее, не отозвалась на призыв. Так бывает в страшном сне, когда ты в беде и нужно позвать на помощь, но тело – парализовано, и изо рта вместо слов вылетают странные, искореженные звуки…

Магии не было.

– Ну, – пробормотал Жосан, – не дергайся! От тебя не убудет. А мне надо!..

Бела попыталась нашарить под собой камень, чтобы выписать насильнику по затылку, но и этого ей не удалось. Мурешец коротко, наотмашь ударил ее по лицу. Потом его руки поспешно зашарили под Белалиной одеждой. Попытка вырваться привела лишь к очередному удару…

– А ну-ка, руки убери! – раздалось над ними.

Жосан замер. Затем медленно поднялся, не спуская глаз с так не вовремя появившегося Хагра. Разведчик держал на весу небольшой арбалет.

– А что, тоже на нее глаз положил? Не выйдет. Я – первый.

– Помнишь правило? Девка или общая, или ничья.

– Да ладно… Что ты мне сделаешь? Убьешь, как Сухмета?

Бела поспешно поднялась. Попыталась хоть как-то заделать прорехи в одежде. Это оказалось трудно – Жосан не собирался беречь ее тряпки.

– Не равняй себя с разведчиком, падаль.

– Что? – В глазах мурещца сверкнула ненависть.

– Собери посуду и возвращайся в каземат. А ты…

Бела с вызовом посмотрела на него. Левый глаз ощутимо заплывал. Хагр дернул арбалетом:

– Иди за мной!

Пошла. Деваться было все равно некуда.

Через несколько шагов сошли с тропы и обогнули развалины слева, по склону. Там, у полуобвалившейся башни, у самой земли виднелся вход – скорей всего раньше это было окно, но его засыпало до середины обломками и камнепадом.

– Давай. Внутрь.

В башне было темно и сыро.

– Наверх!

Узкая лестница вдоль стены. Ступеньки слишком высокие, трудно идти.

– Теперь сюда. Здесь будешь жить. Сейчас ребенка принесу.

Крошечная комната – шага четыре в диаметре. Каменный свод наверху с одной стороны обрушен, и в пролом заглядывает синее небо. Зато есть окно, и довольно большое – человек пролезет без труда.

– Почему вы меня ненавидите? – вырвалось у Белы. – Я никого не предавала.

– Ты сражалась на стороне врага. Ты враг.

Больше он ничего не добавил, вышел.

Что же, у каждого своя правда. И никого не интересует, Белала Вораш, какая она у тебя.

А какая она? Нельзя сидеть одновременно на двух стульях. Нельзя одинаково честно служить двум разным силам.

«Да я и не собиралась служить!»

Ой ли! Ты же сама добровольно приняла Звезду богов. Совсем еще недавно поездка в Паннонию казалась тебе увлекательным приключением, неопасным и недолгим.

Она сжала в кулаке подаренный Фергом амулет, единственную вещь, которая словно ниточкой привязывала ее к той, далекой жизни…

Будто бы кусочек агата мог передать ей уверенность, которая всегда исходит от самого доктора: «Спокойно, Бела, все будет хорошо. Я же здесь!..»

А потом Хагр притащил плачущего Лоранта, и стало не до самокопаний.

* * *

Сначала это был темный узкий коридор. Ферг шел по нему без страха. Он понимал, что спит, а снов бояться нечего. Редко,

примерно каждые пятьдесят шагов, горели факелы, но света они не давали, просто обозначали путь. Он даже успел заметить, как здесь тихо, и понять, что за запах пробивается в узкие отдушины под потолком – запах моря. Большой соленой воды.

Стены были сухими и сложены из больших серых, гладко ошлифованных камней. Три факела – полторы сотни шагов. Лестницы, переходы… и вдруг, так бывает только во сне, настежь открытая дверь в полный света и ветра зал, украшенный тонкими резными колоннами. Окна – на все стороны света. За ними башни, дома и крепости большого города. Много светлого, переливчатого шелка, который шевелится под ветром, как знамена. Стрельчатые окна в верхней части украшены белой тонкой решеткой. Нет, это не готика Терры, которой присуща огненная стремительность очертаний, здесь во всем легкая ажурность и тонкость в каждой линии. Здесь общего даже больше с архитектурой Древнего Рима – много скульптур, резных перил и широких лестниц. Но Башни – это что-то особенное.

Ферг такого раньше никогда не видел – ни на Западе, ни на Востоке, ни в одном из трех миров.

А еще в комнате находился гоблин.

Ферг с этим племенем знаком был мало, а в последнее время вообще видел только в бою – на вражеской стороне. Но знал, что гоблин гоблину рознь и что среди них есть и ученые, и даже художники. Да, бóльшая часть их даже на Альтерре живет бедно, закрытыми общинами, стараясь уйти подальше в леса. Берток говорит, что из них получаются неплохие разведчики…

Этот был немолод, худ, рельефно выступали скулы, а глаза, довольно большие, сидели глубоко в глазницах. Одет он был в серые узкие штаны, на которые сверху спадала легкая туника. Это наводило на мысли о каком-нибудь жарком южном побережье.

Гоблин ему приветливо кивнул, жестом предложил войти. Ферг послушался: он уже забыл, что все происходит во сне, таким реальным казался этот мир.

– Я ждал тебя, – раздался в голове низкий голос. В нем читалось любопытство и уверенность.

Ферг ответил вслух:

– Судя по всему, вы меня знаете. Я вас – нет. Было бы вежливо представиться.

– К сожалению, я тебя тоже знаю намного хуже, чем мне бы хотелось. Ты – Эрно Шорош. Обычный маг, которому удаются необычные вещи. Например…

Он коснулся пальцами собственного запястья там, где на руке у Ферга была татуировка Звезды богов.

– Очень немногим удавалось отказаться от этого. Крайне

немногим.

– Я до сих пор не уверен, что избавился от нее…

– Избавился, избавился. Можешь не сомневаться. Иначе мне не пришлось бы искать тебя столь сложным способом… Я маг, мое имя Гарсааш. Многие считают меня Богом…

– Заточенным, – вырвалось у Ферга.

– Вот именно.

– Раньше Заточенными звали других…

– О да! Мои коллеги… слишком… торопились вырваться на свободу. За что и поплатились в конце концов. Они ведь погибли?

– Да.

– Они считали, что кровавые обряды многократно усилят амулеты и жрецам удастся их освободить. Тащить на алтарь всех подряд и резать, как скот на бойне…

Гоблин сокрушенно покачал головой, подошел к окну.

– Кровь кровью… но нужно же и головой думать.

– Значит, вы были с ними заодно…

– Что? Нет, конечно. Я очнулся куда позже, уже шла большая война. Но когда мои… коллеги… погибли, я решил: чего добру пропадать? После них осталось три десятка храмов, около сотни обученных жрецов. Я был слаб. В любом случае формально, – он скривил рот в усмешке, – я могу называться Заточенным богом ровно так же, как Дарнар и Юргнорд. Но вернемся к нашей проблеме…

– К вашей проблеме.

– Если угодно. Я знаю, что ты можешь меня освободить. Доказательством тому – лабиринт Агдоле. Вернее, щит, под которым он находился последние десятилетия…

– Этот щит мне дорого встал, маг Гарсааш. Я не желаю повторять опыт.

– Возможно, я неточно представился. Ты слышал о Брандее?

– Да. Но в этих слухах не было ничего, что могло бы подвигнуть меня помогать вам. Я не стал бы помогать ни самим Заточенным богам, ни их слугам. Даже если бы это и вправду было в моих силах.

– Это в твоих силах: тебя слышат лабиринты… но, возможно, у меня есть что-то, что изменит твое решение.

Вот оно, главное. Вот он, тот самый разговор. Предложение сделки…

– Я слушаю.

– Некий мальчик, который тебе, несомненно, дорог, находится у моих людей. Если ты согласишься снять защитное заклинание, он будет возвращен живым и невредимым.

Ферг медленно покачал головой:

– Вопрос стоит иначе, мастер Гарсааш. Мне как минимум нужно знать, что Лорант жив. Что с ним ничего не случилось. И только после того, как я получу неопровержимые доказательства, мы с вами будем разговаривать…

Что-то с гоблином было сильно не так. Ферг чуял это, как птицы чуют приближение грозы. Но сон на то и сон, чтобы отбрасывать нужные детали, а запоминать ненужные – вроде изумруда на пальце гоблина или его манеры морщить в задумчивости лоб.

Гарсааш ответил:

– Сейчас это невозможно: мальчик находится в другом мире, и даже я не знаю точно в каком. Значит, ты отказываешься…

– Пока не буду точно знать, что он жив.

– А если получишь такие доказательства?

– Тогда мы обсудим это еще раз…

– Что ж, что ни делается, все к лучшему.

Он прошелся вдоль стены. От движения колыхнулись тончайшие бежевые шторы.

Ферг без особой надежды на честный ответ спросил:

– Какова ваша цель? Что вы собираетесь делать, получив свободу? То же, что планировали Заточенные? Освободить других ваших «коллег»? А потом?

– Я собираюсь…

Гоблин встал у окна спиной к Фергу. Оперся о раму прямыми руками.

– Я собираюсь жить. Дышать свежим воздухом… пить чистую воду. Ты не поверишь, но именно этого мне в моем нынешнем существовании недостает больше всего. Я собираюсь ходить своими ногами по своей земле. Хочу создать царство, какого этот мир еще не видел. Большое, богатое, сильное. Кое-что можно начать делать уже сейчас, но я хочу видеть, как оно растет, живет, развивается…

– Иными словами, завоевать и разграбить окрестные земли…

– Ошибаешься! Атлантида была когда-то сильна в первую очередь не военными победами, а торговлей. Это уж после… случилось то, что случилось. Но если бы не мы, атланты так и остались бы крохотным племенем островных жителей, промышляющих пиратством и набегами на береговые порты. Я могу многое дать…

Настала очередь Ферга невесело улыбнуться:

– Я не заключаю сделок со слугами Хаоса.

– И напрасно.

– Один раз уже заключил, до сих пор не могу отмыться.

– Глупость и жадность некоторых служителей, к сожалению,

способны испортить любую хорошую идею. Я не прощаюсь, мастер Эрно. Скоро увидимся!

Ферг проснулся, словно сон выключили нажатием кнопки. Была темная ночь. В лагере разведчиков все спали, у пехоты вдоль палаток прогуливался часовой. Над часовым мерцали звезды, а среди них – масляный фонарь, поднятый на длинной палке метра на три. По таким фонарям ориентируются караульные и вестовые…

– Значит, не совсем сон, – пробормотал Ферг, поднимаясь. – И все-таки с ним что-то не так.

* * *

Под проваленной крышей она развела костер. Веток принесла из леса рано утром, когда солдаты спали, а огниво выпросила у Хагра. «Мальчик еще слишком слаб, его нельзя снова простудить». Хагр отказываться не стал. Но и на все попытки с ним заговорить отмалчивался.

Бела в уме считала дни: проводник сказал, через два дня его амулеты снова будут готовы вывести их в Междумирье. Значит, через два дня все это так или иначе закончится…

Вечером Хагр принес плохо прожаренное жилистое мясо. Бела даже не стала спрашивать, что за зверя они убили. Чтобы не портить себе аппетит.

Мясо она порезала на тонкие ломтики поперек волокон, так Лорант от них хотя бы не отказывался.

Бела была уверена, что Хагр уйдет, но он, посмотрев на учуханного мальчика, мрачно сказал:

– Они подрались из-за тебя. Чордаш считает, что тебя лучше убить.

– Они?

– Люди Чордаша.

– Разве вы все не…

– Сухмет, Моргаш, Урсу, Сабо – мои люди. Жосан был помощником у Чордаша, еще когда он командовал в Загорье. Сыч – его ординарец.

Сабо и Сухмет погибли. Вот как. Теперь, значит, они на равных. Вроде бы.

Белала в который раз попыталась отомкнуть браслет, но узкая полоска кожи поддаваться не собиралась. Браслет украшали холодные овалы какого-то незнакомого то ли камня, то ли минерала. Четыре гладкие простые вставки. Никто, кроме Жосана, не мог навесить на нее это «украшение», и Бела была

почти уверена, что именно браслет лишил ее магии – ее самой верной, самой надежной защиты.

– Так вы для этого пришли?

– Нет. Пока.

Пока не прикажут? Или пока не будут подготовлены амулеты и проводник не скажет – пора уходить? Она ухаживает за Лорантом, только потому и жива еще. И даже относительно невредима. Распухший глаз – не в счет.

Однако это первый случай, когда Хагр отвечает на вопросы. Пришел предупредить? Но что она может сделать? Сбежать? Куда? Остров невелик. И такой побег все равно что самоубийство. Да и Лорант. Она его не бросит.

Пока она гадала, Хагр отвернулся к дверному проему. Уже уходя, бросил:

– Буду караулить у входа.

«Охранять меня от солдат? Или следить, чтобы я не сбежала раньше времени?»

Бела подошла к окну, выглянула.

Стена нависала над скальным обрывом, на котором каким-то чудом держались чахлые кустарники. Под обрывом где-то в глубине журчал ручей. И это явно другой ручей – вовсе не тот, из которого мурешцы берут воду для питья и в котором моют посуду. Вода изредка тускло поблескивала сквозь листву, но оценить глубину обрыва Беле не удалось.

До основания башни – метра три. А потом?

Она подтянулась к краю, чтобы осмотреть стену. Многие камни давно обрушились, так что опытный скалолаз смог бы без труда спуститься по ней – зацепок и выбоин достаточно. Но Белала – не опытный скалолаз. Конечно, в детстве они с приятелями часто забирались на скалы и на стены старой мельницы, но то – в детстве. В другой жизни…

Глава 16

Утренний туман не мог сбить с курса таких опытных путешественников, как Берт Туули и его товарищи. Полсотни человек, разведчики и опытные маги, бóльшая часть которых имела прямое отношение к ордену, вышли еще затемно.

Но и до того отдохнуть не удалось – в шатре генераля Ковача почти до самого утра кипели споры и обсуждения. Осторожные говорили: если уж в Боруше армию чуть было не остановил один-единственный маг, что же будет на той стороне реки?

Другие возражали: если сейчас ничего не сделать, то следующей весной Муреш постучится в двери не только Загорья, но и Моравии, и Паннонии. А если поднакопит за зиму злости, то и до Богемии может дойти.

Потом споры утихли сами собой: каждый оставался при своем мнении, но при этом осознавал, что может быть не прав.

Из душного шатра вышли на воздух.

– Мастер Туули, – окликнул Ферг.

Берт оглянулся. С последней встречи на поле боя они не виделись и не разговаривали.

– Я уверен, что армия перейдет реку свободно и почти без препятствий доберется до Фиризы. Нас будут ждать там, у храма.

– С чего бы? После Боруша можно предположить, что путь будет тяжелым.

– Я предлагаю отправить туда маленький боевой отряд. Дорога в основном лесами, есть где укрыться. А храм – не крепость.

– Тогда почему бы не отправиться туда всей армией?

– Неделя. В лучшем случае. Мы же будем у озера через два дня, а если поторопимся – то через день.

– Есть причины торопиться?

– Разумеется. Пойдем медленно – и к храму успеют отойти все те трансильванские и мурешские отряды, что сейчас рассеяны по горам. Вы же слышали, разведка доносит – левый берег почти чист. Если нас будет немного, пройдем незаметно.

– Если нас будет немного, что мы станем делать у храма? Нас должно быть не менее полусотни. Но при этом мы не должны оставить без магической поддержки основные силы, которые пойдут следом. Храм – храмом. Но есть еще горные замки. Есть военные лагеря, в конце концов, Трансильвания тоже есть.

– Трансильвания сейчас воюет на два фронта.

– Мы не можем знать наверняка…

– Считаете, игра не стоит свеч?

Берт нахмурился: фраза была ему непонятна. Ферг пояснил:

– Это означает, что за дело не стоит браться, потому что прибыль будет минимальной.

– Мы не можем точно знать, что нас будет ждать у храма…

– Вот и узнаем. В случае если там окажутся войска, просто отступим назад, к основным частям…

Было видно, что идея Берту нравится. И он искренне пытается отбросить все заранее проигрышные варианты. Если он сейчас не найдет весомых аргументов против…

Возможно, гоблин был прав. Они действительно скоро встретятся. Вот только каким будет разговор?

В любом случае рассказывать о своем сне мастеру Туули Ферг не собирался.

Мастер – человек осторожный. Если он решит, что Ферг собрался продолжить переговоры с зеленым шантажистом, то и сам откажется, и посоветует Ковачу отдать Фергу прямой приказ – к храму не соваться, ночью не спать…

Так или иначе решение было принято. Отряд рано утром пересек мосты, которые уцелели, и незамеченным вошел под кроны лесов, покрывающих Мурешские горы.

Ферг шагал одним из последних. В голове все еще продолжался вечный тайный спор не то с Бертом, не то с самим собой.

Заложников убивают всегда. Нельзя вступать в переговоры с похитителями…

Можно ли считать сон способом ведения таких переговоров? И можно ли от них отказаться во сне?

Понятно, что верить гоблину нельзя. Понятно, что он за собственную свободу может пообещать что угодно…

И все это ты знаешь, и тыщу раз уже себе сказал. Но вдруг Лорант жив? Вдруг найдется там, в храме, какое-то решение…

Память неприятно царапнуло воспоминание о трансильванской графине. Она, наверное, тоже будет там. Как же иначе? Может быть, даже удастся поговорить с ней. Посмотреть в глаза, спросить прямо…

Выходит, плохо он успел ее узнать. Поверил скорей собственной фантазии, чем фактам…

Но и факты…

Да, каждый в отдельности они ни о чем не говорят. Но если их собрать вместе, то получается, что жила-была в Трансильвании симпатичная девочка, дочь графа Белферана Вораша, чтила своих страшненьких богов, приносила в жертву всякую домашнюю живность…

Не надо про живность.

Не надо отвлекаться.

Итак, Белферан Вораш стал послом в Северной Паннонии, уехал из родного замка в Агер и взял дочку с собой…

В первый же день своей жизни в паннонской столице графиня попала в переделку: ее служанку зверски убил одержимый… которого позже убили крестьяне… и произошло все это в сгоревшем храме Заточенных.

Не так. Они нашли раненого, и она отправилась за помощью в город, а служанка осталась присмотреть. И погибла.

И то, что служанка на поверку оказалась человеком Фабриса и должна была шпионить за графиней, ничего не меняет.

Она отправилась за помощью. А ведь могла просто уехать и забыть.

Потом она, кажется, побывала на обряде общины Заточенных.

Потом заболел Белферан, и она помогала в госпитале.

Потом она спасла Лисию…

Да что уж, если бы не она, Берток не выжил бы.

Не сделала эта девочка за все время своего пребывания в Агере ничего, за что ее можно было бы хотя бы упрекнуть. Разве только обряд…

Но это же ее боги, ее этому учили с детства, и ничего нового она там наверняка не увидела…

А еще были сны. Сны, от которых она просыпалась с криком и не могла уснуть без снотворного.

– Что-то не так? – спросил отставший немного от остальных Дальгерт.

– Все так. Задумался.

– О будущем нашего мира?

– Почти. О прошлом. И о поступке одного, в общем, неплохого человека…

Даль ждал, что Ферг добавит что-то еще, но он молчал.

В лесу стало значительно светлей, туман почти рассеялся.

Дальгерт тоже молчал. И в молчании явственней стали звуки: шаги, шуршание листьев. Робкое чириканье какой-то рано пробудившейся птахи.

* * *

Бела дремала, приобняв во сне Лоранта, когда в комнату внезапно вошел Хагр. Окинул помещение взглядом, приказал:

– Вставай! Быстро!

Ничего хорошего этот ранний подъем не сулил. Не задавая лишних вопросов, она встала, поправила одеяло на Лоранте,

отошла к окну, в тень. От пролома в потолке и из окна лился слабый утренний свет.

На лестнице послышались шаги, а вскоре в дверном проеме появился и сам Чордаш. В руке – арбалет, меч на поясе, в ножнах.

Бела осторожно положила ладонь на рукоять метательного ножа – хоть какое, да оружие.

Правда, смешно с ним выходить против арбалета и меча. А если метнуть, то и вовсе останешься без защиты.

– С дороги! – потребовал маг у разведчика. Но Хагр не собирался освобождать ему дорогу.

– Она под контролем. Никому ничего плохого она не сделает.

Рукоять ножа быстро нагрелась, до смерти захотелось вытащить его на свет… а этого нельзя делать ни в коем случае. Чордаш легко скрутит ее магией – так, как скрутил в день похищения. И Бела стояла, замерев, лишь надеясь, что шанс все-таки представится.

– Мы уходим. Амулеты готовы. Я пришел за ребенком. Хагр, отойди!

– Я баб не убиваю.

– Благородно. Но недальновидно. Из-за них все беды. Вон Жосан чуть Сыча не прикончил. Скажешь, просто так? Да не было бы здесь этой бабы, все бы нормально обошлось…

– А жопу ребенку ты бы подтирал? Ты вообще представляешь, как за маленькими детьми ухаживать?

Чордаш упрямо наклонил голову:

– А никакого ребенка тогда тоже не было бы. Твои люди со мной согласны.

Хагр переступил с ноги на ногу, но опять никуда не отошел. На нем была ярко-алая рубаха, в которой Белала его впервые увидела в Китшоэ.

– Мои люди выполняют мои приказы.

Чордаш чуть склонил голову набок:

– А ты должен выполнять мои…

Хагр лишь едва заметно развел руками. Отступать он не собирался.

– Как знаешь, – поморщился маг. Арбалет в его руке выполнил плавную дугу, и теперь наконечник болта был устремлен в грудь полуорку. – Сам выбрал…

Хагр начал плавное движение в сторону ровно в тот момент, как маг закончил фразу. Перетек капелькой ртути, и выстрел пришелся в стену у него за спиной. А сам Хагр перехватил и вывернул из рук Чордаша бесполезный уже арбалет.

Тот отпустил оружие, сделал шаг назад, выхватил меч. Сталь ударила о сталь.

«Вот почему он велел мне отойти! Так я не мешаюсь под ногами…»

Комната невелика, разгуляться мечникам негде. Лорант остался у двери, его не заденут…

Хагр был отличным бойцом. Ловким и сильным. Он атаковал с изящностью опытного фехтовальщика и не рисковал понапрасну. Бела, которую когда-то учили держать в руках меч, могла оценить его действия по достоинству. Но и Чордаш не уступал…

И тут же Белале пришла в голову мысль, настолько простая, что не могла оказаться ложной. Чордаш, конечно, пришел не один. К тому же он маг… Почему бы ему не применить свои способности против разведчика?

Однако же он предпочел воспользоваться обычным оружием. Из благородства? Глупое предположение. Тогда почему?

Она облизнула губы, лучше перехватив нож. Сделала осторожный шажок к окну. Но медлила пока: силы были равны.

Бой на миг замер. Оба противника принялись медленно кружить по комнате, уставившись друг другу в глаза. При этом Чордаш совершенно правильно старался не поворачиваться к Белале спиной. И он явно пытался заставить разведчика сместиться с выбранной точки.

Выпад, короткий и очевидный, снова уход в оборону. Шаг в сторону. Еще раз. Теперь шаг – обратно. И чуть короче. Хагр вынужден чуть-чуть сместиться.

Но этих «чуть-чуть» было уже несколько. Вот ответ разведчика – несколько связанных ударов, заканчивающихся колющим выпадом. Красиво и рискованно. И это первый успех – на металлической наручи, прикрывающей вооруженную руку, появился заметный след. А Чордаш, не теряя ни мгновения, перекинул меч в левую руку…

Левой он только оборонялся. Но при первой же возможности вновь заработал правой.

Поединок их не длился и минуты, а Беле казалось – долго-долго. Полжизни.

А закончилось все банально – в комнату вошел Жосан и всадил в грудь полуорку короткий и толстый болт из тех, что предназначены пробивать доспех…

Живую плоть он пробил намного легче. Хагр на полушаге споткнулся, выронил меч. Попытался упасть на руки, но руки подогнулись.

В комнату вошел Урсу. Нервно провел рукой по усам.

Чордаш оскалился:

– Вот и все. Без всякой магии. В последнее время он слишком

много о себе думал… а у орков-то кровь тоже алая…

Он нехорошо посмотрел на Белалу, у которой от этого взгляда побежали по коже мурашки.

– Можно, Жосан, – сказал он. – Только недолго. Нам надо спешить.

Жосан облизнул губы и улыбнулся.

Белала прошептала одними губами, то ли обращаясь к Лоранту, то ли уговаривая саму себя:

– Прости, малыш. Ферг тебя найдет. Обязательно найдет, он настойчивый!

Жосан сделал шаг вперед, еще не ведая, что шагает навстречу смерти: метательный нож Белалы наконец-то нашел себе достойную цель…

Не мешкая ни мгновения, Бела взобралась на окно, легла на живот и скользнула вниз. Оставалось надеяться лишь, что замеченные вчера зацепки и впрямь такие надежные, какими выглядят. Нога почувствовала опору. Отлично! Теперь главное – не останавливаться. Теперь они ее обратно уже не втащат. Не дотянутся. А обегать башню и ждать внизу… Это вряд ли. Это слишком долго.

Она недооценила врага. Сверху мимо прокатился довольно крупный камень. Потом еще один. Бела заторопилась. Наверное, поэтому и оперлась в полную силу о камень, который едва держался в кладке. Камень покатился вниз. Вторая нога соскользнула следом, и Белала повисла на руках. Камни под пальцами были покрыты землей, пылью, так что удержаться ей не удалось. С коротким вскриком Бела полетела вниз, под обрыв, в сплетения зеленых ветвей. Она попыталась схватиться за эти ветви, замедлить падение, но только ободрала ладони. Падение смягчило то, что в нижней части склон становился более пологим и к тому же зарос травой. Прокатившись пару метров, она упала наконец на замшелые камни подле того самого ручья, бликами которого вчера любовалась.

В первый момент ей показалось, что сломаны все кости до единой…

Бела шевельнула рукой, проверяя, сможет ли шевелиться вообще. Рука неловко зашарила по камням, а потом попала в холодную воду. Сначала это оказалось даже приятно.

* * *

Озеро было зеркалом чистейшей воды. На дальнем берегу, высокий и темный, возвышался храм. По воде скользило его

разбитое рябью отражение.

Переход был длинным и не самым простым, несколько раз прямого столкновения с силами врага на марше удавалось избежать лишь чудом да еще опытом паннонской разведки.

Вот и когда добрались до Фиризы, то предпочли укрыться в неприметной лощине на дальнем от храма берегу и отправить небольшой отряд осмотреться.

Ждать пришлось несколько часов, но оно того стоило.

Дальгерт невозмутимо заканчивал доклад:

– Защита храма – это порядка сотни воинов, дежурят они в четыре смены по двадцать – двадцать пять человек. У всех есть защитные амулеты, не слишком мощные, но от простых заклинаний, вроде отвода глаз, должны помогать. Ночью охраны меньше, и располагается она иначе. Как именно, пока узнать не удалось. Жрецов сейчас мало: вся верхушка отбыла на днях в Сибу. Причина пока неизвестна. Осталось около двадцати, но большинство – младшие служители. Однако среди них есть маги. Двоих магов называют «темными мастерами», кроме них, еще пятеро или шестеро, которым такого почтения не оказывается. Ну и план храма: у него несколько входов, центральный всегда под наблюдением. Подземный ход наверняка тоже есть. Вот, взгляните…

Он достал из кожаного футляра плотно скрученный желтоватый лист.

– Рисовал приблизительно, но основные помещения указаны…

Берт, приподняв брови, взял план, внимательно его осмотрел. Потянулся пальцами к шее. Потом словно передумал, протянул бумагу Фергу.

Схема, хоть и выполненная на колене торопливой рукой, была понятна.

Нетерпеливый Иштван почти выхватил лист у него из рук. Сразу спросил:

– А казарма у них где?

– Солдаты живут прямо в храме. Им отдан второй этаж и частично – третий. Вот эта сторона, там удобные лестницы и выходы на галерею. А тут живут непосвященные служители. На самом верху. У жрецов комнаты на первом этаже. И, возможно, ниже. Еще около храма есть большая поляна, на которой недавно стояло войско: трава вытоптана до самой земли.

– Справимся ли? – задумчиво спросил Иштван. Но в голосе его было мало сомнений.

Берт кивнул:

– Справимся. Надо только обдумать все… Вот эти комнаты, в

которых живут стражники. У них есть общий коридор, и лестница вниз ведет только с одной стороны…

– Есть еще внешняя галерея, – кивнул разведчик, занявший место командира после Вернона.

– Да… и она охраняется. Не забываем и про стену. Она, конечно, невысокая и сложена из бревен. Но там есть караульные башенки. Еще на подступах нас заметят и поднимут всех по тревоге. Значит, подойти к храму нам следует, – Берт ткнул пальцем в схему, – отсюда.

– С воды, что ли? – удивился разведчик. – Озеро может быть глубоким… и лодок у нас нет.

– На воде нас заметят еще быстрей, с верхней площадки, – подсказал Дальгерт. – А вот под берегом пройти у нас шансы хорошие. Караульные стоят и там, но их снять недолго. И до следующей стражи у нас будет довольно времени, чтобы незаметно подойти к окнам первого этажа. Там, на окнах, ставни. Но мы засекли, в которых комнатах горел вечером свет, а которые стоят пустые. Помните? Почти все жрецы в Сибу…

Берт кивнул.

– Значит, будем драться…

* * *

Ферг провел вечерние часы за подготовкой амулетов. Ничего сложного составить не успел бы, но у многих разведчиков никакой защиты не было, а Дальгерт и вовсе считал себя тварью Лека и смерти не боялся.

Тонкая и ответственная работа хорошо лечила от неприятных раздумий. Нужно было привести в порядок помимо магического еще и стальное оружие и кое-какое снаряжение. Разведчики развлекались, украшая себя веточками и пучками травы, чтобы лучше сливаться с местностью. Маги наводили на себя чары и посмеивались над солдатами, пока Берт доходчиво не объяснил им, в чем особая прелесть хаоситских амулетов: «Они ваши маскирующие заклинания даже не заметят: Хаос с нежностью относится к заговоренным побрякушкам, и его слуги достигли в их изготовлении известного мастерства».

Сказал и с досадой потер давно исчезнувший шрам на шее. Силу амулетов Хаоса ему когда-то довелось испытать на себе.

Выступили в сумерках – озеро было хорошим проводником, а убывающая луна светила все еще ярко. Отряд шел вдоль воды по едва заметной тропе. Впереди – трое разведчиков, в арьергарде – тоже трое. Не разговаривали, даже ступать старались так, чтобы

не было лишнего шума.

И все складывалось как надо. Даже караульный на тропе, вопреки всем правилам, был только один…

Проблемы начались, когда приблизились к храму.

Берт и его люди ушли вперед – снимать сторожевые заклинания. Вернулись через полчаса, уверенные, что опасности нет. Ферг на всякий случай осмотрел храм магическим зрением – внутри сплетались десятки и сотни цветных линий, толстый жгут их тянулся от центрального зала первого этажа куда-то глубоко вниз. Наружные стены были чисты – можно идти.

Двое самых плечистых парней осторожно сняли с петель тяжелые ставни с выбранного окна. Блеснули стекла. Берт шепнул заклинание и дал знак своим – окна следовало отворить тихо, не разбить…

А для этого нужно отомкнуть запоры…

Иштван справился с этим довольно быстро, и в темную комнату осторожно проникли первые солдаты.

И в этот самый момент по всему храму зазвучали тревожные колокола, поднимая по тревоге всех: и храмовых служителей, и стражников, и магов.

Берт выругался, но отступать смысла уже не было. И он во весь голос приказал:

– К бою! Вперед! Хедин с нами!!!

Солдаты ворвались в коридоры храма. Им не терпелось вступить в бой – в настоящий, честный бой, в котором роль играет их боевое умение и опыт, а вовсе не какая-то там магия… И противники им нашлись.

В центральном зале, возле большого жертвенника, Берт и Иштван столкнулись со здешними магами. От встретившихся в воздухе мощнейших огненных заклинаний вспышка была такой, что осветила все будто днем. В ту же минуту Ферг и Дальгерт в компании нескольких воинов пытались прорваться в левое крыло здания, где пока что было тихо. Ферг, как во время неудавшегося переворота, прикрывал своих людей комплексным щитом. Вскоре стало ясно, что предосторожность эта была не лишней. В коридоре скрывалось несколько ловушек, активирующихся магией: настороженные арбалеты, «ложные половицы», подвешенные к потолку камни. Щит заставил их все сработать еще до того, как опасность стала угрожать людям.

А потом из какого-то бокового хода появились тролли. Мощные серокожие воины были облачены в доспех и вооружены мечами и короткими пиками. С ними шел маг – гоблин. Невысокий, весь в черном, в обеих руках он нес по витому рогу. Над каждым курился сизый дым, который стекал вниз, словно

вода.

Ферг приготовился ударить, но в последний миг какое-то чутье остановило, заставило отвести нацеленную на темного магию. А вокруг воины соединенной армии сошлись с троллями в рукопашной…

Нельзя, чтобы гоблин уронил эти рога-кубки. Это отчего-то важно. Но и остановить его, с нехорошей ухмылкой идущего позади троллей, тоже нужно…

От амулетов, которыми гоблин был увешан, как галльская невеста – золотом, тянулись нити заклинаний…

Слабые-слабые, блеклые какие-то, но их было много. К серокожим бойцам? Кажется, нет! К их оружию.

Клинки заговорены, но как-то хитро…

Некогда расплетать!

Разорвать нити чужой магии практически невозможно, если только ты не готовился к этому не спеша много дней. Во всяком случае, Фергу такой способ был неведом. У каждого мага свой поток, свой источник силы. Обитателю Терры пришло бы сравнение с разной частотой радиоволн, которые тоже проходят через одну и ту же атмосферу, а ловится только одна…

Но ее можно попытаться отразить или исказить. Это намного проще – ломать не строить.

Ферг ударил магическими молниями, но легко, так, чтобы не навредить своим. Этот удар не должен был причинить никакого вреда сражающимся. Молнии и разглядеть-то было бы сложно… да никто и не смотрел.

А жаль. Потому что именно это переломило ход сражения в тесном коридоре – тролли отшатнулись назад, некоторые, видимо кто послабее, попросту упали. Пожалуй, не больше десятка их продолжили сражаться, но по их рожам было видно, чего им это стоит…

Маг перестал ухмыляться и вдруг резким жестом выплеснул содержимое рогов-кубков прямо под ноги своим бойцам. Волна душного сладковатого запаха полетела вперед, как будто он был никак не связан с дымом. А дым продолжал выливаться из рогов. Он не таял и теперь струился по полу, стремясь добраться до тех, кто так опрометчиво этой ночью проник в храм Заточенных.

Этого надо было бояться? Если да, то все уже случилось. Второй поток молний – слепящий, яростный – полетел уже в сторону гоблина. Бой переместился в зал с колоннами, и поединку двух чародеев уже ничто не могло помешать.

Гоблин отбросил кубки, выставил руки вперед, останавливая молнии.

Черная, черней ночного неба, жидкость, взбурлив, вытекла на

пол, в сизый дым.

Ферг увидел, как пришедшие с ним солдаты отступают, некоторые хватаются за голову – что-то делает с ними запах, а может, и дым, который застил уже весь пол зала.

Он легко ушел от волны темных лучей, выпущенных врагом, ударил сам, снова парировал. Это напоминало учебный дуэльный поединок, и если бы в тот же самый миг рядом не гибли солдаты, сходство было бы полным.

Огненной петлей достать врага не удалось.

И тут серый дым добрался до его ног, и Ферг наконец понял, что произошло. Дым нес в себе заклинание – мощное и простое одновременно…

Голова закружилась, зал как будто растянуло сверху, он начал надуваться пузырем. Качнулся пол под ногами, а очередной поток темных лучей, причудливо изогнутых в этом новом, искаженном пространстве, полетел Фергу в лицо.

Он, плохо соображая, вложил всю силу в щит, который продолжал все еще удерживать над собой и своими бойцами. Заклятие пошло в сторону. Оно показалось Фергу стаей коричневых, раздутых змей.

Зрение отказывалось показывать реальность такой, какой она должна быть. Если солдаты испытывают то же самое, то долго никто не продержится…

А источник беды – эти рога, которые гоблин швырнул куда-то…

Они здесь, в зале.

Ферг прикрыл глаза, потянулся к магии лабиринтов. Она не подводит никогда, надо только помнить, чем обычно заканчивается обращение к ней.

В голове сразу прояснилось, и вычислить источник магии не составило труда. Но нужно было уже уклоняться от огненных шаров, отправленных по его душу гоблином, и чем-то гоблину ответить, не дать ему подготовить следующее заклинание.

Ферг попробовал обвалить на него колонну.

Колонны эти просто украшали зал – стояли, черные, в два ряда, а сверху на них – толстая гранитная балка. Во время обряда это должно было придавать помещению мрачноватый и торжественный вид.

Колонна поддалась охотно. Цельный камень охотно откликается на призывы стихийной магии. По внутренним трещинкам, зонам напряжения, прокатилась едва ощутимая вибрация, и черный гранит посыпался вниз огромными неровными глыбами. Увлек он и балку – на это Ферг даже не рассчитывал, – и две стоявшие рядом колонны.

Гоблину стало не до заклинаний. Но эта передышка ненадолго.

Ферг снова нашел глазами источники магии. Подошел. Брать такое голыми руками не решился. Присмотрелся. Черная жидкость почти испарилась, она и была источником запаха, а вот заклинание…

Ферг подобрал кусок гранита и изо всей силы ударил по первому рогу. Из креплений вывалился черный ноздреватый камень, с него сполз последний язык сизого дыма и растаял.

Второй рог постигла та же судьба, но пока Ферг расправлялся с чужими артефактами, гоблин выбрался из угла, в который был вынужден отступить от обвала.

Увидел, что колдовство его перестало работать как надо и силы снова стали равны. Оглянулся на Ферга. И вдруг побежал. Быстро, в маленький, незаметный в общей мрачной архитектуре зала дверной проем. Ферг, не задумываясь, рванул следом, и оказалось – зря.

Дверь за ним мгновенно захлопнулась.

А гоблина уже и след простыл.

Ферг засветил магический огонек. Нужно было оглядеться, понять, где он и что делать дальше.

– Я же обещал, что мы скоро встретимся, – прозвучал в голове знакомый низкий голос. – Это произошло даже раньше, чем я надеялся. Рад приветствовать тебя на пороге моего узилища, маг Эрно Шорош.

– Вы меня ждали…

– Конечно. И сделал все, чтобы приблизить эту встречу.

– Заклинание на мостах через Тису, – вспомнил Ферг. – Ведь мосты не должны были сгореть? Мы сюда так легко добрались только потому…

– Да, я постарался облегчить вам путь. Был почти уверен, что вы пойдете дальше. Разумеется, если бы ты никак не проявил себя у Боруша, мосты сгорели бы и так называемая соединенная армия не прошла бы и половины того пути, который прошла. Но мне не нужна ваша армия. Мне нужна свобода. В первую очередь. И мирный договор с сопредельными странами… но это уже отдельная тема для разговора. Я готов выполнить все условия нашей сделки, маг Шорош, если ты выполнишь свои.

– Мы, помнится, не успели обговорить условия.

– Я верну тебе сына. Я не стану трогать твою армию, а ты уж поверь, по меркам моих времен, это не армия, так, несколько отрядов неплохо вооруженных и кое-чему обученных людей. Против моих учеников они слабы – Боруш это показал. Так вот, я не стану трогать тех, кто выживет в этом бою. Несмотря на то что

они причинили немало вреда, уж поверь. Даже тех, кто называет себя Орденом Равновесия. Хотя этих как раз очень хочется раздавить, как насекомых… Я дам вам всем уйти – той же дорогой, которой пришли. Но ты поклянешься, что сделаешь все, чтобы вернуть мне свободу.

– Обещания…

– Какие тебе нужны доказательства?

– Хочу увидеть сына.

– Ступай вниз. В эту часть храма обычно спускаются только посвященные жрецы самых высоких рангов.

Лестница привела в небольшой круглый зал с жаровнями и жертвенным камнем. Камнем часто пользовались, о чем свидетельствовал слабый, но хорошо укрепившийся в воздухе запах крови.

– А ниже нет хода почти никому. Сегодня, впрочем, особенный день. Выход – влево, за порталом.

Каменных порталов в зале было три – из нескольких десятков, точно не сосчитать, тонких, словно вставленных друг в друга арок, они создавали ощущение длинных, уходящих вдаль коридоров. Возможно, без магии там не обошлось – но это была какая-то совсем слабая, «архитектурная» магия. Магия точных линий и не менее точно рассчитанных углов…

Ферг шагнул в левый портал и оказался не в коридоре, а на узкой площадке, оканчивающейся винтовой лестницей. Все здесь было древнее, все было сложено из грубого, плохо отесанного камня.

Надо идти вниз. По крутым грубым ступеням, в тяжелой, ватной, влажной тишине.

– Храм построили не так давно, – сказал Гарсааш. – Раньше эти земли были безлюдными, они никого не интересовали. А ход в пещеру существовал и тысячу лет назад – за что нужно благодарить коллегу Зафира. Он долго нас искал. Если бы я тогда был в сознании, кто знает, как все сложилось бы.

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Хочу, чтобы ты понимал, что не все так однозначно. Мир не делится на черное и белое. У него гораздо больше оттенков.

– Я понимаю. – Ферг усмехнулся: – Вот только шантаж, кровавые жертвоприношения и массовые убийства практикуются в большинстве случаев теми, кто составляет общины Заточенных.

– Не будем спорить об этом, мастер Эрно. Все это – дело прошлое. Сейчас учение Заточенных сильно изменилось. Никого больше не тащат на жертвенник против воли. Жертв специально готовят, они точно знают, для чего нужна их жизнь. Но и от этого со временем мы откажемся. В религиозной сфере реформы нужно

проводить крайне осторожно, иначе это грозит бунтами и расколом. Надеюсь, ты достаточно образован, чтобы припомнить подходящие примеры. Как бы мне лично ни было неприятно такое положение вещей, я стараюсь действовать так, чтобы никому не навредить.

В истории Альтерры подобных примеров Ферг бы не припомнил – здесь вообще религия тесно сплетена с магией, разве что адепты Спасителя делают упор на чистую веру. Но их мало, и они выбирают для своей деятельности территории, которые трудно назвать благополучными. Им проще найти паству там, где больше несчастных. Зато в истории Терры таких примеров было много, один красочней другого.

Тьма внезапно расширилась, запахло известью. Ферг прибавил света и понял, что находится в пещере.

– Ступай направо, вдоль стены. Увидишь там дверь. Не перепутаешь, она одна там. Входи. Только осторожно. Мастер Чордаш – человек не самый приятный в общении.

Даль видел, как за спиной Ферга захлопнулась каменная дверь – если не знать, что туда только что ушел человек, ни за что не догадаешься, что в этом месте есть проход. Но помочь Фергу он ничем не мог – прикрывал отступление. Те, кто еще был способен что-то соображать, уходили назад, в коридор. Хотя дым и исчез, эффект от этой магии еще не до конца растворился. Сам Дальгерт никаких неприятных ощущений не испытывал. Но такой он был один – против шестерых здоровых троллей, которым мешала с ним расправиться только ширина прохода между колоннами.

Уже в коридоре отбиваться стало существенно легче. Троллей к тому времени осталось пятеро. А тут и товарищи Даля по этому бою тоже пришли в себя – четыре человека. Так что силы практически выровнялись. Потом тролли оказались окружены, и бой закончился всего за минуту – с пришедшими был один из магов Берта.

Поприветствовав друг друга, обе группы отправились дальше. Первый этаж, похоже, защитниками храма был оставлен. На втором сражение кипело беспорядочно и отчаянно.

Дальгерт так и шел последним, и потому именно он оказался ближе всего к лестнице, когда подле нее что-то взорвалось, да так, что тряхнуло все здание, и в клубах пыли и дыма вывалились к нижней ступеньке Берт Туули и Иштван Махиз.

Берт тут же отправил туда, откуда только что явился, поток синих молний. Иштван опустился на пол. Он тяжело дышал, руки и лицо были в крови. Даль, недолго думая, сошел вниз:

– Что там?

– Твари какие-то, – прохрипел Иштван. – Не видел раньше.

Пыль потихоньку оседала, и вот в проходе стали видны… Нет, Даль с ходу мог назвать их только одним словом – мутанты. Когда-то их предки, наверное, были крупными обезьянами. А может, медведями. Сутулые, покрытые шерстью существа с красными яростными глазами. Три штуки. Метра два с половиной, с маленькой головой и огромными ручищами. В руках у них были деревянные, окованные металлом дубины.

– Наверх! – приказал мастер Туули, вновь атакуя тварей молниями. Но защита у них была выстроена на совесть – хороший маг потрудился, а может, и не один.

На тварях кроме набедренных повязок были еще бусы, сложные, многорядные, собранные из бусин, черепов мелких животных, перьев и продырявленных камней.

– У них амулеты? – на всякий случай спросил Даль.

Поверить в то, что с атаками Берта справляются сами эти медведеобезьяны, он не мог. Значит, или наведенное заклинание, или какая-нибудь безделушка на шеях…

Первое означает, что маг рядом. Идет за спинами тварей и поддерживает защиту. В клубах все еще не осевшей пыли и темноте никакого мага разглядеть не удавалось.

– На шеях. Бусы.

Даль кивнул.

– Если сниму, справитесь?

– Куда! Назад! – без всякой надежды, что его послушают, крикнул Берт.

Даль уже шел к магическим существам, держа перед собой клинок.

Да, конечно, твари Лека намного прочней обычных людей, да и раны им не страшны почти никакие. Но никто не проверял, что будет с леканом, если он попадет нечаянно под пресс. Или под дубину такого вот обезьяна. С большой вероятностью – ничего хорошего не будет. Одно мокрое место…

Поэтому нужно действовать крайне осторожно.

Твари оказались быстрыми. На открытой площадке Дальгерту вряд ли удалось бы с ними справиться. Может, одного бы он и уделал, но не трех.

В тесноте коридора тварям было неудобно. Они мешали друг другу, и это давало, несмотря на опасность, хороший шанс на победу. Существо, которое шло первым, с размаху опустило дубину туда, где только что стоял самоуверенный человек, и тут же начало поднимать свое оружие для второго удара. Пока оно выпрямлялось, Даль успел зацепить мечом его руку. Вой пронесся по коридору, и многие из тех, кто его слышал, невольно втянули

головы в плечи. Даль повторил удар, стараясь не столько поранить тварь, сколько перерезать бусы. Удалось со второй попытки. Берт только этого и ждал. После очередного магического удара шкура твари задымилась, ее качнуло. Дальгерту осталось только изловчиться и прикончить ее.

Но на подходе были сородичи главаря, взбешенные его безвременной гибелью.

Второй помимо дубины тащил огромный ржавый тесак. С ним справиться оказалось легче, потому что тесак был зажат в левой, и тварь пыталась воевать одновременно обеими руками. Берту удалось без особого труда его отвлечь, и Даль подрезал сухожилия под коленом твари. Осталось только добить. В этот момент третья зверюга изловчилась и ударила. Дальгерт и сам не понял, как успел среагировать: удар дубины пришелся не в голову, а лишь скользнул по плечам, откинул его на несколько шагов в сторону.

Боли он не почувствовал, но левая рука несколько секунд отказывалась подчиняться.

Перевернулся и увидел совсем близко оскаленную, рычащую морду. Пахнуло гнилостным дыханием…

Оставалось одно – вцепиться обеими руками в бусы, рвануть тварь на себя, надеясь только, что Берт догадается атаковать. Берт догадался.

Тварь, лишившаяся всех своих украшений, попыталась откусить Дальгерту голову. Он увернулся. Огромная лапа ударила его в грудь, прижимая к битому камню. Еще немного, и он смог бы проверить на себе и качество работы мастера Лека, и прочность зубов рассерженной медведеобезьяны… Но Берт не подвел. Зверюга жалобно вскрикнула и обмякла, придавив собой ноги Даля. Он осторожно вылез из-под тела. На руку все еще были намотаны страшненькие бусы.

И от пальцев вверх, к ладони, рука потихоньку немела: пальцы слушались, но чувствительность их понизилась даже по сравнению с той, какая была после экспериментов Лека.

Даль удивленно поднес руку к лицу, но никаких заметных изменений с ней не произошло. Он брезгливо скинул на пол всю связку медвежьих побрякушек. Вернулся к Берту и Иштвану. Иштван наполовину лежал на нижних ступеньках, грудь его тяжело вздымалась.

– Где Ферг? – спросил мастер Туули.

– Погнался за местным магом. Я могу показать куда. Но проход закрылся.

– Пойдем!

Но как маг ни пытался заставить открыться каменную дверь,

ничего у него не получалось.

* * *

Сколько она пролежала так у воды, Бела не смогла бы сказать. Было больно и безнадежно: никто не придет, никто не поможет. И лучше бы она разбилась насмерть.

Но потом холод и сырость заставили все-таки начать двигаться. Бела тяжело перевернулась, попробовала встать. Боль прошла через всю спину, как будто кто-то воткнул в хребет раскаленную спицу. Значит, придется ползти. Вдоль ручья вниз, туда, где стены обрыва перестанут быть такими крутыми.

Трудней всего дались первые метры. Потом она приспособилась осторожно перемещать тело, опираясь на руки. Это было больно – ободранная при падении кожа отзывалась на любое прикосновение. Левая нога тоже не позволяла на себя опираться в полную силу, и Бела только надеялась, что кости остались целы: если перелом, то ей предстоит долгая и мучительная смерть…

Заставила себя откинуть все лишние мысли: есть цель – выбраться из темного сырого ущелья на солнце. Все остальное пускай подождет. Жизнь, если вдуматься, целиком состоит из маленьких простых целей – выбраться на свет. Потом, если хватит духу, доползти до лагеря Чордаша. Может быть, там что-то осталось… но это не сейчас, позже. Забраться в башню. До ночи нужно будет обязательно это сделать.

Но об этом рано – просто выбраться на свет…

Теплая солнечная поляна в тот миг казалась ей самым желанным в мире местом. Самым недостижимым и прекрасным. И она толкала себя вперед – движение за движением…

Исчезли, растворились в прошлом все другие желания. И вот, в очередной раз оторвав взор от камней и песка, она увидела впереди косой солнечный луч, прорезающий листву. До маленькой победы оставалось всего шагов десять. Белала зажмурилась. Стиснула зубы и поползла дальше, сдирая расцарапанными ладонями мох с округлых камней вдоль ручья.

Глава 17

В подземном каземате было сумеречно: свет шел от трех магических сфер, расположенных высоко под потолком. Вдалеке тихонько капала вода.

Первое, что увидел Ферг, это небольшую группу людей у противоположной, сложенной из грубого камня, стены.

Четверо. И ребенок.

Лорант сидел на полу, на сбитом в ком одеяле. Одет он был в когда-то белую, но давно потерявшую цвет и форму рубаху. В каземате прохладно, но он не обращал внимания – возил пальцем по складкам одеяла с такой сосредоточенностью, словно выводил магические письмена.

Ферг шагнул было туда, но ему навстречу вышли трое. Хмурые воины в одежде мурешских цветов. Явно совсем недавно вернулись из не самых приветливых мест. Правда, успели умыться и частично переодеться.

– Я заберу сына, – сказал Ферг больше Гарсаашу, чем этим солдатам. Но ответил один из них – тот, кто остался сидеть у стены:

– Нет. Сначала – сделаешь дело.

– Даже не подумаю. Пока есть реальная угроза Лоранту, я ничего не буду делать.

– Что мне помешает, – наконец, вставая во весь рост, сказал этот четвертый, – убить вас обоих тогда, когда ты освободишь… того, кого должен освободить? Мальчишка – гарантия того, что все пойдет как надо.

Ферг молча ждал.

– Мы теряем время, – раздался в голове нетерпеливый голос. Сейчас стало заметно, насколько сильно гоблин ждал этой встречи. Как он хочет освободиться. – Я тебе даю слово, что ни ты, ни твой сын не пострадаете…

– А он станет вас слушать?

– Это мастер Чордаш. Один из самых удачливых полководцев моей армии и боевой маг.

Тот, о ком шла речь, только щекой дернул: представление ему не понравилось.

– Если все пойдет как надо, твой ублюдок не сдохнет.

Ненависть к магу всколыхнулась в душе черной волной: за минувший месяц он изменился. В Агере Ферг запомнил его молодым, заносчивым офицером. Сейчас это был скорей опытный разбойник, который даже не пытается казаться лучше, чем он есть.

– Посмотри вверх! – резко приказал Гарсааш.

Примерно на уровне светящихся магических шаров, в темной нише, клубился сгусток черного мрака, по которому изредка проскальзывали искры и отблески тусклых молний.

Красиво. И совсем не похоже на купол в Агдоле.

Ферг едва заметно покачал головой, но ничего говорить не стал – и так ясно, что в любом ином случае хозяин ли пещеры или его слуги живым его отсюда не выпустят.

Вариантов на самом-то деле было два. Или он верит магу на слово и освобождает его, тем самым спасая сына и получая отсрочку в войне. Или пытается его убить. О, Берт выбрал бы этот вариант, можно не сомневаться. Если бы здесь не было Лоранта, Ферг бы, пожалуй, тоже рискнул. Каким бы разумным и даже человечным ни выглядел брандейский маг – он враг и врагом останется, и об этом нельзя забывать. Но Лорант был тут. И все еще оставался шанс его спасти…

Линии силы лабиринтов отозвались на призыв так же легко, как если бы Ферг стоял сейчас в центре одного из них. Он и сам был лабиринтом – самым простым из всех. Он был лабиринтом, он тянулся мыслью и желанием к таким же, как он, скрепам, стягивающим собой три мира-близнеца.

Равнодушные потоки чистой магии медленно отозвались, стягиваясь в клубок.

Главное – не взять больше, чем сможешь унести.

Магия, когда ее слишком много, может и раздавить. Может вытянуть из тебя все силы и оставить лишь пустую, ничего не помнящую, ничего не умеющую оболочку. Это было бы даже символично, – подумалось ему, когда поток энергии набрал силу. Это стало бы отличным финалом истории…

Если бы не Лорант.

Он осторожно сплел заклинание, осторожно направил силу к магическому кокону хаосита…

Многослойная, хитрая, сложная защита. Такая сложная, что стала ловушкой для тех, кто ее придумал…

Нет, магическая энергия здесь – далеко не самое главное. Важней распутать эту тонкую и плотную паутину. Нить за нитью. Виток за витком…

Пот начал стекать по лицу и плечам. Но нельзя отвлекаться, нельзя прерывать начатое и обрывать нить, иначе она вернется туда, где была, но ляжет уже по-другому. И он, не обращая внимания на время и усталость, продолжал распутывать древнюю чужую магию, стараясь не думать о том, что сейчас происходит с магическими узлами, и о том, чем грозит его собственному миру освобождение хаосита.

Он не слышал нетерпеливых возгласов Чордаша – они проходили мимо, как неважный фоновый шум. Он не думал о том, как выглядит со стороны. А выглядел внушительно – вокруг него взвивались вихри тусклых цветных лучей, становясь ярче там, где находились в тот момент его пальцы.

Черный кокон тоже менялся. Вспышки и искры стали ярче, ускорилось движение теней по его поверхности. Но самое главное – он становился прозрачней, истаивал, пока наконец не исчез совсем. И тогда…

Что-то большое, темное, изломанное тяжело упало на каменный пол.

Ферг опустил руки – дело сделано. И в этот момент яростно зарычал Чордаш:

– Ты его убил! Ублюдок! Ты его убил!!!

В ту же секунду маг схватил Лоранта за волосы и чиркнул по его шее острым ножом. Хлынула кровь. Ферг метнулся туда, но опоздал.

Не успел мальчик упасть обратно на одеяло, как уже сам Ладжус Чордаш захрипел от ужаса и боли и, ухватившись за собственную шею, принялся кататься по полу. На его горле и на лице вздувались вены, словно кто-то невидимый душил его, прижимая к полу.

Ферг не обращал внимания. Он склонился над сыном, свел края раны, не имея даже представления о том, насколько она глубока…

Из темного угла, оттуда, где так еще недавно клубился чернотой магический кокон, появилась худая, закутанная в черное фигура гоблина. Ферг услышал на этот раз наяву хрипловатый голос:

– Я дал слово…

Чордаш в последний раз дернулся и затих.

Гоблин медленно опустился на колени рядом с Фергом:

– Продолжай фиксировать… Не шевелись. Детей лечить просто: их дух сильней и крепче держится за жизнь. Это не магия Хаоса, мастер Шорош.

Ферг его почти не слушал – ему казалось, что прямо сейчас сквозь его пальцы утекает жизнь Лоранта вместе с кровью…

– Древняя и давно забытая магия атлантов… Они были неплохими мастерами и достигли значительных успехов даже в деле врачевания. Вот так. Теперь останется только шрам.

Гарсааш поднялся. Фергу сейчас на такой подвиг сил бы не хватило. Да и не требовалось – сын глубоко, нервно дышал, глаза его оставались закрыты. Но он был жив…

Оставшиеся мурещцы стояли и молча смотрели на труп

Чордаша – так быстро все кончилось. Что же решит новоявленный Бог про них? Отпустит? Тоже убьет?

Гоблин подошел к каждому, заглянул в глаза. Затем приказал:

– Уберите его отсюда. Поднимайтесь наверх. Но в храм не суйтесь – там хозяйничает орден. Можете отдыхать. А вы, мастер Шорош, в состоянии сейчас обсуждать вопросы внешней политики?

Ферг не был в состоянии. Однако один вопрос он не мог не задать.

Словно через силу спросил:

– С ними была еще женщина. Мне нужно знать, что с ней случилось. Она здесь?

Зеленокожий хаосит покачал головой:

– Вернулись они без всяких женщин…

Затем жестом приказал солдатам возвратиться.

Один из них, самый молодой, угрюмо сказал:

– Она Жосана убила. Чордаш приказал ее не искать.

Другой хмыкнул:

– Жосан ей под юбку полез. А ей не понравилось. Сбежала. Но с острова она куда денется?

– По порядку, – властно распорядился гоблин.

– Это трансильванская графиня. – Третий говорил ровно, глядя в пол. – Вораш. Ее отец был послом. Это она подсказала нам про мальчишку. Но мастер Чордаш ее почему-то все равно невзлюбил. К тому же это она виновата, что мы оказались на том острове.

– Дальше.

– А что дальше?.. Она за мальчишкой ухаживала, так ее не трогали. А потом… в общем-то, Жосан сам виноват. Сыч правильно сказал. Правда, было еще кое-что… Из-за нее Чордаш поссорился с Хагром. Они подрались. А Жосан выстрелил в Хагра. Тогда она уже в Жосана нож метнула и прыгнула в окно. Высота над скальным основанием – два человеческих роста, но скала обрывается вниз, и там под растительностью не видно, сколько до земли. Может, немного, а могла и насмерть разбиться.

– Где этот остров? – спросил уже Ферг.

Но солдат только пожал плечами. Он не знал.

– Через Междумирье нас вел проводник. С ним договаривался мастер Чордаш. Сюда он с нами идти отказался, так маг его прирезал. Нету больше проводника.

Гарсааш жестом отпустил солдат и перевел на Ферга внимательный взгляд:

– А вам что за дело до трансильванской графини?

– Я ей немного задолжал, – криво улыбнулся Ферг. Мурешец только подтвердил то, что рассказывали врачи хосписа, но не ответил ни на один из тех вопросов, которые настойчиво крутились в мыслях: «Почему? Зачем? За что?»

Думать о политике или строить планы он сейчас точно не мог. Но кого это заботило? Он удобней переложил сына, сам сел на одеяло, на котором тот так недавно играл.

Фергу нужна была хотя бы минута, чтобы собраться с мыслями, чтобы немного восстановить силы после только что сотворенного колдовства. И от того ужаса, который он успел ощутить, когда нож Чордаша скользнул по шее ребенка.

Гоблин медленно, словно пробуя свои силы, прошелся по каземату.

Он выглядел тощим и изможденным, но умирать не собирался.

Заговорил, помогая речи резкими, энергичными жестами:

– Муреш продолжит существовать. И уже следующей весной мы начнем захватывать новые земли. Однако Запад меня больше устраивает свободным и платежеспособным: я собираюсь дойти до моря и создать на землях восточней хребта крепкое и богатое государство, которому понадобятся стабильные рынки. Потому я предлагаю Паннонии и Моравии, а также вольным князьям Загорья заключить с Мурешским княжеством мирный договор с возможностью дальнейшего торгового сотрудничества.

– Храм захвачен, сюда торопится соединенная армия…

– По всей границе надежно расставлены и ждут приказа мои войска. Не те, с которыми вы до сих пор имели дело, а те, что мы готовили последние десять лет. Лучшие силы страны. Они знают местность, и почти в каждом полку есть маг, по сравнению с которым ваши маги – зеленые ученики. Я не пугаю – мне незачем это делать. Вы все увидите сами. Но пока еще мы можем договориться. Я предлагаю тебе забрать этого бесноватого из ордена и остальных мародеров и двигаться навстречу вашему войску. Сможете покинуть земли Муреша в три дня – никто вас не тронет. Ах да, я оставлю за собой Боруш и все те замки, владельцы которых успели мне присягнуть. Думаю, это будет честно. Со своей стороны обещаю, что мои войска границу с Паннонией и с Моравией не пересекут. Если на то не будет официального дозволения властей этих стран. Понятно, что я не жду ответа немедленно. Но ведь тебе не составит труда донести это до правителей заинтересованных стран? Вот и хорошо. Значит, через месяц… пусть через месяц… я буду ждать здесь, на Фиризе, ваши посольства. Можешь явиться сам. А теперь ступай. Мне нужно… сколько же всего мне нужно…

– Не верю. Мы шли почти открыто, кого-нибудь заметили бы.

Гоблин улыбнулся, продемонстрировав ровный ряд острых зубов:

– Я бы мог сказать: «Оставайтесь и посмотрите, к чему это приведет!» Но я не буду этого делать. Взгляни!

Ферг увидел, словно летел немного выше верхушек сосен, как, выдерживая строй, по дорогам в сторону границы идут свежие, хорошо вооруженные отряды.

– Был приказ – на глаза вашим дозорным не попадаться и тем более не трогать. Но надо и вам отдать должное: обнаружили вас, лишь когда вы уничтожили караульный пост неподалеку. Так что исполнять приказ напрямую никому не пришлось. Ну как, убедительно? Не будем терять время! Ступай!

Гоблин продолжал мерить шагами зал, а у Ферга словно пелена с глаз спала. Он наконец понял, что его смутило еще в первую встречу с Гарсаашем, во сне. И что исподволь продолжало тревожить весь сегодняшний разговор. Магия. Нет, не та, которую гоблин использовал налево и направо, другая. Та, неявная – если специально не искать, то и не заметишь, что она есть. Много уже раз виденная, но ни разу не пойманная «за хвост». Та, зеленый след которой тянулся к навсегда «стертым» пациентам хосписа, к страшноватым зубастым «зайчикам» в клешском лесу, к Белале Вораш и вот теперь – к магу Хаоса.

Ферг тяжело поднялся, устроил Лоранта на сгибе локтя. Думать не получалось – мысли скользили по границе сознания, не оставляя следа. Одно было ясно: впереди долгие и сложные переговоры. Берт будет в ярости…

* * *

В глубине кострища, под слоем пепла, еще были горячие угли, и Беле удалось развести костерок. Благо дров мурешцы заготовили достаточно.

Ночи здесь стояли теплые, но ее колотил озноб, от которого слабо защищало даже пламя. До темноты она сидела, вглядываясь в глубину огня, ни о чем особо не думая, зато ночью незаметно провалилась в глубокий и такой нужный сон…

Проснулась оттого, что солнце пробралось в пролом крыши и попало в глаза.

Ладони немного опухли, зато нога на этот раз позволяла на себя ступать и кое-как передвигаться, не опускаясь на четвереньки.

Первым делом Бела внимательно осмотрела зал. Вчера ей сил

хватило лишь на то, чтобы добраться сюда и кое-как развести огонь. Сегодня стоило уже подумать о том, что делать дальше. Если отбросить самый очевидный вариант – лечь и помереть, – то нужно было попробовать найти ответы на два очень важных вопроса. Первый вопрос – это пропитание. Второй – одежда. От эльфийского платья почти ничего не осталось: что не порвал Жосан, разодралось при падении и еще о камни, пока она почти на четвереньках пробиралась вдоль ручья. Но это можно решить – там, в башне, наверное, осталось ее одеяло. То, которое раньше принадлежало Сухмету. Вряд ли мурешцы его забрали. А значит, можно найти, прорезать дыру в середине и получить пусть примитивную, но теплую и прочную одежку.

С едой дела обстояли хуже. Все, что добывалось солдатами на охоте, ими в тот же день и съедалось. Пристрелить что-нибудь крупное им за все это время так и не удалось. Возможно, на острове ничего крупного и не водилось. Кости они потом еще вываривали, чтобы получился бульон, а шкурки, если таковые были, закапывали где-то подальше от лагеря.

Но что-то могло остаться. То, что, может, им представлялось ненужным, а ей сейчас окажется жизненно необходимым…

В золе у костра она нашла чью-то ложку. И это было то самое начало, которое заставило подняться и начать действовать. Понадобилось немного времени, чтобы обойти зал, и самую главную находку она обнаружила почти у входа, в куче когда-то выпавших из стены камней.

Сумка. Хорошо уложенная, увязанная дорожная сумка одного из солдат. Жосана?

Бела нетерпеливо развязала шнуровку, откинула кожаный клапан. Сразу поняла, что сумка принадлежала Хагру. Сверху, только достать, лежала шелковая сорочка чистого белого цвета. Сразу было видно, что ее ни разу не надевали и вообще редко разворачивали. А сейчас она лежала так, чтобы легче взять.

– Воины моего племени всегда держали белое под рукой. Это смертная одежда: в белом выходят на битву и в белое же заворачивают мертвецов.

Голос прозвучал столь явственно, что Белала вздрогнула и заозиралась в поисках разведчика. Хотя умом понимала, что после прямого выстрела в грудь выжить он никак не мог.

Она осторожно выложила сорочку на колени. Разворачивать не стала: если даже голос ей померещился, сказанное очень похоже на правду.

Ниже лежала еще сорочка. Ношеная-переношеная, темно-синей тонкой ткани.

– Эту сшила мать. Если бы вчера надел ее – выжил бы. На ней

особая магия…

– Мне она не поможет, – вздохнула Бела.

– Отчего же. Возьми. Я теперь страж. Мне человеческая одежда не нужна.

Страж…

– Как Сухмет…

– В сумке еще есть фляга и сухари. Постарайся выжить, женщина. Чтобы ничего не было зря.

Бела встала, сделала шаг к выходу. Ей все еще не верилось, что она разговаривала сейчас с командиром разведчиков. При жизни он таким разговорчивым не был. А тело его так, должно быть, и лежит в башне. И Жосан там.

Да, в башню сходить придется. Хотя бы для того, чтобы заложить камнями тело разведчика: могилу копать будет нечем, а камней там много. Не надо, чтобы до него добрались падальщики.

Помимо фляги и сухарей в сумке была миска, ложка, одеяло и нож. И связка металлических бляшек, наверняка служивших магическими амулетами. И стержни из белого металла, те, которые орк использовал, когда пытался вернуть Сухмета. Еще было несколько писем, написанных на незнакомом языке явно женской рукой. Нераспечатанных. Бела их сожгла.

Что же, планы, кажется, сложились: посетить башню, а потом идти на побережье. Если и есть шанс покинуть остров – то только там. Даже если никто никогда больше не явится сюда из Междумирья, есть еще море. И корабли, которые могут тут проплывать. И может, где-то недалеко есть еще острова или даже материк. А значит, надо быть там, на берегу. Ждать своего часа и искать способ дать о себе знать.

Браслет Жосана все еще не желал поддаваться, и Бела не чувствовала магию. Как будто внезапно потеряла возможность видеть или слышать…

Зато приобрела привычку крутить его на руке, искать несуществующий замок…

* * *

Над рассветной Фиризой плыл тонкий туман. Берт шепотом бранился, помогая лекарю из отряда разведчиков накладывать повязки: почти все, кому удалось выбраться из храма живыми, были ранены. Всего двадцать человек. Меньше половины из тех, что вышли три дня назад от Боруша. И неизвестно, где Ферг. Дальгерт помог вынести из горящего храма раненого Иштвана, но

и сам, по наблюдению Берта, чувствовал себя неважно, то и дело начиная разминать, массировать ладонь левой руки. Но он ничего не говорил, и маг Равновесия с расспросами не лез. И без того было чем заняться.

А самое главное – вылазка не принесла удачи. Ничего не принесла, кроме бессмысленной потери тридцати бойцов. И Ферга.

Берт не стал высказывать вслух опрометчивых предположений, но на душе кошки все равно скребли. Куда он делся? Погиб?

В какой-то момент, когда медленно и мощно вдруг где-то в глубине начала разворачиваться магия, мастер Туули так и подумал. Но этот всплеск ничем не кончился: магия, достигнув пика, так же тихо и схлынула. И непонятно было, каких новостей ждать. Да и стоит ли.

Он всерьез думал уже отдать приказ возвращаться, но Даль тихо попросил подождать еще немного. И оказался прав.

Пожар захватил лишь одно крыло здания и вскоре погас, подавленный стихийным заклинанием, но из высоких окон продолжал исходить тонкий черный дым. Ферг появился из того самого окна, через которое несколько часов назад отряд вошел в храм Заточенных богов.

Берт вскочил с места, несколько человек последовали его примеру: Ферг осторожно нес на руках что-то завернутое в светлую ткань, и, когда подошел ближе, стало ясно, что это мальчик лет трех – совсем кроха.

– Ферг! Объяснитесь!

– Я освободил брандейца.

Мастер Туули на несколько мгновений потерял дар речи, затем тихим от ярости голосом спросил:

– Ты в своем уме? Как… ты вообще понял, что сейчас сказал? Или, может, ты знал, что так будет? Ты специально нас сюда заманил?

– Даль, подержи Лоранта. Он тихий мальчик. Плакать не станет…

Дальгерт молча принял на руки безучастного ко всему, полусонного мальчишку.

Ферг повернулся к Берту. Молча, легко.

– Я надеялся, что будет иначе.

– Ты мог его убить?

– Мог.

– И не убил.

– Не убил.

Берт ударил. Он вложил в этот удар всю силу и скорость, на

которую был способен. Но его противник словно предвидел удар и ушел от него. Более того, он легко отвел летящий кулак, направляя противника немного в сторону, подставил подножку и через мгновение уже протягивал руку, предлагая Берту помощь. Тот предложения не принял. Крутанулся на месте, прямо на земле, не вставая, так, чтобы повалить Ферга в ту же грязь, в которой оказался сам. Прием удался, и вскоре Берт уже с наслаждением впечатал ему кулаком по скуле.

– Эй, хватит! – крикнул Даль.

Ферг собрался с силами и как-то смог не просто вывернуться, но и в полной мере ответить на удар. Продолжалась драка недолго: сразу несколько человек рискнули подойти к дерущимся магам и растащить их в стороны.

Ферг сплюнул кровь. Он продолжал молча смотреть на Берта, и тот не мог понять, чего от него ждут, если не продолжения драки.

А Дальгерт запоздало подумал: они оба маги. И, видимо, сильные. Что бы было, если бы они решили сейчас убить друг друга всерьез? Ведь, пожалуй, справились бы.

– Ладно, – сказал Берт. – Уходим. Встретимся с Ковачем – решим, что делать дальше.

– Дальше… – задумчиво сказал Ферг. – У тебя карта есть?

– Зачем?

– Тихо, тихо. Доставай карту.

Мастер Туули кивнул одному из своих магов, и вскоре перед Фергом была развернута довольно подробная карта Муреша, включая горные районы на правом берегу Тисы.

– Вот тут и тут – основные лагеря. Их три. С юга к ним ведут хорошие наезженные дороги, постоянно подходят обозы. Обрати внимание, этот район нашими разведчиками практически не обследовался. Вот здесь… по прямой линии маленькие горные крепости, они работают укрытием и временным лагерем еще для порядка восьмисот мурешских солдат. В них, как я понимаю, расположены кузницы и конюшни. Но нас в первую очередь интересуют вот эти отряды…

Он ногтем отмечал на карте все, что успел запомнить из видений, показанных Гарсаашем.

– Откуда новости?

– Брандеец, по его словам, войны с нами не желает и готов дать возможность армии отступить к границам. Он очень хотел, чтобы я сообщил эту новость всем, кому она может быть интересна.

– Мог обмануть.

– Мог.

– Тогда вся эта информация ничего не стоит.

– Он предлагал попробовать остаться и посмотреть, что будет.

– Я смотрю, вы многое успели обсудить…

– Успели, да не все.

– Если судить по карте, их силы превосходят наши раза в два.

– Сейчас они о нашей армии знают не меньше, чем мы – о них. Хаосит дал нам три дня на то, чтобы мы покинули их территорию.

– Ферг! – окликнул Дальгерт.

Обернулись оба.

– Лорант – твой сын?

– Да.

– Я думал, он старше… – задумчиво высказался Берт. – И ты знал, что мальчик в храме?

– Догадывался.

– Тогда почему молчал?

– Почему… мастер Туули, что бы ты сделал? Если бы я тебе три дня назад об этом сказал?

Берт двумя руками принялся тереть шею, а потом распорядился:

– Собираемся, уходим. Сейчас у нас еще больше причин торопиться. Так, мастер Ферг?

– Видимо, так.

* * *

Ферг шел как арестант – молча и немного отдельно от всех. Его такое положение вещей не заботило. Просто как будто времена внезапно замкнули круг, и он вернулся на четверть века назад. Тогда во всех тавернах Паннонии только и разговоров было, что о Князе Мертвецов. Каждый считал своим долгом шепнуть проклятие на его многострадальную шею. А судьбу, похоже, ложным именем не обманешь, и все присланное однажды долетает до цели.

Усталость минувшей ночи то накатывала, то отступала. День выдался теплый и безветренный, идти по светлому сосновому лесу было легко… если бы не ожидание опасности, которая может возникнуть откуда угодно. Гарсааш мог сказать правду, а мог и соврать. Зависит лишь от того, насколько это ему будет выгодно. Он шахматист, стратег – старается все продумать заранее, и если ему выгодно ради каких-то целей спасти жизнь нечаянному заложнику – он ее спасет. А если выгодно послать на смерть

одного из своих лучших адептов – а в Боруше погиб явно один из лучших, – пошлет, не моргнув глазом.

– Что-то не так с твоим парнем, – неожиданно раздался над ухом голос Берта.

Ферг вздрогнул от неожиданности и стряхнул как раз подступившую дрему. В первую секунду подумал, что речь о Лоранте, но сын все так же безвольно лежал у него на плече.

Обернулся.

Берт, подтверждая свои слова, указал подбородком на Дальгерта. А вот с ним и вправду происходило что-то неладное. Он шел, чуть покачиваясь и спотыкаясь, левая рука его была прижата к груди.

– Пойдем.

– Давай понесу мальчика.

Ферг с сомнением посмотрел на Берта, но отдал. Догнал Даля. За минувшие часы он разительно изменился. Кожа посерела, волосы стали влажными и слиплись прядями. А левая рука, напротив, потемнела. Глаза его были полуприкрыты.

– Да что ж такое… – пробормотал Ферг, подставляя плечо.

Дальгерт с некоторым облегчением принял помощь, но было очевидно, что даже так далеко он не уйдет.

– Нужен привал, – сказал он подошедшему Берту.

– Вижу. Как не вовремя!

Из двадцати двух выживших трое были ранены и не могли идти самостоятельно, так что шестеро несли самодельные носилки. Еще трое шли впереди, и трое – в арьергарде. Двое получили легкие ранения, но двигались сами…

Невеселая картина. И хотя храм они взяли, победа эта оказалась бессмысленной…

– Ничего, – отозвался Дальгерт. – Я еще могу идти.

– Ерунда. У тебя рука горячая. И испарина. Это означает, что какие-то процессы в твоем организме возобновились, чего не должно было случиться. Если ничего не делать, ты и вправду можешь умереть.

– Да я уже.

– Вбил же в голову… Давай, еще немного. Нужна светлая поляна…

Берт с удивлением и сам поймал себя на том, что высматривает, нет ли где-то рядом подходящей ровной поляны. А когда она нашлась, понял, что был не прав: привал требовался не только Дальгерту.

Солдаты ждали разрешения отдохнуть. Солнце, оказывается, уже перевалило за полдень, они долго шли почти без остановки. И если бы сейчас не был объявлен длинный привал, на

следующее утро большинство не смогло бы выдерживать темп…

Ферг расстелил на земле плащ, помог Дальгерту лечь. Почувствовал, как того бьет крупная дрожь.

– Ну как ты так, дружище? Что я Ильре скажу? Держись!

– Ничего… не говори, как…

– Тише. Ты, главное, держись. Я попробую разобраться…

В хитросплетении Лековых заклинаний Ферг потихоньку пытался разобраться и раньше. Но – осторожно, так, чтобы ничего не изменить и не навредить…

А тут деликатничать времени не осталось: чья-то злая воля уже разрушила часть магических связей, поддерживающих лекана. И продолжала разрушать дальше. Первой, видимо, попала под заклинание левая рука. Возле стального щитка на запястье запеклась кровь, сама рука стала темной и слегка распухла.

Ферг вгляделся в плетения заклинаний и увидел, что первыми истлели, разрушились те связи, которые относились к некромантии.

Так вот в чем дело… Значит, ушла некромантия, и постепенно начали восстанавливаться функции «замороженных» до этого тканей. В том числе ускорилось движение крови…

Ускорилось бы, если бы некромантские «узелки» распались одновременно все. Но нет. Бóльшая их часть продолжала держаться. И крови течь было просто некуда.

Берт как завороженный наблюдал за действиями Ферга: он, кажется, впервые увидел его не бродягой, не магом и не Князем Мертвецов, а лекарем. А ведь знал, всегда знал, на что тот тратил внезапно выпавшую долгую-долгую жизнь…

Так, может, именно так правильно? Именно здесь он на месте?

Шевельнулся на руках Лорант, и Берт перевел взгляд на него. Легкий, почти невесомый, с заострившимися чертами, этот ребенок не улыбался – только смотрел огромными блестящими глазами, словно знал какую-то скрытую от других людей истину. А еще у него пересохли и потрескались губы…

Берт торопливо вытащил из сумки флягу, смочил платок и обтер им лицо мальчика. Потом осторожно поднес край фляги к его губам. Лорант сделал первый осторожный глоток, потом еще… а потом неожиданно заплакал. Беззвучно и без слез…

Тем временем Ферг торопливо довершал то, что не успело сделать вражеское заклинание. Он понял, что восстановить эту магию ему уже не удастся – изменения зашли слишком далеко. А значит, оставался один-единственный шанс. Нужно «запустить» все биологические процессы, заставить биться сердце, работать легкие. И тогда, возможно, Даль выживет…

Он старался не задевать ни магию мастеров слова, ни удерживающую ее в равновесии здесь, на Альтерре, магию целителей. Но время уходило, а результата все не ощущалось.

* * *

Дальгерт в это время чувствовал, как постепенно немеет все тело. Как унимается дрожь и на ее место приходит равнодушная расслабленность, от которой всего шаг до пустоты. Но он все еще слышал над собой отчаянное бормотание Ферга, тихие, бессильные уговоры: держись, живи, не умирай! И держался – что бы это слово ни значило.

– Тсс! Тише, малыш. Все хорошо. Поздно уже плакать, все плохое для тебя уже закончилось… – Берт увещевал мальчика и сам удивлялся, из каких глубин, откуда приходят слова. Трудно сосчитать, сколько лет он не оказывался в такой ситуации. Он привык иметь дело со взрослыми, которые и понимают уговоры, и, уж конечно, могут объяснить, что им не нравится и чего они хотят. Нет, тут тоже все понятно… малыш, скорей всего, голоден… – Погоди немного, сейчас найду чего-нибудь. Вот сухарь. Будешь сухарь?

Лорант зажал подарок в кулаке и уверенно сунул в рот.

– До чего ж ты, брат, чумазый…

Берт нашел глазами Иштвана. Помощник полулежал, устроив плечи на сложенных горкой солдатских сумках, и внимательно наблюдал за тем, что делает Ферг. Судя по всему, чувствовал он себя сносно, а за Дальгерта переживал искренне – это только благодаря разведчику с Аррета оба они не оказались в лапах заговоренных чудовищ.

Берт поднялся, подхватил Лоранта и отправился к компании магов, устроившихся на краю поляны.

– Жерель, головой отвечаешь за пацана.

Маг удивленно кивнул и осторожно усадил мальчика на расстеленный для себя плащ. А Берт поторопился туда, где Ферг продолжал свое неторопливое колдовство. Остановился в двух шагах, не решаясь предложить помощь: таким сосредоточенным выглядел доктор, что казалось, если вывести его из этого состояния, все будет напрасным.

Ферг отвел руки. Выпрямился:

– Давай же, дыши! Ты же можешь…

Но, видимо, что-то шло не так.

– Что нужно делать?

Ферг качнул головой:

– Сейчас…

– Когда ребенок рождается, его, бывает, встряхивают, чтобы закричал…

– Не наш случай. Так. Сейчас.

Он положил ладони на грудь Дальгерта, сосредоточился и ударил молнией. Несильно – примерно как в недавнем бою с магом-гоблином.

Даля тряхнуло. Ферг пощупал пульс на шее, вздохнул. Скрестил ладони на груди Даля и принялся резко и ритмично надавливать на нее.

Берт зачем-то стал считать в уме – ему казалось, что все эти действия напрасны.

Через десять нажатий Ферг наклонился к бледному до синевы лицу разведчика, попытался запрокинуть его голову. Из горла разведчика вырвался короткий хрип. Доктор уложил его обратно на траву, вновь проверил пульс и вдруг от души саданул по щеке:

– Пульс есть! Так что ты не дышишь, скотина!.. Давай! Вдыхай!

Губы Дальгерта шевельнулись, словно он что-то хотел сказать. А потом его скрутило кашлем. Начавшийся тихо, приступ вскоре заставил его согнуться пополам и долго не заканчивался.

– С возвращением, – пробормотал Ферг и сам повалился на траву.

Заснул почти мгновенно, словно потерял сознание… а проснуться пришлось всего через час. Нужно было спешить.

* * *

С армией они встретились на следующий день. Разведчики засекли передовой отряд и сразу доложили Берту. Тот просто отменил последний привал, так что встреча эта состоялась на четверть часа раньше…

И прошла со сдержанной радостью – армия наступала широким фронтом, и до ставки командования пришлось еще ехать больше часа.

Собраться решили сразу – разведчики лишь успели умыться с дороги. Ферга, конечно, тоже позвали. Он по старой памяти устроился у госпитального костра. Удивительно, но Даль не остался с разведчиками на этот раз, а присоединился к нему.

За весь обратный переход никому из раненых хуже не стало. Дальгерт и вовсе чувствовал себя бодро и улыбался, что ясное солнце, а Иштван уверенно шел на поправку. Тревогу вызывал один из молодых магов с неглубоким проникающим ранением.

Еще у озера Ферг его обследовал и наложил повязки, но серьезную хирургическую помощь должен оказывать тот, кто это умеет лучше. Например, полковой хирург Южного гусарского, давний член Лиги и мастер своего дела.

Ферг с облегчением передал своих пациентов в госпиталь, Лоранта оставил на попечении Даля, а сам отправился на совет.

Когда он пришел, в большом шатре все уже собрались и со слов Берта примерно представляли, что и как происходило в храме Заточенных.

Потому первое, о чем зашла речь, – это новости с юга. Новости были отличные – паннонцам удалось не только сдержать наступление, но и отбросить врага обратно к Тисе. Сейчас, по словам гонца, бои уже прекратились, а Берток вел с представителями трансильванского командования переговоры, чьим результатом должно было стать присоединение к Паннонии некоторых территорий, раньше номинально принадлежавших Трансильвании. Более того, Берток счел возможным направить на помощь союзникам еще два пехотных полка, которые в Трансильванской кампании не участвовали.

Оказалось, ждали только Берта. Он вернулся как раз тогда, когда немного утихли обсуждения последних новостей, и сразу сообщил:

– Сведения, полученные Фергом на территории противника, в целом верны. Вот последние данные нашей разведки…

Не тратя на заклинание даже слова, Берт превратил карту в объемную модель местности и тут же стал отмечать на ней по памяти расстановку сил противника. Ферг подошел ближе, внес небольшие поправки.

– За два дня многое могло измениться… – задумчиво сказал Ковач.

– Только одно, – хмыкнул командир моравских разведчиков. – Они выдвинули основные силы нам навстречу: вот здесь и здесь есть сносные дороги…

– Ну что же, есть о чем подумать…

– Брандеец знает о наших перемещениях и о силах, которыми мы располагаем. И он свободен…

Обсуждение предстоящей кампании закончилось глубокой ночью. Ферг подробно, опустив лишь некоторые детали, рассказал обо всем, что видел и слышал в храме, и ответил на все вопросы. Усталость, накопившаяся за последние дни, странным образом повлияла на сознание. Он не сомневался, что его действия в храме сочтут если не предательством, то малодушием, и заранее был готов к любому итогу нынешнего совета. Однако вслух ничего такого никто не произнес, и Ферг с удовольствием

плыл по течению: будущее подскажет ответ. Оставалось сделать два дела: отправить Лоранта как можно дальше от войны. И найти графиню Вораш. Если она еще жива. Вот только если он сейчас, перед битвой, покинет войско, это сочтут предательством даже те, кто раньше ему верил.

И все-таки потихоньку дело шло к окончанию совета.

– Значит, решили, – в завершение сказал Ковач, оглядев собравшихся. – Цель остается прежней: южные крепости Муреша, Бир и Кане.

И вот тут в планы соединенной армии снова была внесена поправка. Причем настолько же эффектно, насколько неожиданно.

– Прошу извинить меня за вторжение, господа, – раздался приглушенный, но уже хорошо знакомый Фергу голос. – Я вижу, что не напрасно решил послушать, о чем у вас пойдет речь…

Он был здесь. Ферг в первый миг даже подумал, что гоблин и на самом деле каким-то образом смог незаметно пробраться в шатер. Но, конечно, это было не так.

– Мастер Ферг, представьте нас.

– Маг Гарсааш с острова Брандей. Генераль Ковач, генераль Херцог…

Ферг перечислил имена всех присутствующих – от генераля армии до корпоралей вестовой службы.

Гоблин, видимо чтобы каждый мог им полюбоваться, вышел на свет и едва заметно склонил голову в приветствии.

И тут же оказался пронзен кинжалом – это не выдержали нервы у одного из лойтнантов. Впрочем, лезвие легко прошло сквозь Гарсааша, никак не навредив ему.

– Как вы могли легко догадаться, это всего лишь ментальная оболочка, которой ваше оружие не страшно. А вот нападать без предупреждения на безоружного посланника – это даже в мои времена считалось дурным тоном. Так вот, господа. Когда я предлагал вам отступить – я всего лишь хотел избавить обе наши армии от лишних жертв. Мои люди мне пригодятся весной, когда мы начнем движение в сторону моря. Ваши, я думаю, тоже вам нужны. Подумайте, зачем нам сейчас сталкивать лбами такие мощные силы, тем паче что победа не будет сулить выгоду ни вам, ни нам…

– Узнаю сторонников Хаоса, – хмыкнул Берт. – Нам выгодно спокойствие на границах. Чтобы не было постоянной угрозы с юго-востока…

– Так и я об этом! – почти весело отозвался гоблин. – Мне тоже выгодно, чтобы на границах было спокойно! И потому я хочу, чтобы соседями моей будущей империи были государства

богатые и стабильные, правители которых не станут подчиняться собственным душевным порывам, скрывая под понятиями «гордость» и «честь» банальное желание подраться.

– Не мы начали эту войну, – нахмурился Ковач.

– Но мы в состоянии ее закончить! Да, не скрою. Мне нужны были пахотные земли, и те, что расположены за Тисой, заметьте, к началу войны – почти сплошь заброшенные, меня вполне устраивали. Потому я вам предлагаю установить новые границы следующим образом…

Маг обернулся к карте, легким, даже изящным движением заставил появиться на ней красные линии воображаемых рубежей.

– Горный Муреш малонаселен, – сказал он. – Наши передовые гарнизоны расположены вот по этой линии. Территории эти еще до войны принадлежали Трансильвании, так что у Моравии не может быть к нам претензий. Но сейчас объективно нам нужно прокормить куда больше людей. Именно по этой причине я и выбрал Загорье, а не богатую Паннонию, которая ближе и в которую с давних времен проложены отличные дороги. Боруш мне нужен как центр региона. Князья вот этих замков, – он перекрасил земли от Севле до Еловой горы в темно-зеленый цвет, – мне принесли присягу. Большинство – добровольно…

– Эти земли были возвращены… – сказал Ковач.

– Уверяю вас, сейчас это снова не так. Вот, смотрите…

На склонах гор, куда недавно отступали отряды мурешской и трансильванской пехоты, обозначились темно-зеленые пятна.

– Это места сбора моих отрядов. Как только ваша армия двинулась за Тису, они начали потихоньку спускаться с гор и занимать прежние позиции. Боруш, кстати, был возвращен первым. Хотя ваши маги его основательно потрепали, и крепости предстоит серьезный ремонт. А может быть, и реконструкция. А вот так будет, если вы не передумаете…

По мановению руки гоблина отряды соединенной армии окрасились в малиновый цвет. А навстречу ей сразу с трех направлений поднялась темно-зеленая волна.

– Вот-вот должна еще подойти трансильванская кавалерия. Но для начала будет достаточно и того, что есть сейчас…

Даже Ферг, не имевший опыта военачальника, и то видел, что их войскам придется туго: если правда то, что мосты через Тису снова в руках врага, могут возникнуть проблемы с поставками продовольствия и подходом подкреплений. Да, бóльшая часть войска переправлялась западней Еловой горы, на плотах. Но теперь кто может поручиться, свободны ли эти территории? Вчера еще были свободны. А сегодня?

– Подумайте, – увещевал Гарсааш. – То, что я предлагаю, – это не проигрыш! Это достойное соглашение между всеми нами. Достаточно разумными, я надеюсь… людьми. Вы получаете спокойную границу, хороший рынок и гарантию того, что ни мы, ни Трансильвания не будем нарушать установленные в этих рамках рубежи. Даже ваше вольное Загорье не получит ничего, кроме выгоды. А если вы решите, что вам сейчас нужней ради собственного тщеславия положить в этих горах добрую половину своих и моих войск… ну что ж. Я приму и такое решение. Каким бы глупым ребячеством оно ни выглядело. Но что вы будете делать, добравшись до Бира? Это всего лишь центральный городок маленькой провинции. Верхушка жреческого капитула находится не только в другом городе, но и в другой стране. А я с недавних пор и вовсе могу оказаться в любом угодном мне месте. Если будет нужно, я начну все заново в другой части Земли. А вы сможете ли? Когда вернетесь домой ни с чем? Зная, что стали причиной гибели не только солдат, но многих и многих простых людей, в кого бы они при этом ни верили и какие бы силы ни призывали…

Повисла нехорошая пауза. Ферг думал, что знает, о чем размышляет сейчас генераль Ковач – о том, что гоблин лжет и что если уж он счел необходимым лично появиться здесь, то шанс на победу у соединенной армии все-таки есть.

Но Ковач думал о семье, которая ждет его в Моравии. О князе, который уж точно не приказывал ему брать штурмом столицу Муреша… Думал об этом, старательно укладывая на огромную, только что им самим придуманную чашу весов…

– Я понимаю, – внезапно сказал гоблин. – Вам нужно время все обдумать. Я приду за ответом завтра.

Сказал – и словно растаял в воздухе. Только на пол просыпалось несколько крупинок серого пепла.

В шатре все молчали, находясь под впечатлением от встречи.

– Он мог солгать, – хмуро произнес Херцог.

– Посмотрим, – высказал светлую мысль мастер Туули, – что принесет завтрашняя разведка.

Утром появились первые донесения – похоже, гоблин не соврал ни одним словом. Дождавшись возвращения последней группы, Ковач приказал командирам готовиться к отходу.

Войско, так ни в один бой на левом берегу Тисы и не вступившее, бесславно возвращалось назад…

* * *

Вид у солдат и офицеров был подавленный, у костров почти не звучали разговоры. До побережья оставались считаные мили. Часть войска наверняка уже была там – налаживали переправы, готовятся сойти на свой берег. Но это нерадостное возвращение.

Даль, весь предыдущий день присматривавшийся к Фергу, все-таки этой ночью не стал устраиваться на ночевку с разведчиками, а подошел к госпитальному костру:

– Можно?

Все уже спали, даже Лорант задремал в палатке. У костра только сам доктор задумчиво ворошил угли тонким прутом.

– Конечно. Садись.

Даль не торопился. Он не уставал так, как другие солдаты, но возвращение в мир живых подарило замечательную возможность снова пробовать человеческую еду и ощущать все прелести сна. Сон его, правда, теперь длился не более двух часов в сутки – но его хватало.

Молчание было тяжелым, в нем плавилась недосказанность многих минувших дней. Дальгерт спросил с досадой:

– Может, расскажешь? Или и мне не доверяешь?

– Разве дело в доверии? В каких-то других вещах. Мелких и бытовых. Я ведь действительно мог убить брандейца. Была у меня такая возможность.

– Так это тебя заботит?

– Нет. Не это…

Он снова поворошил прутом в костре. Угли налились краснотой, по ним пробежало пламя. Ферг сказал:

– Белалу Вораш я впервые увидел почти три месяца назад, на хозяйственном дворе агерского госпиталя. Она пришла за помощью. Меня ничуть не удивило, что она прогуливалась возле заброшенного храма Заточенных: на ее руке красовался знак Хаоса, и сама она была верной последовательницей Дарнара и Юргнорда. Удивило другое: там, в храме, она нашла раненого и поспешила в город за помощью…

Ферг старался рассказывать отстраненно, чтобы слушатель мог сам составить мнение о событиях, без всякой подсказки со стороны. Рассказывал, а перед глазами вставали эти самые события одно за другим… и каждое воспоминание словно пеплом присыпано, приправлено горечью от осознания, что он чего-то не понял в ней, не разглядел. Не бывает такого, когда речь о совсем посторонних людях. Так память цепляется лишь за важное, за то, что дорого. И держит, и не отпускает, заставляет каждый раз возвращаться к тому самому, главному вопросу: зачем она рассказала Чордашу о Лоранте? Тот мурешский солдат подтвердил – она сделала это сама, без всякого принуждения.

Сама. Но, может, правильней спрашивать не «зачем?», а «почему?». Может, важней – причина?

Нет ответа.

– Чордаш приказал оставить ее на том острове. Я не знаю, почему он так решил. Один из его выживших товарищей сказал, что он ей не доверял… я собираюсь ее найти. Но я не знаю троп Междумирья и ни разу не пытался уйти за пределы трех миров. И поиск по магическому следу мне тоже дается плохо. Так что провожу тебя до дому и, если вы с Ильрой меня за такую наглость не погоните в шею, подброшу вам на месяц Лоранта. А сам попытаюсь ее найти.

– Берт бывал в Междумирье, – осторожно намекнул Дальгерт.

На это Ферг только усмехнулся:

– Он не станет мне помогать. Если бы еще не последовательница Заточенных… у него и так ко мне счет длиной в жизнь.

– Отчего же, – усмехнулась тьма за спинами Дальгерта и Ферга. – Думаю, это может быть увлекательная прогулка.

Мастер Туули вышел на свет. И с мстительной ухмылкой добавил:

– Будешь должен.

Ферг – а что ему еще оставалось? – согласился:

– Буду.

* * *

Остров казался неопрятным клубком магической пряжи, спутанным в один огромный узел, из которого исходили десятки хвостов и тянулись куда-то за пределы мира. Многие из нитей были уже настолько стары, что стали едва видимыми, а некоторые как будто только недавно оказались в этой связке.

День выдался ветреный, ветер трепал кроны деревьев над обрывом, кудрявил волны, которые набегали на каменистый берег.

Берт с удовольствием вдыхал морской воздух – запах собственной юности, прошедшей под парусами. Фергу морской воздух тоже нравился, хотя у моря он был всего раз в жизни – на Терре, когда учился в мединституте. В каникулы он каким-то самому себе неведомым образом оказался в группе студенческого туристического отряда. Крым чем-то даже походил на родную Паннонию. А море…

Организованный пляж на официальном курорте был местом слишком людным и не очень чистым. Но туристы предпочитали

купаться в небольшой, удаленной от территорий, облюбованных курортниками, бухте. И это осталось одним из лучших воспоминаний о том мире. Да, были и Будапешт с его величественной и нарядной архитектурой, и маленькие поселки на Дунае, в которых Ферг подрабатывал в первое время, пока готовился поступать в университет и требовались деньги на частных учителей. Таких, как он, тогда было немало. На него смотрели без удивления…

И все-таки море запало в душу.

Здесь оно было другим – темно-серым, серьезным. А может, это был океан…

Упругий ветер трепал льняную рубаху. Плащ его лежал в дорожной сумке.

Белала Вораш где-то здесь. На этом острове. Живая или мертвая – но она здесь. Сюда его привела тонкая ниточка магического следа, тут и нужно искать.

– Что дальше? – со скучающей интонацией спросил Берт.

– Налево. Пойдем вдоль берега.

– Ты так и не ответил, что планируешь делать дальше…

Ферг подавил острое желание поинтересоваться, какое дело до этого может быть магу Равновесия мастеру Туули. Все-таки Берт согласился ему помочь сам, по собственной воле.

– Ты можешь представить себе мага, – сказал он вместо прямого ответа, – который смог бы навести заклятие на хаосита с острова Брандей, да так, чтобы тот сам не заметил?

Берт сбился с шага.

– Хочешь сказать… Да ерунда, быть такого не может!

– Я не мог ошибиться. След магии очень знакомый, я с ним сталкивался уже.

– Когда?

– У меня в хосписе только за лето умерло четыре человека, пострадавших, как мы сначала думали, от моего личного проклятия. Оказалось – симптоматика схожа, но только на начальных стадиях болезни. Доктор Над предположил, что сознание этих людей было не стерто, а каким-то образом замещено сознанием кого-то иного… он думает – сознанием животного. Я с ним согласен, но есть некоторые расхождения… которыми я тоже планирую заняться. Так вот, над моими пациентами поколдовал тот же маг. Только след очень слабый. Если специально не искать, и не заметишь. Эту же магию я встречал еще в Клешском воеводстве, это далеко на восток отсюда… В общем, есть над чем подумать.

– А зачем это тебе?

– Четыре человека за лето только в Агере – и это

обратившиеся за помощью. А сколько умерло в собственных домах? О скольких мы еще не знаем…

– Да тебе-то это зачем?

– Да живу я так.

И непонятно, то ли пошутил, то ли всерьез ответил.

Берт продолжать беседу не стал, а, напротив, поспешил вперед – увидел, где можно подняться на обрыв.

Скорей всего, этой тропой пользовались до них только дикие и очень ловкие звери. Подняться оказалось нелегко…

Зато Берт сразу сказал:

– Смотри-ка! Вроде нашли!

Далеко впереди, на высоком берегу, на голой ровной скале, лежала килем кверху лодка. А подле нее кто-то был. Графиня Вораш?

Берт сказал:

– Я подожду здесь.

* * *

Если бы не проклятый браслет, все было бы намного проще. Она хотя бы костер смогла развести. Хорошо еще, что с того памятного шторма на острове не случилось ни одного дождя и погода стояла довольно теплая.

Сначала цели были простыми и понятными: добраться до огня, провести в тепле ночь. Завалить камнями тело Хагра: Жосан такой чести не удостоился.

Белала сделала себе подобие костыля – нашла кривую палку-рогатину, обмотала раздвоенный ствол лентами, на которые пошел низ плаща Жосана. Куртка его оказалась заскорузлой от вытекшей крови, и отстирать ее в ручье Белале не удалось. Она выкинула куртку.

А вот плащ пришелся кстати: он почти не пропускал сырость. Бела расстилала одеяло Хагра, укрывалась этим плащом – и на некоторое время ей даже удавалось провалиться в сон. Сон давал отдых.

Самым тяжелым оказалось заставить себя покинуть развалины и попытаться выбраться к берегу. Если мимо берега может проплыть корабль и оттуда могут ее заметить, то внутри кратера кто ее найдет? Охотиться с больной ногой она не смогла бы, а никаких ягод или плодов на окрестных деревьях видно не было. На берегу, она смутно помнила, что-то росло. Но до побережья еще нужно добраться.

И путь через пещеру был ей заказан – без магии не хватит

света найти нужный лаз. А значит, предстояло идти через перевал, по плитам все той же древней дороги. Мимо стражей.

Стражей она теперь видела. Может, сказывался голод, а может, и эта мысль ей казалась наиболее здравой, она просто повредилась рассудком. Чего стоил один разговор с мертвым разведчиком.

Она все ждала, что увидит его среди молчаливых охранников дороги. Но не увидела.

Стражи на этот раз препятствий не чинили. Видимо, им нельзя было лишь пускать людей к древнему храму. Выпускать дозволялось. И все же идти сквозь их молчаливый строй оказалось страшно и угнетающе тяжело. Именно на тропе, возле стражей, она внезапно и окончательно осознала, что одна на этом острове. Что, вероятней всего, она здесь так и умрет – одна.

Хочешь – плачь. Хочешь – устрой себе пир и съешь разом весь запас сухарей. А потом – прыгни со скалы, чтобы на раз, чтобы не мучиться…

Хотя предыдущий опыт показал, что высота – штука обманчивая. Можно ведь и выжить.

Хочешь – тяни существование до последнего. Любыми правдами разожги на берегу костер и жди, что кто-нибудь приплывет.

На самом гребне хребта она задержалась. Оттуда и увидела лодку. Лодка лежала на берегу, килем вверх. Бела сначала обрадовалась, но, сколько бы она ни смотрела, рядом с лодкой так никто и не появился. И ночью на всем острове не загорелось ни одного огонька…

А лодка оказалась гнилым рассохшимся остовом. Когда-то кто-то на ней приплыл сюда. И скорей всего пополнил собою ряды призрачной стражи. А лодка так и осталась на берегу, чуть выше линии самого высокого прилива, под защитой нескольких крупных камней. Ее заливали дожди, ветер продувал ее ребра, мелкий песок обдирал краску…

Бела тогда еще не сдалась. Она решила, что даже чинить безнадежную лодку – лучше, чем просто ждать какого угодно конца. Она возвращалась в лес, обдирала ножом кору с кустарника, которым зарос весь высокий берег. Кора чем-то была похожа на тонкий многослойный мох. Если скрутить в жгут и затолкать в щели, то, может, она и удержит воду. Хотя бы недолго. Заталкивать упрямые твердые жгуты следовало очень осторожно, и все равно одна из досок сломалась прямо под пальцами. Белала долго обтесывала все тем же ножом замену. Конечно, не получалось.

Ягоды оказались незрелыми и кислыми. Но их хотя бы можно

было есть. К ягодам полагалась половинка сухаря и вода из ручья. И с каждым днем все отчетливей становились голоса стражей, и все безнадежней – ожидание…

* * *

– Белала Вораш, – окликнул Ферг.

Резко обернулась. На осунувшемся, обветренном лице – огромные глаза.

На ней была белоснежная сорочка из тонкой ткани, большая, явно с чужого плеча, подобранная на талии сплетенным из коры или кожи кушаком. Смотрела хмуро и упрямо:

– Вы ищете сына. Вы опоздали. Чордаш его забрал…

– Нет, Бела. Лоранта я уже нашел. С ним все хорошо. Я пришел за вами.

Она расправила плечи, смерила его колючим взглядом:

– Зачем?

– Чтобы проводить вас домой.

– У меня нет дома. В Трансильвании… я не смогу теперь жить, как раньше. Все стало другим.

Ферг развел в стороны пустые руки и присел на ближайший округлый камень. Белала, словно спохватившись, что встретила возможного спасителя с ножом в руках, поспешно воткнула его в одну из многочисленных щелей лодки. Потом она тоже шагнула к высокому валуну, заметно припадая на левую ногу. Уселась. Коротко зыркнула в его сторону, словно ждала ответа.

Она несколько дней жила на острове одна. Дней? Или недель? А до того… Что она могла противопоставить солдатам Чордаша? Как она вообще здесь выжила? Ферг скрутил в себе жалость: сейчас надо убедить ее покинуть остров. Нужно подобрать правильные слова – остальное потом.

– Можете снять это? – Бела протянула вперед руку, украшенную браслетом.

Вещичка была из тех, которые узнаются сразу. Много лет назад один ловкач застегнул подобную на шее у него самого. Он прекрасно помнил собственное бессилие перед миром, когда ты отрезан от магии, от того, чем привык пользоваться с раннего детства. Бессилие и злость на себя. Ощущение собственной никчемности, слабости…

Поднялся. Осмотрел браслет, который на исхудавшем запястье девушки держался довольно свободно. Магические нити подсказали, где у него слабое звено. Ферг не стал разбираться в замке – попросту сломал его. А потом с силой швырнул обломки

в пенный прибой.

Она сжала запястье, на котором только что красовалось опасное украшение. Кажется, никак не могла поверить, что это может быть так просто. Одно движение пальцев – и все, она снова маг. Она снова может защитить себя…

– Белала, – мягко, но настойчиво повторил Ферг. – Идемте.

Кивнула. Потом спохватилась:

– Я не смогу быстро.

Перевела взгляд к куче заготовленной коры. Там лежал не замеченный ранее Фергом самодельный костыль.

Он сказал:

– Вы мне хоть немного доверяете? Тогда давайте я вас донесу. Так будет быстрее.

Она оказалась легонькая, почти невесомая. Наверное, надетая на нее одежда весила больше, чем она сама. Бела затихла, уткнувшись лицом куда-то в шею Ферга. Но держалась крепко.

Всю дорогу назад они молчали. Берт только головой покачал. Он до самого конца не думал, что они найдут трансильванку живой.

* * *

Ветер гонял над озером хмурые облака, и горожане поглядывали в небо тревожно, не пойдет ли дождь. Осенью ясный день выпадает редко, а сделать надо очень много. Жители Клеша всю зиму, почитай, едят то, что выросло в лесу и на огороде. А в лес нынче ходить опасно…

Первыми идущую по южной дороге компанию заметили ребятишки. Побросали ведра, удочки и рванули поглазеть. Однако из-за кустов высунуться так и не решились. И только одна девчушка, лет двенадцати, вдруг обрадованно вскрикнула и побежала вперед, прямо под ноги двум суровым дядькам, один из которых вел под руку сильно хромающую оборванную женщину.

– Ферг! Доктор Ферг!

– Лисия! – улыбнулся тот девочке. – Беги, предупреди Ильру. Скажи, мы вернулись.

Лисия убежала.

А Берт остановился посреди улицы, окинул выселки тяжелым взглядом:

– Пожалуй, мне пора назад.

– Пойдем. Отдохнешь пару часов. Поужинаешь, как человек. Ильра отлично готовит…

– Уволь. Меня, знаешь ли, ждут.

Поднял в прощании руку и быстрым шагом отправился туда, откуда они только что все пришли.

– Ну и сам дурак…

Белала так всю дорогу и молчала, и Ферг уже не надеялся, что она хоть что-то расскажет. Если честно, он впервые не знал, с чего начать разговор. Мешал тот самый вопрос, единственный, который ни за что нельзя ей сейчас задавать…

Так что, когда на пороге показались Дальгерт и Ильра, он вздохнул с облегчением. Сказал:

– Белала, познакомьтесь. Это мои друзья.

Ильра приветливо улыбнулась. Из-за туч выглянуло холодное осеннее солнце и облило ее голову волной расплавленной меди. Рыжеватые пряди вспыхнули, словно сами могли испускать свет. Дальгерт легко обнял ее и тоже улыбнулся. Губы Белалы изобразили ответную улыбку, а взгляд оставался серьезным. И вдруг она спросила:

– Мне раньше казалось… может, действительно просто казалось. Эрно. А обо мне вы могли бы так сказать?

– Что?

– Что я вам друг.

Она даже отстранилась немного, чтобы заглянуть Фергу в глаза, прочитать в них ответ. А еще она назвала его именем, которое он и сам почти забыл. И это прозвучало так естественно, как будто в уме она всегда только так его и называла.

Соврать? Но как? Момент упущен. Или ты сейчас скажешь, что думаешь на самом деле, или потеряешь ее навсегда – больше она тебе уже не поверит.

Скрипнула дверь – это вернулись в дом деликатные Даль и Ильра.

– Бела… расскажите, как, как вы попали на остров? Вы знали Чордаша раньше?

Взгляд ее из упрямого внезапно стал удивленным. Даже растерянным.

– Нет, конечно. Я его впервые увидела во время торжественного приема. Да вы же сами нас представили!

Она нахмурилась, честно вспоминая:

– А на остров попали, наверное, из-за меня. В Междумирье мне стало… как-то очень тяжело. Словно я кусочек паутины и меня рвут на части. И очень хотелось выбраться куда-нибудь оттуда.

Она не понимала.

Ферг заставил себя не отвести взгляда.

– Это ведь вы рассказали Чордашу о Лоранте… кроме меня и вас, никто не знал…

– Ему нужно было найти способ на вас повлиять. Я первым делом подумала о Лоранте. Побежала в госпиталь, предупредить, чтобы его спрятали. Его и Лисию, если она там. А они явились почти сразу. Я только Имре сказала, чтобы увел девочку из ее комнаты. Вижу, что он послушал… а она меня не узнала…

Ферг едва заметно покачал головой: «Вы бы и сами себя сейчас не узнали».

– Они появились почти сразу. Посол и его свита. Убили дежурного. Лорант проснулся, заплакал. Тогда Чордаш приказал и его убить. И я сказала, что Лорант – ваш сын.

– Как все просто. Как просто, Бела. А я-то…

Как все просто, когда объяснят. И ты только хлопаешь глазами и думаешь: ну почему мне самому такое простое решение в голову не пришло? Пришли сотни других, одно другого правдоподобней и запутанней…

И что теперь? Как ты ответишь теперь на ее вопрос?

– Боги мои, – выдохнула Бела и зажала рот ладонью.

– Что?

– Я представила, что вы обо мне подумали. И что бы я сама стала делать на вашем месте.

– На моем месте… – Ферг усмехнулся: – Даже гадать не надо. Вы бы оказались на острове раньше и справились лучше, чем я. Ну что вы так смотрите? Мы знакомы уже несколько месяцев, и я успел привыкнуть к тому, что вы всегда успеваете раньше.

Она отвела взгляд. Спросила тихо:

– А Лорант? Я могу его повидать?

– Он здесь, в доме. Идем! – Ферг протянул ей руку.

Но вместо того, чтобы принять помощь, Бела внезапно и неловко обняла его, прижалась на миг, уткнувшись лицом в грудь. Потом так же быстро отстранилась. Смущенно сказала:

– Простите…

– Бела, пойдете со мной?

– На край света?

– Для начала в Агер. Надо вернуть Лисию отцу. А потом кто знает. Может, и до края света придется…

notes

Примечания

1

Историю Дальгерта Эстана можно прочитать в романе Н. Карабановой «Сердце твари».

2

Корпораль – воинское звание в Паннонской армии, идущее сразу после рядового.

3

Подробней о мастере Берте Туули читайте в романе Эрика Гарднера «Владыки Брандея».

4

Лойтнант – офицерское звание в армии Северной Паннонии, соответствующее командиру (иногда – помощнику командира) пехотной сотни. В гусарских полках это мог быть также штабной офицер или командир взвода.

5

Риттмайстер – звание, встречающееся исключительно в гусарских полках Северной Паннонии и Моравии, приблизительно соответствующее званию капитана.